ФАНТАСТИКА
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ЕСЛИ

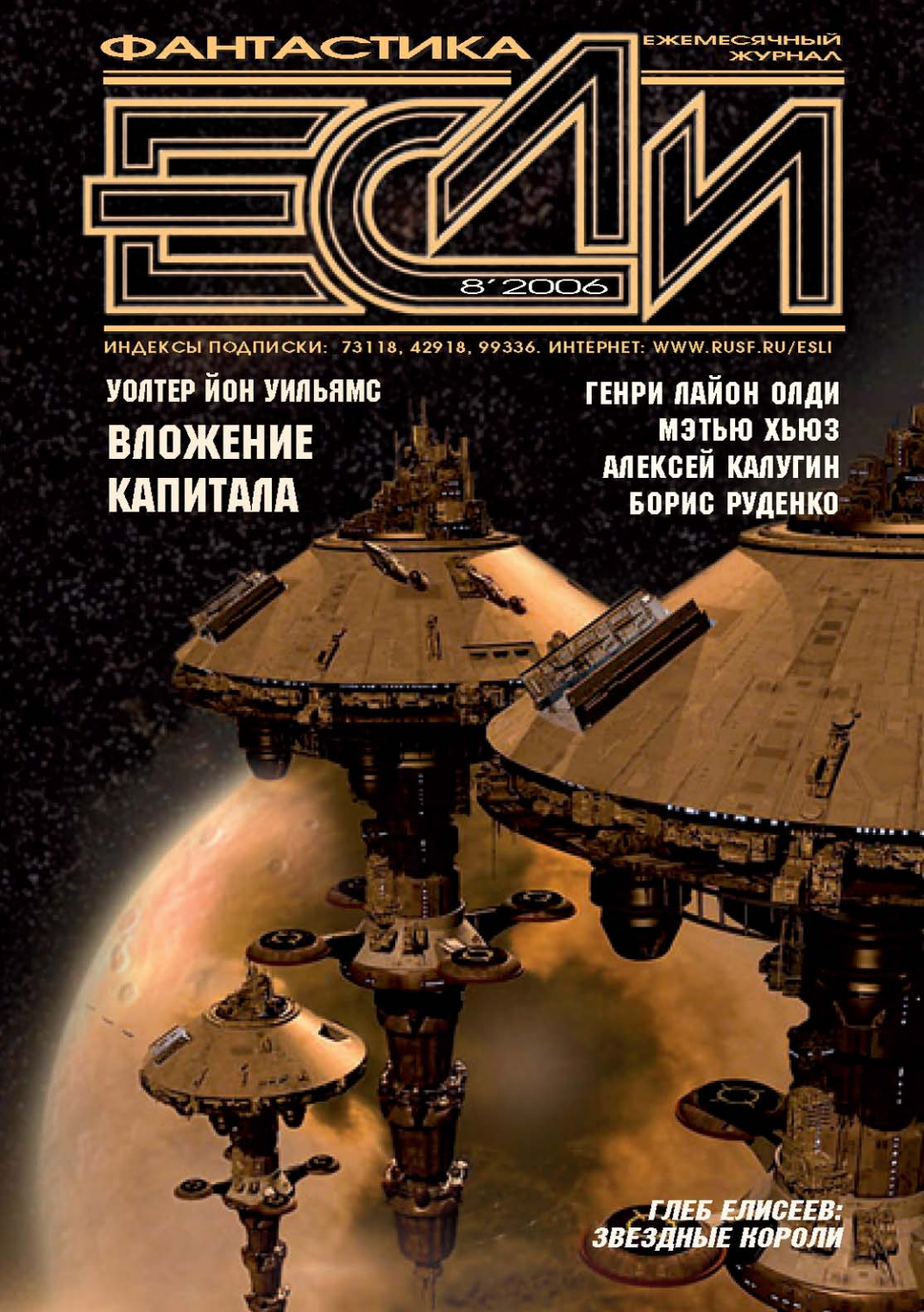
8'2006

ИНДЕКСЫ ПОДПИСКИ: 73118, 42918, 99336. ИНТЕРНЕТ: WWW.RUSF.RU/ESLI

УОЛТЕР ЙОН УИЛЬЯМС

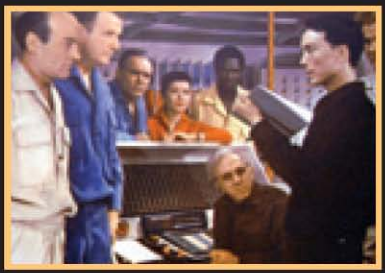
ВЛОЖЕНИЕ КАПИТАЛА

ГЕНРИ ЛАЙОН ОЛДИ
МЭТЬЮ ХЬЮЗ
АЛЕКСЕЙ КАЛУГИН
БОРИС РУДЕНКО



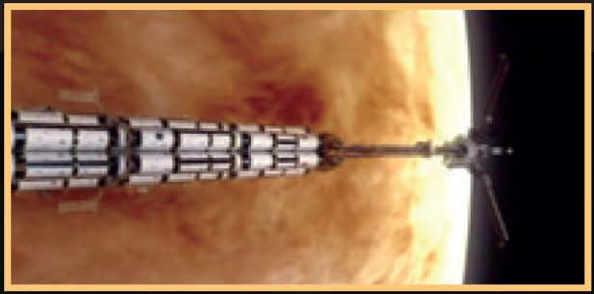
ГЛЕБ ЕЛИСЕЕВ:
ЗВЕЗДНЫЕ КОРОЛИ

КИНОСУДЬБА УТРЕННЕЙ ЗВЕЗДЫ



Команда советского космического корабля «Космократор I» («Безмолвная звезда», 1959)

Венерианский динозавр («Планета бурь», 1961)



Космический корабль «Пегас» на венерианской орбите («BBC: Космическая одиссея. Путешествие по планетам», 2004)

Венера в будущем («Азирис Нуна», 2006)

РЕДАКТОР ЖУРНАЛА:
Александр ШАЛГАНОВ.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ РЕДАКТОРА:
Елена БОСОВСКАЯ.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:
Татьяна МУРИНА.

РЕДАКЦИЯ:
Екатерина АРОЯН,
Дмитрий БАЙКАЛОВ,
Владимир ГУБАРЕВ,
Михаил КОМАРОВСКИЙ,
Евгений ХАРИТОНОВ,
Тамара ШЕЛАМОВА,
Людмила ЩЁКОТОВА.

ТВОРЧЕСКИЙ СОВЕТ:
Эдуард ГЕВОРКЯН,
Александр ГРОМОВ,
Олег ДИВОВ,
Марина и Сергей ДЯЧЕНКО,
Евгений ЛУКИН,
Сергей ЛУКЬЯНЕНКО,
Владимир МИХАЙЛОВ,
Борис СТРУГАЦКИЙ.

ОБЛОЖКА:
Игорь ТАРАЧКОВ.

ИЗДАТЕЛИ:
Издательский дом
«Любимая книга»,
ЗАО «Асмэръ».

АДРЕС ДЛЯ ПЕРЕПИСКИ:
МОСКВА, 119435,
Б.Саввинский пер., д. 9,
ИД «Любимая книга»,
журнал «Если».

ЭЛЕКТРОННАЯ ПОЧТА:
esli@rusf.ru, if@esli.ru

САЙТЫ ЖУРНАЛА:
www.rusf.ru/esli, www.esli.ru

КОНТАКТНЫЕ ТЕЛЕФОНЫ:
248-08-90, 248-08-91.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ:
ИД «Любимая книга»,
тел. 248-21-90.

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДИСТРИБЬЮТОРЫ:
«Наша пресса», АРП «Регион»,
«Сейлс», «Метропресс» СПб,
ХК «Сегодня пресс»,
«ЗРС Периодика»,
«Роспечать», ДМ Пресс.

Журнал зарегистрирован
в Комитете РФ по печати.
Свидетельство ПИ № 77-7491.

Отпечатано в ОАО
ордена Трудового Красного
Знамени «Чеховский
полиграфический комбинат».
142300, г. Чехов Московской обл.,
тел./факс (501) 443-92-17,
(272) 6-25-36.
E-mail:marketing@chpk.ru

Тираж 15 000 экз.

Перепечатка материалов
допускается только
с разрешения редакции.
Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.
Редакция вступает в переписку
только на страницах журнала.
Редакция не несет
ответственности за содержание
рекламных объявлений.
© «ЕСЛИ», 2006

ФАНТАСТИКА ЕСЛИ
№ 8(162)
ISSN0136-0140

49 Николай ГОРНОВ
ПРОЕКТ «ОРАКУЛ»
Афера галактического масштаба приводит к странным событиям. Вряд ли герой сумел бы понять происходящее без помощи загадочного артефакта.

171 Уолтер Йон УИЛЬЯМС
ВЛОЖЕНИЕ КАПИТАЛА
Жанры экономического детектива, НФ-боевика и катастрофы сливаются в одно широкомасштабное полотно, имя которому — космоопера.

3 Генри Лайон ОЛДИ
ЦЕЛЬ ОПРАВДЫВАЕТ СРЕДСТВА
Героиня молода, амбициозна, лишена комплексов и чихать хотела на всякие условности. И чихает, причем весьма результативно.

13 Мэтью ХЬЮЗ
КУЧА ВОЗМОЖНОСТЕЙ
Ровно год не встречался наш читатель с Гутом Бандаром, отважным исследователем ноосферы. Вернее, целых двух, и побывать можно в каждой.

105 Сергей КУПРИЯНОВ
СКОРОСТЬ НА ФИНИШЕ
На участие в элитарных космических гонках подают заявку два брата, владельцы допотопного «корыта»...

131 Борис РУДЕНКО
СЛАБОЕ ЗВЕНО
Космические дальнобойщики, совершающие полет, однажды понимают, что вернуться на Землю им не суждено.

155 **Алексей КАЛУГИН**
КАКТУС
Отслуживших свое роботов утилизируют, не правда ли?

115 **Антон ПЕРВУШИН**
ПЛАНЕТА ДИНОЗАВРОВ
Долгое время кинематографисты в своих представлениях о Венере исходили из неверных научных данных.

129 **Дмитрий БАЙКАЛОВ**
БОМБЫ В СТИЛЕ НУАР
Всякие жанры были представлены в рубрике «Видеодром». Но словарей еще не случалось...

125 **ВИДЕОРЕЦЕНЗИИ**
Мистика, хоррор, комикс, НФ... Фильмы на любой вкус, но вот со вкусом у создателей не все в порядке.

269 **Глеб ЕЛИСЕЕВ**
БИТВА ЗА РЕПУТАЦИЮ
Этот жанр с момента своего рождения подвергался издевательствам со стороны критиков и пользовался большой любовью у читателей.

279 **РЕЦЕНЗИИ**
Сегодняшняя книжная полка демонстрирует все разнообразие современной фантастической прозы — от мрачных дистопий до НФ-бурлеска.

286 **Мария ГАЛИНА**
КЛУБ ОДИНОКИХ СТРЕЛКОВ
Похоже, что метод бригадного подряда становится традиционным для харьковской прозы.

300 **КУРСОР**
Новостная сиеста в период отпусков? Только не в фантастике!

288 **«АЛЬТЕРНАТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ»**
Если хочешь стать писателем, стань им, прислав свой рассказ на конкурс.

296 **Владимир МИХАЙЛОВ**
УЧАСТНИКИ ВСЕЛЕНСКОЙ ПРОГРАММЫ
Мэтр российской НФ не согласен с большинством участников очередного интернет-голосования.

303 **ПЕРСОНАЛИИ**
Этим авторам доподлинно известно: за пределами Земли жизнь существует.

ГЕНРИ ЛАЙОН ОЛДИ

ЦЕЛЬ ОПРАВДЫВАЕТ

Иллюстрация Владимира БОНДАРЯ

СРЕДСТВА

На Клавине, рудной планете 4-го класса, изыскатели разбили свои лагеря в близком соседстве с посадочной площадкой. Но местная администрация даже не попыталась навести порядок...

Из докладной записки Виктора Кодье, врача–токсиколога.

Обуреваемая сомнениями, Лена остановилась в самом низу лестницы. Если она немедленно не ввяжется в какую-нибудь авантюру, которая сулит быстрое обогащение — значит, с ней, Леной Перл, случилось самое страшное: она стала благоразумной!

С другой стороны, поддельный диплом геологоразведчика, контракт с «Interstellar Mines» и прилет на Клавину в составе экспедиции — все это от начала до конца было чистой воды авантюрой. Хорошие ставки, «дальние» надбавки и реальный шанс «вскрыть жилу» влекли сюда многих. Контракт предусматривал немалое разовое вознаграждение либо долю с разработок «уникальных месторождений», найденных разведчиком.

По дороге сюда Лене довелось проштудировать зубодробительный курс по прикладной геологии. Убивать пять лет бесценной молодости на университет она не собиралась, но знания были необходимы. Иначе как она управится с оборудованием или поймет, что набрела на «рениевую пробку», а не на банальный магнетит, которого здесь — как соленой воды на Старой Земле?!

Выручил Лену гипноадаптер пакетного сжатия, втихаря позаимствованный ею на выставке обучающих технологий. Модель еще не запустили в серию, тестируя на предмет побочных эффектов. Но Лена рискнула (так с ней бывало часто) — и выиграла (это, к сожалению, случалось заметно реже). Гипнокурс с грифом «для служебного пользования», добытый также не вполне законным путем, аккуратно улегся в голове, дав возможность сразу по прибытии на Клавину рьяно приняться за дело.

Подумать только: два года она честно вкалывала! На задворках Галактики, год — под временным куполом, еще год — в сборном домике, где то и дело случались перебои с горячей водой. Из развлечений в поселке имелись бар с дансингом в старом жестяном ангаре да фильмотека со всяким старьем вроде «Терминатора-65». Раз в квартал на банковский счет уходило жалованье: ставка, надбавки, премии...

Но, черт возьми, ей требовался настоящий куш, а не эти подачки!

Пешка ломилась в ферзи.

Правда, на Клавине она встретила Виктора, врача-токсиколога, похожего на романтического мачо — если только среди мачо бывают такие мямли и рохли. Пять предложений руки и сердца, в ответ — три категорических отказа и два обещания подумать... Любой идиот догадался бы, что пора ограбить инкассатора компании, стать миллионером — и возлюбленная мигом упадет к твоим ногам!

Увы, Виктор оказался тугодумом.

Два вырванных из жизни года — веганскому жабоглазу под хвост! Срок контракта истекает на будущей неделе, и если не предпринять решительных действий...

С минуту Лена колебалась. Плюнуть на все, выбраться на поверхность и срочно разработать новый потрясающий план, который можно было бы осуществить за оставшееся время? Или все-таки добраться до конца штрека, прорытого за ночь автопроходчиком, и взять образцы?

Вдруг напоследок повезет?

Ободряя девушку, в глубине выработки прилежно гудел автопроходчик. Старается, железяка! Ладно, последняя попытка. Привычным жестом взлохматив роскошную «платиновую» челку, Лена надела каску и зашагала вперед. Включив мощный фонарь на кварковой батарее, она внимательно осматривала стены, но судьба показывала ей очередной кукиш.

В конце штрека по стене, отполированной ультразвуковыми сверлами и оплавленной лазерными бурами, змеилась трещина. Так и до обвала недалеко! Нельзя было ставить лагерь и закладывать шахты рядом с посадочной площадкой. Когда садился грузовик, ее домик с перепугу подпрыгивал, словно намереваясь выйти на орбиту...

Лена посветила в трещину. Пещера? Или просто малая каверна в породе? Прильнув к разлому, она пыталась разглядеть, что находится там, в глубине. От ее дыхания в воздух взлетело облачко золотистой пыльцы. Не удержавшись, девушка оглушительно чихнула. А мигом позже пришло решение. Простое и очевидное, как все гениальное. И как она раньше до этого не додумалась?

Нестандартные образцы с дальних точек, описания и карты. Их еще не отправили в центральный офис компании. «Interstellar Mines» ведет на Клавине разработки, но монополии у компании нет. Их конкуренты — к примеру, «Space Ore Ltd.» — заплатят хорошие деньги за чужие секреты.

Очень хорошие!

Ограбление — вот как называлось то, что намеревалась совершить Лена Перл, симпатичная авантюристка двадцати четырех лет от роду.

Ее не пугал тот факт, что она еще никогда никого не грабила. Аферы, мошенничество, мелкие кражи, поддельный диплом — но ограбление, да еще с последующим угоном грузового звездолета...

Мысль об угоне посетила ее в последний момент.

И показалась чрезвычайно привлекательной.

— Куда вы так спешите, мадемуазель Перл?

Девушка не ответила, продолжая с целеустремленностью робота шагать к складам. Но у Мишеля Дюраньяка сегодня было хорошее настроение и полно свободного времени. К тому же с недавних пор Мишель вновь начал интересоваться особями противоположного пола — с того момента, как доктор Виктор Кодье наконец вылечил его от эйфориновой зависимости.

— Вам улыбнулась удача? Вас можно поздравить? Но ваша сумка для образцов, если не ошибаюсь, пуста...

Лена молчала. Ей было не до Мишеля. Чихать она на него хотела! Собственно, так она и сделала: обернулась на ходу к назойливому кавалеру и чихнула прямо на Дюраньяка. Кавалер застыл на месте, словно получил разряд из пара-фризера, моргнул — и тоже громко чихнул вслед удаляющейся мадемуазель Перл.

Еще секунда, и Мишель ринулся в сторону медицинского центра.

Он бежал так, словно от скорости зависела его жизнь.

Попасть на склад мог беспрепятственно любой желающий: запасы руды вряд ли интересовали воров. Ценность отдельного куска невелика, а десяток тонн в руках не унесешь. Но в блоке «В», где хранились нестандартные образцы, охранник имелся. Кроме него за широким прилавком из алюмопласта восседал Марк Гринберг, приемщик компании — брюзга и мизантроп.

— Вы что-то принесли? — зевнув, осведомился он.

Здороваться приемщик считал излишним.

— Нет. Пришла кое-что забрать.

Брюзгливое выражение на лице Марка начало вытесняться удивлением. Но до конца метаморфоза не дошла — опершись о прилавок, девушка чихнула прямо на приемщика.

Словно выстрелила.

В ответ Марк широко улыбнулся, выложил перед собой стопку актов приемки и принялся складывать из них дивных журавликов и чудесных лягушек. Для изготовления хризантем он пользовался миниатюрными ножницами, которые достал из портфеля. Охранник некоторое время смотрел, как приемщик отдается искусству оригами, а

потом чихнул и покинул склад, громко распевая спиричуэлс «Go down Moses».

Путь был свободен.

Ключ к сейфам, где хранились образцы и документация, Марк без возражений отдал Лене, лишь бы она не мешала ему складывать особо изысканного голубя. А воспользоваться ключом смог бы и ребенок.

Виктор Кодье, смуглый брюнет тридцати лет от роду, сидел в кресле, закинув ногу на ногу, и просматривал очередной выпуск «Медицинского вестника». Время от времени он отхлебывал глоток кофе и хмурился. Его коллеги на Тангаре-II и Клементине занимались настоящим делом! Растительные алкалоиды, бактериальные токсины, галлюциногены с уникальными свойствами... Открытия делались пачками, описания свойств приводили в тихий восторг и возбуждали в молодом токсикологе острое чувство зависти.

Ну почему судьба занесла его на Клавину? Опасные микроорганизмы отсутствуют, животные не ядовиты, флора нейтральна... Удалось выделить пару слабеньких токсинчиков, но в итоге они оказались близкими аналогами уже известных соединений. Ну да, он не только исследователь, но и врач. А толку? Если коллеге-хирургу есть чем заняться — одна вчерашняя поножовщина чего стоит! — то ему делать абсолютно нечего. Выводить из запоя горняков? Лечить пилюлями Шредера диарею у поварих? Спасать Мишеля, подсевшего на эйфорин?

Хорошо, Мишеля спасли.

Что дальше?

Есть, конечно, загадки и на Клавине. К примеру, паническое бегство стад животных из предгорий, расположенных в четырех милях от поселка. Казалось бы, никакой видимой опасности — а стада вдруг срываются с места и несутся, пыля, по равнине, чтобы за полчаса скрыться за горизонтом. Что гонит их прочь с облюбованных пастбищ? Нападения хищников? Здесь нет таких хищников, чтобы заставить спасаться бегством гигантов-элефантериев! Мелкие землетрясения, вызванные притяжением огромного спутника Клавины? Вряд ли...

Эту тайну Виктор долго тщился разгадать, однако не преуспел. Ничего, до конца контракта — четыре дня, а потом он улетит отсюда, с месяц отдохнет на Старой Земле и добьется направления на Сальферну или Пандемониум — вот где настоящий рай для токсиколога!

От мыслей Виктора отвлек шум на улице. Раздвинув жалюзи, он увидел, что возле химической лаборатории собралась толпа. Какой-то человек, взобравшись на пластиковую бочку из-под горючего, декла-

мировал стихи. Приглядевшись, токсиколог узнал Игоря Сенина, коллегу-хирурга.

«Что это на него нашло? Сенин — человек уравновешенный, к эпатажу не склонный...»

Прервав декламацию, Сенин чихнул — и продолжил выступление. Толпа вокруг него стала быстро редеть. Чихая, люди расползались, как муравьи, у которых объявились важные дела в родном муравейнике.

Дверь распахнулась без стука.

— Эйфорин, доктор! — в кабинет ввалился Мишель Дюраньяк. — Я знаю, у вас есть!

— Я не для того лечил вас, Мишель...

— Эйфорин!

Мишель схватил врача за грудки, встряхнул с неожиданной силой.

— Где он?!

— Что вы себе позволяете?!

— Убью!

Тяжелая кювета из фарфора обрушилась на голову Мишеля в тот самый миг, когда наркоман вдруг жалко сморщился и чихнул в лицо Виктору. Дюраньяк разжал пальцы и кулем повалился на пол.

Но доктор даже не взглянул на него.

Клятва Гиппократа — ерунда! Помощь раненому — успеется! Переступив через бесчувственное тело пациента, Виктор бросился в лабораторию. Наконец-то у него появилась настоящая работа.

Поселок быстро сходил с ума.

Шамиль Джалилов, начальник экспедиции, на полу столовой занимался любовью с поварихой Матильдой. Судя по вздохам и стонам, повариха не возражала. Чуть дальше, у раздаточного лотка, геолог Беата Хоффер — красотка, стройная как манекенщица — жадно поглощала спагетти, зачерпывая их обеими руками из общей кастрюли. Поведение любовников ее не смущало.

Грузчик Ян сидел у кухонного компьютера, с увлечением расстреливая косматых монстров. Шеф-повар хотел было возмутиться, но грузчик чихнул, и шеф-повар ушел на космодром: спорить со штурманом Назибуллой о падении нравов среди молодежи.

В баре охранник рудного склада, не прекращая распевать спиричуэлс, ухватил без спросу литровую бутылку «Remi Martin XO» и принялся опустошать ее из горлышка. В ответ на возглас бармена «А кто платить будет?!» охранник чихнул, забрызгав коньяком полбара, и продолжил возлияние. Бармен же сделался задумчив и удалился в каморку за стойкой. Вернулся он с мольбертом, холстом и красками —

и, выйдя на улицу, принялся лихорадочно писать пейзаж: сиреневые горы в дымке, долина, замершая в преддверии грозы...

Выходило неплохо.

С полдюжины завсегдатаев бара тем временем самозабвенно вливали в себя дозы горячительного, которых хватило бы для заправки космического челнока. Остальные разбежались: кто — бить морду предполагаемому хахалю супруги, кто — требовать немедленной прибавки жалованья, а кто — на посадочную площадку, желая немедленно покинуть эту Богом забытую дыру.

Охранник, прикончив коньяк, заснул под стойкой со счастливым лицом человека, достигшего своей цели.

Люди дрались, совокуплялись, пели песни и занимались еще черт знает чем прямо на улице. Мимо них спешили другие люди, не обращая внимания на творящееся вокруг. У каждого имелось срочное дело, которым необходимо было заняться прямо сейчас.

Лена загнала тележку-антиграв в трюм грузового транспорта «Геркулес». Тележка была под завязку нагружена пронумерованными образцами. Чипы с описанием и карты лежали в сумке, висевшей у девушки на плече.

Для угона корабля требовалось оружие. Мощный лучевик Лена без труда отыскала в пустующем полицейском участке. Дальше возникла заминка: она никак не могла найти кого-либо из членов экипажа «Геркулеса». А умение управлять грузовиком не числилось среди ее всевозможных талантов.

Наконец обнаружился штурман Назибулла — он дрых в каюте, утомленный диспутом с шеф-поваром.

Крики и пощечины не произвели на штурмана никакого впечатления. Однако, когда Лена опрокинула на голову Назибуллы ведро холодной воды, штурман проснулся, отобрал у угонщицы лучевик, который она забыла снять с предохранителя, скрутил руки отчаянно брыкающейся и визжащей авантюристке, втолкнул ее в ближайшую кладовку и там запер. После чего, наскоро высушив волосы ионным феном, лег спать дальше.

Он уже месяц мечтал выспаться как следует.

* * *

— Виктор, дорогой, что же все-таки случилось?

Лайнер «Монпарнас» разгонялся, выходя из системы. В двухместной каюте класса «люкс» перегрузки не чувствовались. За кормой таял шарик Клавины — сапфир с прожилками малахита.

Планета улыбалась, вспоминая вчерашнюю потеху.

К обеду люди начали приходить в себя. Они плохо помнили случившееся. К примеру, штурман Назибулла, проснувшись, никак не мог взять в толк, откуда в кладовке для инструментов взялась запертая девушка. Однако пленница ничего объяснять не стала, а стремглав умчалась прочь.

На счастье Лены, приемщик в блоке «В» отсутствовал, а охранник до сих пор валялся под стойкой бара. Ей удалось без помех вернуть похищенное и ускользнуть незамеченной. Образцы и чипы она свалила прямо на прилавок. Разберутся как-нибудь! Это ж надо было отважиться на подобное безрассудство! А она еще опасалась, что становится благоразумной...

Вечером к ней зашел Виктор — усталый, но сияющий.

— Дорогая, ты мечтала о принце на белой яхте?

— И где же твоя яхта, принц? — фыркнула Лена.

Виктор победно усмехнулся:

— Ждет на Тиганской космоверфи. А пока что могу предложить два билета на лайнер!

Он вставил кредитный чип в приемник терминала и пробежался пальцами по клавиатуре. Кроме изображения яхты, купленной час назад за сумасшедшие деньги, на экране высветились фотография и личные данные владельца — Виктора Кодье.

Лена тихо охнула.

— Откуда?!

— Отсюда, — Виктор постучал себя по лбу. — Поздравь меня: я сделал открытие! Фармацевтическая корпорация «Belladonna» уже предложила мне лабораторию. Яхта — это пустяк. Восемь процентов аванса...

— Ты не шутишь?

— Нет. Когда наша свадьба?

— Сегодня!

Лена с визгом бросилась на шею жениху. Она не знала, зачем женщины визжат, однако мужчины от визга балдели. Новый Виктор — напористый и, главное, богатый — устраивал ее на все сто. Кажется, ей удалось-таки сорвать куш...

Лишь в каюте «Монпарнаса» она окончательно поверила в реальность происходящего.

— Что же все-таки случилось, дорогой? Уж мне-то можно не вкручивать про «массовый психоз»!

— Психоз придумало начальство. Иначе планету закрыли бы на карантин, сделав нас подопытными кроликами. И компании убытки, и нам мало радости.

— А вдруг это действительно опасно?

— Не волнуйся, дорогая. Это споры Fungus Kodier. Пещерный гриб, эндемик, склонный к распространению.

— Через людей?!

— Успокойся, — Виктор поцеловал молодую жену. — На млекопитающих он не паразитирует. Мы для него — только переносчики спор. Вроде пчел.

— Но пчелы не сходят с ума от цветочной пыльцы!

— Никто из нас не сошел с ума, любовь моя. Просто мы наконец занялись тем, чего хотели. Пошли кратчайшим путем к главной цели. Все физические и умственные силы брошены в дело! Представляешь? — глаза Виктора горели. — В таком состоянии человек способен горы свернуть! Я за два часа решил загадку, которая мучила меня два года!

«Какое счастье, — подумала Лена, — что моя цель осталась для него тайной...»

— Но зачем грибам это нужно?

— Стада, зараженные спорами, спешат уйти от землетрясений. Споры гриба усиливают это стремление, обращая их в паническое бегство. У животных, в отличие от людей, ограниченный набор целей: питание, размножение, инстинкт самосохранения... Мой гриб также желает размножаться, и стада разносят его споры как можно дальше, расширяя ареал обитания. Алкалоид Fungus Kodier действует около двух часов, но я не знаю, все ли споры вышли из наших организмов. Возможны рецидивы. Интересно, передается ли это по наследству...

— По наследству?

Виктор пожал плечами.

— Если да, дорогая, то в сильно ослабленном виде.

— Ничего, я согласна. Тогда у нашего сына есть шанс вырасти не таким рохлей, как его отец...

Она внезапно изменилась в лице.

— Погоди! Но ведь ты говорил, что я — единственная цель и смысл твоего существования!

— Я и сейчас готов это подтвердить, дорогая! — рассмеялся Виктор.

— Тогда почему же, заразившись, ты кинулся не в мои объятия, а в лабораторию? Ты что, врал мне? Работа для тебя важнее моей любви?! Изменник, мерзавец!.. Говорила мне мама: все мужчины — подлецы...

Новый брак, как и положено, начинался со скандала.

А за кормой исчезала коварная Клавина.

❑

журнал
АНТИКВАРИАТ
ПРЕДМЕТЫ ИСКУССТВА
И КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЯ
Ваш гид по рынку
Достоверная информация
и реальные цены
Подписка:
◆ по каталогу ООО «Межрегиональное агентство подписки» (кроме Москвы) — индекс 99438;
◆ по каталогу «Пресса России» — индекс 45720;
◆ в отделе распространения, тел. (095)248–6819.
Адрес: 119435, Москва, Б.Саввинский пер., 9.
Тел.: (095)248–2090 (редакция), 248–6819
(отдел распространения), тел./факс: 248–2190.
www.antik.ru, e–mail: info@antik.ru (редакция),
sales@uuu.ru (отдел распространения)

МЭТЬЮ ХЬЮЗ

КУЧА

Иллюстрация Владимира ОВЧИННИКОВА

ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Наш путь, дорогой читатель, лежит в предпоследний год Старой Земли, за миллиард лет до Умирающей Земли Джека Вэнса. Но здесь мы попадаем во время, где все занесено на карту и все известно заранее.

Теперь поговорим насчет Общего (коллективного) бессознательного, где все мечты становятся очевидными. Отважны те ноонавты, которые вторгаются в их царство.

Да, люди добрые, здесь мы начинаем новое повествование о Гуте Бандаре. Эта история возвращает нас к дням молодости Бандара и позволяет предположить: все-таки бывает что-то новое под Солнцем.

— Твое дело молчать. Говорить буду я, — прошептал наставник Хаффли Гуту Бандару, едва они вошли в каменную лачугу с низким потолком. Вот почему молодой студент, чинно сложив руки и прикусив губу, скромно сидел на жестком стуле у двери, пока престарелый наставник торговался с его высокопреосвященством Малабаром, седобородым аскетом, признанным главой этого монастырского поселения.

— И как вы собираетесь действовать? — допытывался его высокопреосвященство.

Хаффли неопределенно покрутил рукой.

— О, методы весьма обычные. Оценить элементы, определить параметры, идентифицировать парадигму, урегулировать взаимодействия.

Чело патриарха омрачилось.

— Мы заплатили огромные деньги, чтобы доставить вас и вашего помощника со Старой Земли, не для каких-то оценок и определений, — заявил он. — Нам необходимы действия, по возможности, энергичные, решительные и быстрые. Мы не можем размышлять в тишине и покое, пока вокруг продолжается этот невыносимый гам.

— Вы совершенно правы, — согласился наставник. — В таком случае, нам лучше приступить к делу.

— Я покажу вам, — кивнул патриарх и пошел вперед, показывая дорогу.

Значит, это и есть Секвестранс! Бандар следовал за наставником, то и дело осматриваясь. Они пересекли открытую центральную площадь, вымощенную чисто подметенными плитами из твердого сланца и окруженную аккуратными рядами куполообразных хижин без окон, выстроенных из одинакового серовато-коричневого камня, который

вместе со щебенкой и гравием и составлял все приметы пейзажа, отмеченные Бандаром в этом отдаленном и скромно устроенном мире, называемом Гамзой. Для того чтобы очутиться здесь, им пришлось проехать едва ли не половину Спрея. На дальней части площади стоял купол чуть побольше, с низким потолком, но достаточно просторный, чтобы вместить весь поселок. Бандар подошел к широкому арочному входу, заглянул внутрь и увидел, что голые полы покрыты рядами плоских широких мисок из отполированного дерева. Около каждой лежал тканый коврик для медитации.

Справа от него десятки рясо- и сандаленосцев трудились в саду, обихаживая грядки с бобами, которые, очевидно, не слишком охотно росли на неприветливой почве. Остальные накачивали воду из центрального колодца, цепляли ведра на коромысла и таскали к грядкам. Высокое белое солнце, висевшее прямо над головами, должно быть, испаряло влагу сразу после того, как последние капли скатывались в почву. Бандар подумал об этом, чувствуя, как под костюмом-двойкой по спине и груди ползут струйки пота.

От главного здания дорожка резко сворачивала в сторону, и Бандар предположил, что они направляются к стене, окружавшей Секвестранс... ну, окружавшей-то окружавшей, но, как видно, не совсем. Ограда, в три раза выше его, все еще возводилась, хотя и была близка к завершению: недаром две бригады трудились, не покладая рук. Одна фрагментером разбивала породу на куски подходящего размера, другая укладывала камни в стену. Дюжий детина с агрегатором через плечо заглаживал неровные места, плавя камни в единый монолит.

Никто из трудившихся не приостановился, чтобы взглянуть на патриарха и двух незнакомцев, которые шествовали по площади и как раз проходили мимо работавшего на автопилоте экипажа, забравшего Хаффли и Бандара из крошечного космического порта: две необслуживаемые стартовые площадки и убогая лачуга. Здесь приземлилось грузовое судно «Эброн», высадившее их на единственном континенте планеты. Главной задачей экипажа было забрать несколько тяжелых ящиков, содержащих, судя по назойливому звяканью, сельскохозяйственные орудия. Наставнику и ученику пришлось сидеть на этих ящиках во время короткого полета над унылой пустыней до самого Секвестранса. У бедняг всю дорогу сводило скулы и ныли зубы от воя неотрегулированных антигравитационных приборов. Бандар отметил, что никто не позаботился вытащить груз.

Дорожка заканчивалась лестницей, ведущей на площадку, которая

тянулась по всей длине южной стороны ограды. Здесь патриарх принял величественную позу и картинно выбросил вперед руку.

— Это позорное пятно на лике планеты — творение Рала Базуана! — объявил он с таким брезгливым видом, словно съел нечто крайне неаппетитное, и широко повел рукой. Сцена, представшая перед глазами Бандара, разительно отличалась от суровой простоты Секвестранса. Сразу за оградой начинался пологий спуск, у основания которого тянулись дальше к югу разнокалиберные убогие палатки и автофургоны. Костюмы всех цветов радуги, перепалка и перебранка на языках нескольких миров оглушили и ослепили Бандара, который молча взирал на толпы народа, снующего туда-сюда по узеньким извилистым тропинкам, и отдельных его представителей, то и дело шмыгавших из двери в дверь.

На дальнем конце палаточного городка строилось более основательное сооружение. Рабочие собирали уже готовые детали, возводя второй этаж отеля «Сплендор» — так, по крайней мере, похвалялась вывеска над входом. Первый этаж уже вовсю действовал как салун — судя по трио пьянчужек, вывалившихся из раскачивающихся дверей. Кое-как поддерживая друг друга, приятели доковыляли до следующего заведения — большой палатки на нескольких опорах. На деревянном щите красовалось аляповатое изображение двух обнаженных женщин, державших табличку: САД НАСЛАЖДЕНИЙ.

И тут Бандар увидел экскурсионный автобус с открытым верхом и истертыми шинами, подъезжающий к «Сплендору». Места быстро заполнялись ожидавшими на крыльце людьми, в основном, мужчинами, но и женщины тоже присутствовали. Пассажиры оживленно переговаривались, пока автобус медленно и с натугой катился на юг, к гряде низких холмов.

— Невыносимо! — возмущался Малабар.

— Вы совершенно правы, — согласился Хаффли. — Да и кто бы такое стерпел?

— А вы можете это прекратить? Наша медитация требует покоя!

Хаффли снова небрежно взмахнул рукой.

— Не вижу проблем.

Бандар изумленно хлопнул глазами. До сих пор он не подозревал, что наставник достиг таких высот искусства в очистке местности от трущоб. К сожалению, эти мысли настолько явно отразились на его физиономии, что патриарх, глянув в его сторону, немедленно повернулся к Хаффли, чтобы уже внимательнее изучить бесстрастное лицо академика.

— Но вы действительно проделывали это раньше? — с подозрением осведомился он. — Ваше сообщение предполагало не только большой опыт, но и поразительную компетенцию.

— Бесчисленное количество раз, — заверил Хаффли. — Институтских ученых часто призывают улаживать подобные несложные задачи. Итак, если вам больше не о чем нас просить, мы, пожалуй, приступим к делу.

Подозрение еще таилось в сведенных бровях и поджатых губах Малабара, но он все же нехотя изрек:

— Время полуденной медитации. А вы приступайте к работе. Но поторопитесь! Эти беспорядки мешают нам достичь истинной святости, а такого мы не потерпим!

В последний раз злобно оглядев палаточный городок, он стал спускаться.

— Мастер, — робко поинтересовался Бандар, — что вы сказали людям?

— Тебя это не должно занимать, — коротко ответил наставник.

Бандара так и подмывало возразить, хотя редкий студент Института исторических исследований посмел бы задать вопрос старшему наставнику, вроде профессора Хаффли, не говоря уже о том, чтобы бросить ему вызов. Но с самого момента прибытия в Секвестранс молодого человека одолевали недобрые предчувствия.

— Его преосвященство переполняет великий гнев, опасно натянувший тонкую струнку терпения, — осторожно заметил он. — Сомневаюсь, что он спокойно воспримет нарушение его планов.

Лицо Хаффли окаменело.

— Не дело студента... — начал он, но остаток фразы заглушило звяканье металла о металл. Повернувшись, Бандар увидел человека, стоявшего посреди центральной площади. Тот мерно колотил черным железным прутом по кружку из того же металла, свисавшего с деревянной рамы. Все рясоносцы немедленно бросили свои дела и устремились к главному зданию. По пути многие останавливались у колодца, чтобы зачерпнуть ковшом воды из бочонка и жадно выпить.

— Пойдем, — велел Хаффли, — пока они заняты.

И повел ученика к тому месту, где ограда обрывалась. Бандар заметил, что в ней нет ни ворот, ни даже материала для их постройки. И не преминул сообщить наставнику, что это обстоятельство кажется несколько странным.

— Да все эти люди странные по определению, — пожал плечами

Хаффли. — Иначе не прозябали бы в пустыне безнадежно старомодного и почти необитаемого мира.

Они прошли через брешь и несколько минут следовали вдоль западной стороны ограды, пока не добрались до тропы, ведущей в другое поселение. Хаффли продолжал разглагольствовать о спонсорах, заплативших за переезд до Гамзы. Бандар подозревал, что таким образом его стараются отвлечь от нескромного вопроса, но приходилось с вежливым видом выслушивать длинную тираду, как и подобало студенту знаменитого Института.

— Малабар возглавляет секту, отделившуюся от Почитаемого Общества Гидромантов на Баллианхоуве, — пояснил далее наставник.

Бандар хорошо знал и тот культ, и тот мир. Баллианхоув был одной из Основных Территорий, основанных очень давно, во время великого исхода из Старой Земли, покончившего с детством человечества. Теперь этот мир тоже считался старым: богатым, приветливым, доброжелательным, словно специально созданным для эзотерических увлечений тех личностей, чьи потребности удовлетворялись без особого труда с их стороны. Гидромантия была древним искусством, ныне возрожденным среди праздных слоев населения Баллианхоува. Последователи этого культа в поисках контакта со вселенной, лежавшей вне или внутри них, часами таращились в водоемы и резервуары со стоячей жидкостью, в качестве которой обычно использовалась очищенная вода, а иногда даже масла или природные вещества.

— Его высокопреосвященство разочаровали обряды Почитаемого Общества, — продолжал Хаффли. — Его посетило откровение, заключающееся в том, что способность проникновения в суть вещей бывает гораздо глубже, если созерцаемая жидкость, как он выразился, зарождается в самом ищущем.

— Хотите сказать, что они часами пялятся в вонючие миски, полные собственной...

— Кто мы такие, чтобы критиковать чужие откровения? — пожал плечами Хаффли. Они как раз достигли основания склона. Ученый свернул в переулок, ведущий к отелю, первый этаж которого виднелся над россыпью палаток и фургонов. Они продолжали идти, уклоняясь от столкновений с другими пешеходами и игнорируя недвусмысленные предложения личных услуг от женщин и мужчин, стоявших в дверных проемах.

— Нововведения Малабара, как правило, не слишком доброжелательно воспринимались окружающими. Некоторые из гидромантов помоложе приняли его сторону, но их попытки практиковать новый культ в Великом Храме встретили дружное сопротивление. И посколь-

ку на компромисс он не шел, неприязнь окружающих переросла в открытую вражду, на которую последователи Малабара отвечали вдвойне ретиво. В тихих стенах храма звучали резкие слова, а потом — дело почти неслыханное на подобных диспутах — в воздухе просвистели кирпичи и камни. Малабар и его сторонники посчитали за лучшее покинуть Баллианхоув. Скинулись всей сектой, опустошили карманы и купили билеты до этой бесплодной пустыни. Вырыли колодец, построили Секвестранс в надежде, что здесь ничто не помешает отправлению их церемоний, — пояснил Хаффли и, оглядевшись, дабы убедиться, что их никто не подслушивает, продолжал: — Но тут, откуда ни возьмись, появились бололо.

— Бололо? Та шваль, что наводнила палаточный городок?

— Нет. Они всего лишь причина появления этой швали. Бололо — автохтоны Гамзы, порода больших, но безвредных квазигуманоидных пожирателей лишайников. И все же они «фундаментальны до абсурда», как выразился Малабар в своем послании, где принимал мое предложение решить проблему.

— Мастер, я не знал, что вы так поднаторели в разрешении конфликтов! — удивился Бандар.

Хаффли слегка растерялся.

— Честно говоря, среди моих достижений подобных талантов не значится.

— В таком случае, может, стоит немного вернуться назад и объяснить, что побудило вас сделать такое предложение...

— Бололо — телепаты, — сообщил ученый. — Но если не считать этого, особого интереса не представляют. Ни сколько-нибудь достойной культуры, ни искусства, ни оригинальных обычаев, ни войн, ни религиозного энтузиазма. В специальной литературе их описывают как абсолютно счастливую, очень скучную и ничем не примечательную популяцию, которая ведет свое небогатое событиями существование в спокойном, безмолвном общении друг с другом. Круглый год они кочуют от одного оазиса пустынной растительности к другому, проводя дни в поедании лишайников, если не считать коротких перерывов на усилия по продолжению рода бололо. И даже этот процесс, как утверждают, отличается спокойствием и неторопливостью.

— И все же огромные толпы людей проделали такой путь специально, чтобы увидеть, как пасутся бололо? — озадаченно пробормотал Бандар.

Хаффли покачал головой:

— С тех пор как гидроманты Малабара обосновались поблизости от

одного из их пастбищ, телепаты повели себя необычно: бегают, принимают странные позы, ни с того ни с сего обнимаются, получая в ответ либо такое же приветствие, либо удар в живот. Все это вполне безопасно, поскольку они совершенно неприспособлены для того, чтобы по-настоящему покалечить друг друга. Хотя по-своему они сильны, но ни клыков, ни когтей вы у них не найдете. И представляешь, все эти непонятные явления происходили, когда бололо оказывались вблизи гидромантов. Но как только они поедали весь годичный урожай вики, или что там еще их привлекало, сразу пускались в путь. И по мере того, как увеличивалось расстояние между ними и Секвестрансом, их поведение постепенно становилось прежним. Никаких странных выходок.

Слушая речи наставника, Бандар все отчетливее сознавал, как тот волнуется.

— Мастер, — спросил он, — вы хотите сказать, что происходило нечто вроде межвидового переноса?

— Ну, я бы так не утверждал, — возразил Хаффли, нервно кусая губы. — Достаточно сказать только, что имеются отдельные признаки. Мы здесь для того, чтобы провести наблюдения и прийти к определенным заключениям.

— Но это неслыханно! — охнул Бандар. — Это означало бы... — он громко сглотнул, пытаясь увлажнить внезапно пересохший рот, — сверхновую информацию!

Лицо Хаффли дернулось. Старик явно разрывался между радостным возбуждением и смертельным ужасом. Что же, для данной ситуации это вполне естественно. С незапамятных времен ни один человек не добавил ни грана сверхновой информации в обширное хранилище знаний Института.

Ученые даже остановились, чтобы по достоинству оценить масштабы перспектив. Они так увлеклись, что едва заметили, как кругленький человечек, сильно благоухающий сногсшибательным спиртным и известный как Ред Абандон, наткнулся на них и, отскочив, словно баскетбольный мяч от щита, поспешил прочь. Достойная пара возобновила путь к отелю «Сплендор».

— Значит, мы здесь не для того, чтобы решать проблемы гидромантов, хотя именно в ожидании этого они и оплатили наш проезд?

— Поиск истинных знаний иногда требует от ученого дерзких маневров, — изрек Хаффли. — Воображаешь, что первые исследователи Общего занимались крючкотворством и придирались к каждой мелочи?

— Полагаю, они рисковали собственной индивидуальностью, а не чужим богатством, — заметил Бандар.

Наставник бросил на ученика взгляд, исполненный весьма откровенного отношения к высказыванию последнего, после чего Бандар мигом притих и без дальнейших возражений показал на окружающий хаос:

— И как все это возникло?

Хаффли поведал: после того как бололо три года подряд появлялись и исчезали, новости об их чудаковатых выходках достигли отдаленного шахтерского поселка Хаплик, где как раз в это время бум, возникший по поводу открытия поверхностных залежей олдерита, стал постепенно затихать. Импресарио Рал Базуан, чей опыт работы в шоу-бизнесе был обратно пропорционален жалким остаткам его совести, как раз задержался в поселке, оказывая шахтерам услуги, которых те так жаждали в свое свободное время: крепкие напитки, азартные игры и сговорчивые партнерши. Но по мере того как падали доходы, Базуан решил поискать новое место применения своим талантам, опасаясь, что придется сильно потратиться, если нужда заставит его труппу перебираться в другой мир. Вот тут и подвернулись бололо.

— Он послал людей собрать лишайники в следующей точке миграции бессловесных созданий и перенести урожай в раздаточные пункты, устроенные в природном амфитеатре неподалеку отсюда. Бололо, сообразив, что еда имеется в избытке, не тронулись с места. Базуан же оставил рядом с кормушками горы костюмов и театральных декораций. Бололо, души которых к тому времени были уже замутнены человеческим бессознательным, взяли все это и стали разыгрывать мифы и архетипичные ситуации. И пока эти бедняги страдают и мучаются на созданной самой природой сцене, Базуан возит туристов бесплатно на них поглазеть, — продолжал распространяться Хаффли. — И получает немалую прибыль, когда туристы возвращаются в его заведение выпить, повеселиться и поиграть в карты. Среди пресыщенных и скучающих его предприятие весьма популярно. Теперь они съезжаются сюда даже из других миров, заодно с бездельниками, прихлебателями и любителями поживиться за чужой счет, чьи извращенные аппетиты легко удовлетворить в подобных местах. Вот потому здесь вырос городок, ставший тяжким испытанием для обитателей Секвестранса.

Мягкие руки Хаффли встретились и разошлись в жесте смиренного сочувствия несчастьям других.

— Но все это вместе взятое представляет неслыханную возможность для двух членов Института.

Институт исторических исследований был основан на Старой Земле, в городе Олкни, десятки... а по словам некоторых, сотни или ты-

сячи лет назад с целью изучить и задокументировать коллективное бессознательное человечества.

Освоив малоизвестные или почти забытые ментальные методики, отцы-основатели Института научились проникать за пределы своего индивидуального личного бессознательного и входить в гигантскую ноосферу, единую для всего человечества, где присутствовали вечные основные архетипические образы — непременная принадлежность людских мифов: Глупец и Герой, Мать и Отец, Мудрец и Верный Зверь, Создатель и Разрушитель — и много кто еще. Кроме того, там существовали все основные События, Ситуации и Пейзажи человеческой истории, от Открытия Новой Земли до Вторжения Варваров, от Первого Невинного Поцелуя до Предательства Возлюбленной, от Леса с Чудовищами до Города Механизмов.

В течение многих тысячелетий ноосфера — или, как выражались в институте, Общее — тщательно заносилась на карты и описывалась исполненными решимости исследователями. Используя уроки древнейшего орфического мифа о певце, чьи песни помогли ему выжить и уберегли от опасностей подземного царства, ученые обнаружили, что повторение определенных последовательностей тонов, официально именуемых транами, позволяет спокойно проходить через узлы, соединяющие одну Область с другой. Иные траны могли скрыть ноонавтов от восприятия обитателями Общего. Последняя способность была особенно важна при взаимодействии с характерными архетипичными фигурами идиоматических существ, населявших определенные Области. Некоторые из них по своей природе были омерзительно неистовыми и буйными, а иные могли стать просто опасными, если к их историям, бывшим, по сути, самим их существованием, добавлялись дисгармоничные элементы.

Итак, Общее было самым чудесным и самым кошмарным из всех мест. Здесь — в царстве безвременном, но не безграничном — концентрировались все радости и все ужасы. Да-да, не безграничном, поскольку первые исследователи обнаружили рубежи между человеческой ноосферой и коллективным бессознательным любых других разумных рас: в виде бесконечной цепи гор или высокой стены из тесно прилегавших друг к другу белых каменных блоков. Эту ограду нельзя было ни проломить, ни перескочить, ни сделать под ней подкоп, ибо под «землей» Общего не было ничего, кроме бесформенного серого моря неразумности, в котором плавал великий слепой Червь предсознательного, вечно стремившийся пожрать собственный хвост, или, как обнаружил один невезучий пионер-ноонавт, все, что бы ни попадало в перламутровый свет его «вод».

Но ни один из этих телепатических видов, встречавшихся человечеству, не мог прорваться сквозь стену. Таким образом, было сделано заключение, что каждое Общее должно действовать на своей собственной уникальной «частоте», хотя существование этих вероятных частот так и не было доказано со всей определенностью. Все же считалось, что разделение Общего на Области являлось фундаментальной основой Вселенной, как гравитационная постоянная и все три скорости света.

Как раз в тот момент, когда Бандар размышлял о последствиях загрязнения сознания бололо, оба ученых вышли из переулка, очутившись прямо напротив отеля «Сплендор». Пересекли пыльную улицу и поднялись на веранду, где за кафедрой, на которой лежал рулон бумажных билетов, стоял кричаще одетый мужчина с тонкими усиками.

— Следующий автобус отбывает через двадцать минут, — объявил он ученым. — Билеты бесплатные.

Хаффли взял два билетика и огляделся, где бы присесть в тенечке, но вокруг не было ни одной скамьи.

— Мастер, — робко заметил Бандар, — может, холодное пиво смоет железистый вкус воды, которой нас угощали в Секвестрансе?

При этом продавец билетов искоса глянул на молодого человека, но Хаффли уже входил в низкие, раскачивающиеся в обе стороны двери отеля-салуна. Бандар последовал за ним в большой зал. Разнородная толпа вовсю наслаждалась изобилием еды и напитков, каковые подавались публике молодыми женщинами в одинаковых платьицах, скроенных таким образом, чтобы ни у кого не оставалось сомнений в их половой принадлежности.

В глубине зала шла азартная игра: вращающиеся колеса рулетки, вспышки огней и случайные крики, знаменовавшие победу или поражение.

Ученые расселись за пустующим столиком и заказали по кружке эля у барменши, чьи достоинства невольно приковали взгляд Бандара, не сводившего с нее глаз до тех пор, пока носок ботинка Хаффли не вонзился в его щиколотку. Убедившись, что привлек внимание коллеги, академик подался вперед и прошептал:

— Нам следует обсудить программу.

Бандар нагнулся и потер ноющий сустав.

— Я пока еще не слышал ни о какой программе, — заявил он.

— Различаю в твоем тоне доселе небывалые нотки горечи, — покачал головой Хаффли. — Возможно, впервые слышу, как ты говоришь искренне, от всего сердца.

— Вернее, от всей своей несчастной щиколотки, — поправил Бандар, — но это неваж...

В этот момент на столе появились две кружки эля, однако, подняв глаза, диспутанты увидели не грудастую молодую особу, принявшую у них заказ, а высокого, стройного мужчину с грубым шрамом, протянувшимся через чисто выбритый подбородок.

— Не возражаете, если я к вам подсяду? — спросил он и, не дожидаясь ответа, опустился на стул.

— Но у нас тут важный разговор, — запротестовал Хаффли.

— В моем заведении, — дерзко бросил незнакомец, — ни один важный разговор не ведется без моего участия.

— Вы — Рал Базуан, — догадался Хаффли.

Мужчина наклонил голову.

— Представьте, этот факт мне известен, — хмыкнул он. — Меня интересует, кто вы и, в особенности, почему подошли к моему салуну со стороны вон того обиталища ничтожеств и бездельников, что стоит на холме.

Наставник величественно выпрямился.

— Мы ученые Института исторических исследований на Старой Земле. Мы...

— В годичном отпуске, — перебил Бандар, — и решили, что будет неплохо осмотреть кое-какие местные достопримечательности. — Оглядевшись, он глотнул эля и заметил: — Довольно-таки красочное у вас заведение.

Базуан пронзил молодого человека подозрительным взглядом.

— И что именно, позвольте спросить, исследует ваш Институт?

Увидев, что Хаффли склонен ответить правду, Бандар поспешно постарался занять площадку:

— Ничего особенного. Некоторые странные мелкомасштабные явления отдаленного прошлого Земли. Для большинства из нас это скорее хобби, чем профессия.

— Э-э-э, простите... минутку... — приступил к делу Хаффли, начиная выходить из себя. Темно-багровый румянец пополз из-под воротничка к корням волос. Но Бандар опять не дал ему слова:

— Мой высокоуважаемый коллега, например, сделал сравнительное исследование стрижек на лобке, бывших в моде в восемнадцатом веке. Его знания в этой области никто не может оспорить. Уверен, что он будет счастлив поделиться с вами этими знаниями.

Базуан поспешно отстранился.

— Это совершенно необязательно, — заверил он, хотя в морщин-

ках вокруг его глаз по-прежнему пряталось недоверие. — Но я хочу знать, что вы делали там, наверху, среди этих ночных горшков.

— Не пойму, о ком вы, — пожал плечами Бандар.

Большой палец Базуана ткнул в направлении Секвестранса:

— То место, откуда вы пришли!

— А, вот вы о чем! — воскликнул молодой человек. — Мы застряли в каком-то крошечном космопорте и попросили подвезти на их грузовой кляче. Но почему вы так скабрезно? Ночные горшки, подумать только! Они что, известны своим пьянством? Кстати, эль довольно неплох.

— Ладно, — кивнул хозяин отеля, поднимаясь. — Желаю хорошо провести время.

Не успел человек со шрамом отойти, как Хаффли набросился на ученика:

— Ты оскорбил меня!

— Это чепуха по сравнению с тем, что, по моему мнению, сделал бы Рал Базуан, посчитав, будто мы явились покуситься на источник его благосостояния.

Только сейчас до академика дошло.

— О... да, — едва сумел пролепетать он, — теперь я понимаю. Правильно мыслишь.

— Вряд ли у нас есть средства побороться с ним, — тихо продолжал Бандар, — если только у вас не имеются силы, о которых простой студент не слыхивал.

Хаффли припал к кружке с элем.

— Нет у меня никаких сил. Я просто хотел убедиться, наблюдается ли феномен телепатической утечки через границы между видами. В этом случае я объявлю гидромантам, что ситуация еще более скверная, чем предполагалось, охарактеризую бололо как опасных психов и порекомендую обитателям Секвестранса перебраться в другое место.

— Малабар вряд ли обрадуется такой новости, — предупредил Бандар.

— А что он сможет сделать? В конце концов, он натура созерцательная: медитирует и размышляет о святом.

— У меня создалось впечатление, что он без всякого труда способен замыслить убийства, драки и волнения. Недаром же упоминал о другом плане.

— А у меня создалось другое впечатление, — возразил Хаффли. — Скорее всего, они станут скрываться за своей стеной, залепив уши тем омерзительным хлебом, которым пытались накормить нас. Во всяком случае, на это он годен куда больше, чем для еды.

Снаружи раздался шум колес.

— Это автобус. Нам пора.

Они сели в первом ряду. Автобус скоро наполнился пассажирами, чьи костюмы, прически, цвет кожи и украшения говорили о том, что это пришельцы из дюжины миров. Когда все места были заняты, мотор зарычал, колеса завертелись и автобус медленно двинулся вперед, но тут же ненадолго остановился по знаку вышедшего из салуна мускулистого молодого браво в широкополой шляпе и леггинсах с бахромой, который ловко прыгнул на ступеньку и встал позади водителя.

Неуклюжая колымага на высоких колесах снова покатилась вперед, поднимая за собой облако песка и пыли. Хаффли наклонился к Бандару, словно желая что-то сказать, но ученик приложил палец к губам и одновременно кивком показал на человека, стоявшего рядом с ними. Парень не смотрел в их сторону, но у Бандара сложилось впечатление, что обладай его уши достаточной подвижностью, они бы сейчас тянулись к ним, как подсолнухи к солнцу.

Поездка была короткой и закончилась на краю неглубокой впадины, образующей природный амфитеатр. Автобус остановился, пассажиры вышли и стали рассаживаться на узких каменных карнизах, постепенно спускавшихся вниз, к широкому открытому пространству. Бандар впервые глянул сверху на орду бололо.

Эти создания стояли на задних ногах, совсем как люди, захватывая верхними конечностями горсти темных лишайников из нескольких охапок, разбросанных по природному бассейну. Ели они тоже почти как люди, открывая пасти и жадно жуя, хотя чтобы назвать весь эффект гуманоидным, следовало бы раздвинуть рамки определения, дабы включить в него существа в полтора раза выше Бандара, покрытые жесткой шерстью всех оттенков, от сероватого до темно-коричневого, и с черепами, увенчанными ярко выраженными краниальными гребнями, фиксировавшими огромные жевательные мышцы. Кроме того, у них имелись короткие, широкие и безволосые хвосты, которые, по мнению Бандара, могли служить средством для понижения избыточной температуры тела.

— Пойдем, — велел Хаффли и повел ученика к самому краю амфитеатра. — Посмотрим, в чем тут дело.

Горы лишайников молниеносно исчезали. Судя по виду, в стаде было не менее сотни взрослых бололо и совсем немного молодых.

— Я читал об этом, — сообщил Хаффли. — Будут жевать, пока не насытятся. Когда еды не остается, они впадают в состояние взаимного общения.

Автохтоны, однако, и не подумали общаться, поскольку, едва последние горсти лишайников были запихнуты в разверстые пасти и прожеваны, над бололо зависла летающая машина. Двое мужчин стали бросать вниз яркие одежды, различные предметы и утварь, после чего автомобиль сместился в сторону, туда, где сидели зрители, и цветущего вида человек в расшитом блестками одеянии взял микрофон.

— Благороднейшие и достопочтеннейшие! — начал он. — Я приглашаю вас своими глазами увидеть редкий случай межвидового ассонанса. Но сначала я должен заручиться вашей поддержкой, ибо вы сами и есть неотъемлемая составляющая происходящего.

Какая-то часть публики явно заинтересовалась, другие раздраженно морщились при мысли о неожиданной перспективе самим устраивать собственные развлечения и, следовательно, каким-то образом еще и трудиться.

Распорядитель, уразумев это, мгновенно попытался смягчить их опасения.

— От вас требуется одно, — пояснил он, — выбрать историю из всего собрания литературы тех миров, из которых создан Спрей. Комические похождения трех Орликантов, например. Волнующая сага «Король во тьме». Трагедия «Гелиоканты и Гелафиона».

Каждое название сопровождалось выразительным жестом и закатыванием глаз к небу.

— Выберите одну, — несся голос из микрофона, — позвольте сюжету и отдельным сценам укорениться в ваших мыслях, добудьте их из глубочайших источников памяти, хорошенько обдумайте смысл и основную идею, и — внимание! — эти создания внизу разделят между собой главные роли и разыграют историю у вас на глазах. Спектакль поразит и удивит вас совершенно несообразным сопоставлением и сочетанием давно знакомого и причудливо-современного.

Закончив свое объявление, он театрально поклонился и выжидающе уставился на толпу. После небольшой паузы чей-то нерешительный голос выкрикнул:

— «Оправдание Баллиона»!

— «Необыкновенное кольцо», — возразил другой.

— Нет, — вмешался третий более уверенно. — Пусть это будет «Парень, который стоял на своем».

Последнее предложение получило почти единодушную поддержку толпы. Распорядитель понимающе подмигнул.

— Что же, возьмемся за «Парня...».

Воздушный автомобиль стал медленно подниматься.

— Закройте глаза, проясните разум, — звучно продолжал распорядитель. — А теперь осторожно-осторожно позвольте первой сцене истории появиться на вашем внутреннем экране. Получилось? Видите ли вы судьбоносного ребенка среди капустных грядок тирана? А теперь откройте глаза и узрите чудо!

Бандар послушно выполнил приказ и увидел, как бололо, нагнувшись над грудами костюмов и декораций, облачаются в гигантского размера одеяния и поднимают с земли необходимые аксессуары. Сначала внизу царили хаос и суматоха, потом фрагменты старой легенды вдруг встали на место, как в детской головоломке.

— Смотрите, — шепнул он Хаффли, — вон тот, с мотыгой, очевидно, и есть герой истории. Видите, он обрабатывает землю... останавливается передохнуть и помечтать. А вот и бессердечный надсмотрщик с плеткой и кандалами... да, и вон тот, что посветлее, должно быть, несчастная матушка ребенка.

— Да-да, — подтвердил ученый. — Именно этого я и ожидал.

— А теперь те, что на заднем фоне, выстраиваются в ряд, — продолжал Бандар. — Значит, это солдаты. Парень решил добровольцем уйти в армию, вот и направляется к ним. А сейчас надсмотрщик превращается в злющего сержанта.

— Поразительно, — пробормотал Хаффли. — Но давай займемся тем, ради чего мы сюда пришли.

— Простите, чем именно? Пока что я не удостоился вашего доверия, — возразил Бандар. — Прикажете сидеть здесь и гадать?

— Для недоучки ты становишься слишком дерзким, — объявил Хаффли.

— Это, вне всякого сомнения, влияние путешествий в другие миры, — пояснил Бандар. — Или, возможно, всему виной мое естественное нетерпение. Вполне нормально, что после недельного путешествия едва ли не по всему Спрею мне хочется получить кое-какие ответы.

— А ко всему прочему, еще и слишком много о себе вообразил, — буркнул наставник. — Ты чем-то напоминаешь Фазертуайта, нашего Верховного декана. И все же ты не сможешь сыграть свою роль, пока я не введу тебя в курс дела. Поэтому слушай внимательно.

Хаффли наскоро изложил план, элементы которого оказались в основном именно такими, как и ожидал Бандар. Каждый должен спуститься через собственное бессознательное в Общее. Там они встретятся и поищут брешь в стене, через которую человеческие архетипы телепатически втягиваются в подсознательное бололо.

— Я приближусь к бреши и загляну в нее, — заключил Хаффли, — пока ты будешь петь тран, который убережет нас от архетипов.

— Можно мне тоже заглянуть в брешь? — осведомился Бандар.

— Ты всего лишь третьекурсник. Наверняка перепугаешься насмерть.

Втайне Бандар действительно побаивался, однако решил быть храбрым.

— Но ведь я проделал такой путь...

— Довольно, — оборвал Хаффли. — Начинаем.

Парочка удобно устроилась, скрестив ноги, и приготовилась к ментальным упражнениям, считавшимся первым шагом по дороге к Общему. Прежде чем закрыть глаза и сосредоточиться на внутренних ощущениях, Бандар огляделся. Зрители с энтузиазмом следили за разворачивавшейся внизу драмой, где бололо уже разыгрывали битву при Миллефолле, закончившуюся полным разгромом армии королевства, катастрофой, от которой герой спасает наследника и сына короля, только чтобы увидеть, как награду получает другой. Бандар поискал взглядом мужчину в шляпе и леггинсах, но его нигде не было.

— Меня беспокоит тот браво в шляпе и леггинсах, — признался он.

— Ничего не значащие людишки вроде него не должны тебя волновать, — откликнулся Хаффли. — Начинай.

Бандар отвлекся от импровизированного театра, закрыл глаза и сконцентрировался на упражнениях, готовивших его ко входу в бессознательное. Через несколько секунд он увидел знакомый портал: закрытую дверь, которая, всего лишь возникнув в его представлении, стала накаляться по краям, словно за ней стояла огромная лампа. Бандар мысленно представил руку и заставил ее отодвинуть засов. Дверь распахнулась наружу. Теперь его внутреннее зрение было окутано насыщенным розовато-золотистым цветом. Бандар переместил свое сознание в теплое лучезарное сияние, и оно немедленно померкло. Он стоял в большой кладовой, позади хозяйственного магазина дяди Флея — место, где провел вторую половину своего детства. Оглядевшись, он, как и предполагал, увидел предмет, абсолютно выпадающий из памятной реальности: в дальней стене была прорезана дверь темного гладкого дерева с черной железной ручкой в виде скрюченной человеческой руки. Бандар бесстрашно приблизился к двери, схватился за ручку и потянул.

За дверью царил мрак, в котором маячила неопределенная фигура. Едва Бандар двинулся вперед, фигура шагнула ему навстречу и сгустилась в знакомый образ — Дидрик Гэбрис, его сокурсник, гнусный тип с неукротимой тенденцией к самовозвеличиванию и отношением к

жизни, неизменно поражавшим Бандара самой что ни на есть отъявленной низостью духа. Бандар понимал, что темный фантом является не настоящим Гэбрисом, а всего лишь спроецированным отражением тех негативных качеств, которые сам он не воспринимал и всячески отвергал в собственной натуре. Темная фигура ехидно щерилась на Бандара, но молодой человек просто прошел сквозь нее, и стоило его груди коснуться призрака, как тот исчез, словно лопнувший мыльный пузырь.

Теперь Бандар стоял на вершине широкой винтовой лестницы, конец которой тонул в тумане. Он начал торопливо спускаться, зная, что Хаффли, опытный ноонавт, должен достичь внешнего круга Общего раньше и, разумеется, немедленно обрушит на его голову град упреков за медлительность и задержку в работе.

Через минуту туман рассеялся, и оказалось, что он шагает по проселочной дороге, спускающейся с невысокого холма в зеленую долину. Тянувшаяся по обе стороны низкая каменная ограда отделяла дорогу от полей, усеянных купами деревьев.

Краем глаза он увидел слабый проблеск, остановился и свернул по направлению к нему. Свет померк и сменился бледным образом Хаффли. Изображение быстро темнело, сгущалось, уплотнялось, пока ученый не приобрел обычный вид.

— Мне пришлось ждать, — проворчал Хаффли, нетерпеливо притопывая ногой.

Бандар, извиняясь, развел руками. Старик презрительно фыркнул и, повернувшись, оглядел дорогу.

— Сначала мы войдем во внешний круг и посмотрим, каков размер влияния на чистые архетипы, — бросил он уже на ходу и добавил: — Ситуация может обостриться. Начинай «три-три-семь».

Бандар запел самый простой тран: последовательность звуков, очень напоминавшую древнюю детскую песенку, в которой речь шла о старике, собаке и кости. Эти звуки оградят их от любых архетипов, которые могут встретиться по дороге.

Бандар осмотрелся, но не увидел ничего, кроме полей и деревьев, хотя знал: ни того, ни другого на самом деле не существует и любая попытка пересечь лежащую за оградой равнину приведет к столкновению с невидимыми воротами, которые вытолкнут его в одну из миллионов Областей Общего. Поэтому он старался держаться дороги.

Несколько минут спустя стало ясно, что дорогу пересекает глубокий овраг, через который перекинут подвесной мост из веревок и дощечек. Бандар без особенного интереса изучал конструкцию, пони-

мая, что таково, должно быть, представление Хаффли о входе во внешний слой великой сферы, называемой Общим. Если бы от Бандара хоть что-то зависело в этом исследовании, они бы пришли к реке, над которой изящной аркой вздымался каменный мост. Другие увидели бы простой забор с удобным перелазом, бревно над ручейком, высоко взлетающую ленту блестящего металла над бездонной пропастью, городскую улицу с переходом-зеброй.

Сцена на дальней стороне ограды была неразличима, как во сне, но когда они добрались до середины моста, перед ними открылось безграничное открытое пространство, по которому хаотически двигались, стояли или сидели неясные фигуры.

— Остановись, — велел Хаффли. — Но пой громче. Я определенно ощущаю напряжение.

Бандар повысил голос и одновременно применил метод ноонавтов, обостряющий зрение. Он всмотрелся в фигуры на поле, с первого взгляда определяя, кто перед ним: Мудрец, Искусительница, Обольститель. Тут же маячил Глупец. Мимо пробежал Пожиратель Детей, довольно потирая скрюченные руки. Далее возникли Судья Душ и Верный Зверь, а на расстоянии маячили Добровольная Жертва и Спаситель — все «обычные подозреваемые», как предпочитали именовать их студенты Института.

Но нет, здесь были далеко не все, как стало ясно Бандару из слов Хаффли.

— Не вижу ни Тирана, ни Командира, ни Дитя Судьбы. Думаю, именно здесь и зияет брешь, — с волнением и некоторым страхом выпалил наставник, прежде чем вернуться к дороге.

Бандар продолжал петь оградительный мотив. Слишком близко они подошли к первому уровню, и если его обитатели потревожены, то всякое может случиться. Прямой контакт с чистым архетипом может означать немедленное уничтожение личности ноонавта и полное поглощение. Тело, оставленное в реальном мире, заполнится архетипичной сущностью, и его последующие действия будет невозможно отличить от поведения любого психа.

Лицо Хаффли приняло задумчивое выражение, и Бандар понял, что тот ищет верное направление. Еще минута, и старик прошептал:

— Ощущаешь поток?

Бандар применил ментальную методику ноонавтов, с помощью которой определялось положение узлов между Областями, и ощутил слабое, но определенное движение (в форме легкого ветерка). Подбородком показал направление, в котором, казалось, двигался «воздух».

— Согласен, — кивнул Хаффли и, приблизившись к стене по обочине дороги, проворно перелез на другую сторону.

Бандар последовал его примеру. После этого старик стал действовать крайне осторожно. Считая шаги, и то и дело меняя направление, зигзагами передвигался по полю. Бандар следовал за ним шаг в шаг, сознавая: каждый невидимый угол, который они обогнули, означает, что им в очередной раз удалось миновать ворота. Стоит попасть в эти ворота, и они исчезнут с Гамзы и перенесутся в другую Область Общего, откуда придется либо долго и с величайшими трудами выбираться, либо столкнуться лицом к лицу со смертельной опасностью. Пробираясь по невидимому лабиринту, они вскоре очутились перед высокой белой стеной. Как полагается во сне, секунду назад она отсутствовала, а сейчас оказалась совсем близко, простираясь налево, направо и вверх без каких-либо видимых границ. Здесь «ветерок» стал более заметным, словно умудрялся протискиваться сквозь плотно сложенные блоки светлого, блестящего камня. Хаффли повернулся, чтобы повторить его движение, и Бандар заметил, что коленки у старика явно ослабли.

С каждым шагом сила ветра значительно увеличивалась. Бандар чувствовал, как он щекочет затылок, а вскоре его бесконечное пение перекрыл тихий свистящий звук.

— Пришли, — дрожащим голосом выговорил Хаффли, останавливаясь перед частью стены, которая, на взгляд Бандара, ничем не отличалась от остальных, хотя ветерок превратился в настоящий ураган — из тех, которые иногда бушевали над крышей старого студенческого общежития.

Молодой человек вдруг ощутил тоску по дому и, возможно, некоторый страх перед опасностью, поджидавшей его в долгих исследованиях Общего.

Но он умудрился собраться с духом и продолжал петь.

Хаффли протянул к стене трясущуюся руку. Бандар разглядывал волоски, шевелившиеся на пальцах наставника, пока кончики этих самых пальцев приближались к камню. Потом ладонь, усыпанная старческими пятнышками, исчезла в белизне и быстро отдернулась. Хаффли внимательно осмотрел конечность, но не нашел ничего страшного и потому снова сунул ее в стену, сначала до запястья, потом до локтя. Он вновь вытащил руку и опять ничего не обнаружил.

— Ну вот, — кивнул он, чуть задыхаясь. — Все верно.

Бандар ожидал от ученого следующего шага. Но Хаффли, тяжело и часто дыша, продолжал стоять перед невидимым проломом в ограде.

Бандар, по-прежнему поющий траны, нетерпеливо дергал руками, словно подталкивал старика вперед, но тот затрясся и стал дико оглядываться.

Бандар, не выдержав, прервал тран.

— Мастер, — потребовал он, — вы должны посмотреть. Недаром мы проделали такой путь.

Он снова запел, но Хаффли, бессознательно отмахиваясь дрожащей рукой, прошептал:

— Не могу.

Бандар неумолимо показал на стену, однако Хаффли отвел глаза, уселся на землю и безутешно опустил голову.

— Я лишен мужества исследователей, — признался он. — В жизни не делал того, чего до меня еще не сделал ни один человек. Ни на Старой Земле, ни в Десяти Тысячах миров. Вот оно — проклятие возраста!

«Тогда это сделаю я», — подумал Бандар, все еще продолжая тянуть тран.

Подступив к стене, он сунул голову в то место, где побывала рука Хаффли. На мгновение все окуталось яркой белизной, потом его лицо вылезло из тумана, и он обозрел пространство по другую сторону стены.

Здесь оказался архетипичный Пейзаж бололо, который, что совершенно не удивило Бандара, выглядел в точности как поверхность Гамзы в существующем мире: камни, песок и щебень, кое-где расцвеченные темными островками лишайников. Странно только, что здесь не наблюдалось толпы архетипов бололо, подобных тем, что населяли человеческое Общее. Вместо этого в Области находилась всего одна фигура — большой безмятежный бололо непонятного пола, изумленно пялившийся на человеческие архетипы, проникшие через барьер.

«Ну, разумеется, — подумал Бандар. — Порода истинных телепатов, с унифицированной психикой... никакой потребности в состязании или сотрудничестве, никаких отдельных личностей. Всего одна сдержанная, невозмутимая сущность».

Он откинул голову назад, в человеческую ноосферу, прервал пение и сообщил:

— Мастер, Общее бололо содержит всего один архетип.

Хаффли что-то пискнул в ответ, и Бандару на секунду показалось, что он поднимется и посмотрит сам. Но страх, очевидно, оказался сильнее, и старик снова рухнул на камень. Бандар возобновил пение и во второй раз просунул голову сквозь стену. Теперь он полностью

проигнорировал сущность бололо и сосредоточился на загрязнителях, сумевших проникнуть сквозь брешь, образованную под действием телепатического резонанса пришельцев.

Загрязнители явно были элементами древней архетипичной истории «Парень, который стоял на своем». Тут присутствовали гордо выступавший Тиран, одинокая Беспомощная Мать, Вражеское Войско, рвущееся в битву, и сам бесстрашный Парень, смело идущий навстречу судьбе. Бандар видел, что история приближается к концу: Тиран свергнут, а Парень поднял упавший меч узурпатора и приготовился нанести смертельный удар.

Бандар высунул голову из человеческой ноосферы и на несколько минут перестал петь оградительный тран.

— Все, как вы предполагали, мастер, — сообщил он. — Человеческие архетипы-загрязнители проникли в Общее бололо. Там они играют различные роли, превращая бедные создания в кретинов... — он использовал принятый в Институте термин для жертв психоза, — ради развлечений туристов Рала Базуана!

Хаффли вскинулся, пробормотал нечто неразборчивое, осекся и принялся громко завывать тран «три-три-семь», широко раскрыв глаза и уставясь на что-то за спиной Бандара. Тот подпел ему и поспешно отступил от стены. Только обезопасив себя, он повернулся посмотреть, что перепугало его наставника.

И сразу узнал мрачную гигантскую фигуру, широкими шагами несущуюся к пролому.

Это был архетип, известный как Ангел Гнева и Мщения, обычно встречающийся только в наиболее мрачных Областях. Бандар сразу распознал его по огромным темным крыльям, истекавшим каплями крови, и по черному железному мечу.

«А те, кто за его спиной, конечно, Легион Искупления, с суровыми лицами и оружием наготове», — подумал он.

Очевидно, после окончания истории о «Парне, который стоял на своем» будет разыграна другая драма.

Ангел промаршировал прямо к стене, прошел насквозь, сопровождаемый ордой последователей. Бандар содрогнулся, хорошо представляя, что теперь должно твориться в существующем мире, ибо у Ангела было лицо его высокопреосвященства Малабара, а ряды легионеров состояли из тощих мужчин в домотканых рясах.

Когда последний из свиты исчез в проломе, Бандар прервал пение, чтобы поговорить с Хаффли. Но наставник уже ничего не сознавал. Паника полностью завладела им, смешавшись с нахлынувшими вол-

нами стыда. Бандар быстро пропел короткий тран, который должен был открыть запасной выход из Общего. Воздух перед ними задрожал и завибрировал. Молодой человек протолкнул наставника вперед и прыгнул за ним.

Бандар ворвался в собственное тело с весьма ощутимым толчком, всегда сопровождавшим срочную эвакуацию из ноосферы. За первым потрясением последовало второе: он больше не сидел в амфитеатре над кормушками бололо. Вместе с Хаффли он очутился в комнате без крыши с недостроенными стенами. Над ним темнела многозвездная гамзанская ночь. Из-за двери доносились негромкая музыка и шум толпы. Время, проведенное в Общем, часто растягивалось; очевидно, в существующем мире прошло достаточно времени, чтобы успеть связать их обоих, заткнуть рты и отвезти назад в отель «Сплендор», где они сейчас и пребывали.

— Они приходят в себя, — объявил чей-то голос. — Позови хозяина.

Бандар повернул голову и увидел парня в леггинсах, говорившего по коммуникатору. Тот ответил красноречивым взглядом человека, которому не терпится стать свидетелем занимательного зрелища. Бандар, к сожалению, его ожиданий не разделял.

Шли минуты, и до Бандара донесся звук, перекрывший шум, несущийся из салуна: тонкий, все усиливающийся, действующий на нервы вой неотрегулированных антигравитационных приборов, исходящий сзади и сверху. И когда этот жалобный вой достиг своего пика, студент поднял голову и заметил грузовое судно Секвестранса, летевшее прочь от амфитеатра бололо. Городские огни освещали исцарапанный, покрытый боевыми шрамами корпус. Когда неуклюжее средство передвижения заложило вираж, направляясь к Секвестрансу, Бандар заметил, что ящики с грузом исчезли.

Бандар попытался что-то промычать сквозь кляп, дабы привлечь внимание наставника. Но Хаффли продолжал сидеть, опустив голову на грудь и олицетворяя собой фигуру отчаяния.

За дверью раздались уверенные шаги, после чего дверь открылась. Минутой позже в поле зрения студента появился Рал Базуан. Судя по деловитому выражению лица, времени терять он не собирался. В руке Базуан держал некий инструмент, напоминавший дирижерскую палочку. Устройство оказалось незнакомо Бандару, но он почему-то был уверен: более близкое знакомство с чем-то подобным крайне нежелательно и даже опасно.

— На этот раз, — объявил хозяин салуна, — я добьюсь правды. — Выньте у них кляпы.

Когда человек в леггинсах освободил их от тряпок самого подозрительного вида, Базуан обратился к Хаффли.

— Ну-ка объясните, что все это означает?

Ответом ему был тихий всхлип. Хаффли и не подумал поднять голову.

— Я все испортил, — выдохнул он.

— Что вы сделали? — настаивал Базуан.

Хаффли упорно рассматривал пол.

— Я думал, что когда настанет момент, стану отважным и дерзким. А вместо этого струсил. Как же теперь будут надо мной издеваться!

Базуан потер подбородок, ощерил зубы и перевел взгляд на Бандара.

— О чем это он?

Бандар поспешно сглотнул слюну.

— По-моему, старик немного не в себе, — предупредил он. — Такое довольно часто случается среди ученых мужей Института, особенно тех, кто постарше.

— Тогда будешь отвечать ты! — велел импресарио.

— Счастлив помочь, чем сумею, — кивнул Бандар.

— В таком случае, может, это и не понадобится? — осведомился Базуан, коснувшись кнопки на странном приборе. Сразу же раздалось жужжание, словно внутри сидел рой потревоженных ос. Кончик налился темно-красным светом.

— Определенно, нет, — заверил Бандар.

— Посмотрим, — бросил держатель салуна, и Бандар заметил, что человек в леггинсах мгновенно присмирел.

— В таком случае начнем, — решил Базуан. — Ты и этот старик — ученые из Института исторических исследований.

— Так оно и есть.

— Это дармоеды вас позвали?

— Они.

— Чтобы подорвать мой законный бизнес и лишить меня законных заработков, — злобно процедил содержатель салуна.

— Не стану отрицать.

— И что вы успели натворить?

— Абсолютно ничего, — заверил Бандар. — Наша роль состоит не в том, чтобы вмешиваться, даже если бы мы и смогли что-то сделать. Но, к сожалению, ничего подобного нет и быть не может.

— В таком случае зачем вы тут околачиваетесь? — продолжал допытываться Базуан.

Бандар с некоторым удовлетворением отметил, что тон последнего стал менее резким, хотя палочка оставалась в пределах видимости и слышимости.

— Мы хотели собственными глазами понаблюдать феномен стада бололо. Но, к сожалению, космические путешествия нам не по карману.

Базуан снова погладил шрам и опустил бровь.

— Хочешь сказать, что навешали лапши на уши старому болвану, только чтобы бесплатно прокатиться по Спрею?

Бандар снова заверил, что так оно и было.

— И что, вы никак не сумеете закрыть канал связи между людьми и бололо?

— Никоим образом. Клянусь честью студента нашего Института.

Базуан задумчиво поджал губы, разглядывая пленников.

— Ладно, — кивнул он, помедлив, и, к величайшему облегчению Бандара, убрал жужжание и свечение.

— Но мы, пожалуй, подержим вас здесь, чтобы убедиться наверняка.

— Мой учитель нездоров, — напомнил Бандар. — Будет лучше, если я увезу его домой.

— Здесь ему ничего не грозит. Сначала я пошлю своего человека посмотреть, что происходит с автохтонами. Если все осталось по-прежнему, утром вас освободят.

Бандар хотел было посопротивляться еще немного, но действия Базуана ясно показывали, что возражения здесь неуместны. Когда звон в голове Бандара немного утих, оказалось, что он и Хаффли остались одни в комнате, по-прежнему связанные, но уже без кляпов.

— Мастер, — прошептал Бандар, — нам нужно убираться отсюда. Бололо идут. Слушайте!

Он навострил уши. Сквозь доносившиеся снизу музыку и гвалт он разобрал другие звуки: хор мужских голосов, поющий суровые сутры древней эпической поэмы «Рок, поразивший несправедливых».

Хаффли пробормотал что-то неразборчивое, по-прежнему пялясь в пространство.

— Мастер, — повторил Бандар, — я знаю, в чем заключался второй план Малабара. Знаю, что было в этих ящиках.

Он также знал, что Рал Базуан не станет долго задумываться над тем, кто виновен в ужасе, который вот-вот обрушится на его город.

— Мастер! — в третий раз попытался он. Если ему удастся каким-то образом снова заставить профессора сосредоточиться и привлечь его внимание, можно будет составить стулья и попробовать развязать друг друга. — Времени почти не остается. Пожалуйста!

Ответом была очередная неразборчивая тирада, обращенная в пространство. Бандар снова прислушался. Пение, несущееся из Секвестранса, становилось все громче, но теперь и без того крайне несимпатичные стихи были пронизаны столь же неприятным возбуждением. Бандар отчетливо представил Малабара и злобных гидромантов, стоящих вдоль южной стены, пожирающих глазами тьму за палаточным городком в ожидании первого блеска копья или алебарды в руках дюжих бололо, которые, в свою очередь, пребывали в тисках архетипичного священного неистовства.

Пение гидромантов стало почти оглушительным, но теперь Бандар различил в нем ноты, знакомые каждому школьнику, впавшему в немилость старших и ставшему мишенью организованного возмездия.

С другого конца городка послышался крик, сопровождаемый воплем, звоном разбитого стекла и треском ломающегося дерева. Музыка сфальшивила, потом смолкла, после чего в громких голосах прорезались новые эмоции. С улицы снова донеслись крики, сначала испуганные, потом заглушенные повелительным голосом Рала Базуана, раздающим поспешные приказания.

Еще один вопль, на этот раз уже ближе, сопровождался безошибочным «зив-в» энергетического пистолета, гортанным ревом и топотом ног, слишком тяжелых, чтобы принадлежать людям. Что-то ударилось в заднюю стену отеля «Сплендор» с такой силой, что все сооружение затряслось.

Бандар принялся дергать свои путы, но тип в леггинсах, очевидно, хорошо знал свое дело. Бандар снова глянул на Хаффли и услышал обрывки колыбельной. Теперь снизу доносились непрерывный лязг и грохот, и Бандар, пытаясь разгадать, в чем дело, рассудил, что Базуан созвал всех, кто смог добраться до отеля, и велел загородить мебелью двери и окна. Но молодому человеку этот ход показался неудачным. Бололо все до одного были здоровяками, подогретыми к тому же яростью фанатиков. Столы и стулья для них не препятствие!

Оставался один путь к спасению, и Бандар им воспользовался. Закрыв глаза, он выполнил ментальные упражнения, которые должны были перенести его, как именовалось на институтском жаргоне, «вниз, в подвал». Вынудив себя действовать быстрее, он тут же очутился в кладовой дяди, поспешно ее пересек, распахнул аномальную темную

дверь (едва заметив, что тень Дидрика Гэбриса щерилась еще ехиднее обычного), прежде чем сбежать по лестнице к дороге между стенами.

Ах, до чего же ему не хватало наставника! Он чувствовал, как где-то поблизости тянет ветерком, но никак не мог определить место, в котором следовало покинуть безопасную дорогу и воспроизвести все зигзаги, необходимые для безопасного путешествия по ноосфере бололо. Он мог только полагаться на память.

К счастью, каждый студент Института довольно скоро овладевал способностью вспоминать и воскрешать в мозгу мельчайшие детали, поэтому Бандар призвал на помощь всю силу мнемоники, какой обладал, выбрал местечко на низкой серой стене, которое, как ему показалось, ответило на призыв, и перелез через ограду.

Теперь он ясно представлял, каким образом действовал Хаффли: четыре шага вперед, один — влево, еще два — вперед, шесть — вправо... и замер как вкопанный, когда странная пульсация пронизала его виртуальное тело. Он слегка откинулся назад, и сразу стало легче.

Бандар очень осторожно подался назад еще немного. Пульсация означала, что он едва не наткнулся на узел. Еще чуть-чуть, и он мог бы оказаться в одном из Пейзажей, Ситуаций или Событий, хранившихся в Общем, многие из которых грозили немедленной смертью; тран мог сделать его невидимым для идиоматических сущностей на архетипическом поле битвы, но вряд ли оградит от гибели, если он прибудет как раз в момент артиллерийского обстрела. И поскольку Общее сохраняло кристаллизованные образы наиболее памятных событий на полях сражений, артиллерийские обстрелы, кавалерийские атаки или нападения вопящей пехоты были неминуемы.

Бандар постарался успокоиться и позволил воспоминаниям о передвижениях Хаффли завладеть собой. Он был уверен, что все делал правильно, вот только шаги оказались шире, чем у наставника.

Бандар свернул влево, сделал три тщательно отмеренных шага, потом еще четыре шага вправо и четыре — вперед... и перед ним замаячила уходящая в бесконечность стена.

Он повернул в направлении потока и продолжал идти, привалившись плечом к стене, пока не отыскал брешь, после чего, не задумываясь, шагнул прямо в нее. Его ноги шаркнули по усыпанной щебнем почве Общего бололо. Скрежет привлек внимание солдата, одного из Легиона Искупления, рассекавшего воздух мечом. Лицо архетипа осветилось восторгом при виде Бандара, и тяжелый меч поднялся над головой несчастного студента. Молодой человек проворно отскочил и удрал через стену в человеческое Общее.

Призвав на помощь разум, он запел защитный мотив «три-три-семь» и снова шагнул в ноосферу бололо. На этот раз легионер не заметил его, и ноонавт на мгновение помедлил, чтобы рассмотреть происходящее. Ангел Гнева и Мщения расхаживал взад-вперед, энергично жестикулируя и вводя последователей в состояние священного неистовства. Легион выстроился перед предводителем в четыре ряда, маршируя по пустому пространству, пронзая и рассекая воздух с метрономической точностью военной машины. Бандар вздрогнул при мысли о том, как могучие гиганты бололо в реальном мире во всех деталях подражают разворачивающимся на его глазах действиям.

В стороне от этой односторонней битвы стоял архетип бололо, рассматривая чужаков с чем-то вроде недоуменной тревоги. Ангел не обращал на него внимания, сосредоточенный на драме собственного существования: кровь с крыльев летела во все стороны. Капля упала на виртуальную кожу Бандара, и его словно обожгло раскаленным угольком. Он потер вздувшийся волдырь и, далеко обойдя сцену военных маневров и нависающую над ней фигуру возмездия, стал подбираться к сущности бололо.

«А вот теперь самая трудная часть», — подумал он и на какой-то момент в нем вскипел страх. Предстать перед архетипической сущностью — значит, самому напроситься на поглощение. Сущность просто втянет его в себя, и сознание и индивидуальность навсегда затеряются в неизлечимом психозе. Предстать перед архетипической сущностью — вещь неслыханная, но Бандар сказал себе, что «неслыханное», похоже, девиз сегодняшнего дня. Кроме того, с минуты на минуту разъяренные бололо ворвутся в отель «Сплендор», и вряд ли существует самый крошечный шанс на то, что его физическое тело, привязанное к стулу, выживет в общей бойне.

Все еще напевая защитный мотив, он постарался подавить зарождающийся ужас и предстал перед архетипом бололо. Подождал, пока Ангел и его Легион промаршировали до отведенной границы и замерли, выжидая команды «кругом», чтобы вернуться на прежнее место.

И пока пыхтящие фанатики поворачивались, продолжая пронзать воздух, Бандар перестал петь ограждающий тран. Дюжий архетип бололо заметил его первым и с вежливым интересом воззрился на пришельца. Бандар смотрел в его спокойные темные глаза и боялся утонуть в их бездонной глубине.

Позади раздался громовой голос, призывавший наброситься на обнаруженного врага, и Бандар немедленно услышал топот подбитых

гвоздями сапог по утоптанной земле. Услышал и понял, что Легион надвигается на него. Назад дороги не было. Он поборол очередной приступ паники и шагнул к архетипу бололо. Бандар ощутил, как шерсть коснулась лица. За этим последовало ощущение интенсивного смещения, словно все его существо неожиданно разлетелось в осколки, миллиарды Бандар-йот, распылившихся во всех направлениях, временных и пространственных, и каждая содержала тусклую искорку разумного существа. Но тут взрыв так же резко прекратился, застыл на мгновение, которое, казалось, длилось вечность, и каждая частица Бандара взлетела шрапнелью, повторив путь в обратном направлении, и все снова слились в...

Не в Бандара. Или, по крайней мере, не только в Бандара. Он сознавал, что остался собой — и все же стал чем-то большим. Словно его существование проходило в маленькой ячейке без окон, но сейчас ее стены, потолок и пол превратились в пористое, прозрачное стекло, и он понял: его ячейка оказалась одной в бесконечно огромных сотах. И каждая была наделена сознанием, причем любое из них было осведомлено обо всех остальных, и все вместе соединялись в надежную матрицу божественного спокойствия. Но, заглянув глубже в бесконечность архетипа бололо, он осознал, что видит больше того, что *было* перед ним. Что видит всех бололо, которые когда-либо появлялись на свет, которые еще появятся, всякое существование от начала рода до последнего бололо где-то там, в невообразимом будущем. Вот они, все вместе, и он был одним из них.

Тут и там Бандар замечал ячейки, стены которых выглядели непрозрачно-темными, словно метастазы рака в здоровой ткани. Он был отсечен от этих ячеек, чувствовал это разобщение, и оно его беспокоило.

Он никогда не узнает, сколько времени провел, осознавая величие и масштабы царства бололо. Наконец он снова сосредоточился на собственной персоне в своей ячейке и увидел, что сидит на корточках в позе отдыхающего бололо. И тут же встал — по одной только причине, что в Общем всегда необходимы активные тренировки, малоподвижность подобна смерти. Если ноонавт не будет активным, значит, долго он не протянет.

И немедленно все сущности бололо в соседних ячейках тоже встали.

Бандар поднес к лицу правую руку. То же самое сделали миллиарды бололо. Он поднял левую ногу, и миллиарды левых конечностей последовали его примеру. Тогда он захлопал в ладоши, и аплодисмен-

ты раздались со всех сторон замкнутой автономной вселенной, которую представлял собой архетип бололо.

И судя по косым взглядам, которые бросал в его сторону Гнев и Мщение, Бандар заключил, что архетип бололо уже успел встать, поднять руку и ногу и захлопать мохнатыми лапами.

Молодой ученый отчетливо понимал, что именно должно случиться в следующую минуту. Но, уже готовясь вызвать необходимую ментальную фокусировку, он вдруг осознал: другой императив не дает ему покоя. Проблема не просто в том, *что сделаю я*. Вопрос в том, *что мы сделаем вместе*. И стоило ему задать этот вопрос, ответ пришел сразу со всех временных и пространственных направлений.

— *Да. Ты нужен нам, чтобы спасти их/нас.*

Бандар/бололо размял бугристые мышцы плеч, поднял руки и сжал кулаки. Бандар обнаружил, что громадные лапы бололо, с цепкими руками и противостоящими большими пальцами, складываются в весьма впечатляющие кулаки. Он повернул тяжелую голову к Ангелу, открыл нижнюю скошенную челюсть и проревел:

— Эй, ты!

Ангел Гнева и Мщения вместе со своими легионерами представлял собой чистый архетип из внешнего круга ноосферы. В отличие от идиоматов, населявших различные События, Ситуации и Пейзажи, которыми была заполнена внутренняя часть Общего, чистые архетипы были почти исключительно заняты собой. Бандар подозревал, что для Ангела, полностью зацикленного на собственных свойствах и признаках, весьма нелегко осознать существование столь диковинного организма, как Бандар/бололо. Однако последний решил не сдаваться и привлечь внимание Ангела.

И Ангелу не удалось проигнорировать существование архетипа бололо, который промчался сквозь ряды легионеров, рассеивая их, словно игрушечных солдатиков, и с размаху врезал кулаком в бородатую ангельскую челюсть. Строгое лицо вдруг исказилось нескрываемым испугом, но только на миг. Ведь ровно столько потребовалось другому кулаку Бандара/бололо, чтобы нанести Ангелу короткий жестокий апперкот. Архетип пошатнулся. Темные крылья затрепетали, черный меч упал на землю, и Бандар, не растерявшись, обеими руками толкнул противника в грудь. Ангел медленно попятился на подкашивающихся ногах.

Они уже добрались до ограды. Бандар заметил, что по эту сторону она имела вид природной скалы. Поэтому он вернулся к исходной задаче и снова толкнул Ангела. Неподдельное изумление на лице, имев-

шем черты Малабара, померкло, и его место заняла злобная решимость, поэтому Бандар еще раз толкнул Ангела, вложив в удар всю мощь бололо. Ангел спиной вперед влетел в брешь, такую узкую, что прижатые к бокам крылья затрещали. Он едва успел вытянуть вперед руки и вцепиться пальцами в скалу. На окаменевшем лице запечатлелись ярость и твердое упорство. Ангел выпрямил ноги, вонзил в землю стальные каблуки. На плечах вздулись переплетенные канаты мускулов: очевидно, он приготовился вырваться из бреши и наброситься на Бандара/бололо.

Из груди бололо вырвался оглушительный рев.

— Н-не-е-ет!

Проворно, со скоростью, изумительной для такого великана, он присел и, перенеся тяжесть на отведенные назад руки и широкий хвост, резко ударил сцепленными ногами в грудь Ангела. Вторгшийся на чужую территорию архетип вылетел в брешь, будто пробка из бутылки шампанского, которую сильно тряхнули, перед тем как сорвать проволочку.

Расправившись с главным врагом, Бандар/бололо повернулся к Легиону, но тот угрозы не представлял. Лишившись вождя и предводителя, второстепенные архетипы растеряли весь свой энтузиазм и бесцельно бродили по полю или застыли в неподвижности. Бандар устремился к ним, раздавая оплеухи и подзатыльники, чтобы привлечь их внимание, и вскоре погнал все ковыляющее и спотыкающееся стадо к бреши в скале.

Черный меч по-прежнему лежал на каменистой почве. Бандар поднял его и швырнул в невидимый пролом в ограде. Теперь в Общем бололо не осталось ничего, кроме безбрежных равнин и единственной сущности. Внутренний голос подсказал ему, что загрязненные ячейки матрицы бололо постепенно начинают очищаться.

Бандар протянул руку к бреши в скале и объявил себе и всем остальным:

— *Нам следует закрыть это!*

И со всех сторон понеслись крики согласия.

Набрав камней и щебня, он стал заполнять пролом, стараясь не оставлять щелей. Когда кладка дошла почти до подбородка, он ощутил неодолимый порыв прекратить работу.

— Тебе пора, — прошептал внутренний голос, и он тут же оказался в своей ячейке, одной из миллионов в бесконечной матрице. Но только на мгновение. И тут же подвергся постепенному растворению, мягкому и осторожному, став сначала жидкостью, а потом прохлад-

ным туманом, улетевшим от чего-то одного к чему-то другому, и внезапно оказался в своей виртуальной плоти перед архетипом бололо. Он, как и в тот раз, долго и озадаченно взирал на Бандара, прежде чем один темный глаз медленно закрылся и открылся, и студент ошеломленно осознал: только что ему дружелюбно подмигнули!

Еще секунда — и Бандара осторожно подняли и просунули через дыру, еще оставшуюся наверху бывшей бреши. Скользя вниз по ограде, в человеческое Общее, он услышал тихий голос:

— До свидания!

Далеко впереди брели изгнанный Ангел и его безутешный Легион, направляясь к внешнему кругу. Лежавший на земле меч снова был поглощен изменчивым, подобным Протею, составом ноосферы. Молодой человек сосредоточился и запел тран аварийного выхода, после чего мигом оказался на своем стуле, в комнате без крыши, на втором этаже отеля «Сплендор». Рядом бессильно обмяк профессор Хаффли, почти повиснув на своих веревочных путах. Бандар шумно вздохнул. Донесшийся сзади грохот заставил его обернуться. Разбитая в щепки дверь валялась на полу. Дверной проем распирал гигант бололо, очевидно, на миг приостановившийся в деле разрушения отеля. В лапе поблескивала короткая, широкая, кривая сабля, с лезвия которой капала кровь. Темные глаза были устремлены на Бандара, но их обладатель растерянно моргал, словно только сейчас пробудившись от глубокого сна.

Лапа, державшая кривую саблю, медленно опустилась: очевидно, бололо собирался удалиться.

— Подожди! — крикнул Бандар.

Создание замерло. Бандар кивнул на веревки, стягивавшие его руки и ноги. Бололо с очевидным безразличием проследил за его взглядом, снова мигнул, и Бандар увидел другое присутствие, возникшее в темных глазах. Бололо протиснулся в проем, раздробив косяк, и приставил край оружия к веревочному узлу. Когда веревки были разрезаны, бололо швырнул саблю на пол и выбрался из комнаты.

Бандар растер затекшие запястья, морщась от колющей боли и глядя вслед бололо. Тот исчез в коридоре, даже не оглянувшись, после чего Бандар вернулся к Хаффли и перерезал саблей его веревки. И снова странный шум заставил его оглянуться.

Бололо вернулся! Согнувшись, он просунул в проем тяжелую голову и, совсем как в Общем, медленно закрыл и открыл глаз. Гигантская лапа поднялась к груди, а пальцы осторожно согнулись и разогнулись в прощальном приветствии.

— До свидания, — откликнулся Бандар.

На сей раз бололо ушел навсегда. Молодой человек потянул на себя все еще сидевшего Хаффли, взвалил его на плечо и покинул комнату. Без помех прошел коридор и спустился по лестнице, ведущей в салун. Зрелище, представшее его глазам, было крайне неаппетитным. Бололо, одержимые ненавистью полубезумных гидромантов, оказались не только беспощадно жестокими, но и крайне добросовестными в этой своей жестокости. Правда, в некоторых областях ноосферы Бандару довелось столкнуться с вещами и похуже — Избиение Младенцев и Разграбление Беззащитного Города представляли вопиюще жуткие зрелища, — но оказалось, что все выглядит иначе, когда жертвы невозможно воссоздать, чтобы снова и снова повторить цикл с самого начала. Из-под разбитого игорного стола выглядывали голова и торс молодой женщины, которая всего несколько часов назад приняла его заказ на эль.

Бандар тщательно огляделся, но трупа Рала Базуана нигде не увидел.

За порогом его ждали новые ужасы. Тела павших в первой атаке усеивали землю. Бандар пробирался сквозь горы трупов на другую сторону улицы, к автобусу на высоких колесах. Разрубленный надвое труп палача Базуана лежал рядом со ступенькой, ведущей к водительскому месту. Бандар запихнул Хаффли в пассажирское отделение, игнорируя бессвязные слова и непристойные ругательства, то и дело срывавшиеся с губ наставника, а сам повел экипаж к переулку, вьющемуся по направлению к Секвестрансу. Время от времени колеса натыкались на очередное препятствие, но Бандар усилием воли старался выбросить из головы мысли и образы.

Он подвел автобус к крутому склону, на котором стоял Секвестранс, и поехал параллельно ограде, дожидаясь, пока сможет свернуть за угол и спокойно пробраться по открытому пространству. Шум двигателя перекрывали нестройные крики и стоны, доносившиеся из-за стен городка. Бандар невольно задался вопросом, не является ли причиной всего этого «отдача», вызванная злонамеренным обращением гидромантов к главным архетипам и особенно тесной связью Малабара с Ангелом Гнева и Мщения: недаром Бандар подозревал, что его высокопреосвященство с самого начала был на волосок от полного безумия, так что канал казался не только открыт, но и на диво хорошо смазан.

Из пассажирского отделения раздавались вопли Хаффли, энергично спорившего с невидимым собеседником. Смысл спора, очевидно,

заключался в том, что поскольку он сам испек торт, то и первый кусок достанется ему, а вонючие соседи по комнате могут смирно дожидаться своей очереди. Прислушиваясь к бреду, Бандар заключил, что потрясение отбросило старика в годы юности, когда ему приходилось делить жилище с неприятным молодым человеком, которого Хаффли прозвал Фартиуифф*.

Поэтому он позволил наставнику молоть чушь и сосредоточился на более важной задаче — вывести машину к убогому космопорту. Когда они наконец прибыли, Хаффли полушипел-полусвистел нечто, напоминающее «Милорд Хай Хайдин из Фуллдудлдома».

Бандар устроил старика как можно удобнее на потертом диванчике в сарае и прежде всего убедился, что ваучеры на путешествие попрежнему лежат в бумажнике наставника, после чего включил маяк, долженствующий просигналить любому пролетающему космическому судну, что пассажиры желают как можно скорее выбраться из этого мира.

На борту лайнера второго класса Бандар написал ряд статей, где излагал сделанные им открытия: о возможности телепатических взаимодействий межвидовых ноосфер, о способности психоза, вызванного архетипами, проникать через границы ноосфер и о том, что телепатические виды могут иметь общий архетип, в котором содержатся не только мертвые, но еще даже не рожденные индивидуумы (последнее соображение включало в себя кое-какие занимательные метафизические аспекты), что человеческое сознание может быть поглощено чуждым архетипом и исторгнуто обратно без всяких признаков психоза. Бандар утверждал это, основываясь на собственном опыте, и был почти убежден: он возвращается домой совершенно нормальным и в своем уме.

К сожалению, о профессоре Хаффли этого никак не скажешь: бедняга с каждым днем все глубже погружался в собственный обособленный мир постоянных споров, яростных дискуссий и злобных ссор, в которых он, хоть и зачастую осаждаемый, все же ухитрялся неизменно восторжествовать к тому времени, когда наступала пора отойти ко сну.

Когда лайнер приземлился в космопорту Олкни, неподалеку от берега на островке в заливе Морнеди, Бандар, к своему величайшему

** Приблизительный перевод с английского — вонючка. (Прим. перев.)*

удивлению, обнаружил у подножья трапа делегацию руководителей Института и старшекурсников. Он позволил Хаффли спуститься первым. Старик снова оказался на Старой Земле, но не заметил этого, занятый односторонними дебатами с гнусным Фартиуиффом.

Едва профессор достиг группы встречающих, вперед выступил не кто иной, как сам Верховный декан Фазертуайт и сдержанным, но исполненным ярости тоном пожелал узнать, что такого умудрился сотворить профессор на планете Гамза и почему на сокровищницу Института посягают некие обитатели дальних миров, выдвинувшие серьезные обвинения и требования возмещения огромного финансового ущерба.

— Какой-то негодяй по имени Рал Базуан — откуда только они берут эти варварские имена? — требует оплатить расходы на восстановление целого города, снесенного с лица земли. Он предъявляет иск на совершенно немыслимые суммы за общие, частные и штрафные убытки. Кроме того, какой-то трансцендентный шарлатан желает вашего возвращения с тем, чтобы подвергнуть суду. Насколько я понял, преступление, в котором вас обвиняют, по тамошним законам карается казнью, сопровождаемой оживлением столько раз, сколько выдержит ваше тело.

Хаффли рассеянно глянул в направлении Верховного декана, но Бандар заметил, что старик абсолютно не осознает происходящего.

— Боюсь, профессор Хаффли страдает от приступа адбдабса, — шепнул он, имея в виду болезнь, иногда поражающую ноонавтов, которые, говоря на институтском жаргоне, «чересчур задержались на ярмарке».

Фазертуайт уставился на Хаффли и впервые прислушался к его бессвязной болтовне.

— По мне, так больше похоже на полный идиотизм, — возразил он. — Я всегда считал, что он этому подвержен. В любом случае, его придется отправить в психушку.

Едва успев изречь приговор, Верховный декан просветлел и сладострастно потер ладони.

— Разумеется, это означает, что в таком состоянии он не имел права представлять институт, и следовательно, все претензии к нам несущественны, поскольку за действия безумца мы не отвечаем.

Он снова потер ладони с сухим шуршащим звуком, напоминавшим треск крыльев насекомого.

— Где мой летающий экипаж? Мы и так уже опоздали на ланч.

— Сэр, — осмелился вмешаться Бандар. — В результате наших ис-

следований у меня появилась сверхновая информация. Я взял на себя вольность написать четыре статьи.

Фазертуайт на мгновение застыл, прежде чем уставиться на студента.

— А собственно, кто вы такой?

— Гут Бандар, сэр, третий курс.

— Вы были с Хаффли во время всего этого безобразия?

— Да, сэр.

— А теперь хорошенько подумайте, прежде чем ответить, — велел Верховный декан, сопровождая слова многозначительным взглядом. — Вы называли свое имя кому-нибудь на Гамзе?

— Абсолютно уверен, что нет.

— Были ли вы официально представлены как посланец Института? Возможно, от вас требовали удостоверение личности. Показывали вы его кому-нибудь?

— Нет. Я не был официально уполномочен представлять Институт.

— Прекрасно, потому что вы никоим образом не связаны с Институтом.

— Но, милорд Верховный декан...

Фазертуайт подался к нему и подмигнул:

— Приходите через год-другой, когда все забудется, как поэзия Чоллисенга, и мы снова вас примем. Понятно? Ну вот и молодец.

Он отвернулся со счастливым видом человека, которому только что удалось вывернуться из крайне неприятного положения.

— Но, сэр, новые данные! — крикнул Бандар ему в спину и, вытащив из ранца стопку бумаг, беспомощно ими взмахнул. Однако мощный гул двигателей снижавшегося воздушного автомобиля Верховного декана заглушил его слова. Остальное начальство расселось по своим роскошным креслам, и машина рванулась вперед. Поднявшийся ветер вырвал листки из рук Бандара и развеял по волнам залива Морнеди.

Профессор Хаффли презрительно прищурился, провожая взглядом удалявшуюся машину:

— Этот недоумок Фартиуифф, — пробормотал он ни к селу, ни к городу.

Перевела с английского
Татьяна ПЕРЦЕВА

© Matthew Hughes. A Herd of Opportunity. 2006. Публикуется с разрешения журнала «Fantasy & Science Fiction».

НИКОЛАЙ ГОРНОВ

ПРОЕКТ

Иллюстрация Людмилы ОДИНЦОВОЙ

«ОРАКУЛ»

Критяне всегда лжецы: даже могилу твою, о владыка,
Критяне выдумали. Но ты не умер: ведь ты вечен...
Эпименид. «Оракулы».

Старинным механизмом шлюза Киму пришлось повозиться. Наконец вакуумные затворы щелкнули и с громким шипением всосали чужой воздух. Перед тем как сдвинуть люк, он непроизвольно задержал дыхание. Туча серой пыли, поднявшаяся при посадке, еще не осела.

— И где же твой маяк? — Через плечо брата Тор с любопытством разглядывал каменистую равнину, которая растянулась до далекой горной гряды на горизонте. — Немного промахнулись, да?

Ким поморщился. На каждый вдох и выдох бок отзывался тупой болью. Не сильной, но раздражающей.

— Если тебе что-то не нравится, можешь остаться в модуле.

— Нельзя тебя отпускать одного. Ты переговоры провалишь...

Посадка получилась жесткой. Если бы кто-то увидел ее со стороны, мог бы подумать, что модуль просто упал. Две из трех посадочных стоек вышли из строя, но, по счастью, стойки успели принять на себя значительную часть удара о грунт.

— Не думаю, что этот аппарат сможет теперь взлететь. — Взгляд Тора остановился на потухшей антенне импульсной навигационной системы.

— Я же извинился...

— Жаль, но он не услышит твоих извинений!

— Кто не услышит? — не понял Ким.

— Модуль, — охотно пояснил Тор. — Ты случайно не запомнил его номер в судовом регистре? Надо бы обряд заказать. Иначе Спаситель не возьмет к себе его чистую душу.

Ким окинул оценивающим взглядом корпус и стойки. Шлюз теперь точно не закроется. А если и закроется, то далеко не с первой попытки. Они выложили за этот аппарат свои последние сбережения, но тратить на него время уже не имело смысла. Модуль годился только в переработку...

— Я ведь о чем беспокоюсь, — не унимался Тор. — Подняться до орбиты — не самая большая проблема. Хуже, что придется крутиться там несколько месяцев. Ты уверен, что какой-нибудь из кораблей Перевозчиков обязательно прихватит нас на обратном пути в Сектор?

— Нам пора, — напомнил Ким. Ворчание брата он привычно про-

пускал мимо ушей. Знал, что если не ввязываться в дискуссию, Тор быстро остынет. Большую часть пути они шли молча...

Сегург не сбежал — дождался. Братья обнаружили его неподалеку от маяка, на большом валуне.

— Что я говорил? Опоздали. Заснуло твое животное!

— Проснется, — отмахнулся Ким. — Только постарайся обходиться без оскорблений. Говорят, сегурги хорошо слышат. Даже во сне.

— Темнеет уже. Похоже, он до самого рассвета отключился. Ты помнишь, что темное время суток на этой планете длится пятьдесят семь стандартных часов?

— Не каркай.

— Как ты сказал?

— Я сказал: не каркай!

— Слушай, сколько можно? — возмутился Тор. — Ты прекрасно знаешь, что у меня установлена более дешевая версия нейронной сети. В ней отсутствуют такие излишки, как словарь архаичных слов. Я ничего не понимаю, когда ты говоришь: «изыди», «некаркай» или «жаба-позорная»...

Ким ничего не сказал и опустился на камень рядом с сегургом. На ощупь камень оказался шершавым и теплым. Сидеть на нем было даже приятно. И Ким с удовольствием вытянул уставшие ноги. Дорога до маяка вышла длиннее, чем он рассчитывал. На плоской равнине довольно трудно оценить расстояние, так что глотать пыль им пришлось без малого три стандартных часа. И Ким вполне понимал недовольство брата. Тор очень не любил ходить пешком и считал такой способ перемещения в пространстве недостойным цивилизованного человека.

— Если хочешь, иди в маяк, — примирительно предложил Ким. — Сегурга я и сам могу посторожить.

Тор задумчиво вычерчивал носком ботинка геометрические фигуры. Сначала у него получился круг, потом два квадрата, потом еще один круг.

— Ты не знаешь, что это означает? — поинтересовался он у Кима.

— Где-то я уже видел такое сочетание фигур. Причем недавно. Если очень интересует, спроси у Информатора.

— И я видел. И тоже не так давно. А у Информатора я спросить не могу. Во-первых, выбрал свой лимит, а во-вторых, к Информатору почему-то нет доступа. И мне это не нравится. Как мы будем работать, если с этой планеты нет даже доступа к Информатору?

— Для начала, мы не станем паниковать, — предложил Ким. — Вполне вероятно, что доступа нет только на этом плато. В других местах мы еще не проверяли.

— У меня странное предчувствие. Не могу сказать, что мне категорически не нравится планета. Просто здесь неуютно как-то...

Странное предчувствие было и у Кима. Уж слишком неожиданно ворвался в их жизнь этот сегург. Выглядел он расстроенным и каким-то взъерошенным. И вел себя совсем не как сегург. Впрочем, откуда бы Киму знать всех сегургов? Наверняка среди них попадаются разные особи. Должны быть и такие, которые ведут себя скромно и вежливо. Этот, во всяком случае, даже раскланялся с порога мастерской. А после длинного и витиеватого приветствия пояснил, что ему рекомендовали братьев, как лучших на Секторе специалистов в области сервейинга. На срединном языке сегург говорил довольно чисто. И даже диалектом Сектора владел, что совсем уж было удивительно.

Семейная компания братьев, мягко говоря, не процветала. А если смотреть правде в глаза, они уже несколько стандартных лет перебивались лишь случайными и мелкими заработками. И всерьез подумывали о том, чтобы перебраться с Сектора на одну из более дешевых планет ближней Периферии. Так что заказчик подвернулся очень вовремя, когда ресурсы в очередной раз истощились почти до нуля. А сегург владел планетой, которая досталась ему в наследство. И он очень хотел, чтобы собственность приносила доход.

— Не вижу проблем, — заверил повеселевший Тор. — Наши условия стандартные: десять процентов. Если возражений нет, можем обсудить детали...

Сначала и Киму задача показалась совсем не сложной. Досадные подробности открылись чуть позже. Оказалось, что сегург получил наследство с обременением. И полностью распоряжаться своим имуществом не мог. Завещатель запрещал заселять планету, использовать ее под любые виды производства, разрабатывать недра, добывать полезные ископаемые, влиять на климат, подвергать атмосферу и поверхность планеты пластическому модифицированию, а также производить любые иные необратимые изменения. Фактически, наследнику вообще ничего не разрешалось делать со своим имуществом. Он даже продать его не мог. За любое из запрещенных действий он автоматически лишался наследства, и тогда планета поступала в управление некоего Фонда Памяти Сегургов. Адрес прилагался: Си987690, Третий Уровень, Сектор.

Именно так звучало предсмертное распоряжение Общинного Отца, которое он — хитрая рептилия — не просто произнес вслух перед своим наследником, когда лежал на смертном одре, а еще и грамотно оформил. Ким тщательно исследовал весь документ — не подкопаешь-

ся. Никаких зацепок. Распоряжение было продиктовано Общинным Отцом лично. Заверено присутствующим при оглашении завещания Посредником. Так что процедура обжалования исключалась.

Братья попросили у сегурга неделю на раздумье. Сегург не согласился. Сказал, что готов ждать не больше двух стандартных дней. После чего он считает предварительную договоренность недействительной и находит других сервейеров, которые окажутся сговорчивей.

— И что тут думать? — возмутился Тор, когда сегург ушел. — Надо соглашаться.

— Сначала посмотри, что есть по этой планете в открытых источниках, — задумчиво сказал Ким. Что-то его смущало. Но пока он не мог понять, что именно.

Тор закрыл глаза и сосредоточился на запросе.

— Судя по всему, это Тарис-37, — пояснил он спустя минуту. — Небесное тело было открыто более тысячи стандартных лет назад экспедицией Зигмунда Поллака, который назвал планету именем своей жены — Амалии. Чуть позже ее подвергли процедуре мягкой модификации по типу «Тарис» и сразу переименовали. Людьми никогда не заселялась. После модификации свои права на нее предъявили сегурги. Подробностей нет. Вероятно, обошлось без конфликта...

Тор замолчал.

— Что-то еще? — поторопил Ким.

— Находится на периферии Срединной Зоны. Довольно далеко от Сектора. Если судить по описанию в реестре, никаких особых достоинств не имеет. Три материка, атмосфера азотно-кислородная, ландшафт горно-равнинный. Растительный покров — стандартный. Содержание воды в атмосфере — стандартное. Содержание азота — на полпроцента выше стандарта. В общем, имущество малоценное, да еще расположено далеко от всех транспортных узлов. Не имею ни малейшего представления, как здесь можно заработать.

— Головоломка, — заметил Ким.

— А ты как хотел? — Тор развел руками. — Иначе бы мы точно ничего не получили. С нашим-то везением...

* * *

Сегурга Ким едва не прозевал. Он и сам успел задремать на теплом камне.

— Ты пришел, человек? — Голос у Избранного был скрипучим и неприятным.

— Да, я уже здесь, — встрепенулся Ким.

Сегург сложил спинной гребень и медленно повернул голову. Сегурги все делали медленно: ели, ходили, говорили. И от этой неторопливости каждое их движение казалось наполненным глубоким смыслом.

— Ночь наступает.

— Вижу, — кивнул Ким и огляделся.

— Второй человек сидит в маяке, — подсказал сегург. — И тебе лучше поторопиться. Ночь наступает. Я приготовил вам запас пищи. Надеюсь, не ошибся в выборе...

— Нам нужно обсудить условия контракта, — напомнил Ким. — Я не тороплюсь, конечно, но и оттягивать наш разговор не имеет смысла. У меня есть для Избранного интересное предложение.

— Говори, — согласился сегург.

— Заранее прошу извинить, если я скажу нечто оскорбительное для вашей расы. К сожалению, я не очень большой знаток культуры сегургов... — У Кима от волнения пересохло в горле. — В общем, я хотел уточнить, знает ли Избранный о планете, которая периодически исчезает, а потом появляется вновь? В наших архивах ее называли Оракулом.

— Что могут знать о ней люди? — Судя по тому, что сегург заговорил быстрей, он заволновался.

— Ничего, — сказал Ким. — Несколько наших экспедиций отправлялись на поиски Оракула, но так и не нашли планету. Или нашли, но никому не успели рассказать. Но было несколько сообщений, записанных со слов сегургов. Я наткнулся на эту информацию случайно, когда просматривал архивы первых исследователей Срединной Зоны. Этим документам больше тысячи стандартных лет.

— Наша система передачи знаний до недавнего времени запрещала фиксировать информацию в виде знаков и символов. У нас нет архивов в вашем понимании. А вся информация, которая передается устно, сильно искажается.

— Избранный не хочет обсуждать эту тему? — спросил Ким.

— Некоторые вещи не принято обсуждать с теми, кто не принадлежит к нашей расе.

— Почему?

— Много причин.

— Говорят, на Оракуле есть удивительные сооружения. Еще говорят, что там находится место, куда поступают знания о Будущем.

Сегург прикрыл глаза и некоторое время молчал.

— Так говорят, да. Но я не поручусь за достоверность этих слов. Планета исчезла. Это случилось давно. Прошло много сотен ваших лет. И с тех пор никто ее не видел.

— Значит, самое время найти Оракул, — заключил Ким. — И почему же Оракулом не может оказаться та планета, которой владеет Избранный? Я уверен, такая находка вызовет самый живой интерес. Владелец сможет получать хорошую прибыль от туризма. И это прекрасная возможность обойти все ловушки, которые расставил в завещании Общинный Отец. Я проверил, в документе нет ни слова о том, что нельзя демонстрировать достопримечательности планеты.

— Какие достопримечательности? — удивился сегург. — То, что здесь есть, никого не заинтересует.

— Это уже наши проблемы, — твердо сказал Ким. — Достопримечательности будут. И храмовые объекты древних культов, и все остальное... У вашей расы есть древние культы?

— Они есть у каждой расы. Но вы, люди, не можете представить всех сложностей...

— Справляться со сложностями — наша работа. Я уже все обдумал. С какой периодичностью Посредник обязан проверять соблюдение условий завещания?

— Не реже одного раза в ваш год. — В глубине узких зрачков сегурга промелькнул слабый огонек надежды. — Последний раз он был здесь два стандартных месяца назад.

— Успеем, — заверил Ким. — Если начинать прямо сейчас, не откладывая...

— Сколько я буду должен за управление? — прервал его сегург.

Ким смутился. Он всегда смущался, когда дело доходило до обсуждения материальной стороны проекта.

— С учетом времени подготовки и коэффициента сложности... — Ким сделал вид, что считает. — Пятнадцать процентов.

— Много, — не согласился сегург.

— Четырнадцать процентов, — уступил Ким. — Но это наше последнее предложение. Избранный должен понимать, что нам понадобятся инвестиционные ресурсы. И рассчитываться с инвесторами мы будем из своих комиссионных. Окупаемость проекта, по нашим расчетам, составит около пяти лет. Мы можем подписать контракт с оговоркой, что спустя пять лет сумма ежегодного вознаграждения будет пересмотрена в сторону понижения. До девяти процентов, например. Согласны?

— Мне нужно подумать. Свой ответ дам утром...

Ким и сказать ничего не успел, как сегург исчез. Только что сидел напротив Кима, распушив спинной гребень, а спустя мгновение его уже не было.

— Эй, Избранный! — Ким огорченно оглянулся по сторонам. — Что еще за игры?

Багровый диск местного светила завалился за горизонт. И ветер заметно усилился, закручивая мелкие частицы пыли в длинные спирали. Ким несколько раз обошел вокруг камня в надежде разглядеть хотя бы след исчезнувшего сегурга. Но ровный серый слой остался нетронутым. Словно тот улетел по воздуху.

Придется ждать до утра. Это плохо...

* * *

Маяки такого типа считались надежными. Они выпускались долго и в разных модификациях. Маяк на Тарисе-37 предназначался, судя по всему, для планет с агрессивными атмосферами. Но стоял он здесь так давно, что рабочий оголовок за это время практически разрушился. Как он еще функционировал при этом — полная загадка...

— Настоящий памятник эпохи первопроходцев, — проворчал Тор, который расположился прямо на полу. Если в операторском отсеке и предполагались удобства, они уже давно вышли из строя.

— Не поверишь, но ни одна из систем жизнеобеспечения не работает. — Тор с тоской посмотрел на шарик своего кома, в глубине которого мелькали неяркие вспышки. — Я все проверил, пока вы там с этим сегургом дремали на камне. И даже новости услышать не сумел. Сплошные помехи в канале. Хорошо хоть атмосферные фильтры пока держатся.

— А что-нибудь жизнеутверждающее есть? — вяло поинтересовался Ким.

— Есть. Кто-то оставил здесь большой запас еды и питьевой воды.

Тор кивнул в сторону угла, где аккуратной кучкой были сложены брикеты армейского рациона. Ким дотянулся и покрутил в руках сухую плитку. Ни запаха, ни вкуса. Цвет тоже не самый приятный — буро-зеленоватый. Зато компактно и питательно. По энергетической насыщенности одного такого рациона хватало на сутки. Даже при сильных физических нагрузках. Когда они с Тором выходили в минус, то дешевая армейская пища всегда выручала.

— От голода не умрем, — заключил Ким и положил брикет на место.

— Судя по твоему настроению, сегург или сбежал вовсе, или объявится только утром, — сделал вывод Тор. — Мама, ну зачем ты произвела меня на свет!

— Не было у нас мамы, — нахмурился Ким. — Утром сегург обязательно подпишет контракт. Я тебе обещаю. Отступать некуда. Через семьдесят стандартных часов здесь будет группа архитекторов Фонда

Созидания. И еще, насколько я знаю, эту планету собрался посетить сам Почетный Консул.

— Погоди, — растерянно сказал Тор. — Как это?.. Контракт с сегургом у нас еще не подписан, а с Фондом Созидания ты уже сговорился? Но тебе и этого показалось мало, и тогда ты решил заинтересовать нашим проектом персонально Проктора Пятого.

— С Проктором я ни о чем не говорил, клянусь!

— А почему он захотел осмотреть Тарис-37?

— Сам не понимаю...

— Хвала тебе, Спаситель! — Тор сложил ладони лодочкой и сделал четыре ритуальных поклона. — Вот и закончилась черная полоса в нашей жизни. Теперь мы точно покойники. А у покойников проблем не бывает.

— Ну, я так не думаю, — пробормотал Ким. — Сегург согласится. У него нет другого выхода. Я все уже просчитал несколько раз...

— Кто просчитал? Ты просчитал? — Тор пристально посмотрел на брата и рассмеялся.

— Не вижу причин для смеха, — почесал в затылке Ким и тоже расхохотался.

— Ладно, — выдавил из себя Тор, когда справился с приступом истеричного веселья. — Глупо цепляться за такую нелепую жизнь, как у нас. Кстати, чем мы займемся в эти последние семьдесят часов?

— Лично я собираюсь выспаться, — сказал Ким и растянулся на полу.

Но сразу заснуть Киму не удалось. Сначала ему мешал Тор, который еще долго ворчал и жаловался на свою незадавшуюся жизнь. А когда он успокоился, заголосил ветер. Ким понимал, что маяк рассчитан на атмосферные нагрузки, но ему все равно стало не по себе, когда завибрировали толстые стены, армированные моноволокном толщиной в руку. Зато Тор, который только что долго рассуждал на тему «сон — это напрасно потраченное драгоценное время», опять уснул первым.

Ким некоторое время ворочался, потом тихо поднялся и протиснулся через узкий лаз в верхнюю часть маяка. Там он обнаружил кресло оператора, которое почти развалилось от старости. Наверху порывы ветра чувствовались еще сильнее. Ким пристроился в кресле, прикрыл глаза и задумался. И чем больше он размышлял, тем сильнее ему нравились простота и изящество этого проекта. Эта идея пришла Киму в голову совершенно неожиданно. За те двое суток, что они выторговали у сегурга, Ким спал всего пару стандартных часов. И когда уже перебрал все возможные и невозможные способы коммерческого исполь-

зования Тариса-37 и понял, что такой орешек ему явно не по зубам, он чудом наткнулся на Оракул.

Вернее, наткнулся на него Тор, который все это время продолжал методично сканировать архивы Срединного Сектора, вылавливая в потоках информации любые упоминания о сегургах. От отчаяния Тор сгребал все: историю, культуру, планетографию, архитектуру, кулинарию. И тут ему на глаза попалась малоприметная папка с отчетами второй экспедиции Зигмунда Поллака. Информация о странной планете Тора заинтересовала. Он сразу пересказал ее брату. Ким поймал подсказку на лету. В этот момент у него в голове словно взорвался вакуумный заряд планетарного калибра. И яркая вспышка выхватила из темноты подсознания единственно правильное решение. С черновым вариантом проекта «Оракул» Ким справился за оставшийся час...

Корабли экспедиции Поллака бороздили пространство в двух кластерах Срединой Зоны: Р-2-2-4 и Р-2-2-5. А это совсем неподалеку от Тариса-37. Так что проблем возникнуть не должно. Да и владелец планеты принадлежал к весьма уважаемой у сегургов Общине — Плывущие над Белыми Облаками. И это тоже было хорошо. Настоящая проблема, по мнению Кима, оставалась только одна — ресурсы. Ведь даже малейшая попытка собрать их самостоятельно привлечет ненужное внимание. Именно поэтому Ким предложил обратиться к Фонду Созидания. Но такая мысль сразу пришлась не по душе Тору.

— Ты шутишь? — возмутился он. — Или у тебя сбой в нейронной сети?

— Нет, я не шучу. — Ким говорил размеренно и спокойно, как в детстве, когда нужно было объяснить Тору некоторые сложные вещи, которые тот никак не мог понять. — Не забывай, проект весьма сомнительный. Когда нас поставят потом перед Комиссией по этике, что ты будешь говорить?

— А другие варианты есть?

— Еще мы можем податься в Унию Передвижников.

Тор скривился.

— Видишь, — усмехнулся Ким. — Все мои предложения тебя не устраивают. А Фонд Созидания, насколько я знаю, придерживается хоть каких-то принципов. В отличие от тех же Передвижников. Да и Совет Консулов умеет хранить секреты...

— Умеет, — охотно согласился Тор. — Насчет секретов — это ты хорошо сказал. А ты когда-нибудь задумывался о происхождении ресурсов Фонда Созидания? Откуда вообще они берутся, да еще в таком количестве?

— Не задумывался. И не собираюсь. Главное, чтобы Совет консулов поверил в доходность нашего проекта.

— А я задумывался. Люблю, знаешь, на досуге поразмышлять. И меня очень смущает количество тех людей, которые пытались в свое время работать с Фондом. Напомнить, сколько из них давно превратились в межзвездное вещество? Кстати, они тоже искали свое счастье. И нашли.

— То есть ты категорически возражаешь? — уточнил Ким. — Хорошо. Спорить не стану. С Фондом Созидания мы не работаем. Там собрались отвратительные люди. Они играют не в ту игру и не по нашим правилам. Отныне мы заклеймим их позором, испепелим презрением и проклянем навечно...

* * *

Утром ветер стих. Пыль опять улеглась ровным серым слоем. Сегург объявился, как и обещал. И даже согласился на все условия. Ким готовился к более серьезному сопротивлению и потому слегка растерялся. Хорошо, что Тор перехватил в этот момент инициативу.

— Просто замечательно, — бодро сказал он и развернул перед сегургом планшет. — Значит, по основному вопросу возражений нет. Самое время утвердить концепцию...

На ее краткое изложение Тору понадобился почти час. Он продемонстрировал Избранному наброски и эскизы с черновой компоновкой объектов, рассказал обо всех этапах и даже привел три варианта расчетной доходности.

— Прошу обратить особое внимание Избранного на то, что все активы будут задействованы практически полностью. Коэффициент использования 0,88, — гордо сообщил Тор. — И это наивысший показатель для планет такого класса...

Держался Тор хорошо. Скупые жесты, деловой тон, голос с приятными для слуха сегургов бархатными обертонами. Сегург слушал внимательно, изредка наклоняя голову то вправо, то влево. Только один раз он ткнул когтистой лапкой в красочный эскиз:

— Что это?

— Энергетическая станция, — пояснил Тор. — Мощность невысокая, согласен, зато коэффициент...

— Нельзя здесь, — перебил сегург.

Тор пожал плечами.

— Как скажет Избранный. Поставим в другом месте...

Фонд Созидания тоже не подвел. Три автоматических транспортных буя появились в небе в оговоренный срок — секунда в секунду. Осты-

вающие сферы плавно опустились на грунт, одновременно получили команду на прием груза, одновременно взревели, завертелись, окутанные клубами пыли, и распались пятью лепестками. В полной тишине с приемной платформы соскользнули угловатые машины охраны, развернулись в боевом порядке вокруг маяка и замерли без движения. Каждая на своей позиции...

— Не очень-то они высокого мнения о нашем гостеприимстве, — проворчал Тор.

— Отступаем к маяку, — сказал Ким. — Таких гостей раздражать не рекомендуется. И не делай необдуманных движений. Медленно поднялись, медленно пошли.

— Слушаюсь, офицер! — Тор хмыкнул. — Разрешите выполнять, офицер?

— Отставить. Кажется, уже поздно...

Новые буи опускались один за другим. С приемных платформ съезжала техника, организованно спрыгивали люди в легком боевом снаряжении. Две группы окружили маяк. Еще одна группа сразу принялась за полевой командный пункт. Почетный консул появился последним — в тройном кольце охраны, свиты и шестерых помощников. Невысокий седой старик был одет в старую форму Экспедиционного корпуса, которую Ким никак не ожидал увидеть так далеко от музейной экспозиции Сектора.

— Проктор Пятый, путешествующий в одиночестве, — не удержался от ехидного замечания Тор. — Могу только догадываться, сколько Фонд отдаст Перевозчикам за его транспортировку. Нам с тобой хватило бы на три года безбедной жизни...

— Если хочешь умереть от старости, следи за языком, — прошептал Ким и изобразил на лице максимально приветливое выражение. Проктор со свитой неумолимо приближались. Ким несколько раз медленно вдохнул и выдохнул, замедляя сердцебиение. Он ожидал увидеть полную развалину, привязанную к автономной системе, но Проктор, как ни странно, был относительно молод и энергичен. Во всяком случае, в пространстве он перемещался самостоятельно, а говорил без помощи модулятора. И говорил много. Помощники едва успевали фиксировать все его распоряжения.

— Вот уж не думал, что мне придется когда-нибудь иметь дело с челами. — Проктор остановился и внимательно оглядел братьев. — Ваш тип генокода?

— Браво-9, — не стал скрывать Ким и покосился на Тора. Он заметил, как тот напрягся. На любые вопросы о происхождении Тор всегда

реагировал болезненно. А иногда и слишком бурно. Поскольку сегрегация была законодательно запрещена на всех планетах Срединного Сектора, то формально люди считались равными в правах. Вне зависимости от способа появления на свет. Но элита из натуралов всегда находила способы удержать челов на определенной дистанции...

Почетный Консул поправил внешний чип, который по старинке торчал у него за ухом. На губах промелькнула легкая усмешка.

— Главный ударный корпус пятой штурмовой бригады Объединенной группы флотов. «Кобальт» — это ваш позывной?

Ким равнодушно пожал плечами. После увольнения со службы нейронную сеть им основательно почистили. Стерли все боевые рефлексы, а заодно и память о последних пяти годах жизни. Стандартная, в общем-то, процедура для всех офицеров с литерой УБД — участие в боевых действиях. Правда, братьям пришлось пройти менторегулирование дважды. С первого раза, как сказал техник, не все получилось гладко. Видимо, во второй раз регулировщик немного перестарался. И теперь Ким даже детство свое вспоминал с большим трудом.

Так что прежний Ким давно умер. А сегодняшний твердо знал, что все его старые заслуги, если таковые даже имелись, в новой жизни не пригодятся. Плохо только, что Почетному консулу доступна секретная информация, которая по действующим регламентам должна быть давно уничтожена...

— Жаль, — сказал Проктор, который расценил молчание Кима посвоему. — Такие парни могли бы нам пригодиться. Вы слишком сообразительны даже для офицеров элитных войск. Кто вообще это придумал — «стирать» мозги сообразительным парням?

Он резко обернулся к помощникам, которые полукругом расположились за спиной.

— Ну, готово у вас?

Все шестеро одновременно закивали.

— Не будем напрасно тратить время, офицеры. Приглашаю в мою временную резиденцию. Мне не терпится узнать, что вы намерены сотворить с этой жалкой планетой. Если идея мне понравится, ресурсы выделю в достаточном количестве...

* * *

Место для временной базы Ким выбирал лично. Жилой блок он поставил так, чтобы сразу за огороженной площадкой начинался большой водоем. Ранним утром, когда Тор еще спал, Ким бродил в одиночестве по его берегу, сплошь усыпанному мельчайшими кристаллами

кварца. Когда слой кристаллов напитывался влагой, он легко принимал форму босых ног и долго хранил следы. В туманные дни кристаллы казались светло-серыми, но когда туман рассеивался, а красный диск звезды ИР-2-2-63 начинал подниматься над водным горизонтом, они переливались всеми цветами спектра. Еще Киму нравилось засыпать под убаюкивающий, равномерный шум, с которым пенные языки воды выбрасывались на пологий склон, а потом обессиленно скатывались обратно. Нравился ему и запах этой воды — терпкий, с сильными тонами соли...

— О чем задумался?

Ким удивленно обернулся. Он не ожидал, что Тор заберется так далеко от жилого блока.

— Ни о чем. Просто сижу и слушаю, как плещется вода. Странно, да?

Ким набрал горсть кварца и подставил открытую ладонь легкому ветру. Тор присел рядом. Некоторое время оба молчали.

— Тебя что-то тревожит? — поинтересовался Ким. — Мы выбились из графика?

— Нет, с графиком все в порядке. — Тор вытянул ноги. — Просто никак не могу привыкнуть к этой планете.

— У тебя планшет с собой? Разверни, — попросил Ким. — Хочу кое-что посмотреть...

Тор вытащил из нагрудного кармана гибкую пластинку. Ее субмолекулярное покрытие вспыхнуло голубым сиянием. Воздух задрожал. Перед лицом Кима сразу развернулась большая проекция планеты.

— Покажи узловые точки. Только в плане...

Шар растянулся в плоскости. Узловые точки загорелись красным. Ким отошел подальше и прищурился.

— Теперь следи внимательно за рукой, — попросил он. — Я соединю вот эти двадцать две точки линиями. Что получается?

Рубиновым цветом вспыхнули четыре геометрические фигуры.

— Круг, два квадрата и еще один круг, — опешил Тор. — И давно ты догадался?

— Пару часов назад. А проверил только что — при тебе.

— Что будем делать? Я, кстати, все архивы тогда перевернул. Как только доступ к Информатору получил. Никаких зацепок. Пусто. Произвольный набор символов.

Ким поднялся и тщательно отряхнул короткие штаны. С любимым комбинезоном ему пришлось расстаться — слишком жарко было в этих широтах.

— Ну и хорошо. Значит, нет повода для волнений. Считай это простым совпадением.

— Мне такие совпадения не нравятся, — заметил Тор. — Я думаю, нужно срочно внести изменения в проект. И архитекторов из Фонда я к нему не подпущу.

— Не успеешь, — поморщился Ким. — Сейчас две узловые точки перенеси в сторону — и все развалится. А отложить работы еще на месяц мы не сможем. Когда прибывает техника?

— Перевозчики уже на подходе. Я только что с консулом из Фонда разговаривал, который занимается вопросами транспортировки. Он сказал, что караван лег в дрейф. На нашей орбите транспортные корабли будут максимум через пятнадцать стандартных часов.

— Это хорошо. — Ким отключил планшет и вернул его Тору. — Только начинайте с Северного континента. Там всего одно поселение сегургов. Южный и Центральный континенты пока не трогайте. Хорошо бы мне успеть до начала работ со всеми Старейшинами еще раз встретиться...

Час спустя самый мощный рейдер атмосферного класса с опознавательным знаком Фонда Созидания на круглом брюхе бесшумно разорвал плотный облачный покров и лег на курс. Киму хотелось до наступления сумерек оказаться в Хаоах — самом большом поселении сегургов на Центральном континенте. А по дороге нужно прихватить Избранного. Ни один Старейшина не знал Срединного языка, а Ким не понимал языка сегургов. И каждый раз ему приходилось брать с собой Избранного, чтобы тот переводил длинные списки всевозможных претензий, которые регулярно поступали от каждого из Старейшин. Некоторые претензии были справедливы, конечно. Но в основном недовольство сегургов вытекало из базовой проблемы: им просто не нравилось, что на планете появились люди...

Уклад Общины Плывущих над Белыми Облаками не менялся минимум пять тысячелетий. Это само по себе удивительно. Но все же самый большой сюрприз преподнес Киму Избранный. Оказалось, что он вообще никакой властью в Общине не обладает. В каждом поселении авторитетом пользовались свои Старейшины. Прежний Общинный Отец сумел каким-то образом взять общую власть в свои руки. И держал ее довольно долго. А когда собрался уходить в Сумерки, вполне обоснованно засомневался, что Старейшины сумеют быстро договориться. На этот случай он и предусмотрел промежуточный вариант, при котором все законные права на Тарис-37 временно переходили к Избранному — до выборов нового Общинного Отца. Видимо, этот план он придумал

на ходу. Старейшины ничего не поняли, поэтому возражать не стали. Зато потом, когда во всем разобрались, случился скандал.

В итоге и нового Общинного Отца они не избрали, и Избранного отказались признавать. В трех относительно молодых поселениях к его мнению хотя бы прислушивались, но в старые поселения Избранного даже пускать не хотели. Так что в хитросплетения всех внутриобщинных отношений Киму пришлось вникать самостоятельно. В этом вопросе Избранный оказался плохим помощником. Он и сам вернулся на родную планету не так давно. А до того почти десять лет провел на Секторе. Сначала получал образование, а последние три года занимался научной работой. Пытался, насколько понял Ким, найти взаимосвязь между принципом полярности дискретного пространства-времени и последними открытиями в области нестабильных полевых структур.

Тем не менее формальным владельцем планеты оставался он. И Ким мог бы спокойно работать над проектом, поплевывая как на каждого отдельного Старейшину, так и на весь их ареопаг в целом. Но максимум через полгода на Тарисе-37 должны были появиться эксперты и независимые археологи. И тогда малейшее сомнение, высказанное каким-нибудь полудохлым ящером из самого отдаленного поселения, могло бы легко погубить весь проект. И Ким понимал, что у него нет другого выхода, как методично посещать каждое из двадцати шести поселений сегургов и договариваться с каждым Старейшиной персонально.

Бывали моменты, когда после длительных переговоров Ким валился с ног от усталости. Зато с большинством Старейшин ему удалось найти общий язык. Упрямцев, не желающих идти на контакт, оставалось трое. Все из отдаленных поселений Южного материка. Еще месяц понадобился Киму, чтобы сломить упрямство Старейшин в поселениях Ххаах и Ффааф. Оставался только Старейшина из Ййохх. Его Ким и опасался больше всех. Морщинистый ящер, состарившийся задолго до рождения Кима, был совершенно непредсказуем. А непредсказуемость — это гораздо хуже, чем открытая неприязнь или алчность. Первых Ким переубедил, а вторых попросту купил...

Курсопрокладчик коротко просигналил. Рейдер начал снижение. Ким бросил взгляд вниз. Поселения Ййохх не видно. Под брюхом рейдера растянулась только бугристая облачная поверхность. Низкие облака — обычное дело для Южного материка. Тяжелую машину слегка тряхнуло. Рейдер сманеврировал в восходящих атмосферных потоках и мягко утонул в облачной мути. Спустя минуту Ким выровнял машину в горизонтали и тогда уже смог разглядеть два ряда куполов. Если не

знать, что это поселение, то и не заметишь сразу. Низкие постройки почти сливались с холмистой местностью...

Старейшина его ждал.

— Зачем приехал, человек? — проскрипел старый сегург, не поднимая морщинистых век. Серая и дряблая кожа свисала у него по бокам неприглядными складками. Старейшина был глубоким стариком даже по меркам Общины. — Уходи, человек. Я устал. Хочу спокойно приготовиться к Сумеркам...

Избранный добросовестно перевел. Ким кивнул. Некоторые фразы из языка сегургов он уже научился понимать без переводчика.

— Разве Старейшина забыл законы предков? Пусть Избранный переведет, что я не собираюсь учить Старейшину уважению, но гостей сначала приглашают в дом, а только потом высказывают недовольство.

— Проходи, — согласился Старейшина и освободил проход между двумя куполами. — Но не считай себя моим гостем, человек...

Ким протиснулся в узкое входное отверстие купола и поморщился от острого и неприятного запаха. Изнутри строение выглядело еще более древним, чем снаружи. Даже в тусклом освещении Ким заметил черные разводы, которые оставляла местная паразитная флора.

Старейшина молча забрался в кабину подъемника — такого же древнего, как и он сам. Подвинулся, поджав короткий хвост. Ким пропустил Избранного вперед, и только потом втиснулся в кабину сам. Подъемник вздрогнул и со скрипом начал опускаться в темноту. Судя по тому, что для троих подъемник был тесноват, Старейшина давно жил одиноко. И даже гостей в своем доме принимал редко. Ким закрыл глаза и поборол первый приступ паники. Спуск продолжался и продолжался. Слишком долго. Вообще жилые помещения в домах сегургов располагались близко к поверхности, но Община Плывущих над Белыми Облаками культивировала пещерную архитектуру далеких предков с ее запутанным лабиринтом глубоких и сумрачных проходов. Наконец подъемник остановился. В полной темноте что-то проворчал Старейшина. Ким ничего не смог разглядеть и пошел исключительно на звук голоса. Паника уже накрыла его второй волной. Киму показалось, что из этого душного и влажного мрака он не вырвется никогда.

Когда Ким сообразил, что потерялся, было уже поздно. Голоса Старейшины и Избранного раздавались откуда-то издалека. Ким бросился вперед. Один поворот, второй, третий. Голоса раздавались все тише. Тогда он повернулся и побежал назад. Бежал долго. Потом шел. Кругом были тишина и темнота. Видимо, он умудрился забраться слишком глубоко. И только спустя час отчаянных блужданий он наконец заме-

тил впереди слабое свечение. Ким решил, что это выход. А что еще он мог подумать, если везде темнота, а оттуда свет? Но впереди его ждал очередной тупик, в котором светилась пластина из незнакомого белого металла. И на ней отчетливо выделялись четыре символа — два круга и два квадрата.

Тяжело дыша, Ким прислонился к прохладно-шершавому и влажному камню стены и грузно сполз на пол. Рядом с этой пластиной его и отыскал Избранный. Спустя два часа...

* * *

Плазменный шнур опоясал ландшафтную машину. Перевернутая пирамида с оглушительным шипением стала погружаться в грунт. От жара плазмы вспыхнул густой растительный покров, и языки ревущего пламени вырвались на оперативный простор с намерением сжечь все живое в радиусе минимум мегаметра. Горячей воздушной волной зацепило и тяжелую управляющую платформу на четырех антигравах. Тор отточенным движением приподнял ее повыше, слегка затемнил световые фильтры и обернулся к Киму. Его обветренное лицо выражало при этом полный восторг.

— Ну, и как тебе? — закричал он.

— Слишком шумно! — закричал в ответ Ким. — И запах неприятный!

— Да, ты прав, зрелище впечатляющее! — энергично закивал Тор.

Мощь тяжелой ландшафтной техники всегда оставляла Кима равнодушным. Зато Тор мог торчать за управляющей панелью сутками. Практически без отдыха. И в скальных породах Тариса-37 одна за другой вырастали гигантские полости — зародыши будущего Оракула. Два архитектора из Фонда за Тором едва успевали. Он успел подготовить половину площадок на Центральном континенте, а архитекторы только недавно завершили работы на Северном.

— Почему не пользуешься защитой? — поинтересовался Ким, когда машина полностью ушла в скальное основание, а шум снизился до приемлемого уровня.

— Пользуюсь иногда, — с улыбкой признался Тор. — Это я специально для тебя устроил небольшое представление. Так сказать, с полным погружением в быт модификаторов. Может, еще одну машину запустим?

— Нет, спасибо, мне одной было вполне достаточно. Я и так почти оглох и ослеп.

Тор выдвинул защитный экран и непринужденно откинулся в кресле.

— На полость уйдет не меньше часа. Можно пока передохнуть и перекусить. Хочешь перекусить?

Ким отрицательно покачал головой и вытер тонкую струйку пота. Она прокатилась по виску и едва не сбежала за ворот комбинезона. Сейчас Киму хотелось одного — исчезнуть из этого пекла. И как можно быстрей.

— И чем тебя развлечь? — Тор сразу погрустнел. — Невесел ты сегодня, брат. Может, поговорим на приятную для тебя тему. О победах над сегургами, например. Расскажи, как ты в этот раз скрутил рептилий?

— Да и рассказывать нечего, — смутился Ким. — В двадцати пяти Старейшинах я и так был почти уверен.

— А как там этот... из Йо-хо-хо?

— Из Ййохх, — поправил Ким. — Этот сказал, что собирается уходить в Сумерки. И просил его не беспокоить.

— Опять прогнал?

— Нет, в этот раз он меня даже в пещеру пустил. Больше половины светового дня на него потерял...

— Не завидую. — Тор брезгливо сморщился. — Меня от одной мысли о пещерах передергивает!

— Привыкнуть можно ко всему, — усмехнулся Ким.

— Странные они — сегурги. Вроде двуполые, а женских особей я никогда не видел. А ты видел? Неужели они их скрывают от нас?

— А кроме половой дифференциации, чем еще тебя сегурги не устраивают? — криво улыбнулся Ким. — Ну, представь, что они откладывают яйца. Тебе от этого легче станет?

— Не станет, — признался Тор. — Они мне абстрактно не нравятся. Живут в пещерной эпохе, как сто тысяч лет назад, зато успели расползтись по всему Срединному Сектору. Самые лучшие планеты к лапам прибрали. Как они вообще освоили межпланетные перемещения с такими технологиями? Совершенно не понимаю...

Ким пожал плечами и посмотрел на выжженную равнину под платформой. Волна пламени давно потеряла силу. Только на границе черного круга еще вспыхивали кое-где островки недогоревшей растительности. И опять получился круг. С тех пор как Ким вернулся на базу, он мог думать только о кругах и квадратах...

— У тебя такое лицо, будто ты эту проглотил... ну...

Тор попытался руками изобразить предмет, название которого силился вспомнить.

— Жабу?

— Точно. Ты в этот раз какой-то странный вернулся. Я же чувствую. Что-то произошло?

— Ничего особенного. Просто увидел знакомые символы.

— Круги с квадратами? Где увидел?

— В доме того Старейшины из Ййохх...

Тор обернулся на вызов кома. В маленьком шаре появилось бледное лицо молодой женщины с короткими прямыми волосами и волевым подбородком.

— Ой, кажется, я не вовремя! — Заметив Кима, женщина смутилась и сморщила аккуратный носик. — Прошу прощения, если отвлекаю. Я не знала, что Тор занят.

— Что вы, Эва. — Ким выразительно посмотрел на брата. — Тор не занят. И вы нас совсем не отвлекаете. Более того, мы оба страшно рады вас видеть.

— Нет, я лучше позже...

Женщина отключилась. Ком потух.

— Куда же вы, Эва! — Ким сделал вид, что огорчился.

Тор запрокинул голову, разглядывая что-то высоко в небе.

— Тебе не кажется, что мы живем как-то не так? — Тор заговорил медленно, тщательно подбирая слова. — Почему мы здесь, а жизнь всегда там — над нами? И где бы мы ни оказались, она все равно выше. Головоломка...

— Эва — натурал. И она работает на Фонд. — Ким произнес последнее слово с легким нажимом. — Ты ведь понимаешь, о чем я говорю?

— Конечно. Я вообще понятливый.

— Ты прав, это я слишком долго соображаю. Даже не догадался, почему из девяти архитекторов Фонда добровольно остаться пожелала только она — Эва Тай. Но если тебя интересует мое мнение, она очень привлекательна. И умна. Вот только...

Платформу ощутимо тряхнуло. Кима откинуло на спинку перегрузочного кресла. Большой кусок поверхности под платформой вспучился и медленно осел. А пыль так и осталась висеть в воздухе. Небо сразу потемнело.

— Не нравятся мне такие повороты, — задумчиво сказал Тор.

— Ты имеешь в виду Эву или взрыв? — уточнил Ким. — Да, с массой камуфлетного заряда ты перестарался. Точно говорю. Если покалечишь технику, перед Фондом потом не отчитаемся...

— Ты хоть попытался узнать про эту пластину?

— Конечно, — кивнул Ким. — Я спросил у Избранного, когда тот

разыскал меня в лабиринте. А потом выбрал удобный момент и спросил Старейшину.

— И что?

— Избранный ушел от ответа, а Старейшина вообще сделал вид, что ни о каких пластинах ничего не знает. Сказал, что этот дом достался ему от отца. В той его части, где я заблудился, он бывал последний раз еще маленьким ребенком. А когда я начал его расспрашивать о значении символов, он вообще закатил глаза и забормотал что-то невнятное. В этот момент Избранный занервничал. Сказал, что Старейшина говорит на мертвом языке, которого Избранный не знает. И сразу домой засобирался. В категорической форме. Пришлось и мне прощаться...

— Я им не верю, — покачал головой Тор. — Нужно еще раз слетать в это поселение. И побеседовать со старичком. Уже предметно.

— Интересно узнать, каким образом? Я из языка сегургов успел только три десятка слов выучить. Могу поздороваться и попрощаться.

— А мы Избранного с собой прихватим.

— Он спрятался.

— Найдем, — уверенно сказал Тор. — Планета не такая уж большая.

— Боюсь, что Избранный сбежал от нас гораздо дальше. Если помнишь, я ему репер когда-то подарил. Так вот, репер мой уже два дня никаких сигналов не подает. Оставить или поломать его Избранный не мог. Он теперь либо на Секторе, либо на одной из трех сотен планет сегургов.

Тор нервно потеребил мочку правого уха.

— Еще месяц назад я был твердо уверен, что технологией субпространственных перемещений владеют только Перевозчики. И за каждый переброшенный килограмм они три шкуры с клиентов снимают. Никогда не поверю, что у Избранного хватит средств на СБП...

— Как знать, — заметил Ким. — А вдруг Перевозчики только с нас три шкуры снимают, а с сегургами, например, у них другие расчеты. Что мы с тобой знаем о сегургах? Кстати, о Перевозчиках и того меньше. Я вообще ни одного живьем не видел. Транспортные корабли у них работают автономно. На пассажирских линиях обслуживающий персонал состоит из челов. Даже неизвестно, откуда эти Перевозчики вообще появились...

Тор рассмеялся.

— Я понял. Сегодня ты не в духе и решил добить меня окончательно. Значит, Перевозчиков не существует, а сегурги перемещаются в пространстве от планеты к планете исключительно силой мысли. Удивительные открытия, прямо скажем. Когда ты по этим подземельям ползал, головой нигде не ударился?

— Ударился. Там было темно и очень тесно. И еще я сильно уставал последнее время. Так что можешь выбирать любой из этих вариантов. Я ведь ничего не утверждаю. Только задаю вопросы и пытаюсь найти на них логичные ответы. Если они при этом получаются невероятными, я не виноват. Местная община не так уж оторвана от жизни, как может показаться на первый взгляд. Я неоднократно бывал во всех поселениях, в домах у многих сегургов. Доказать я ничего не могу, но чувствую: они регулярно контактируют с сегургами из других общин. Как такое может быть, я пока не знаю. Но не удивлюсь, если на этой планете мы обнаружим вскоре какой-нибудь СБП-порт дальнего действия.

Рейдер, который все это время оставался на безопасном расстоянии, приблизился к платформе, припарковался и подал световой сигнал. Оба брата одновременно поднялись с кресел.

— Мне пора, — виновато сказал Ким и кивнул на ком. — Не забудь послать сообщение Эве. Знаю, что она меня недолюбливает... Но я искренне рад за вас обоих.

— Останься. О сегургах поболтаем.

— Обязательно поболтаем. Только в другой раз...

Ким прыгнул в рейдер. Машина оторвалась от платформы, развернулась и на секунду зависла в воздухе. Колпак приоткрылся.

— Чуть не забыл, — крикнул Ким. — Бывают ситуации, в которых ничего нельзя изменить. К таким можно только приспособиться.

Колпак закрылся. Рейдер подпрыгнул и почти вертикально взмыл в небо. Через минуту о Киме напоминала только маленькая точка на горизонте.

* * *

Первым делом Барон заявил, что он «давно не видел ничего более отвратительного, чем эта отвратительная планета». Возражать Ким не стал. Спорить с личным советником Проктора было опасно. Хотя Гарольд Барон держался особняком и в дела Фонда открыто не вмешивался, но о его влиянии на Почетного консула знали все. За Бароном закрепилась репутация тугодума и выскочки, тем не менее не было ни одного случая, чтобы Проктор проигнорировал мнение своего личного советника. За это консулы его уважали. А остальные боялись...

— Что пожелает осмотреть Магистр в первую очередь? — поинтересовался Ким. За свои объекты он не опасался. Они были готовы на всех трех материках. Причем на полмесяца раньше срока. Последнее время Тор не давал никаких поблажек архитекторам. По большому счету, им осталось только сделать рекультивацию.

— А пусть мне мастер посоветует. — Барон вытер потный лоб краем своей плотной туники и бросил тяжелый взгляд на Кима. Видимо, он не хотел верить, что в такую удушающую жару люди могут желать чего-то еще, кроме длительного отдыха в прохладе и тишине.

— Все будет зависеть от времени, которым располагает Магистр, — выкрутился Ким. — Я бы взял на себя смелость предложить для осмотра объекты Северного материка. Там сейчас не так жарко...

Барон фыркнул и обошел небольшую территорию временной базы. Заглянул в жилой блок. Потом прошелся вдоль всего периметра силового ограждения. Ким, подавляя в себе раздражение, послушно ходил за ним следом. Появление на планете личного советника Проктора не стало для него неожиданностью. Наоборот, Ким чего-то такого и ожидал. И еще раз убедился, что интерес к проекту у Фонда до сих пор не угас. Барон прибыл не для проверки объемов выполненных работ. Для этого Фонд мог бы прислать простого аудитора...

— Мы что, будем перемещаться на антигравитационной тяге? — Барон остановился у рейдера и с возмущением уставился на Кима.

— Простите, Магистр, но ничего другого предложить вам не могу, — терпеливо пояснил Ким. — Ресурсов хватает на поддержание в рабочем режиме лишь одного СБП-порта. Именно через него вы и прибыли на эту планету. На прошлой неделе мы уже обратились в Фонд с просьбой о выделении дополнительных средств. Мы хотели бы приобрести у Перевозчиков права на установку еще трех портов сверхмалого радиуса действия. Ответ мы еще не получили...

— Да, похвальная экономность, — проворчал Барон, испепеляя взглядом рейдер. — Ну, не тяни время, мастер! Куда собрался меня отвезти? На север? Только не засыпай на ходу, хорг тебя раздери. Видел когда-нибудь хорга? У меня в зверинце есть прекрасный экземпляр. Я его челами кормлю. Шутка!.. И помоги мне наконец забраться в эту чудовищную машину. Не стой, как истукан, быстрей руку давай! Думаешь, у меня полно времени, и я вполне могу потерять на этой отвратительной планете целые сутки?

Ким помог Барону устроиться в пассажирском кресле. Потом подогнал по нестандартной фигуре Магистра перегрузочный компенсатор. Нет, он не собирался испытывать советника на прочность. Совсем наоборот. В этот раз он поднимал машину с предельной осторожностью. Но Барон охал и стонал даже при минимальных перегрузках. И постоянно ворчал. Его раздражала и слишком большая, и слишком малая скорость полета. Ему мешали встречный ветер и густой облачный покров. Когда он задремал на середине пути, Ким облегченно вздох-

нул. И в очередной раз порадовался, что нашел повод убрать с базы Тора, который всегда был нетерпим к капризам начальственных особ...

— Это что? — хмуро поинтересовался Барон и огляделся по сторонам. — Где же этот... как его?

— Храм Вектора Времени, — подсказал Ким.

— Именно, именно. Только никакого вектора я здесь не вижу, — Барон прищурился. — Кроме выжженного пространства, я вообще ничего не вижу.

— Храм прямо под нами, Магистр, — напомнил Ким. — На глубине в одну сотую мегаметра. Там мы нашли подходящий пласт реликтовых скальных пород.

— Да? — удивился Барон, отворачиваясь от порывов ветра. — А-а, вспомнил. Все сегурги живут в норах, поэтому и храмы у них тоже норные. А где вход?

Ким вытащил планшет, вывел проекцию храма и наложил ее на карту местности.

— Мы сейчас находимся здесь, — для пущей убедительности Ким ткнул в карту пальцем. — Тут и сделаем вход, когда Храм Вектора Времени найдут археологи. Вернее, как бы найдут. Только сначала они должны зарегистрировать свою находку. Оформить документально, получить лицензию на раскопки...

— То есть в Храм мы сегодня попасть не сможем?

— Не сможем, — подтвердил Ким.

Барон надул щеки. Его и без того круглое лицо сделалось еще более круглым.

— Хорг тебя раздери! — яростно выдохнул он. — И зачем ты меня сюда привез, если смотреть нечего?!

— Думаю, Магистр прибыл на эту планету не для того, чтобы оценить степень готовности объектов. — Ким на всякий случай склонился в церемонном полупоклоне.

Личный советник Проктора с усмешкой покосился на Кима и с видимым облегчением сбросил неудобную тунику. Под ней оказался легкий полевой комбинезон.

— Устал я представление разыгрывать. А ты молодец, сообразительный...

Он изменился буквально на глазах. Пропала властная заносчивость, взгляд стал живым и заинтересованным, а расплывающаяся фигура сама собой окрепла. Киму показалось, что Барон даже в росте прибавил. И вместо тучного и капризного старика перед ним был крепкий мужчина средних лет.

— Приношу свои извинения, Магистр, если был недостаточно учтив...

— Можешь оставить церемонии, офицер, — Барон отряхнул тунику, аккуратно свернул и закинул в рейдер. — Проверку ты выдержал. Так что возвращаемся на базу. По дороге и поговорим...

Большую часть обратного пути Барон слушал Кима. Лишь изредка задавал уточняющие вопросы. Все, что касалось хода работ, Барона не волновало. Проект он знал, судя по всему, досконально. И даже успел прочесть последний отчет, который Ким отправил в Фонд только вчера. Советника интересовали сегурги. Вернее, подробности взаимоотношений Кима с местной общиной.

— Слишком хорошо, чтобы быть правдой, — подытожил Барон. — Либо ты что-то скрываешь, мастер, либо... — он умолк.

— Скрывать мне нечего, — сказал Ким. — Со Старейшинами я договорился. Хочу быть уверенным, что со стороны сегургов не будет никаких неожиданностей.

— Не знаю, как и сказать... — Барон помолчал. — Впрочем, давай честно. Я ни минуты не сомневался в том, что проект ты провалишь. Почему? Потому что до сих пор с сегургами не удавалось договориться никому, в том числе нашим лучшим коммуникаторам. Ты этого не знаешь, естественно, но Фонд контактирует с сегургами уже несколько десятков лет. На нас работает сотня специалистов по сегургам. И за долгие годы нам не удалось сделать даже половины того, что ты в одиночку сотворил за эти месяцы. Либо ты гений, мастер, либо сегурги нас во что-то втягивают...

Ким почувствовал, как вспотели ладони. Последний месяц его посещали такие же мысли.

— С сегургами трудно вести переговоры, — сказал он. — Это правда. Но и люди встречаются разные. С некоторыми вообще невозможно иметь никаких дел.

— Э-э, тут ты категорически не прав. Людей и сегургов даже сравнивать нельзя. Можешь мне поверить...

Барон заворочался и завздыхал. В стандартном кресле рейдера ему было тесновато.

— База уже скоро, — сочувственно заметил Ким. — Час остался.

— Вот и хорошо, — обрадовался Барон, любуясь причудливыми серо-бирюзовыми узорами густого облачного покрова. — Красиво тут у вас...

Ким не удержался и тоже посмотрел вниз. Ничего необычного он не заметил. К облачным узорам быстро привыкаешь.

— А если бросить к хоргам весь этот Оракул? Может, еще не поздно?

Ким обернулся. Такого вопроса он не ожидал.

— Как это — бросить?

— Элементарно. — На губах Барона промелькнула улыбка, но взгляд оставался холодным и серьезным. — Свернуть все работы по проекту, а потом быстро исчезнуть с этой планеты и по возможности забыть о ней вообще. Как думаешь?

— Я думаю, что это не самая... — Ким споткнулся, подбирая нейтральное слово: — Не самая... правильная мысль. И ресурсов уже много затрачено...

— Ресурсы — моя забота, — отрезал Барон. — Думаешь, почему я сюда примчался? Потому что каждое утро я начинаю с мысли об Оракуле. Проктор лично курирует этот проект. Удивлен?

— Удивлен, — признался Ким.

— Мы шесть проектных моделей за это время построили. С разными параметрами. И все они оказались тупиковыми. Каждый раз вероятность успешного завершения получалась почти нулевая. Но ты каким-то чудом ни с одной из наших вероятностных линий не совпал. Сплошная корреляция... Я дважды в день порываюсь закрыть этот проект. Но в последний момент меня постоянно что-то останавливает...

Рейдер клюнул носом и погрузился в облачную пелену. Спустя минуту горизонт вновь очистился. Машина сбросила скорость и словно зависла над неподвижной водной гладью. Берег медленно надвигался.

— Я полностью контролирую ситуацию, — хрипло сказал Ким. — Для Фонда этот проект станет выгодным вложением средств. Скоро на планете нельзя будет протолкнуться от туристов и паломников.

— О прибыльности спорить не стану. Я о другой стороне вопроса сейчас говорю. И ты меня понимаешь, мастер. Чувствую, что понимаешь...

На базе Магистр перебросился с Кимом всего несколькими нейтральными фразами. И только когда Ким подошел пожелать ему доброго пути, тот погрозил пальцем и как-то очень туманно высказался. В том смысле, что все получится, если удастся. Уточнить, что имел в виду советник, Ким не решился.

А потом уточнять было уже не у кого. Гарольд Барон исчез после посещения Тариса-37...

Первым забил тревогу Алиший Марс — старший администратор Фонда. Барон должен был вернуться на Сектор и сразу появиться в Цитадели. Ким в ответ на запрос старшего администратора только по-

жал плечами. Мало ли куда Барон мог заглянуть по пути? Если Магистр не предупредил никого о своем прибытии, значит, у него были на то свои причины. В любом случае, с Тариса-37 он отбыл. И воспользовался, естественно, СБП-портом.

Но Марс не успокоился и методично опросил все крупные транспортные терминалы и даже малые СБП-порты Сектора. Оказалось, что Барона не видел никто. Тогда старший администратор набрался храбрости и доложил о ситуации Почетному консулу. Проктора Пятого пришлось для этого поднять из постели, поэтому старик долго не мог ничего сообразить. Но когда он понял, что пропал не кто-нибудь, а сам Барон, то разъярился не на шутку.

По личному распоряжению Проктора на Тарис-37 в тот же день высадились две команды техников вместе с начальником службы личной охраны Почетного консула и полномочным послом Гильдии Перевозчиков на Секторе. Ким попал под подозрение первым. Начальник службы личной охраны был неумолим. Хорошо еще, что техники быстро проверили оборудование СБП-порта и полностью подтвердили слова Кима. Масс-детектор тоже зафиксировал, что советник этим оборудованием воспользовался. Координаты точки прибытия он вводил. Шлюз порта был исправен. Субпространственное перемещение произошло. Из точки «А» советник отбыл. Правда, в точку «Б» он так и не прибыл.

Полномочный посол Гильдии Перевозчиков на Секторе в недоумении разводил руками и твердил, что «этого просто не может быть» и что навигация перемещений в субпространстве отличается сверхточностью и сверхнадежностью. В итоге Гильдия не только отказалась признать пусть даже теоретическую возможность сбоя в работе своего оборудования, но еще и потребовала проведения дополнительного расследования с привлечением независимых экспертов.

Комиссия собиралась неделю. Оборудование СБП-порта за это время полностью демонтировали и вывезли на Сектор. Еще неделю эксперты его изучали. В итоге пришли к выводу, что оборудование было исправно и перемещение произошло, поскольку иное утверждение противоречило бы известным законам физики. Вот только о том, куда переместился Барон, эксперты ничего внятного сказать не смогли. Проктор был в ярости...

* * *

Впервые за долгое время Ким проснулся сам. И в хорошем настроении. Сначала он крепко зажмурился, перевернулся на другой бок и еще

несколько минут расслабленно лежал, пытаясь вернуть ускользающий сон. Но сон не возвращался. Наоборот, Киму захотелось вскочить, быстро освежиться в мощной прохладной волне озонированного воздуха, а потом выбраться на берег водоема. И даже не пройтись по нему, как обычно, а именно пробежаться. Чтобы почувствовать под ногами упругость и одновременную податливость грунта. Хотелось бежать очень долго. До тех пор, пока не устанут мышцы. А потом упасть и долго лежать. И смотреть, как над головой проплывают облака. И ни о чем не думать...

Последний месяц выдался трудным. Фонд будоражило после исчезновения Барона. Работы по проекту резко затормозились. Первые дни Ким с тревогой ждал, когда поступит команда свернуть их вообще. Но команда не поступала. Фонд молчал. Либо Проктору было в тот момент не до Оракула, либо советник не посвятил его в свои планы. Мог ли Барон не поделиться с Почетным консулом своими опасениями относительно Оракула? Конечно, мог. Барон, как убедился Ким, обладал достаточным авторитетом, чтобы принимать решения самостоятельно. Так что с исчезновением Барона Ким получал временную передышку. Впрочем, радоваться он не спешил. Он чувствовал, что Оракул выходит из-под контроля.

— У тебя богатое воображение, — успокаивал его Тор. — Давай не будем сами себя пугать. Все зависит от интерпретации фактов. Хочешь, я найду каждому твоему факту три рациональных объяснения?..

В том, что проект продвигается хорошо, Тор вообще не видел ничего странного. Если кому-то сначала долго не везло, то понятно, что маятник должен качнуться в другую сторону. Избранный оказался не тем, за кого себя выдавал вначале? Так и что? Ким прекрасно справился без его помощи. Все проблемы с Общиной он решил. Это ли не лучшее доказательство, что с сегургами можно договориться? Что касается исчезновения Барона, то оно имеет отношение не к проекту, а к оборудованию СБП-порта. С его неисправностями пусть разбираются специалисты. Если субпространственные перемещения обходились до сих пор без сбоев, это еще не повод считать их на сто процентов безопасными. Вот наконец и первая серьезная проблема. Естественно, что она стала для всех неожиданной...

Киму искренне хотелось поверить в то, что говорил Тор. И через некоторое время все его сомнения потихоньку утихли и благополучно отошли на второй план. Ким вернулся к работе. И даже взялся за нее с удвоенной энергией. Но и брат, как убедился Ким, без дела тоже не сидел. На пару с Эвой они даже рекультивацию на некоторых площадках успели закончить.

— Внушительно, — похвалил Ким, когда осмотрел вместе с Тором все объекты Центрального материка. Размять ноги они опустились на самой большой площадке. И отошли от рейдера довольно далеко. Не мешал им и влажный после недавнего дождя грунт, упорно цепляющийся к подошвам.

— Теперь ни один умник не подкопается, — сказал Тор и сразу же нахмурился. — Тебе не кажется, что здесь чего-то не хватает? А если сюда растительности подбавить? Можно еще птичек немного перебросить и зверьков этих... мелких. Я в одном месте присмотрел. Там этого добра навалом.

Ким улыбнулся. К любым улучшениям экосистемы он относился отрицательно. Но он заметил, что Тор хитрит. Ландшафт не только приобрел первозданный вид. Он стал даже лучше, чем был. Хотя, конечно, все работы Тор выполнял аккуратно, и местность выглядела вполне органично — в рамках заданной модели.

— Ты и так, как я понимаю, сделал больше...

— Считаешь? — Тор хихикнул. — Обещаю впредь ничего не трогать... до приезда археологов...

При упоминании об археологах настроение у Кима испортилось. Они должны были появиться неделю назад. Ким уже несколько дней пытался связаться с ними через старшего администратора Фонда. Отставание от графика — и так уже весьма существенное — с каждым днем увеличивалось.

— Расстроился? — поинтересовался Тор, когда они вернулись к рейдеру.

— Чего мне расстраиваться? — Ким коротко пожал плечами. — Повода нет. Просто меня такая безответственность раздражает. Казалось бы, чего проще? Договор есть. И будь добр — исполни его. Не можешь — сразу откажись.

— В конце концов, Фонд сам виноват, — попытался успокоить брата Тор. — Я это к тому, что и сроки по проекту тоже можно пересмотреть...

— Мы все успеем, — неожиданно жестко сказал Ким.

Машина дернулась и перешла в почти вертикальный подъем. Тор охнул.

— Ты аккуратней, а то не доживем до триумфа...

Сбросив скорость, Ким сразу перешел на автоматический режим пилотирования.

— Извини, задумался. А может, мне попытаться как-то расшевелить Фонд? — Он обернулся к Тору. — Было бы совсем неплохо прорвать-

ся сейчас к Проктору. Сколько еще он будет печалиться о своем советнике?

— Не думаю, что это хорошая мысль. — Тор отвел взгляд. — Если по мне, так от Проктора нам лучше держаться на расстоянии. Причем на максимальном. О чем он там думает, о ком печалится — это его личные проблемы.

Мысленно Ким не мог не согласиться с братом. Держаться от Проктора на расстоянии — это действительно лучший вариант. Еще год назад даже перспектива встречи с Почетным консулом Фонда Созидания привела бы его в состояние полного ступора. А сегодня он сам ищет этой встречи. Что же изменилось? Ким не знал. Но чувствовал, что если для завершения проекта ему потребуется вмешательство самого Спасителя, он и Его разыщет. Ким ощущал себя сжатой до предела пружиной, которую только что освободили...

Спустя час он вошел в приемную камеру СБП-порта. На сборы хватило нескольких минут. Но ускользнуть незаметно не удалось — перехватил Тор. Некоторое время ушло на мучительное для обоих прощание.

— Ты осторожней там... — Тор неловко хлопнул Кима по плечу. Рядом с ним стояла Эва Тай, которая растерянно улыбалась и чувствовала себя явно не в своей тарелке.

— Вы чего? — удивился Ким. — Я же ненадолго. Надеюсь, вы найдете, чем без меня тут заняться?

Эва смущенно кивнула. Тор с укоризной посмотрел на брата.

— Ну, я не совсем это имел в виду. Вернее, совсем не то...

Ким улыбнулся в оправдание своей оплошности. Но улыбка получилась вымученной и неискренней. И когда с тихим шелестом опустился защитный экран приемной камеры, Ким почувствовал только облегчение. Длилось оно ровно секунду. Пока защитный экран камеры не открылся вновь...

Сектор встретил Кима равнодушной суетой. Он почувствовал себя чужим в огромном зале общественного терминала. Ким и не подозревал, что у такого большого количества людей хватает средств на этот ресурсоемкий способ перемещения по Срединному Сектору. Ким застыл и огляделся по сторонам. Его обтекал поток озабоченных людей. Кто-то из них только что прибыл, кто-то наоборот — собирался покинуть Сектор. Натыкаясь на неподвижно стоявшего Кима, люди косились на него с заметным интересом. Мощный торс, загорелое лицо, спутанные выгоревшие волосы, изрядно потрепанный комбинезон — слишком непривычный вид для делового Сектора. Правда, этот инте-

рес длился недолго. У каждого из двухсот миллиардов жителей хватало собственных забот.

— Тарарам, — произнес Ким довольно громко. — И куда же вас всех несет?

Потом он с трудом протиснулся к панорамной стене, за которой глубокую бархатную темноту разрезали сигналы причальных маяков и плазменные вспышки маневровых двигателей буксиров. Только здесь Ким сообразил, что оказался на Первом уровне. Скорее всего, в Главном терминале транспортного кольца. До мастерской отсюда было очень далеко. Но выбирать не приходилось. Путешествие экономклассом имело не только достоинства, но и недостатки. Впрочем, достоинство было всего одно — дешевизна.

В боковом кармашке комбинезона ожил репер. Ким утихомирил его легким хлопком. Значит, Избранный здесь. Но сначала Киму нужно было разобраться с самыми срочными делами. Например, с лимитом. После проверки он оказался гораздо меньше, чем Ким рассчитывал. Вернее, лимит был почти на нуле. Могло не хватить даже на дорогу до мастерской. Ким в задумчивости переместился поближе к общественному кому. Несколько минут постоял, но потом все же набрал цепочку цифр — личный код старшего администратора Фонда. А в конце на удачу добавил три нуля: срочный вызов. К его изумлению, Цитадель вызов приняла. Откликнулся на него кто-то из младшего персонала.

— Пожалуйста, не отключайтесь. Мне нужен старший администратор Алиший Марс.

— Вы кто? — Диспетчер удивился. — Откуда вам известен его код?

— Извините, не имею права разглашать информацию... — Ким оглянулся по сторонам, как бы намекая, что вокруг слишком много ушей. — Вы передайте Марсу, что этот вызов связан с планетой Тарис-37.

Диспетчер пропал. Прошла минута. Потом вторая. Ким начал нервничать. Наконец шар общественного кома заполнило лицо старшего администратора. Марс выглядел так, будто не спал двое суток. Белки глаз сплошь покрылись красной сеткой, а под глазами красовались темные полукружия.

— Ким? — удивился он. Потом покосился вправо и удивился еще больше. — Что вы делаете на Секторе? Вы где?

— По моим представлениям, я на Первом уровне. В Главном терминале транспортного кольца. Но точно не уверен... У меня возникли некоторые проблемы. — Ким смутился. — Внутренний лимит пуст. Не могли бы вы пополнить его из внешнего лимита?

— Конечно... да... секунду...

Марс засуетился. Он был явно растерян. И Ким сообразил, что мог сейчас попросить что угодно. Например, пополнить свой лимит из ресурсов Фонда. Жаль, что поздно догадался...

* * *

— Чел, в своем ли ты уме? — Внешне Проктор был спокоен, но внутри, похоже, начинал закипать. — Несколько дней ты кричал и топал ногами на моих помощников, требуя личной встречи, а теперь бездарно тратишь мое время, рассказывая о своих фантазиях. Раньше я был о тебе лучшего мнения...

Ким еле заметно усмехнулся. Он прислушался к своим ощущениям и даже удивился спокойствию, которое разливалось в этот момент по телу. Еще утром, когда он входил в Цитадель, колени подгибались от волнения, а руки тряслись так, что не могли удержать планшет.

— Вы меня не слышите, Проктор... — с легкой грустью произнес Ким и опять опустил подбородок в ритуальном поклоне.

— Я прекрасно тебя слышу, чел! Я еще не настолько стар!

— Тогда почему не хотите понять? Еще немного, и мы ничего не сможем поправить...

Ким хотел добавить, что и самому Проктору грозит вполне реальная опасность, но сдержался. Старик и так разозлен. Можно было сделать еще хуже.

— Ты пытаешься напугать меня, чел? — Проктор рассмеялся, а три помощника, которые замерли за его спиной, одновременно улыбнулись. — Даже если я захочу, не смогу представить такую силу, которая могла бы причинить Фонду хотя бы неприятности. Разрушить Цитадель невозможно, чел. Разве что вместе с Сектором...

Поле силового кокона бережно приподняло старика и перенесло к дальней стене, которая сразу стала прозрачной. Помощники переместились следом. Пирамида Цитадели высотой почти в четверть мегаметра грозно нависала над Вторым уровнем. Личный кабинет Проктора располагался на самой вершине здания. Выше Почетного консула был только купол, за которым чернела стратосфера с ее орбитальными секциями Транспортного кольца Первого уровня.

— Ваш советник тоже думал, что ему нечего опасаться. — Ким с удовлетворением отметил, что его слова достигли цели. — Если я не ошибаюсь, Барона не нашли до сих пор?

— Что ты знаешь о Гарольде, чего не знаю я?

— Я знаю, что он хотел свернуть все работы по Оракулу. И после этого исчез.

Проктор утомленно прикрыл глаза.

— Хорошо. Расскажи мне о своей теории еще раз. И не отвлекайся на детали. Меня интересует главное.

Ким терпеливо повторил все с начала, стараясь не обращать внимания на нахмурившихся помощников Проктора.

— По-твоему, Оракулом заинтересовалась некая — назовем ее так — третья сила? — произнес Проктор после долгого молчания. — Допустим, ты прав и эта сила имеется. Хотя мне трудно поверить в ее существование...

— Вчера я разговаривал с братом. Он обнаружил, что у планеты изменился угол наклона оси, — Ким даже не заметил, как непочтительно перебил Почетного консула. — Совсем немного изменился — на пару тысячных долей градуса. И еще у нее вытянулась орбита. Брат этими фактами был крайне озадачен. Он пообещал проверить все расчеты еще раз. Он считает, что такого не может быть. А я думаю, что это предупреждение...

Ким медленно поднялся и замер в нерешительности.

— Можете послать собственных планетологов. — Он обернулся. — Пусть они все заново измерят и сверятся со старыми данными из планетарного реестра. Только не теряйте времени. У нас и так его осталось мало.

Проктор проводил Кима взглядом до входного портала.

— Если все так, как ты говоришь, то проект действительно пора закрыть, — пробурчал он. — Не люблю, когда кто-то принимает решение за меня. Впрочем, обещаю подумать. Мой ответ ты получишь очень скоро.

Ким обернулся и неожиданно для себя подмигнул Почетному консулу.

— Закрыть Оракул будет не просто. Очень не просто. Барон попробовал.

На лицах помощников Ким прочел недоумение, смешанное с каким-то другим чувством. Вероятно, со страхом. С Почетным консулом так не говорят. Ким и сам это знал. Но выбора у него не оставалось...

Избранного Ким разыскал на следующий день. Задача оказалась несложной. Мест, где мог укрыться сегург, на Секторе не так уж много. Первым делом Ким проверил все общинные дома Верхнего парка, который был ближе к мастерской. А потом отправился в Нижний парк. Там он встретил Избранного почти сразу. Репер не подвел.

— Уходи, человек! — Сегург не удивился. Видимо, он ожидал появления Кима. — Не могу... нам нельзя встречаться... сейчас.

— А когда можно? — усмехнулся Ким. — Я понимаю, что Избранному пришлось спешно покидать родную планету, поэтому попрощаться он не успел. Но разве контракт уже исполнен?

— Контракт? — Сегург испуганно отпрянул и забормотал что-то на родном языке.

— Я не понимаю. — Ким нахмурился. — Избранный забыл, что я не знаю его языка.

Речь сегурга стала практически неразборчивой. А голос звучал все тише. Глаза подернулись пленкой, хвост стал нервно подрагивать. К ним начали приближаться другие сегурги. Гостевая площадь, которая до этого была практически пуста, стала быстро заполняться. На Кима сегурги смотрели с явной враждебностью. Ему стало не по себе, он попятился.

— Боюсь, он вас не слышит.

Запнувшись от неожиданности, Ким чуть не упал. Человек, который поддержал его под локоть, дружески улыбнулся. Ростом он был ниже Кима, но крепок на вид. По каким-то едва уловимым признакам Ким определил натурала.

— Простите, что вмешиваюсь. Если вы сейчас пойдете со мной, будет лучше для всех. Я живу совсем недалеко, буквально в нескольких минутах ходьбы.

Ким послушно дал себя увести. На гостевой площадке, где он оставил Избранного, продолжали собираться сегурги.

— Меня зовут Эйдос Маури, — представился мужчина. — Я ксенолог. Специализируюсь на общинных обрядовых культах.

— Может, хоть вы мне объясните, что здесь происходит? — возмутился Ким. — Я ничего не понимаю.

— Ничего особенного. Вы только что переполошили всю здешнюю общину.

— Но ведь я ничего не сделал! — Ким искренне удивился. — Почему вы сказали, что сегург меня не слышит?

— Потому что в тот момент он находился в трансовом состоянии. Общался с предками, как говорят сегурги. Редко встречающийся сегодня ритуальный транс. Не думаю, что он быстро придет в себя. Поэтому вам лучше держаться подальше. Если хотите, можем зайти ко мне. Или вас проводить до границ общинной территории?

— Я бы предпочел второе. И как можно скорее, — признался Ким. — У меня пропало всякое желание общаться с сегургами.

Ксенолог улыбнулся.

— Вполне вас понимаю. Кстати, если вам интересно, этого сегурга

я довольно неплохо знаю. Он получил базовое естественнонаучное образование на Секторе, а потом пристроился в какой-то венчурный фонд. Кажется, занимается там анализом решений в области нестабильных полевых структур. Или что-то в этом роде. Точнее сказать не могу, я весьма далек от теоретической науки. Мы, как правило, обсуждали с ним иные проблемы.

— И как он вам? — полюбопытствовал Ким.

— Очень приятный и выдержанный собеседник. Обладает обширными познаниями в разных областях. Если у вас было срочное дело, я позже смогу передать ему ваш код. Он сам с вами свяжется.

Ким задумчиво покосился на собеседника.

— Не думаю, что он пожелает. Да и я не собирался надолго задерживаться на Секторе. Я хотел только узнать причину, по которой сегург неожиданно покинул свою планету.

— Да, их мотивация иногда кажется нам странной, — кивнул ксенолог.

— Мы некоторым образом деловые партнеры, — неохотно пояснил Ким. — А партнеры не могут так поступать друг с другом. Есть же разные обязательства...

Пока Эйдос Маури провожал его до выхода из Нижнего парка, Ким успел рассказать ему многое, хотя и понимал, что лучше бы держать язык за зубами. Но переполнявшие его эмоции требовали срочного выхода...

— Извините, если я вас утомил. — Ким выдохся только у посадочной стойки скоростной транспортной линии. — Но вы так хорошо умеете слушать.

— Ничего, все в порядке, — улыбнулся ксенолог. — У меня работа такая — слушать. Извините и вы меня, если вмешиваюсь не в свои дела. Но вы уверены, что встретили того сегурга, которого искали?

— Уверен ли я? — возмутился Ким. — Да, уверен. Это он и есть — Избранный. Никакой ошибки быть не может. Да он и сам меня узнал. Еще до того, как... ну... заговорил с предками.

— Когда сегурги переходят в первую фазу трансового состояния, они говорят довольно внятно. И человеку с непривычки может показаться, что сегург в этот момент разговаривал именно с ним. Может, и вам только показалось, что сегург вас узнал. Последние полгода мы встречались с ним довольно часто. И я могу вас заверить, что с Сектора он никуда не отлучался. Даже на пару стандартных дней.

Ким растерялся.

— Вы хотите сказать, что я... нет, я не мог...

— Видимо, вы переутомились, — успокоил его ксенолог. — Мой вам совет: отдохните несколько дней. Не думайте о делах. Уверяю, вы быстро придете в норму...

Как он добрался до мастерской, Ким вспомнить не смог. Видимо, все пересечения прошел автоматически. Вспомнил только, как с трудом дополз до постели, а потом рухнул на нее и сразу отключился. В себя Ким пришел лишь утром. И чувствовал он себя отвратительно. Словно жизненная энергия покинула его без остатка. Даже простые движения давались Киму с большим трудом. Только усилием воли он заставил себя принять вертикальное положение и набрать код брата.

— Ты как, в порядке? — поинтересовался он преувеличенно бодрым голосом.

— В абсолютном! — Тор зевнул. Вид у него был заспанный и недовольный. — Ты будешь задавать мне этот вопрос через каждые два часа? И почему, кстати, ты не ответил на мой вчерашний вызов? Я от тебя какое-то пространное послание получил...

— Последние четырнадцать часов я спал. И два часа назад я не мог с тобой говорить. — Ким почувствовал, как по спине пробежал неприятный холодок. — И вчера я ничего тебе не отправлял...

— Может, сбой связи? — предположил Тор. — Ну, эхо, например?

— Откуда было отправлено сообщение?

— С нашего кома, естественно, который стоит в мастерской. Честно говоря, я в нем и разобрал только два слова — пространство и время...

Киму для принятия решения понадобилась ровно секунда.

— Сделаем так. Сейчас ты отключишься и сразу уничтожишь всю информацию в памяти кома. И заблокируй его до тех пор, пока я не вернусь. Только не задавай никаких вопросов. Сделай, как я сказал. Просто сделай — и все. Понял? Я буду очень скоро. Мне удалось прорваться к Проктору. Думаю, что сегодня все решится...

Тор возражений не высказал. И отключился сразу. Но ощущение тревоги, которое не отпускало Кима последнее время, только усилилось. Ему казалось, что опасность надвигается теперь со всех сторон одновременно. Повернувшись к окну, Ким уткнулся взглядом в привычную серую стену. Она уходила высоко вверх и глубоко вниз. Не самый лучший пейзаж. Даже если сильно запрокинуть голову, можно было разглядеть только базисные строения более высокого уровня — четвертого. Ким украдкой огляделся по сторонам. Потом прошелся вдоль массивного стеллажа у стены. Мебель, рабочие материалы, маленькие сувениры на самой нижней полке — все стояло на своих местах. Хотя

если кто-то посторонний и побывал в мастерской во время его сна, то зачем бы он стал активировать мебель или рассматривать никому не нужные артефакты?

Ким высветил три последних вызова, задержал дыхание и запустил первое сообщение. Вызов поступил вчера вечером от Тора. Ничего нового Ким не услышал и сразу стер его из памяти. Второе сообщение оказалось длиннее. Оно поступило спустя час после первого — Ким тогда уже вернулся в мастерскую и крепко спал. От кого был вызов — ком не зафиксировал.

Специфические отличия времени — необратимость, прежде всего — есть, по сути, не что иное, как вобранные различия, которыми обогатились отношения между «темпусами», то есть между множественными системами отсчета — хронотопами. Проступание специфики времени предполагает и пространство соответствующего уровня. А направление в хронотопе возникает, когда его внутренние различия из формального отношения всеобщего и единичного становятся реальными...

Никакого визуального потока — только Голос. Сильный и очень глубокий. И настолько нечеловеческий, что Киму опять стало не по себе. Но рука сама потянулась к кому...

Прошлое — это простое состояние системы, которое уже превратилось в сущность настоящего. Временная и пространственная асимметрия возникает лишь в развитых системах, где имеется достаточное различие между всеобщим и единичным. И прошлое, как непосредственное отношение всеобщего и единичного, никуда не исчезает, оно продолжает содержаться внутри противоречия настоящего, как противоречие всеобщего и единичного...

Когда Голос замолчал, Ким еще несколько минут просидел без движения. Ни одной мысли в голову не приходило. Видимо, слишком много событий произошло за эти несколько дней. Голова категорически отказывалась слушаться...

* * *

У лицензиата даже тени сомнения не возникло. Тор вернулся с Южного материка довольный. При виде улыбающегося брата, поднялось настроение и у Кима. А если черная полоса в их жизни действительно кончилась? Разрешение на раскопки получено. Археологи со своей частью работы справляются блестяще. Прибывший Посредник, которого Ким взял на себя, был вынужден согласиться, что сами по себе археологические раскопки не противоречат завещанию Общинного Отца,

поскольку они предназначены для реализации общественных интересов и прочая, прочая, прочая. В общем, смотри пункт третий Конвенции Статуса, подписанной еще пятьсот лет назад всеми планетами Срединного Сектора.

Завтра археологи начнут пробиваться к обнаруженным культовым сооружениям. И если подтвердится догадка магистра археологии Тембаса Чопа о том, что эти сооружения принадлежат к храмовому комплексу планеты Оракул, координаты которой считались потерянными почти тысячу лет, то эта находка станет самым значительным событием столетия. И не только для сегургов. Люди тоже не останутся в стороне. Не зря Тембас Чоп рвется лично поучаствовать в раскопках. Ким как представитель собственника планеты не возражал. И даже прозрачно намекнул, что при необходимости сможет оказать помощь в доставке личного оборудования известного ученого.

В ресурсах Ким был теперь не ограничен. Проктор предоставил не только новый лимит для проекта, но и особый статус лично ему. Кима произвели в Тайные консулы Фонда Созидания. Сначала Совет консулов отреагировал на решение Проктора довольно бурно. Не сговариваясь, все проголосовали против. Но Проктор проявил упрямство и через некоторое время внес то же предложение. Консулы опять его не утвердили. И так повторялось четырежды, пока стороны не начали искать компромисс. В итоге Ким хоть и был назначен Тайным консулом, но временно...

Эту новость принес ему Алиший Марс. Причем лично. Старший администратор появился в мастерской неожиданно, без всякого предупреждения. Молча измерил шагами небольшое помещение, остановился напротив стеллажа с артефактами и выложил овальный жетон на самое видное место.

— Объяснять нужно? — хмуро поинтересовался он.

— Если я правильно понял, таков ответ Почетного консула.

— Да, — согласился Марс. — И еще. Большинством голосов в Совете принято решение о назначении тебя куратором этого проекта...

— Начались неприятности, — догадался Ким.

Старший администратор бросил быстрый взгляд по сторонам и с кряхтеньем опустился на диван.

— Спина болит, — пожаловался он. — Слишком много времени провожу в зоне пониженной гравитации...

В этот момент воздух в центре мастерской стал сгущаться, принимая форму сидящего человека. Ким покосился на Марса.

— Тридцать секунд канал будет безопасен, — пояснил тот. — За

такое время отследить направление гиперволны не удавалось пока никому.

Ким сделал полшага вперед. Несколько долгих секунд Проктор пристально смотрел ему в глаза.

— На прошлой неделе не вышли на связь наши поисковые группы, которые работают на Периферии. Вчера с ближней орбиты Сектора исчезла моя собственная яхта — словно растворилась в пространстве. Как думаешь, чел, это случайные совпадения?

— Я думаю, Проктор, вам не стоит покидать Цитадель. Пока, во всяком случае...

— Прощай, чел, — сказал Проктор. — Надеюсь, мы больше не увидимся...

Ким хотел сказать, что тоже будет рад, если жизнь больше никогда не сведет его с Почетным консулом Фонда Созидания, но сдержался. Фигура Проктора пошла светлыми пятнами. Канал отключился. Еще через секунду в центре мастерской осталась только легкая дымка. Марс молча поднялся с дивана. Вместо прощания он вяло взмахнул рукой.

Задумавшись, Ким зашел на территорию базы с другой стороны от жилого блока. База разрасталась на глазах. Сначала они расширились, чтобы поселить группу археологов Фонда. Теперь пора думать о том, где разместить Тембаса Чопа. А скоро посмотреть на Храмы Оракула захотят всевозможные эксперты, контролеры и прочая любознательная публика, так что на старой базе вообще станет тесно. Придется переносить ее на другое место — поближе к Храмам. Казалось бы, такие мысли должны доставлять Киму удовольствие. Всегда приятно видеть, как твоя идея воплощается в жизнь. Но Киму отчего-то становилось грустно.

— Каждая суверенная единичность, испытывая бесконечность воздействий извне, сохраняет себя только тогда, когда уравновешивает собой эту бесконечность, — пробормотал он. — До тех пор, пока конечное образование равно бесконечности, пока умеет отождествляться с нею и ограничивать себя от нее — оно существует...

— Простите, мастер...

Ким поднял глаза.

— Э-э... здравствуйте! — Ким не заметил, как натолкнулся на молодого археолога. Нужно быть впредь осторожнее. — Вы что-то хотели, Кифер?

— Кифус, — смущенно поправил археолог. — Мы вас потеряли, мастер Ким. Мастер Эва волнуется.

— Потеряли? — задумчиво переспросил Ким. — Значит, теперь нашли. Так ей и передайте. Кстати, а почему вы не на объекте, Кифус?

— Я остался на базе, чтобы закончить отчет. Мы хотели подготовить его к приезду Тембаса Чопа, а он должен появиться уже завтра, если помните.

— Да-да, конечно, отчет... это важно. Идите, Кифус, идите, я и сам доберусь. Меня никто не украдет. Внутри силового ограждения мы в полной безопасности.

— А снаружи есть опасность? — полюбопытствовал археолог.

— Не знаю. Вообще-то, на планете крупные формы хищников не зафиксированы.

— Для чего же защита? Если нет опасности, вполне хватило бы биоблокады.

— Подстраховаться никогда не мешает, — сказал Ким. — А вы что, пытались прогуляться по окрестностям, Кифус? Не нужно было этого делать. Я ведь каждого предупреждал, что самовольный выход за пределы базы запрещен.

— Но вы-то свободно проходите через систему защиты.

— Мне можно. Датчики так настроены. — Ким сочувственно улыбнулся. — Что, сильно вам досталось?

— Да уж! — Археолог потер ладонью лоб. — Два дня потом к ограждению не приближался...

За разговором археолог целенаправленно вывел Кима прямо на Эву, а потом куда-то исчез, будто его и не было.

— Где ты был, Ким? — Плохое настроение Эвы отражалось у нее на лице.

— Хотел побыть в одиночестве. Мне лучше думается, когда никто не мелькает перед глазами...

— Интересно бы узнать, о чем именно тебе хорошо думается в одиночестве?

— О разном. Например, о том, почему пространство-время связано с любым произвольно выбранным началом координат и, прежде всего, с телом самоотсчета, с самоорганизующейся целостностью, которая является ее специфической мерностью, содержащей в этой целостности бесконечность...

— Бесконечность? — Эва эхом повторила последнее слово. — Не понимаю...

— Я и сам не понимаю, — печально сознался Ким и попытался проскочить мимо Эвы. Но она раскусила его маневр и быстро перекрыла проход.

— Ким, в последнее время ты либо молчишь, либо разговариваешь сам с собой. Даже когда ты говоришь с нами, все равно разговариваешь только с собой. И нас это очень волнует.

— Нас — это кого? — осторожно уточнил Ким.

— Твоего брата и меня.

Ким примирительно поднял руки ладонями вверх, но промолчал.

— Я хочу понять, что вообще происходит с тобой, с нами, с этой планетой. Я спрашиваю у Тора — он молчит. Ты меня избегаешь. Только не отрицай, я же вижу... — Эва сморщила свой миниатюрный носик. — Ты считаешь, что между мной и твоим братом не может быть ничего общего, и поэтому ненавидишь меня, да? Ну, давай мы это обсудим. И что с того, что он чел, а я натуралка. Разве это критично? Почему ты не хочешь со мной поговорить?

— А разве сейчас мы не разговариваем? — Ким демонстративно огляделся по сторонам. — Мне кажется, здесь больше никого нет — только ты и я.

Эва бросила на Кима печальный взгляд и молча уступила ему дорогу. Ким пожал плечами и скрылся в своей части жилого блока. Сначала он настроил входную группу, чтобы никто не мог его случайно побеспокоить, потом активировал любимый лежак. Полевая структура приняла Кима в свои мягкие объятья. Он поворочался. Несколько раз медленно вдохнул и выдохнул. Долго копившееся напряжение начинало отпускать.

Запустив руку в самодельный тайник, Ким вытащил вакуумный контейнер. Достал из него сверток. Осторожно развернул. На плотной ткани лежал темный кристалл и тонкая пластина из серовато-белого металла. На первый взгляд, пластина не представляла собой ничего необычного. Разве что сплав незнакомый. Но стоило Киму приглушить свет, как металл сразу стал почти прозрачным. В глубине его проступили яркие контуры четырех геометрических фигур, а в голове Кима возник Голос.

Абсолютное пространство-время, внутри которого, как его различия, перетекают друг в друга конечные жизненные циклы, а полагающее начало системы координат, как смена множественных моментов круговорота, само находится за пределами абсолютного времени, сохраняя свою мерность.

Это сообщение было самым коротким из тех девятнадцати, которые хранил кристалл. Ким их знал почти наизусть. Тем не менее он продолжал сжимать кристалл. Голос он теперь не слушал, а только смотрел, как реагирует на него пластина. Металл слегка нагревался, а све-

чение начинало заметно пульсировать. Иногда свечение становилось очень ярким, а иногда наоборот — почти угасало. Но никакой закономерности Ким уловить не мог, как ни пытался. Если Старейшина из Ййохх хотел оставить ему подсказку, то она оказалась слишком сложной. За месяц Ким ни на шаг не приблизился к ответу...

Старейшина ушел в Сумерки ровно месяц назад. В тот же день Избранный опять появился на Оракуле. С памятной встречи в Нижнем парке Ким о нем и не вспомнил ни разу. В переводчике он не нуждался. Когда был на Секторе, он обновил нейронную сеть и уже сам при необходимости мог бы работать переводчиком с языка сегургов. Причем со всех его пятнадцати известных диалектов. И когда морщинистое лицо Избранного неожиданно появилось на локальном канале, Ким даже растерялся на мгновение.

— Очень срочно приходи, человек. Мне нужен ты.

Сегург был невозмутим, как всегда.

— А Избранный ничего не хочет мне объяснить? — поинтересовался Ким.

— Очень мало времени, человек, — упрямо повторил сегург и сразу отключился.

В его голосе Киму послышалось нетерпение. И это было странно. Сегурги никогда и никуда не торопились. И ко времени они относились гораздо проще, чем люди...

Судя по реперу, Избранный был на Южном материке. Ким нашел свой планшет, наложил на местность направление сигнала и получил координаты, которые, собственно, и ожидал увидеть. Сегург ждал его в поселении Ййохх. Это была самая дальняя точка. Даже на максимальном ускорении рейдер преодолевал такое расстояние только за три часа. Да еще, как назло, Киму пришлось в тот день огибать мощный грозовой фронт. И когда машина опустилась у крайнего купола поселения Ййохх, сегург уже подскакивал от нетерпения. Ким никогда не видел Избранного таким.

— Ты опоздал, — бросил ему сегург вместо приветствия. — Старейшина только что ушел в Сумерки.

Тишину, застрявшую между ветхими куполами поселения, нарушал только посвист ветра. Да и тот был едва слышен.

— Я не знаю, что принято у сегургов говорить в таких случаях, но мне искренне жаль. Я действительно спешил. Почему Избранный не появился вчера или месяц назад?

— Возьми. — Вместо ответа сегург неуклюже сунул в руки Киму небольшой сверток. — Старейшина просил передать тебе.

Осторожно развернув плотную ткань, Ким удивленно посмотрел на Избранного.

— В доме Старейшины я видел такую же пластину. И на той были нанесены четыре символа. Это она или ее копия? Что это вообще такое?

— Очень много вопросов... — Сегург прикрыл глаза. — Я устал. Меня ждут. Я должен быть на церемонии Прощания. Ты все знаешь сам. Так сказал Старейшина. А мне пора уходить.

— Ничего я не знаю и ничего не понимаю, — разозлился Ким. — Я тоже устал. Особенно от ваших загадок. Если Избранный мне сейчас ничего не расскажет, я сяду в рейдер, поднимусь над облаками и брошу этот сверток по ветру.

— Ты не сделаешь так, человек.

— Избранный меня плохо знает, — усмехнулся Ким. — Я уже вижу, как эта штуковина красиво планирует с высоты и падает в самую глубокую горную расщелину. И там ее уж точно никто не найдет...

— Я не могу говорить об этом на вашем языке, — после некоторого раздумья сказал Избранный. — Это запрет.

— Говори на своем языке, — согласился Ким. — Я пойму.

— Не думаю, что поймешь, человек, но все же попробую объяснить. — Сегург перешел на диалект дальней Периферии. — То, что ты держишь в руках, не вещь, а субстанциональная идея. Ей несколько сотен миллионов лет, если считать человеческими мерками. В разное время ее называли по-разному. Я же предпочитаю называть Проводником. Избавиться от Проводника невозможно. Если он оказался у тебя случайно, берегись. Но если тебе передал его Знающий, то Проводник останется с тобой навсегда. До тех пор, пока ты сам не поймешь его смысл.

— Какой смысл? — не понял Ким.

— Не знаю. У Проводника много смыслов. И в зависимости от них он принимает разные материальные формы. Но в момент перехода не имеет значения ни материальная форма, в которой он объективируется, ни смысл, который в него вкладывают другие. В том числе и я. Ты вкладываешь в него собственный смысл. Опиши, что ты сейчас видишь?

— Тонкую пластину серо-белого цвета из неизвестного мне материала. Предположительно, металла. — Ким взвесил пластину на ладони. — Материал очень легкий. На ощупь не вызывает неприятия.

— Я вижу несколько иначе. Можно к нему прикоснуться? Хотя нет, процесс осознания еще не завершился...

— Теперь у меня к Избранному еще больше вопросов, чем было, — растерянно произнес Ким.

— Любые вопросы не имеют значения. Ответы на них можешь узнать только ты. Я не смогу понять смысла, который ты вкладываешь в Проводник. Ни сейчас, ни потом. Да и не хочу этого. Извини.

— Скажи хотя бы, что значат эти символы, которые я видел в доме Знающего?

— Он потому и оставил тебе Проводник, что ты увидел на нем эти символы. Если судить по описанию, это был мертвый язык. А последний сегург, который знал мертвый язык, только что ушел в Сумерки. Ты опоздал. И больше я ничем не могу тебе помочь, человек. Прощай...

* * *

Открытие Оракула действительно стало сенсацией. Как и рассчитывал Ким. До того известный лишь в академических кругах археолог Тембас Чоп в течение двух лет после открытия Оракула оставался самым популярным человеком на всех обитаемых планетах Срединного Сектора. Еще бы, ведь он не только открыл, но и предсказал находку планеты-призрака. Существование Оракула многие его коллеги вообще ставили под сомнение. А Тембас Чоп верил. И нашел. Правда, после этого сомневающихся археологов меньше не стало. Да и все научное сообщество Срединного Сектора раскололось на две части. Хотя в первый год голоса скептиков были практически не слышны в общем восторженном хоре.

Как ни странно, скептиков оказалось больше среди сегургов, чем среди людей. И вообще сегурги сначала категорически отказались даже обсуждать тему Оракула. Потом попытались запретить археологические раскопки. От имени всей расы сегургов с этой инициативой выступили два общественных объединения — Союз Хранителей Культуры и Союз Воинов Духа. Эти союзы были зарегистрированы недавно и существовали на пожертвования своих учредителей, со списком которых Киму удалось ознакомиться. Ни одного сегурга там не оказалось. Не было сегургов и среди первой группы Хранителей и Воинов, которые десантом высадились на Оракуле спустя месяц после его открытия. Десант состоял исключительно из челов-законников.

Ким встретил их лично, вежливо объяснил, что вообще-то планета является частной собственностью и он как полномочный представитель собственника никаких акций проводить здесь не позволит. Потом вручил каждому прибывшему по экземпляру Конвенции Статуса и по-

просил всех покинуть Оракул в течение трех часов. Челы засыпали его угрозами, но в итоге вынуждены были отступить. Второй десант высадился на Оракуле спустя две недели. Уже более представительный. Понимая, что на одном только энтузиазме Кима не одолеть, представители Хранителей и Воинов захватили с собой официальных лиц из числа сегургов.

Ким всех полномочных представителей выслушал, указал им направление, в каком им следовало отбыть, и предупредил, что при следующем появлении он будет не столь вежлив. Сегурги устроили публичный скандал, обвинив Кима в неуважительном отношении к их культурному наследию. Ким, в свою очередь, заручился поддержкой Общины Плывущих над Белыми Облаками и обратился к Форуму. Обличая Хранителей и Воинов в сепаратизме, Ким упирал на то, что храмовый комплекс планеты Оракул является не столько культурным наследием сегургов, сколько общественным достоянием всех планет и рас Срединного Сектора. А он как представитель собственника планеты намерен и в дальнейшем проводить политику максимальной открытости, чтобы любой желающий мог бы побывать на Оракуле и полюбоваться его знаменитыми Храмами.

Форум полностью согласился с доводами Кима. И на некоторое время он стал популярнее самого Тембаса Чопа. Впрочем, интерес вскоре пошел на спад, что не могло его не радовать: Ким избегал публичности. Роль оратора от Оракула прекрасно исполнял Тембас Чоп, а у Кима хватало других забот. Археологи постоянно «находили» новые сооружения из храмового комплекса и открывали их для доступа. Количество туристов увеличивалось. Причем гораздо быстрей, чем рассчитывал Ким. Пришлось в страшной спешке доводить до ума комплекс для сегургов-паломников на малозаселенном Северном континенте и одновременно запускать на орбиту вторую ступень большого туристического центра на сто тысяч мест.

Люди хотели своими глазами увидеть мифическую планету, и любые сообщения с Оракула неизменно открывали информационные блоки всех главных новостных порталов Сектора. Планета кипела. Доходы росли. Период окупаемости проекта сокращался на глазах. Киму оставалось только отсылать отчеты в Фонд, и все были довольны.

Вот только опасность со стороны Хранителей и Воинов Ким все же недооценил. Они не отступили навсегда. Они притаились. А через год нанесли новый удар — с тыла.

Сначала несколько известных и уважаемых людей практически одновременно подвергли сомнению существование Храмов Оракула и

втянули в дискуссию магистра Чопа. Лучше бы археолог промолчал. Вдохновленные его отпором Хранители и Воины подняли волну массового протеста и навалились на ученого. Подключились к дискуссии и его многочисленные оппоненты. Скандал постепенно разрастался и как-то незаметно вышел за рамки научной полемики. Хранители и Воины жаждали крови. Они потребовали от Кима проведения новой экспертизы. Обосноваться на планете они не смогли, зато на орбите стали постоянно крутиться два арендованных транспортника класса «Ковчег».

В том, что эта акция была тщательно спланирована, Ким не сомневался. Скандал породил недоверие. Широкий поток туристов превратился сначала в слабенький ручеек, а потом и вовсе иссяк. Орбитальный центр быстро опустел. Каждый новый день приносил теперь только убытки. Ким понимал, что его ждет, но сопротивляться уже не мог. Собрав волю в кулак, он дал согласие на повторную экспертизу. И в тот же день на Оракуле появилась многочисленная группа независимых оценщиков, которые рвались исследовать храмовый комплекс. Сопровождала экспертов не менее многочисленная группа наблюдателей.

Впрочем, Хранители и Воины торжествовали не долго. Повторная экспертиза ничего не прибавила, а лишь подтвердила известные выводы. Точный возраст объектов не удалось определить и во второй раз. Даже дорогостоящее оборудование для тахионного сканирования выдавало весьма приблизительный результат. Тем не менее эксперты единодушно признали, что все Храмы построены давно — не менее полумиллиарда лет назад. Никаких поводов для сомнений не осталось. Борцы за культурное наследие сегургов были удивлены. Но сильнее всех удивился, естественно, Ким. В тот момент, когда Тор привез ему эту радостную новость, Киму показалось, что планета остановила свое вращение.

— Ты ничего не перепутал? — переспросил он потрясенно.

— Более полумиллиарда лет, — с улыбкой повторил Тор. — И никак не меньше. А я думал, что нам конец. Но как ты смог переубедить Марса?

— Никак. Фонд не мог в этот раз повлиять на экспертов. Марс мне сразу объяснил, что нам придется выкручиваться самостоятельно.

Довольная улыбка Тора медленно потухла.

— Кто же оплатил экспертное заключение?

— Хранители и оплатили, — усмехнулся Ким. — Представляю их лица, когда его оглашали...

— Ничего не понимаю, — растерялся Тор. — Но этого не может быть. Я каждый Храм... собственными руками...

У Кима уже не осталось сил говорить. Он поднял голову и стал рассматривать облака. Местное светило уже клонилось к закату, раскрашивая их в весьма причудливые узоры.

— Наверное, тахионный сканер повредили во время транспортировки, — предположил Тор. — Как думаешь?

— Конечно, — кивнул Ким. — Я так и думаю. Техника не безупречна. Иногда она ломается. Вероятность такого совпадения не слишком велика, я знаю. Но мы же с тобой везунчики, брат.

— И что теперь?

— Будем дальше работать. А что тебя смущает? Мы рискнули и вытащили самую главную фишку. Вот и не забивай теперь голову пустяками — радуйся удаче. Завтра мы с тобой сядем, обдумаем стратегию, внесем коррективы в проект. Я уверен, что шумиха быстро утихнет, и на Оракул опять повалят туристы, готовые сутками глазеть на эти Храмы. Мы расконсервируем орбитальный центр, дадим команду археологам, чтобы продолжали раскопки. У нас еще примерно треть Храмов в запасе. Да и сегурги наконец успокоятся и проявят к своему культурному достоянию должный интерес. Нет, я искренне считаю, что проект получился удачным. И объекты очень красивые, так что нечего тут скромность изображать. А Храм Первого Творения даже меня задевает за живое. Спасибо Эве. Она очень талантливый архитектор...

— Вернешься на базу? — с надеждой спросил Тор. — Эва будет рада.

— Обязательно вернусь, — согласился Ким. — Только не сейчас. То есть не сразу. Пойми, дело ведь не в том, что я не хочу вас видеть или от кого-то скрываюсь...

Он замолчал и обвел взглядом остовы брошенных сегургами домов. Если присмотреться внимательней, можно было насчитать почти две сотни защитных куполов. В разной степени сохранности. Время не пощадило поселение Айойх — некогда самое большое на Северном континенте. По какой причине сегурги покинули это место, Ким так и не смог выяснить. Старейшины говорили, что это случилось очень давно. И пока здесь год назад не появился Ким, поселение пару сотен лет стояло совершенно пустым. Забредал сюда только северный ветер, который и приносил ночами злую пыль бесконечных плоскогорий. Вездесущая пыль безжалостно подтачивала защитные конструкции, и стоило очередному куполу дать слабину, как она тут же хоронила весь дом.

Когда Ким случайно наткнулся на заброшенное поселение, ему здесь понравилось. Он обнаружил, что несколько домов сохранились в приличном состоянии, и стал наведываться в Айойх довольно часто,

пока не переселился окончательно. С собой Ким прихватил только полевой синтезатор и энергоустановку — маломощную, но с большим автономным ресурсом. Особого комфорта ему не требовалось. В выборе пищи он тоже был не привередлив. Зато в древнем поселении сегургов он получил наконец необходимую тишину. Здесь было спокойно. Может, поэтому и думалось хорошо. Только вот брата нервировали полуразрушенные купола. И бывал он тут редко. А когда все же появлялся, то старался быстрей улететь...

Когда рейдер Тора превратился в точку на горизонте, Ким достал планшет. Вывел проекцию Оракула и задал несколько дополнительных условий. Ему не терпелось проверить новую идею. Проекция послушно развернулась, внутри вытянулись новые линии, а новые точки пересечений ярко замигали. Ким наложил получившуюся картинку на координатную сетку планеты. И результат его развеселил. Пусть он нашел ответ только на одну задачу, но и это было неплохо...

Услышав знакомый звук, Ким поднял голову. Из-за купола осторожно выглядывали небольшие узкомордые животные, которые жили на большей части Северного континента и кочевали маленькими стайками. Питались они преимущественно мелкими грызунами, которых в окрестностях заброшенного поселения хватало. Первое время Ким старался отпугнуть животных, но потом привык. А с тремя особями даже подружился. И стал подкармливать их остатками армейского рациона. Видимо, белковые брикеты пришлись маленьким хищникам по вкусу. Во всяком случае, самец и две самочки стали появляться у него ежедневно. Садились перед входом в купол и терпеливо ждали. А если Ким долго не выходил, пытались привлечь его внимание щелчками и шипящими звуками.

— Привет, бродяги, — громко сказал Ким. — Где пропадали? Ах, да, вас Тор спугнул... Ну, получайте свой паек, раз пришли.

Он разломил брикет на три части. Но звери были осторожными. И терпеливо выжидали, пока Ким отойдет на безопасное расстояние.

— А сейчас, бродяги, я вам покажу одну интересную штуку, чтобы разбавить материальную пищу духовной. Не возражаете? — Ким развернул проекцию планеты в сторону немногочисленной аудитории. — Только смотрите внимательно. Вот штука, которая мне не нравится. Она получается, если соединить все опорные точки проекта, на которых мы вполне благополучно построили Храмы Оракула. А сегодня я добавил к этой штуке еще одно сечение, которое проходит через все эти круги с квадратами. Потом я сделал новую проекцию сечения в плане и наложил ее на координатную сетку планеты. И что получает-

ся в итоге? Совершенно верно, все вектора напряженности утыкаются в одну-единственную точку. В ту самую, где мы сейчас и находимся.

Три узкие мордочки потянулись к нему. С первым брикетом троица давно расправилась и терпеливо ждала следующего. Но со стороны могло показаться, что животные очень внимательно слушали.

— Спасибо за внимание! — Ким раскланялся и закрыл планшет. — Надеюсь, вам понравилось мое выступление. На самом деле я и сам еще не осознал важность моего сегодняшнего открытия. И даже не понимаю, как его нужно трактовать. Но ради торжественности момента готов пожертвовать вторым пайком. Только учтите, бродяги, на сегодняшний день это последнее развлечение. Больше вам нечего ждать в некогда славном поселении Айойх...

* * *

Сначала Ким еще надеялся, что доход от планеты будет. Пусть и небольшой. Главное, чтобы его хватило рассчитаться с Фондом. Со Старейшинами Ким кое-как нашел общий язык. Они согласились подождать несколько лет и не предъявлять пока финансовые требования. Но полгода прошли, и стало ясно, что даже самые осторожные надежды Кима сбываться не собираются. Вялый ручеек туристов никак не хотел превращаться в тихую речушку. Новости с Оракула плавно переместились с первого на последнее место в рейтингах новостных порталов Сектора. И средств уже не хватало на поддержание туристической инфраструктуры.

Еще полгода все катилось просто по инерции. Отсылая минусовые балансы в Фонд, Ким каждый раз внутренне сжимался от дурных предчувствий. Он неоднократно пытался лично встретиться с Марсом, в слабой надежде хоть что-то изменить. Но Марс молчал. А когда Фонд официально уведомил Кима о том, что с него снят временный статус Тайного консула, стало понятно: финал близок. Правда, сначала произошло почти невероятное — подал в отставку Проктор Пятый. И едва Ким успел переварить эту глобальную новость, как на Оракуле появился немногословный человек по имени Гай Ливий. Киму и Тору он предложил на выбор один из двух вариантов: либо они остаются в качестве консультантов с небольшим ежегодным содержанием, либо совсем убираются с планеты. В качестве бонуса за долгую и беспорочную службу братьям была обещана бесплатная транспортировка в любую точку Срединного Сектора.

В инвестиционном договоре Ким пропустил один нюанс. Просто потому, что посчитал этот пункт формальностью. Но отсутствие теку-

щих платежей по инвестиционному договору в течение года — факт неоспоримый. И законникам Фонда этого хватило. Без труда они переоформили право собственности на планету и в одностороннем порядке разорвали контракт с управляющими. Неустойка, которая причиталась Киму и Тору при досрочном расторжении контракта, утонула в их долгах Фонду. Так что братья потеряли не только свой бизнес, но и все, что заработали за эти годы на Оракуле.

Впрочем, Кима угнетали не столько собственные материальные проблемы, сколько моральные обязательства перед общиной. Как ни крути, но Плывущие над Белыми Облаками потеряли свою собственную планету благодаря ему. Можно, конечно, рассуждать об общей несправедливости жизни и о конкретной подлости деловых партнеров, но сегурги поверили в свое время Киму, а не какому-то абстрактному Фонду Созидания. Значит, и ответственность тоже лежала на нем. И эта ответственность давила на Кима тяжким грузом. Первое время он вообще не мог понять, как ему реагировать на все эти внешние изменения. Несколько раз он порывался покинуть Оракул и забыть о нем навсегда. Но не смог. Он даже рассказать обо всем Старейшинам долго не решался. Надеялся, что ситуация как-то изменится сама собой. Если не сегодня, то завтра обязательно. Но в лучшую сторону ничего не менялось. Становилось только хуже.

Гай Ливий подтвердил свою репутацию безнадежно тупого, нервного и амбициозного натурала, который только и умеет, что перемещать свое тело в пространстве да непрерывно при этом вещать. У Кима сложилось впечатление, что Фонд прислал его на Оракул с одной-единственной целью — похоронить проект. Но Ким все же принял предложение и согласился на должность консультанта. И Тора уговорил. Хотя искренне не мог понять, в чем будет заключаться его работа, если из всех мнений Гай Ливий признавал только свое и к компромиссам не был склонен в принципе.

Несмотря на активное давление со стороны Кима, со Старейшинами Гай Ливий разговаривать отказался. А когда те отправили к нему своего представителя, он скрылся от них на орбите. Старейшины собрались вместе, раскинули мозгами, но не смогли придумать ничего лучшего, как вывалить на общественность всю правду об Оракуле. В том смысле, что Оракул — это сплошной обман, придуманный людьми, которые хотели нажиться на древней культуре сегургов. Ким понимал, чем завершится такой демарш, и пытался образумить общину. Но тщетно. Старейшины обиделись всерьез и выслушать его не пожелали.

Конечно, был скандал. Но уже локальный. За прошедший год интерес к Оракулу заметно снизился, да и Тембас Чоп решил в этот раз благоразумно отмолчаться. Восставшим из пепла Хранителям и Воинам просто не с кем стало сражаться. Фонд тоже дистанцировался от конфликта. Из Гая Ливия достойный противник получиться и не мог. После первых же его публичных выступлений Фонд отозвал его с Оракула и благоразумно спрятал подальше. Неразлучная троица заместителей умчалась следом за своим начальником. Каждый сделал вид, что у него появились очень срочные дела на Секторе.

В общем, предчувствия Кима оправдались. Отбивать очередную атаку сегургов пришлось ему. Хранители и Воины, торжествовавшие близкую победу, взвыли от предвкушения скорой расправы с давним недругом. Но Ким держал защиту уверенно и методично отбивал удар за ударом. На любой эмоциональный выпад со стороны представителей сегургов он отвечал выдержками из двух почти идентичных экспертных заключений. И его аргументы звучали куда весомее их эмоций. А в последнем выступлении перед Комиссией по этике он даже не оправдывался, а сам наносил чувствительные удары. Ким предложил провести новую экспертизу. Если, мол, у кого-то остались хоть малейшие сомнения в подлинности храмового комплекса Оракула, их нужно попросту развеять, а не терзать подозрениями честных и добросовестных ученых.

Финансировать третью экспертизу Комиссия по этике предложила тем, у кого эти подозрения возникли. Хранители и Воины такого желания не выказали. Но, ко всеобщему удивлению, нашелся человек, который добровольно взвалил на себя такое финансовое бремя. Звали его Артос Нагоя. Он был известен в кругах коллекционеров антиквариата и обитал на одной из планет дальней Периферии. На самом деле, конечно, за коллекционером стоял Фонд Памяти Сегургов, который хотел вывести Оракул из публичной сферы. И как можно быстрей.

Впрочем, об этом Ким узнал намного позже. Когда у Оракула опять сменился владелец. По слухам, новый владелец предложил Фонду Созидания такие отступные, которых хватило бы для приобретения трех-четырех перспективных планет. Естественно, Совет консулов долго не раздумывал. Сделку провели тихо. Да и новое экспертное заключение, которое не отличалось от двух предыдущих, тоже широкого отклика не вызвало. Появилась лишь короткая информация на одном из узкоспециализированных археологических порталов.

Не произошло никаких изменений и на Оракуле. Новый собственник даже своего управляющего на планету не удосужился прислать. Ту-

ристической инфраструктурой пришлось заниматься все тому же Киму. Он не мог бросить на произвол судьбы людей, которых сам и нанимал. Правда, туристов становилось все меньше. Многие попросту отказывались от посещения Оракула. А кто и добирался, тут же собирался назад. Под разными предлогами. Потом совершенно неожиданно поползли неприятные слухи. Якобы вместе с Храмами Оракула археологи раскопали и древнюю патогенную микрофлору. Планету до выяснения обстоятельств закрыли на полный карантин. Вскоре, правда, карантинный режим упростили, а потом и вовсе отменили, но желающих посмотреть на таинственные Храмы Оракула к тому времени не осталось вообще.

Первой разбежалась обслуга орбитального комплекса. Стала постепенно пустеть и планета. Даже упорные археологи, которые перешли на Южный континент, тоже остановили свои машины. И вроде бы никакого давления со стороны Фонда Памяти Сегургов не было, но мучительная неопределенность еще хуже. Когда собрался уезжать Тор, заколебался даже Ким. Глядя в глаза Тору, он видел в них лишь пустоту и отчаяние. Он не хотел терять брата.

— Не могу так больше, — признался ему Тор во время последнего разговора. — Не хочу цепляться за эту мерзкую планету. Я очень долго тебя слушал. Давай сделаем исключение всего один раз. Ты поедешь с нами, и мы начнем все заново. Бывали у нас серьезные передряги, из которых нам удавалось выбираться. Выберемся и сейчас... Скажи, чего ты добиваешься?

— Пока и сам не понимаю, — честно ответил Ким. — Очень надеюсь, что пойму позже. Но вам действительно нужно уехать. Я не имею права втягивать в свою войну и тебя, и Эву.

— А ты не командуй здесь! — разозлился Тор. — Нет никакой войны. Есть только твое глупое упрямство. Да и навоевались мы уже, Браво-9...

Ким кивнул. Он и сам понял, что сравнение вышло неудачным. Вроде как обвинил брата в дезертирстве. И они разошлись, не глядя друг на друга. Каждый сделал свой выбор. Тор предпочел Эву, Ким — Оракул.

Вскоре Тор покинул планету. Попрощаться с братом не пожелал. Таким он и остался в памяти Кима — обозленным и раздраженным. И как-то загладить свою оплошность Ким уже не успел. Сразу после отъезда Тора вышел из стоя последний СБП-порт. Спустя короткое время и корабли Перевозчиков отказались брать пассажиров с Оракула. Сначала Ким подумал, что это случайное совпадение, но когда не смог найти ни один из многочисленных каналов связи, никаких сомнений у него не осталось — планета в блокаде.

Эмиссары Фонда Памяти появились спустя полгода. И тогда начался последний этап — полная эвакуация. Сначала они вывезли с Оракула оставшихся людей: те покидали планету весьма охотно. Община сегургов некоторое время сопротивлялась, но эмиссары убедили и их. Гораздо быстрей, чем ожидал Ким. Старейшины выторговали для себя довольно щедрую компенсацию и вполне приемлемые условия эвакуации. На транспортные платформы сегургов загружали целыми поселениями и перемещали на новое место жительства. Фонд Памяти не поскупился: общине Плывущих над Белыми Облаками выделили обширную территорию на одной из самых благоустроенных планет ближней Периферии, и переселение с Оракула прошло быстро и организованно.

Отказался покидать планету только один человек — Ким. Необходимые вещи он заранее перебросил в поселение Айойх. После чего спрятал свой рейдер в развалинах, а лишнее имущество уничтожил, чтобы не привлекать внимания. После эвакуаторов по Оракулу прошлись еще три больших отряда планетарной зачистки. Все искусственные сооружения, кроме храмового комплекса и куполов поселения Айойх, были демонтированы и утилизированы. И однажды утром Ким проснулся и ощутил, что остался на планете абсолютно один.

Это были не знания, а именно ощущения, разобраться в которых ему с недавних пор помогал Проводник. Металлическая пластина трансформировалась за это время в почти прозрачную полусферу. И если положить ее на ладонь, расслабиться и некоторое время ни о чем не думать, начинали приходить ощущения. Поначалу они накатывали колючими и неприятными волнами. Но когда Ким научился контролировать свои эмоции, то и ощущения изменились — стали теплыми и уютными, словно легкий утренний ветерок. В них можно было погружаться, как в приятный сон...

— Не помешаем?

Ким сжал в кулаке Проводник и открыл глаза. Их было двое. Человек и сегург. Человек улыбнулся и опустился на камень, который Ким так и не смог протащить в купол, поэтому бросил прямо у входа.

— Кажется, я вас знаю, — нахмурился Ким. Он не удивился. Рано или поздно кто-то должен был появиться.

— Мы встречались на Секторе, — напомнил человек и приветливо улыбнулся. — Это было давно.

— Вы тот самый ксенолог из Нижнего парка. Не могу вспомнить ваше имя.

— Не напрягайтесь. У меня много имен. Но вы можете называть меня Эйдос Маури.

— А он кто? — Ким кивнул на сегурга.

— Мой коллега. — Ксенолог хотел добавить еще что-то, но покосился на сегурга и промолчал. — Не возражаете, если мы сразу перейдем к нашим делам?

— Возражаю. Времени у вас осталось не так много. Кто вы такие и зачем пришли, я догадываюсь. И не вижу смысла обсуждать то, что в принципе не имеет решения. Сегодня, во всяком случае.

— То есть вы отказываетесь покинуть планету?

— Неужели я не заслужил того, чтобы меня оставили в покое?

— Конечно, заслужили, — вздохнул ксенолог. — Вы заслужили гораздо больше, чем можете себе представить. Именно поэтому Фонд Памяти Сегургов уполномочил меня предложить любой размер компенсации. Вы меня понимаете? Любой, который вас устроит. Что вы хотите?

— Я хочу рассказать одну очень древнюю историю, которая произошла примерно двадцать миллиардов стандартных лет назад. Не возражаете?

Ксенолог переглянулся с сегургом и кивнул:

— Рассказывайте.

— Постараюсь быть кратким, — успокоил его Ким. — Существует, если помните, не меньше сотни фундаментальных космологических теорий, но лично мне нравится одна очень древняя и простая концепция. Согласно ей, мир был создан неким Творцом. И не улыбайтесь. Несмотря на свою примитивность, она дает ответы буквально на все самые сложные вопросы, а не только на частные, как остальные теории. Так вот, в самом начале этого мира Творец создал и первого человека...

Сегург не отреагировал. Он продолжал любоваться своими когтями. Либо плохо понимал срединный язык, либо имел очень крепкие нервы. Ким усмехнулся и продолжил:

— Первого человека Творец создал из глины. И все бы хорошо, но первый человек затосковал. Долго он не мог понять причину своей тоски, пока не осознал, что ему не хватает женщины. Мужчина выждал, когда Творец уснет, и попытался повторить опыт Творца — вылепил себе женщину из той же глины. Но в этот раз глина не захотела оживать. И тогда мужчина вырвал собственное ребро, воткнул его в фигурку женщины, и она ожила. Он назвал ее Хава — «Первая». Вот эта самая Хава и стала праматерью всего рода человеческого... Как вы думаете, если бы первый мужчина, создав Хаву, тут же бросил ее, разве не закончилась бы на этом история человечества?

— Хороший вопрос, — после недолгой паузы сказал Эйдос Маури. — В рамках заданной модели ответ на него очевиден. Но тогда разрешите и мне рассказать вам историю. Она не из далекой древности, а из близкого будущего, которое наступит через 217 стандартных часов. Хотите, я вам расскажу о том, как звезда, которая значится в реестре под номером ИР-2-2-63, проявит активность? Сначала мощная буря пронесется в верхних слоях, а потом один за другим последуют три гигантских выброса звездного вещества из внутренних слоев. Весь этот катаклизм будет сопровождаться еще и сверхмощным электромагнитным импульсом.

— Точно, — согласился Ким. — Все очень просто — электромагнитный импульс. Если его мощность будет такой... — Ким наклонился и осколком камня вычертил длинную формулу на пыльном основании купола. — Последствия сильного электромагнитного воздействия на опорные точки, на которых мы построили свои Храмы, оценить довольно сложно. Вероятно, образуется эн-мерная пространственная структура...

— С вероятностью восемьдесят шесть и шесть десятых, — добавил ксенолог. — И еще могу сказать со стопроцентной вероятностью, что электромагнитное воздействие мгновенно выведет из строя всю вашу систему жизнеобеспечения. Это во-первых. А есть еще и во-вторых, и в-третьих, и в-четвертых. Никто не может сказать, что именно произойдет после того, как кривизна пространства-времени в эн-мерном континууме достигнет бесконечно больших величин. Увы, принцип неопределенности остается непреодолимой преградой для точного прогнозирования. Если все-таки произойдет «схлопывание» в точку сингулярности, то вас попросту размажет во времени и пространстве с некоторым распределением вероятности...

— Вы так ничего и не поняли, Эйдос Маури, — вздохнул Ким. — Меня не интересует, как и что здесь произойдет. Я пытаюсь найти ответ на другой вопрос: почему это произойдет?

Ксенолог опять переглянулся с сегургом.

— Почему в этой точке — сингулярности, как вы ее назвали, — сошлись именно мы? Вы, я, он... — Ким кивнул на сегурга. — А до нас на Оракуле побывали еще сотни и тысячи разных людей. Я думаю, что не было в этом никакой случайности. И если мы разговариваем здесь и сейчас, то только потому, что все, о чем вы говорили, уже случилось. Не в будущем или прошлом случилось, а в некоем «сейчас», размазанном, как вы сказали, во времени и пространстве — по всей его условно бесконечной протяженности. И корабли Зигмунда Поллака подлетают к этой планете сейчас, и сегурги возвращаются на свою потерян-

ную родину сейчас. И прямо сейчас возникает Фонд Памяти Сегургов, который, насколько я понимаю, должен создать условия, чтобы на этой планете сейчас появились люди, которые построили Храмы Оракула. И какой бы выбор я ни сделал в любой момент времени, получается, я сделал его уже бесконечное количество раз. И если мы стоим здесь и сейчас, значит, он был правильный...

— Кто был правильный?

— Выбор, — терпеливо пояснил Ким. — Именно это меня и смущает. Получается, что все наши выборы предопределены. И предопределяет их тот, кто тоже находится здесь и сейчас...

— Мне жаль, но я так ничего не понял, — вздохнул ксенолог.

— Это потому, что вам не хватило времени. С удовольствием поговорил бы подольше, но вам необходимо торопиться, Эйдос Маури. Если, конечно, рассчитываете выбраться за горизонт событий...

Сегург пристально посмотрел на Кима и спросил на диалекте Сектора:

— Передать что-нибудь вашему брату?

— Я не знаю, где он, — печально сказал Ким. — Но если вы пообещаете поддержать брата ресурсами, буду вам очень благодарен.

— Конечно. Мы найдем его. — Сегург слегка наклонил шишковатую голову. — Прощайте, мастер Ким.

Когда их шаги стихли, Ким заставил себя подняться и несколько раз обошел вокруг купола, разминая затекшие ноги. У него оставалось всего 216 стандартных часов. Время буквально дышало в затылок. А сделать предстояло еще много. В первую очередь, необходимо перебраться на Центральный материк, где климат более теплый. Нужно успеть запастись пищей, чтобы ее хватило на первое время, пока он не найдет что-нибудь съедобное из местных культур. Почва ближе к экватору вполне плодородна.

А неразлучную троицу можно в конце концов прихватить с собой.

— Эй, вы где? — Ким свистнул и прислушался. — Собирайтесь, бродяги. Скоро начнется ваше самое большое путешествие.

Животные осторожно выглянули из-за соседнего купола, привлеченные знакомым свистом. Глядя на их острые мордочки, Ким подумал о том, что эволюция — довольно непредсказуемая штука. И вполне может так случиться, что спустя какой-то десяток миллионов лет именно эти три особи станут прапрапрапрародителями расы сегургов.

Ким улыбнулся и привычным движением разломил свой паек на три части.

❑

СЕРГЕЙ КУПРИЯНОВ

СКОРОСТЬ

Иллюстрация Андрея БАЛДИНА

НА ФИНИШЕ

Апартаменты председателя правления совета директоров корпорации «Галактические перевозки» Бессонова расположены в пентхаусе «Космической стрелы». Тут все только его, начиная с лифта и заканчивая сауной с тренажерным залом. Даже его личные помощники и повара располагаются этажом ниже, не говоря уже о прочем персонале, занимающем все сто двадцать семь этажей этого архитектурного монстра, придавливающего конкурентов и восхищающего клиентов. Попасть сюда считается удачей, потому что гостей Игорь Михайлович не жалует. А уж оказаться с ним вместе за обеденным столом — верх мечтаний для многих и многих.

Сегодня он сидел в персональной столовой, стилизованной под готический зал, и обедал в одиночестве, снимая готовые блюда с микролифта, поднимавшего еду и напитки снизу прямо к столу, так что для самообслуживания не требовалось даже вставать с кресла с высокой резной спинкой вишневого дерева.

На стене перед ним большой голографический экран показывал последние новости по специальной, выделенной сети, доступ к которой возможен для очень немногих людей в этом мире, потому что передаваемая информация по скорости поступления и конфиденциальности больше похожа на разведданные, чем на обычную новостную линейку.

Один из богатейших людей планеты неспешно и с удовольствием кушал грибной супчик по-деревенски, с дымком, и без особого интереса посматривал в сторону экрана в те моменты, когда не хлебал, а пережевывал специально для него подсушенный черный хлеб утренней выпечки; есть слишком мягкий не советовали врачи, утверждая, что это вредно для желудка. Впрочем, грибной суп они тоже не рекомендовали, но он на их советы, мягко говоря, поплевывал.

Глава корпорации оторвался от тарелки и проявил подлинный интерес к информации тогда, когда дикторша заговорила о «гонке столетия». На самом деле подобные соревнования проходят каждый год, но поскольку на этот раз в полете приняли участие ведущие перевозчики и создатели космических кораблей, чему сам Бессонов немало способствовал, вложив просто фантастические суммы, то интерес к бывшим некогда сугубо профессиональным стартам взлетел поистине до небес, что естественным образом подогрело ажиотаж рекламодателей и букмекеров.

В принципе, ничего нового за полчаса до окончания официальной регистрации никто не ждал. Основные претенденты стали известны еще неделю назад. Из девяти великолепных машин с опытными экипажами, готовыми преодолеть дистанцию в один миллион километров, фаворитов было двое — «Мерайя К», сошедшая со стапелей «Астро Технолоджис», и «Галлия», принадлежащая ГП. У Бессонова

имелись все основания предполагать, что его «скакун» придет первым, поскольку в последние три года были предприняты некоторые усилия, оставшиеся неизвестными не только широкой публике, но и, хотелось надеяться, конкурентам. Таким образом примерно за половину земных суток гонки станет ясно, кто в этом мире чего стоит.

Поэтому объявление о том, что две минуты назад заявку на участие в гонке подали братья Гвоздевы со своим кораблем «Полмаукон» класса «Урал», не могло не вызвать самого живого интереса Бессонова.

Он мигом забыл про суп и, переключив канал, вызвал своего помощника, которого называл Аристархом или — в минуты приступа хорошего настроения — Ариком.

— Что там за комедия с заявками? — без предисловий спросил Бессонов, глядя в веснушчатое лицо с прозрачными глазами завзятого жулика.

— Гвоздевы изъявили желание участвовать в гонке века.

— Это я и так знаю! — Бессонов отбросил ложку. — У них что, есть шансы?

— По нашим данным — никаких.

— А точнее?

— На их допотопном «Урале»? Ровным счетом ноль.

Бессонов нахмурился. Ноль... «Урал», конечно, корыто, на нем даже на обычных перевозках толком не заработаешь. Уже больше года их снимают с регулярных рейсов и отдают всем желающим за бесценок, чуть ли не по цене металлолома. Но Гвоздевы!

Лет семь близнецы трудились в корпорации, куда были не то что приняты — зазваны еще до окончания университета. Таких конструкторов поискать! Яркое, нестандартное мышление, совершенно фантастические разработки, фейерверк идей. Но два с чем-то года назад братья ни с того ни с сего попросили такую прибавку к жалованью плюс участие в прибыли, что Бессонов взорвался и выпер обоих к чертовой матери. Погорячился, конечно. Можно было поторговаться. Но что сделано, то сделано, к тому же другим наука.

После увольнения он устроил им «красивую жизнь». Нажал на все кнопки. В итоге на работу братьев никто не взял. Крутились как-то сами, выживали, не высовывались. Полтора года назад служба безопасности ГП изменила степень контроля. Видно, напрасно.

— Всю информацию мне, — распорядился Бессонов.

— Сделаю.

— Даю три минуты. И еще. Нельзя их как-то снять? Поговори с юристами, с кураторами.

— За двадцать минут до объявления участников? — усомнился Аристарх.

— Все равно.

Снять братьев с гонки, конечно же, не удалось. Зато появление нового участника подогрело интерес к предстоящему событию. Ставки немножко поднялись. Бессонов, затеявший крупную игру, не мог не отметить двухпроцентного роста. Поразмыслив, он дал отмашку брокерским фирмам, которыми владел через толстый слой «прокладок», задрать ставки на аутсайдера.

Поступившая к нему информация свидетельствовала, что Гвоздевы, по сути, прозябали, вкладывая свои и заемные средства в дешевые, но не слишком качественные космические перевозки. Если техниками они были отличными, то бизнесменами никакими. И этот их жест с участием в гонке века можно было расценивать как рекламный ход — по сути, дурацкий, поскольку затраты хотя бы только на участие заведомо превышают возможный профит.

По условиям гонок корабли-участники, находясь на предстартовой позиции, освобождены от любого вида досмотра и контроля, что гарантируется и обеспечивается организационным комитетом, поэтому даже служба безопасности мало что смогла сообщить об аппарате Гвоздевых. Стандартный «Урал», модификация «транспортник армейский». Вот, собственно, и все.

За это время безопасность прощупала деятельность фирмочки Гвоздевых в течение последних двух лет. Счета, закупки, банковские проводки, зарегистрированные контракты, долговые обязательства, список акционеров, заказы, патенты, личные контакты. К моменту старта ничего существенного не выяснилось, стало известно лишь то, что конструкторы много времени и сил потратили на модернизацию своего корыта. Но корыто — оно корыто и есть. По общему мнению, налицо блеф. Пузырь. Рекламный ход, возможные положительные итоги которого специалисты считали крайне ничтожными по сравнению с затратами. Эксперты совершенно определенно говорили, что бизнес братьев находится на последнем издыхании, и эта их выходка всего лишь красивая попытка отсрочить неизбежный конец. По сути, банки, их кредитовавшие, в ближайшее время готовы прибрать к рукам все имущество фирмы.

В полдень по среднеевропейскому времени десять кораблей выстроились на старте, под красной лазерной линией, светящейся в распыленной алюминиевой крошке. Все двигатели на ноль. Телевизионная трансляция продана за сумасшедшие деньги. За предшествующие старту часы общий объем зарегистрированных ставок подскочил на тридцать восемь процентов. Спрос на информацию о технических характеристиках кораблей-участников вырос втрое. Страсти накалялись, и вместе с ними возрастал денежный поток.

Главный судья соревнований объявил десятиминутную готовность. Телекомпании, сумевшие закупить права на репортажи «изнутри», показывали напряженные лица участников и их переговоры, выхватывая самые «вкусные» моменты. Рейтинг передач подскочил до сорока восьми процентов. Те, кому оказалось не по деньгам закупить картинку с места событий, комментировали ситуацию на Земле.

Гонка началась, когда красный цвет сменился на зеленый. Половина населения планеты прилипла к экранам. По условиям состязания еще пять часов принимаются ставки, правда, с пониженным коэффициентом. По оценкам биржевых аналитиков, выбранная для расчетов в соревновании условная денежная единица «космо» заняла третью позицию в рейтинге мировых валют. Акции самого шоу выросли на одиннадцать процентов. Все это вместе вызвало недовольство основных производителей мировых валют. Сопровождающий действо скандал привлек еще семь процентов зрителей.

Организаторы и поддерживающая их страховая компания гарантировали, что на маршруте гонки не будет ни одного препятствия, способного помешать честному соревнованию.

* * *

Поначалу бешеным скачком вырвался вперед «Дракон», смяв свой экипаж в лепешку, невзирая на перегрузочные кресла, и лишив его возможности адекватно управлять кораблем, а потому ускорение пришлось снизить.

Агрессивно оскаленная «Мурена» военно-государственной корпорации, заявленная как показательный лидер, ровно и с хорошими результатами ушла со старта, но уже через полчаса стало ясно: она отстает от «Мерайя К», ставшей в голову. К исходу первого часа гонок в фавориты вышла «Галлия», распушив ионовый хвост выхлопа, обогнуть который без потери времени не представлялось возможным.

Тяжеловесный и устаревший «Полмаукон» плелся в хвосте, разгоняясь в выделенном ему коридоре с грацией беременного бегемота. Остроязыкий диктор прошелся по его поводу в том смысле, что места на финише уже определены очередностью поданных заявок.

После старта еще около полутора часов происходил некоторый рост ставок. Число зрителей к этому времени тоже уменьшилось, но рекламщики уже сняли первые жирные пенки. Интерес теперь представляла только тройка лидеров, где ко второму часу гонок наметились перемены. «Мерайя К» вдруг сделала неожиданный рывок и обошла «Галлию».

Незадолго до этого Бессонову поступила информация, что полтора года назад братья Гвоздевы продали некий патент на изобретение «Ас-

тро Технолоджис». Спешно подключенные к делу эксперты только разводили руками — в субботний вечер архив патентного ведомства был недоступен. Но можно не сомневаться, что речь идет о профильном для близнецов предмете — двигателях. Для серийного производства дистанция в восемнадцать месяцев от чертежа к металлу невыполнима, но ради единичного гоночного варианта АТ вполне в состоянии вывернуться наизнанку.

У «Галлии» в запасе тоже кое-что было, но пока ради сохранения интриги это стоило придержать. Рейтинг трансляции разом подскочил на шесть процентов, сопровождаясь активностью у букмекеров. Стоимость рекламного времени, объявленная вначале, теперь казалась заниженной как минимум процентов на десять.

Неожиданно активизировался «Дракон», чей экипаж, видимо, пришел в себя либо принял самоубийственное решение пожертвовать своим здоровьем. И через два часа одиннадцать минут сорок две секунды вырвал у «Галлии» второе место. При этом «Мерайя К» продолжала увеличивать разрыв. Комментатор только что слюной не брызгал, отрабатывая свой сумасшедший гонорар и подогревая публику. Появилось закрытое сообщение о том, что акции АТ готова купить крупнейшая банковская структура, а это неизбежно приведет к их росту в понедельник, аккурат к открытию торгов.

На двадцатой минуте третьего часа «Галлия» резко прибавила и почти догнала «Дракона», но тут неожиданно в спор лидеров вмешался «Крох» военно-промышленной корпорации, до этого державшийся в тени. Он изящно обошел опережавшие корабли и вцепился в хвост «Мерайя К», которая, впрочем, тут же прибавила скорость.

Интрига нарастала, упавший было рейтинг снова подрос, комментатор захлебывался эмоциями, будоража публику и суля новые сюрпризы.

И не ошибся.

Никто толком не понял, что произошло. Безнадежно отставший аутсайдер гонок вдруг озарился ослепительно ярким светом, так что на него невозможно стало смотреть, потом пространство перед ним вспыхнуло, образовав что-то вроде луча, хотя, как известно, в безвоздушном пространстве след светового потока виден быть не может ввиду отсутствия в вакууме частиц вещества, способных его отражать, и «Полмаукон» пропал. Исчез. На том месте, где он только что находился, его не было. Секунду назад был, а тут вдруг исчез. Ничего. Пусто.

Сказать, что началась паника, значит не сказать ничего. Мир взорвался — вот примерно такая оказалась реакция.

Бессонов, кусавший губы перед экраном, тоже не сразу понял суть произошедшего, тем более, что корабля близнецов не было на изображении. Кому он был нужен еще полминуты тому назад! Разве что ста-

рикам, которые вечно сочувствуют неудачникам. И то при условии, что они не делали ставок на победителя.

Игорь Михайлович не с нуля поднял свой бизнес, совсем не с нуля. Но доставшееся ему наследство он сумел многократно преумножить благодаря своим личным качествам, в числе которых было умение быстро делать выводы при минимуме фактов.

Гиперпространственный переход! Именно это сумели сотворить Гвоздевы. И именно поэтому они требовали участия в прибыли. Если бы он тогда, два года назад, сумел это сообразить! А ведь чувствовал, подозревал, что у них имеется некий козырь в рукаве. Но чувства тогда взяли верх, и он с треском, со скандалом вышвырнул конструкторов на улицу.

Букмекеры взбесились. Телевизоры по всей планете и ее окрестностям, на космических станциях и во внеземных колониях словно взорвались. Все средства связи мгновенно оказались перегружены. Ведущие, оправившись от шока, принялись выдавать комментарии, порой самые невероятные.

Организаторы гонок начали контрольное прочесывание и прощупывание пространства, когда поступило следующее шокирующее, хотя и ожидаемое сообщение. В ста двадцати тысячах километров от линии финиша возникла аналогичная вспышка, яркий луч, после чего стал предельно отчетливо виден бывший аутсайдер, двигающийся на малой скорости. То есть на такой же, с какой он перемещался до своего исчезновения там, в теле гонки. Точнее, в ее хвосте. Не нужно быть математиком, чтобы понять: корабль близнецов даже без ускорения обгоняет лидера на несколько часов. Но он еще и притормаживал!

Этот гадский маневр Бессонов раскусил первым. Близнецы собираются не просто первыми пересечь финишную черту, но и остановиться сразу за ней. Напоказ! Двое мальчишек со всей наглостью демонстрировали такое пренебрежение к своим соперникам, что от злости аж челюсти сводило. Но главное — крыть-то нечем! При раздаче близнецы взяли себе все старшие карты, оставив остальным мусор.

При всем этом общий расклад был таков, что «лошадка» Бессонова шла третьей. То есть «Галлия» проигрывала безоговорочно.

Но Бессонов не зря считался хорошим бизнес-игроком. На этот раз он не дал волю эмоциям. Проигрывать Бессонов не хотел категорически! Не для того он раздул это шоу.

Очевидно, что теперь финансовые проблемы братьев останутся позади, так что скупать их долги — дело бессмысленное. Однако, несмотря на выходные, помощникам Игоря Михайловича удалось кое-что приобрести или достигнуть твердой договоренности об их покупке в понедельник. Он не хотел упускать ни единого шанса. Одновременно был установлен кон-

такт с матерью и одним из друзей братьев, через которых Бессонов наладил связь с фаворитом, поскольку не сомневался, что если он сам или кто-то из его людей попытается начать переговоры, близнецы пошлют их куда подальше. С точки зрения бизнеса, такой поступок братьев нельзя назвать конструктивным, но по-человечески понять можно.

К немалому облегчению Бессонова уже через сорок минут на экране его видеофона появилось курносое лицо одного из братьев.

— Здравствуй, Иван... или Сергей?

— Иван. Вы что-то хотите мне сказать, господин Бессонов? — донеслось до него с заметным опозданием; связь на таком расстоянии дает ощутимые задержки сигнала, что не может не создавать определенных трудностей при общении.

Бессонов быстро глянул на наглеца и решил не поддаваться на провокации.

— Да, конечно. Прошу принять мои поздравления с таким замечательным достижением. В этой связи у меня к вам имеется деловое предложение.

— Тогда прошу вас обращаться ко мне соответственно.

— Естественно, господин Гвоздев. А где ваш брат?

— Отдыхает. Может быть, вы вспомните, что мы предпочитаем работать в противофазе... Или вы желаете разговаривать с ним?

— Меня устроит любой из вас или вы оба, главное, чтобы с формальной точки зрения все было безупречно.

— У каждого из нас есть соответствующим образом оформленная доверенность на ведение переговоров от имени другого.

Торговались не так уж и долго, всего минут тридцать. Гвоздевы, конечно, страшно задрали цену. Но по мере того, как «Полмаукон» в гордом, если не сказать надменном одиночестве приближался к финишу, озвученные ими цифры все меньше выглядели фантастическими. К тому же Бессонов, умея заглядывать вперед, уже видел такие выгоды, о которых Гвоздевы и не подозревали. Чего стоило одно только совпадение аббревиатур ГП «Галактические перевозки» и «гиперпространственный переход». К тому же договор, над которым спешно работали юристы компании, тоже имел некоторые тонкости, чего неискушенные конструкторы, да еще действующие в условиях цейтнота, не должны были заметить.

Кое-какие правки внести все же пришлось, но, в сущности, они мало что решали. Братья настояли только на том, что они и капитан корабля не будут пересекать финишную черту. Из-за этой и других поправок текст договора несколько раз пересылался от одного адресата к другому, пришлось также подкрепить сделку гарантией первоклассного банка.

Эвакуация прежних хозяев и капитана создавала определенные трудности, но, в принципе, и это было решаемо. На должность командира поставили штурмана — молодого парня, недавно получившего первую в своей жизни лицензию после окончания Навигационной школы. Когда челнок братьев отвалил от борта в двадцати тысячах километров от финиша и вскоре лег на обратный курс, Бессонов не без злого удовлетворения отметил, что тот тоже не блещет новизной.

Глава ГП с удовольствием наблюдал, как *его* корабль медленно перевалил через заветную черту и, вспыхнув тормозными выхлопами, остановился в нескольких десятках километров за ней, что по космическим меркам означало отсутствие дистанции. Остальные участники гонки, летящие на всех парах, безнадежно отстали.

* * *

Представитель «Галактических перевозок», дежуривший на финише, лучась счастьем и уверенностью, загодя пришел в пресс-центр, чтобы собственными ушами услышать триумфальный вердикт судей. Но те медлили. Понукаемый хозяином, он помчался в судейскую. Кого другого в святая святых не пустили бы, но официальному представителю такого уважаемого концерна открыты и не такие двери.

— Почему вы медлите? — спросил он с порога.

Главный судья соревнований, лично обязанный Бессонову, виновато отвел глаза; здесь он не был полновластным хозяином. Вместо него заговорил другой, о котором было известно, что у него имеются контакты с «Астро Технолоджис».

— Есть проблема.

— Мы не стали пока громогласно объявлять, — вполголоса добавил главный судья.

— Что происходит?

— Это не тот корабль, который находился на старте.

— Что значит — не тот?! — взорвался человек Бессонова.

— Посмотрите сами на отметки сигнала-идентификатора. Да и название у него...

— Что вам не нравится в названии?

— «Полнауком».

— И что?

— На старте был «Полмаукон».

А десятью минутами позже одна из телекомпаний разразилась сенсационным заявлением братьев Гвоздевых, начинавшимся тем, что, приняв участие в гонке, они никогда не ставили перед собой цели пересекать финишную черту, поскольку имеющиеся в их распоряжении корабли к моменту старта физически не были готовы на равных тя-

гаться с остальными участниками. Судя по тому, что запись была сделана за неделю до начала гонок (это удостоверялось более чем надежным нотариусом), братья подготовились основательно. Что с их стороны произошедшее должно было стать не более чем шуткой с подменой одного старого корыта другим, которую они намеревались разоблачить к удовольствию публики еще до финишной черты. Далее же следовали интервью каждого из братьев, один из которых находился в ходовой рубке «Полмаукона», вдруг снова объявившегося недалеко от места старта, а второй — в кресле челнока.

Близнецы — порознь, но все равно вместе — выражали удовольствие по поводу удачной продажи старой галоши и заверяли о своей готовности продать и вторую всего за один процент от суммы первой сделки, делились планами по поводу создания совершенно нового типа двигателя и снимали с себя всякую ответственность за возможные действия или, наоборот, бездействие нового владельца корабля. И в качестве доброго пожелания выразили надежду, что впредь организаторы гонок станут проверять выходящие на старт машины на предмет оснащенности их пусть уже и не секретными, но все же военного назначения установками «Тень», позволяющими объектам становиться невидимыми для визуального и радиоэлектронного наблюдения.

К своему счастью, Бессонов не слышал ржания журналистской братии в пресс-центре, потому что выключил трансляцию раньше; видеопослание братьев он получил за семь минут до этого. К тому же в измененном названии корабля он вдруг разглядел тонкий намек, начинающийся словом «пошел». Причем продублированный. Близнецы-конструкторы, как оказалось, умеют рассчитывать не только сложные двигатели, но и переговоры, ведущиеся в экстремальных условиях нехватки времени. И еще он понял, почему оплата услуг психолога, которую произвели Гвоздевы, отнесена к статье «производственные расходы».

Юристы корпорации заявили, что дело о подложной продаже судебной перспективы не имеет, ведь в договоре ничего не говорилось о двигателе, способном произвести гиперпространственный переход. В тексте спешно составленного документа оказались лишь слова о том, что Продавец передает, а Покупатель принимает все технические устройства, находящиеся на корабле, за исключением челнока, на котором должна осуществиться эвакуация части экипажа.

Вдруг Бессонова пронзила ужасная догадка. Он включил обзор космоса в районе финиша, к которому уже приближались другие участники гонок во главе с «Мерайя К». Челнока братьев нигде не было видно.

❑

ПЛАНЕТА ДИНОЗАВРОВ

Предлагаем вашему вниманию второй обзор из серии «Кинопробы космической экспансии». На этот раз речь идет о покорении ближайшей к Земле планеты — Венеры.

Звезда утренняя

Планете Венере не повезло. Она всегда была в «тени» Марса. Даже несмотря на то, что она ближе к Земле, ярче и ее проще наблюдать на небе.

Своим красноватым светом Марс привлекал внимание, вызывая безотчетную тревогу и мысли о крови, охоте, войне. Венера проигрывала, оставаясь еще одной белой звездой на небосклоне.

Открытие в 1761 году Михаилом Ломоносовым венерианской атмосферы принципиально не изменило отношения к небесному телу. Ученые и ранее подозревали, что планеты Солнечной системы во многом схожи с Землей, а значит, скорее всего, на них имеются воздух, вода и условия, подходящие для зарождения и развития жизни. Венера не казалась особенной — ученых в те времена больше волновал вопрос существования жизни на Луне.

К середине XIX века сложился новый стереотип. Именно тогда общепринятой научной теорией, описывающей возникновение и формирование Солнечной системы, стала теория Канта—Лапласа.

В очерке «Всеобщая естественная история и теория неба» (1755) знаменитый немецкий философ Иммануил Кант предположил, что до образования планет и Солнца существовала огромная туманность. Она обязательно должна была вращаться, чтобы из нее могло возникнуть большое центральное тело и малые планеты. Кант, правда, не сумел внятно объяснить причину вращения этой первичной туманности и высказал гипотезу, что сначала туманность была совершенно неподвижной, а движение ее возни-

кло из местных «локальных» вращений.

Через сорок лет после выхода в свет очерка Канта великий французский математик Пьер Лаплас высказал гипотезу о том, что первичная туманность вращалась с самого начала и была изначально горячей. По мере охлаждения она сжималась, а скорость ее вращения росла. С увеличением скорости вращения возрастали центробежные силы, что привело к удалению части туманности от центрального тела к периферии и ее расслоению на кольца. Из этих колец впоследствии образовались планеты и спутники.

Эта схема хорошо объясняла, почему планеты Солнечной системы лежат в плоскости эклиптики и движутся в одном направлении. Кроме того, теория Канта—Лапласа позволяла определить сравнительный возраст планет. Считалось, что более удаленные от Солнца тела имеют более почтенный возраст, поскольку за счет центробежной силы удалились и сформировались раньше тех, которые сегодня находятся ближе к Солнцу.

Таким образом, если брать современную Землю за точку отсчета, то Венера должна быть горячим молодым миром, землей хвощей и динозавров, а Марс — холодным высушенным старым миром, обиталищем древних и мудрых существ, когда-нибудь такими станем и мы, люди.

Тут следует заметить, что великие ученые прошлого ошибались. Если сама идея о формировании Солнечной системы из туманности (сегодня ее называют «протопланетным облаком» или «протооблаком») была в целом верна, то с определением возраста планет вышла неувязка. С помощью методики радиоактивного датирования удалось определить возраст Земли — он составляет 4,6 миллиарда лет. А Венера и Марс являются сверстниками нашей планеты или чуть моложе ее, поскольку считается, что мелкие планеты остывают несколько дольше крупных.

Но в XVIII и XIX веках не было методики радиоактивной датировки. Как не было и орбитальных телескопов, позволяющих разглядеть протопланетные облака, формирующиеся у молодых звезд. Поэтому теория Канта—Лапласа нашла множество поклонников и даже «косвенное подтверждение» в виде открытия марсианских «каналов», которые, понятное дело, могла построить только высокоразвитая цивилизация, намного опередившая земную.

Страна багровых туч

Фантастам всегда интереснее писать о будущем, нежели о прошлом. А потому в период расцвета приключенческой и научной

фантастики они почти всегда отдавали предпочтение Марсу. Сегодня романы о полете землян на Венеру можно пересчитать по пальцам.

Только те из авторов, кто не боялся дать волю своему воображению, обращали взгляды к Утренней звезде. Дело в том, что астрономы довольно быстро установили: Венера окружена плотным и практически непроницаемым облачным покровом — то есть на ее поверхности может происходить всё, что угодно. А поскольку воображению рисовался юный и горячий мир, то можно было отпустить тормоза и описать во всей красе буйство инопланетной жизни в ее извечной борьбе за место под солнцем. И примечательный факт — исторически так сложилось, что венерианская тема наибольшее развитие получила именно в советской фантастике. До революции в России вышел литературно слабый, но очень энергичный для своего времени роман «Острова эфирного океана» (1914), написанный литератором Борисом Красногорским в соавторстве с известным российским астрономом и историком науки Даниилом Святским. А книга, ныне забытая, во многом предопределила образ Венеры и сюжетные ходы, которые использовались на протяжении полувека в советской фантастической прозе. Здесь уже можно встретить непроходимые доисторические леса, гигантских насекомых и давно вымерших на Земле чудовищ. Уже в этом романе межпланетные путешественники сталкиваются с катастрофическими бурями и небывалой вулканической активностью на юной планете. Земляне открывают на Венере залежи полезных ископаемых, превосходящие все известные. Мотивы «Островов» можно обнаружить практически во всех главных «венерианских» романах советской эпохи: в «Прыжке в ничто» Александра Беляева (1933) и «Аргонавтах Вселенной» Владимира Владко (1939), в «Звезде утренней» (1957) Константина Волкова и «На оранжевой планете» Леонида Оношко (1959), в «Стране Багровых туч» братьев Стругацких (1959) и «Внуках Марса» Александра Казанцева (1962).

Понятно, что сложившийся стереотип почти без изменений был перенесен в фантастический кинематограф.

Фильмы о Венере появились сравнительно поздно — с наступлением космической эры, отсчет которой принято вести с запуска первого спутника 4 октября 1957 года. Лунная тема к тому моменту была уже почти исчерпана, в силу входила тема Марса — многогранная, как и сама красная планета. На этом фоне венерианские фильмы вполне могли затеряться,

ведь кинематографистам, как оказалось, тоже интереснее снимать ленты о будущем, чем о прошлом.

В 1958 году на экраны вышел фильм американского режиссера Эдварда Бенса «Королева космоса». Эта кинолента является стандартным образчиком особого поджанра, возникшего в период первого «космического» бума в Голливуде. В этом поджанре, объединившем такие фильмы, как «Абботт и Костелло отправляются на Марс» (1953), «Женщина-кошка с Луны» (1953), «Горячие девчонки из космоса» (1956) и «Ракета на Луну» (1959), воплощалась самая горячая сексуальная фантазия кинозрителей мужского пола: попав на другую планету, отважные астронавты встречали сообщество прекрасных девственниц, ничего не подозревающих об интимных отношениях полов, а потому легкодоступных. Безыскусная «Королева космоса» ничего не добавляла к этому поджанру, отличаясь от предшествующих фильмов только тем, что действие происходит не на Луне или Марсе, а на Венере.

На эту планету астронавты попадают волею несчастного случая — вообще-то они везли ученых на космическую станцию, но та оказалась разрушена загадочным излучением. Спасаясь от излучения, астронавты запускают двигатели на полную катушку и терпят крушение на Венере. Там они попадают в полон к амазонкам, которыми руководит прекрасная и коварная королева Иллана. Она заключает мужчин в тюрьму, но на помощь землянам приходят представительницы движения сопротивления.

Критики дружно обрушились на «Королеву космоса». И было за что. Из всех фильмов, посвященных близким контактам астронавтов с амазонками, этот казался самым глупым и шовинистическим. Действо происходит среди дешевых и откровенно картонных декораций; художники даже не соизволили определиться с конструкцией космического корабля — она меняется на протяжении фильма. А что касается антифеминистической направленности, то в «Королеве...» можно услышать перлы типа: «Женщины никогда не сумели бы придумать что-нибудь похожее на это лучевое ружье! Но если бы и сумели, то точно не знали бы, как его держать и нацеливать!».

Совсем другие темы обсуждаются в фильме «Безмолвная звезда», созданном немецкими и польскими кинематографистам по сюжету первого фантастического романа Станислава Лема «Астронавты» (1951).

Лем писал этот роман под очевидным влиянием советской фантастики сталинского периода. В конце сороковых в СССР стала входить в моду палеокосмонавти-

ка — Иван Ефремов, Феликс Зигель и Александр Казанцев выдвинули на обсуждение общественности гипотезу о том, что в космосе существуют цивилизации более древние, чем земная, и они, вполне возможно, могли посещать нашу планету в незапамятные времена, когда люди были еще дикарями и не смогли оценить величие момента.

В 1946 году Казанцев опубликовал рассказ-гипотезу «Взрыв», в котором заявил, что Тунгусский метеорит, взорвавшийся над тайгой 30 июня 1908 года, был космическим кораблем инопланетян. В рассказе «Гость из космоса» (1951) он развил эту идею, доказывая, что, скорее всего, корабль создали марсиане, но прилетел он с Венеры — дата Тунгусского взрыва совпадает с датой прилета корабля, идущего по оптимальной траектории Венера—Земля. Видимо, пишет Казанцев, что-то понадобилось марсианам на второй, молодой и горячей, планете Солнечной системы.

Лем использовал идею в романе «Астронавты», упомянув и Казанцева, но называя его при этом: «один молодой советский ученый». В развитие темы Лем предположил, что на Венере существовала цивилизация, которая стремилась захватить Землю, но погибла, не справившись с мощью собственного оружия. Изучение землянами мрачных руин, оставшихся после глобальной войны венериан друг с другом, и составляет сюжет романа.

Фильм «Безмолвная звезда», снятый Куртом Метцигом и выпущенный на экраны в 1959 году, не сильно отклоняется от сюжета романа. Международный экипаж из восьми ученых на корабле «Космократор I» отправляется на Венеру и высаживается на окраине разрушенного города. Разведка сопряжена с большими опасностями; из-за неосторожности погибают три члена экспедиции.

Фильм сделан грамотно, на хорошем техническом уровне. Поскольку снимался он в период больших ожиданий, связанных с космонавтикой, работники киностудии «ДЕФА» постарались придать своему детищу некую монументальность. «Этот фильм, — как утверждал режиссер в интервью журналу «ГДР», — приоткрывает завесу в завтрашний день». Космический корабль, его оснастка, все автоматы и роботы, вплоть до танкетки «Омега» с ее «электронной памятью», были не просто продуктом фантазии, но разрабатывались согласно тогдашним представлениям о перспективах развития космотехники.

Планета бурь

Путаница с марсианами, которые почему-то прилетели не с

Марса, а с Венеры, побудила Александра Казанцева снабдить свою теорию дополнительными гипотезами. Их он озвучил в романе «Внуки Марса» (1962). В нем земляне летят на Венеру и помимо различных доисторических тварей и пещерных людей находят следы великой цивилизации, представители которой, по убеждению одного из членов межпланетной экспедиции, прилетели с гибнущего Марса, чтобы найти здесь новую родину.

По мотивам романа Казанцева был снят один из самых значительных фильмов в истории мировой кинофантастики.

Ленинградский режиссер Павел Клушанцев, уже получивший известность благодаря научно-популярному фильму с элементами фантастики «Дорога к звездам» (1957), решился на постановку игрового фантастического фильма о полете на Луну. В 1959 году Клушанцев подал заявку, проект был утвержден и поставлен в план «Леннаучфильма». Сценарий предложили написать Александру Казанцеву и профессиональному сценаристу Михаилу Витухновскому, однако результат не удовлетворил режиссера. Сценаристы со скандалом вышли из проекта. Доведенный до нервного срыва Клушанцев все-таки уговорил Казанцева вернуться и переделать сценарий. Теперь в основу был положен роман «Внуки Марса», который на тот момент находился еще в рукописи и считался частью более масштабного замысла — эпопеи под названием «Планета бурь».

Фильм «Планета бурь» появился на экранах в 1961 году. Выход киноленты удачно совпал с полетом Юрия Гагарина, что сделало новую работу Клушанцева хитом года. Полет советской экспедиции из трех космических кораблей, высадка на бурлящую жизнью Венеру, схватки с динозаврами и плотоядной флорой, робот Джон, спасающий космонавтов в критический момент, таинственная и прекрасная венерианка — всё это завораживало зрителя, не оставляя места скептицизму или скуке.

Клушанцев в очередной раз подтвердил свой статус ведущего мастера визуальных эффектов, создав картину, которая превосходила по видеоряду лучшие образчики голливудских фантастических фильмов. Поэтому нет ничего удивительного в том, что «Планета бурь» была немедленно закуплена для проката в 28 странах.

Прагматичные американцы быстро сообразили, как извлечь из популярной советской киноленты максимум выгоды. В 1965 году, когда шумиха вокруг «Планеты бурь» улеглась, малоизвестный режиссер Куртис Харрингтон выпустил

фильм «Путешествие на доисторическую планету», просто переозвучив ленту Клушанцева — так члены межпланетной экспедиции стали американцами. Примечательный поворот сюжета: в результате посещения Венеры астронавты узнают, что на «доисторической» планете обитала развитая гуманоидная цивилизация, сгоревшая в пламени атомной войны!

Еще через три года свою версию «Планеты бурь» выпустил Питер Богданович, много позже прославившийся комедийным фильмом «Маска». А в 1968 году он просто взял ленту Клушанцева и сделал на ее основе фантастический боевик «Путешествие на планету доисторических женщин». Эта версия больше похожа на эротическую «Королеву космоса»: американские астронавты терпят крушение на Венере, убивают особо надоедливых динозавров, после чего выясняется, что динозавры эти — священные животные местных амазонок, которые в ответ начинают страшно мстить.

Завершая рассказ о необычайной судьбе «Планеты бурь», нельзя не отметить, что во многих российских обзорах встречается утверждение, будто бы и культовый режиссер Фрэнсис Форд Коппола по молодости баловался пересъемками фильма Клушанцева. Это ошибка. На самом деле фильм Копполы «Битва над Солнцем» основан на другом советском фильме — «Небо зовет» (1959), который был посвящен полету на Марс.

Что касается темы динозавров и древних цивилизаций, то ее независимо от Клушанцева и его эпигонов развивали британские кинематографисты, снявшие в 1962 году двухчасовой сериал из семи эпизодов под названием «Мастера Венеры». В этой детской постановке, рассчитанной на утренние субботние показы в киноклубах, рассказывалось о том, как двое подростков улетают в космос на построенной отцом ракете, попадают на Венеру и обнаруживают там последний город атлантов. Поскольку фильмы для субботних показов никто специально не копировал и не хранил, достать нынче «Мастеров Венеры» практически невозможно. А вот фильм Клушанцева оцифрован и доступен современному зрителю.

Сестра Земли

Интерес к Венере, весьма незначительный, сошел на нет сразу после того, как спускаемый аппарат советской автоматической станции «Венера-7» в декабре 1970 года достиг поверхности Утренней звезды и сообщил, что там царят необыкновенно суровые условия: давление достигает 90 атмосфер, температура — до +500°С, в облачном покрове очень

много углекислого газа и мало кислорода. Больше того, даже пресловутых багровых туч там нет, поверхность планеты сокрыта под многокилометровым одеялом ядовитого тумана. Собственно, ученые подозревали нечто подобное с начала шестидесятых, но прямое подтверждение их теоретических выкладок произвело ошеломляющее впечатление: тема изучения и освоения Венеры на долгое время ушла из фантастики.

Вернулась она благодаря японской мультипликации в стиле аниме. Большинство сериалов, снимаемых мультипликаторами Страны восходящего солнца, посвящено отдаленному будущему. Резонно предположить: когда-нибудь человеческая цивилизация достигнет такого величия, что люди научатся видоизменять (терраформировать) планеты Солнечной системы, создавая на них подходящие для жизни условия.

Первый фильм этого ряда появился в 1989 году. Режиссер Ёшиказу Яшико назвал свою ленту многообещающе — «Венерианские войны».

В 2003 году Венера столкнулась с огромным ледяным астероидом, что привело к кардинальному изменению климата на перегретой планете. В 2089 году земляне заселяют два новообразовавшихся материка — Иштар и Афродиту, между которыми начинается война. С Земли на Венеру прибывает журналистка, которая волею судьбы примыкает к группе лихих инсургентов, борющихся за независимость оккупированной Афродиты.

В американском мультипликационном сериале «Экзоотряд» середины 1990-х годов, сделанном в стиле аниме, показана Солнечная система далекого будущего, в которой земляне, расширив свои возможности за счет высокотехнологичных экзоскелетов, терраформировали Венеру и Марс. Люди живут в овеществленной утопии, расширив границы обитаемого мира до самых дальних планет, но в начале XXII века происходит бунт неосапиенсов — искусственных существ, выведенных для работы на космическом фронтире. Их вождь Фаэтон, воспользовавшись тем, что военный экзофлот землян проводил антипиратский рейд, захватывает Землю. Венера в описываемый период представляет собой сельскохозяйственную планету, и армии Фаэтона не составляет большого труда покорить ее. Разумеется, люди не могут терпеть тирании неосапиенсов и бодро организуют экзопартизанское движение.

В 1998 году японский режиссер Шинихиро Ватанабе выпустил полнометражный мультипликационный фильм «Ковбой Бебоп», продолженный телесериалом. Действие новой героической саги раз-

ворачивается в 2071 году: по Солнечной системе путешествует корабль «охотников за премиальными» «Бебоп» — в разных эпизодах «охотники» попадают в многочисленные переделки и, разумеется, с честью выходят из них. Сериал пользовался успехом (в топ-списке «Лучший мультипликационный сериал всех времен», составленном по опросам поклонников аниме, он занял восьмое место), его неоднократно транслировали по телевидению и даже сделали несколько компьютерных игр «по мотивам».

К 2071 году, утверждают создатели сериала, Луна разрушится в результате выхода из-под контроля системы гиперкосмических порталов. Ее обломки рухнут на Землю, похоронив старую цивилизацию. Уцелевшие люди расселятся по планетам, построив колонии на Венере, Марсе и спутниках планет-гигантов. Венеру терраформируют с помощью гигантских деревьев, плавающих в высших слоях ее атмосферы. Однако споры этих растений вызовут неизлечимую болезнь, которая способна привести к слепоте или смерти. Заразившийся должен остаться на Венере навсегда, поэтому за Утренней звездой закрепилась репутация планеты неудачников.

Другой вариант освоения негостеприимного мира предложили российские фантасты Юлий Буркин и Сергей Лукьяненко в повести «Сегодня, мама!» (1997), которую в 2006 году экранизировал под названием «Азирис Нуна» режиссер Олег Компасов. В фильме, к сожалению, об этом ничего не сказано, но в повести подробно разъяснено, что в том будущем, куда хроноскаф заносит двух московских школьников (по датировке фильма, в 2506 году), Венера заселена сфинксами — особой породой кошко-людей, выведенной для освоения этой планеты, но быстро вставших на путь борьбы за независимость и выгнавших землян из своего мира. Тут стоит заметить, что сфинкс Шидла — один из наиболее ярких персонажей как повести, так и фильма.

Однако приключениями на терраформированной Венере современная кинофантастика не ограничивается.

Например, в 1994 году вышел драматический фильм Артура Зайдельмана «Ловушка в космосе», снятый по мотивам рассказа Артура Кларка и повествующий о том, как на грузовом корабле, идущем рейсом на Венеру, происходит катастрофа, и кислорода остается только на троих из шести членов экипажа.

А в 2004 году британский концерн «Би-Би-Си» выпустил познавательный научно-фантастический фильм Джо Эхерна «Космическая одиссея. Путешествие по плане-

там», который в нашем видеопрокате фигурировал под названием «Прогулки с космонавтами». Вся фабула сводится к перипетиям продолжительного полета космического корабля «Пегас» по Солнечной системе — с околоземной орбиты до Плутона. Довольно сильное впечатление производит самый первый эпизод, когда Иван Григорьев, второй пилот и бортинженер, на спускаемом модуле «Орфей» высаживается на раскаленную поверхность Венеры, чтобы осмотреть советский аппарат «Венера-14», «пропавший без вести» в 1982 году (на самом деле этот аппарат не только успешно сел, но и передал на Землю прекрасные цветные снимки окружающего ландшафта). Оранжевый плавящийся мир без четких контуров с очень близким горизонтом особенно удался британским телевизионщикам...

Венере, безусловно, никогда не стать такой же Меккой для фантастов, какой стал Марс. Однако я верю, что до тех пор, пока белая утренняя звезда светит нам с небосклона, человеческое воображение будет создавать новые сюжеты, связанные с ней, и мужественный межпланетчик снова наденет скафандр, чтобы ступить на каменистую обожженную поверхность «сестры Земли»...

Антон ПЕРВУШИН

Венерианская фильмография:

1958 — «Королева космоса» («Queen of Outer Space», США)
1959 — «Безмолвная звезда» («Der schweigende Stern», ГДР—Польша)
1961 — «Планета бурь» (СССР)
1962 — «Мастера Венеры» («Masters of Venus», Великобритания)
1965 — «Путешествие на доисторическую планету» («Voyage to the Prehistoric Planet», США)
1968 — «Путешествие на планету доисторических женщин» («Voyage to the Planet of Prehistoric Women», США)
1989 — «Венерианские войны» («Venus Wars», м/ф, Япония)
1993—1995 — «Экзоотряд» («Exosquad», м/ф, США)
1994 — «Ловушка в космосе» («Trapped in Space», США)
1998 — «Ковбой Бебоп» («Cowboy Bebop», м/ф, Япония)
2004 — «BBC: Космическая одиссея. Путешествие по планетам» («BBC: Space Odyssey — Voyage to the Planets», Великобритания)
2006 — «Азирис Нуна» (Россия)

ЛЮДИ ИКС-3: ПОСЛЕДНЯЯ БИТВА

(X-MEN. THE LAST STAND)

Производство компаний 20th Century Fox, Donners Company и Marvel Enterprises, 2006.
Режиссер Бретт Рэтнер.
В ролях: Патрик Стюарт, Хью Джекман, Йен Маккеллен, Холли Берри, Фамке Янссен, Келси Грэммер, Анна Пакин и др. 2 ч. 10 мин.

Ну чего можно ждать от фильма, основанного на комиксах? Наверняка ничего, кроме спецэффектов, хлипко склеенных между собой прямолинейным сюжетом! Видели, знаем. Хорошо, что прогнозы иногда не сбываются. Несмотря на смену режиссера и на то, что сценарий к фильму писал Саймон Кайнберг, известный по работе над такими убогими проектами, как «Электра» и «Фантастическая четверка», последняя часть кинотрилогии «Люди Икс» стала приятным сюрпризом.

Мутанты в панике. Найдено средство, превращающее их в обычных людей, что, понятно, не по нраву Магнето. Пока его братство ищет источник лекарства, Люди Икс пытаются остановить воскресшую и разбушевавшуюся соратницу по команде Джин Грэй. Теперь она именует себя Фениксом и обладает почти божественной силой.

Во время просмотра фильма понимаешь, что режиссер не просто экранизировал популярный комикс, а прежде всего пытался снять настоящее кино — умело соединяя сюжетные линии, не оглядываясь на пресловутую политкорректность, уходя от штампов. Звездно-полосатый флаг не мелькает в кадре, в кои веки президента США недалекого будущего играет актер, в котором нет ни капли негритянской крови, а полюбившиеся положительные герои то и дело гибнут; да и финал нельзя назвать счастливым. Не забыты и экшн со спецэффектами. Казалось бы, сейчас зрителя удивить непросто, однако создателям кинокартины это удалось. Чего стоит противостояние профессора Чарлза Ксавье и его ученицы Джин Грэй, а уж как снята та самая последняя битва!..

Заключительная часть «Людей Икс» получилась именно такой, какой и должна быть заключительная часть любого сериала — самой зрелищной и запоминающейся, расставляющей все точки над «i». В широкий прокат вышла яркая кинокартина, вне всяких сомнений, способная поучаствовать в конкурсе «Лучший фантастический фильм года».

Степан КАЙМАНОВ

ШТОЛЬНЯ

Производство кинокомпаний Артхаус Трафік и Suspense Film (Украина), 2006.
Режиссер Любомир Кобыльчук.
В ролях: Сергей Стасько, Светлана Артамонова, Павел Ли, Ольга Сторожук, Алексей Забегаев и др.
1 ч. 20 мин.

Однажды во время археологической практики пятеро студентов набрели на заброшенную штольню. И решили, что им непременно нужно туда залезть — иначе и жизнь не мила. Но наткнулись на решетку и отложили мероприятие «на потом». Тем более, что ничего не знающий о находке профессор отвлек своих подопечных историей об идоле Перуна, которого во время войны заботливые музейные работники спрятали от фашистов так надежно, что никто до сих пор найти не может. Но поутру молодые люди обнаружили, что профессор исчез, и отправились по его следам в штольню. Тут-то все и началось…

Хотя началось ли? Дальше следуют бессмысленные блуждания по лабиринтам, перемежающиеся невнятными и пафосными диалогами. Фильм больше походит на учебную ленту о необходимости соблюдения правил безопасности, чем на триллер.

Безусловно, стоит отметить интересную и добротную операторскую работу Алексея Хорошко, но и она не в силах вытянуть слабый и не очень логичный сценарий (соавтором которого, впрочем, также является Алексей Хорошко), полный заимствований и штампов, а также бездарную игру актеров. Постоянно возникает ощущение, что основной актерский состав неожиданно заболел, и в последний момент на главные роли взяли случайно встреченных прохожих.

Очень забавно послушать финальную песню о том, как «студенты спустились в штольню, потому что это показалось прикольно». Начинаешь понимать, что современный российский кинематограф достиг такого уровня, когда штамповка его приемов случается даже в широко разрекламированных «незалежных» проектах.

В результате первый украинский фантастический «блин» получился совершенно неудобоваримым. Если он и заслуживает внимания, то лишь потому, что первый.

Макс РЫЖОВ

ОМЕН 666

(THE OMEN)

Производство компании 20th Century Fox, 2006.
Режиссер Джон Мур.
В ролях: Лив Шрайбер, Джулия Стайлз, Миа Фэрроу, Дэвид Тьюлис и др. 1 ч. 50 мин.

Мистический триллер Джона Мура — римейк одноименного культового фильма Ричарда Доннера. Подоплекой для переделки оригинала послужила приближающаяся дата «06.06.06», которая без нулей образует те самые три шестерки — число Зверя, знак сына дьявола. Прагматичные западные киноделы поглядели в календарь, взвизгнули от восторга и к этой магической дате решили непременно переснять классику ужасов. Судя по фильму, о том, чтобы переплюнуть оригинал, никто из съемочной группы даже и не думал.

У жены американского дипломата во время родов гибнет ребенок. Убитому горем отцу тотчас предлагают усыновить другого младенца. Не в силах сообщить жене о смерти сына, дипломат соглашается. Так в их семье появляется Дэмиен — странный мальчик, который никогда не болеет и орет при виде церкви. Спустя несколько лет вокруг счастливой семьи закручивается вихрь необъяснимых событий. То няня приемыша повесится, то священник, объявив мальчонку сыном Сатаны, предложит отцу убить собственное чадо.

К сожалению, от атмосферы страха, которой славился оригинал, не осталось ничего. В первую очередь, из-за бездарной игры актеров, исполняющих главные роли. Глядя на родителей приемыша, трудно поверить, что им по-настоящему страшно. Дэмиен больше напоминает мелкого проказника, нежели отпрыска Князя Тьмы. Справедливости ради стоит сказать, что актеры второго плана отрабатывают свой хлеб полностью: и ведьма-няня, готовая защищать дьяволенка всеми правдами и неправдами, и священник, перепуганный до смерти пришествием антихриста. Отдельного порицания заслуживает оператор. После великолепных кадров, продемонстрированных в недавнем ужастике «Сайлент Хилл», за примитивной работой здешней камеры наблюдаешь с унынием.

В общем, если не сходите в кинотеатр, ничего не потеряете. Новый «Омен» — типичный фильм-однодневка, где самыми занимательными деталями являются дата выхода в прокат и участие в эпизодической роли актера Харви Стивенса — Дэмиена из оригинальной ленты 1976 года.

Степан КАЙМАНОВ

ЧЕЛОВЕК-НЕВИДИМКА 2

(HOLLOW MAN II)

Производство компаний Red Wagon Productions, Destination Films и Sony Pictures (США), 2006.
Режиссер Клаудио Фэй.
В ролях: Питер Фачинелли, Лори Риган, Кристиан Слейтер, Дэвид Макллрайт и др. 1 ч. 31 мин.

Пол Верхувен так и не решился сам снять продолжение собственной ленты шестилетней давности и, к счастью, выступил лишь одним из исполнительных продюсеров сиквела. Иначе позора на свою седую голову он бы не избежал. К тому же совсем непонятно, почему фильм называется «Человек-невидимка 2»: ничего общего с первой частью тут нет. Да и без Кевина Бейкона, сыгравшего в верхувенской ленте безумного Себастьяна Кейна, проект изначально выглядел бесперспективным.

Ничего оригинального в ленте нет. Картонные персонажи, шаблонный сюжет. И самое обидное — развернуться специалистам по CGI было практически негде. Ну разве что в финальной драке под ливневыми струями. А ведь первая часть запомнилась именно спецэффектами.

Вообще-то, «вторая» часть — это добротно снятый криминальный боевик. Спецназовец Майкл Гриффин (Кристиан Слейтер) соглашается поучаствовать в эксперименте Пентагона. Цель — создать невидимого солдата. Однако сыворотка невидимости, вколотая Гриффину, дает побочный эффект: без дополнительного препарата, своеобразного «буфера», в теле испытуемого объекта разрушаются ткани. Цинично не обеспечив добровольца необходимым препаратом, военные бросают беднягу на произвол судьбы. Спустя годы он решает отомстить. Но для зачина ему надо найти доктора Мегги Далтон, у которой есть тот самый «буфер». Тут и начинается кровавая охота...

Кристиан Слейтер «во плоти» появляется на экране максимум на две с половиной минуты — во флэшбэке предыстории. Все оставшееся время телесной оболочки актера зритель не видит. Только слышит голос. Так что его партнерам по фильму постоянно приходится общаться с пустотой, а также болтаться в воздухе или размахивать ногами-руками, борясь с невидимым противником...

Хуже обстоит дело с двумя главными героями — Мегги (Лори Риган) и охраняющим ее полицейским агентом (Питер Фачинелли). Они вполне телесны, но это не делает актерскую игру сколько-нибудь убедительной.

Вячеслав ЯШИН

БОМБЫ В СТИЛЕ НУАР

Захватнические действия мирового кинематографа на российской территории порождают непременные последствия — язык «оккупанта» все сильнее внедряется в киноведение. И уже никто из читателей рецензий и статей о кино не спросит, что такое релиз, римейк, сиквел или приквел. О менее четко определенных терминах идут споры — достаточно вспомнить дискуссию о понятии «трэш» в журнале «Если». Выполняем пожелания читателей журнала и раскрываем смысл некоторых кинематографических терминов и неологизмов, появляющихся на страницах раздела «Видеодром».

Арт-хаус — независимое, некоммерческое кино для «продвинутых» зрителей. Термин зародился в конце 1980-х годов. Первоначально арт-хаусами назывались маленькие кинотеатры, располагавшиеся недалеко от колледжей и университетов. Неофициально первым артхаусным фильмом считается «Небо над Берлином» Вима Вендерса.

Байопик — биографический фильм (от biopic — соединения двух английских слов biography и picture).

Блокбастер — (англ. blockbuster — буквально «мощная бомба») термин пришел из театрального сленга и означал особенно успешную актерскую игру. Позже блокбастером стали называть высокобюджетные голливудские фильмы, в которых играют известные актеры и которые приносят в прокате более 100 миллионов долларов. Первым блокбастером считается фильм Спилберга «Челюсти», так как он впервые превысил магическую сумму.

Вирированный цвет — искусственно обесцвеченные в творческих целях кадры фильма, иногда стилизация под черно-белое кино (например, «Собачье сердце» Бортко).

Вуция — жанр китайского кино, где герои обладают сверхъестественными способностями в поединках: могут летать, бегать по воде и т.д.

Камео — эпизодическая роль, как правило, исполняемая специально приглашенной звездой.

Кашетированный фильм — фильм, площадь экрана которого уменьшена при помощи специальных масок, каше.

Кросс-овер — фильм, в котором встречаются герои других фильмов, например: «Чужой против Хищника», «Фредди против Джейсона» и т.п.

Мерчендайзинг — (от английского merchandising — искусство торговать) в экономике означает продвижение товара на рынке, в кино — распространение «сопутствующих» фильму товаров.

Препродакшн — досъемочная стадия: написание сценариев, кастинг, поиск натуры, построение декораций и т.п. **Постпродакшн** — пос-

лесъемочные мероприятия: монтаж фильма, запись звука, создание спецэффектов, озвучание.

Рапид — сверхскоростная съемка какого-либо быстрого процесса, прокручиваемая потом с нормальной скоростью; в результате получается качественное изображение в замедленном темпе.

Саспенс — (от английского suspense — нагнетание, тревога) ряд кинематографических приемов по нагнетанию страха. Азы саспенса разработаны Альфредом Хичкоком, хотя сам Хичкок давал всему комплексу приемов одно общее определение: саспенс — задержка перед показом того, что зритель хочет увидеть.

Синий (зеленый) экран — система, когда актеры снимаются в студии на синем или зеленом фоне, а фоновая картинка затем накладывается отдельно. Впервые система была применена в 1940 году в сказке «Багдадский вор». Изначально наложение фоновых кадров осуществлялось химическим способом. Ныне — компьютерными методами.

Ситком — ситуационная комедия, или комедия положений. Комедийный сериал, в котором слышится смех за кадром.

Спин-офф (spin-off) — фильм, созданный на основе персонажа, ранее появившегося в другом фильме на вторых ролях. Так, «Женщина-кошка» — спин-офф цикла о Бэтмене.

Спойлер — информация о сюжете фильма, которая не должна раскрываться до определенного момента. Часто рецензенты в своих текстах предупреждают читателей: «Внимание — далее спойлер», чтобы раскрытие сюжетных поворотов не повлияло на тех, кто еще не смотрел картину.

Таглайн — рекламный слоган фильма.

Тизер и трейлер — рекламные ролики фильма. Тизер — совсем короткий, на несколько секунд; трейлер длится несколько минут.

Тривиа — (от английского trivia — мелочи, пустяки) набор «примочек» в фильме: цитат, реминисценций, отсылок к предшественникам и пр. Также набор забавных фактов о фильме, например — в одном из эпизодов «Автостопом по Галактике» в качестве массовки снимались родственники Дугласа Адамса.

Триквел — второе продолжение фильма, сиквел сиквела, или третья часть.

Файтинг — боевой эпизод.

Фильминг — то же, что продакшн: непосредственно процесс съемок.

Фильм-нуар — (от французского noir — черный) фильм, снятый в мрачной и депрессивной стилистике старых черно-белых гангстерских лент. Пример стилистики нуар — «Город грехов» Роберта Родригеса.

Флэшбэк — вставной эпизод фильма: воспоминание, реминисценция, сцена из прошлого.

Дмитрий БАЙКАЛОВ

БОРИС РУДЕНКО

СЛАБОЕ

Иллюстрация Сергея ШЕХОВА

ЗВЕНО

У Бартоло тестовая программа не прошла, — ни с того ни с сего сказала мне Ольга, выбираясь из бассейна.

— Не прошла, значит, не пустили, — автоматически пробормотал я, вытирая лицо. — А с какой стати он вообще ее запустил?

— Ты же знаешь, как он относится к Коммуникатору. Это же его дитя.

— Приемное дитя, — поправил я ее. — И к тому же прекрасно воспитанное родными родителями.

Ольга улыбнулась и принялась растираться полотенцем.

— Но программа все же не прошла, — сказала она. — Бартоло обеспокоен. Честно говоря, и я бы обеспокоилась.

Я хотел ответить ей какой-нибудь шуткой, но увидел, что с противоположного бортика меня зовет Сурдин.

— Передай ему, чтобы больше не мучил ни программы, ни Коммуникатор, — сказал я. — И сама не переживай по пустякам. Бартоло придется немного потерпеть. Настанет время, и у него будет возможность показать свою квалификацию... Ты в оранжерею? Тогда встретимся после обеда...

Я бросил полотенце в утилизатор и пошел к Сурдину.

* * *

Мы герои, всем известно. Некоторые, правда, считают нас идиотами, но это их личное дело. Хотя иногда я был готов согласиться с этими некоторыми. Теперь — нет. Такие мысли обычно приходят в первом полете примерно спустя год после старта. Каждый из нас рано или поздно начинает задумываться о том, во что он, собственно, ввязался, когда скорость Обломка переваливает за световой порог и возвращение возможно лишь теоретически.

Мы прокладываем путь тем, кто последует за нами. У них будут свои трудности, на новой планете их ждут опасности и проблемы, о которых мы, возможно, никогда не узнаем, но от самой мучительной — шестилетнего заточения в замкнутом пространстве межзвездного корабля — мы их избавим.

* * *

Тот разговор с Ольгой я выбросил из памяти уже через несколько минут, но, как оказалось, напрасно. Спустя несколько дней тема всплыла вновь.

— Командир, извините!

Доктор Кольцов остановил меня у двери каюты. Маленький, плотный и густоволосатый (растительность занимала всю площадь его лица, кроме полоски лба и очков), Кольцов сейчас выглядел словно взъерошенный и очень взволнованный воробей.

— Извините, командир, — он засмущался, будто готовился произнести очевидную глупость. — Я случайно услышал, что с Вратами возникли какие-то проблемы.

— Я тоже слышал подобное, — сказал я.

— И что вы скажете? — кажется, Кольцов от волнения приоткрыл рот, но сквозь густую растительность на губах и подбородке это было не очень заметно.

— Мне часто приходится слушать всякие нелепости, — пожаловался я. — Большая часть из них связана с кажущимися проблемами.

— Но Коммуникатор, он...

— Я еще не все сказал, доктор. Проблемы с Коммуникатором на сегодняшний момент — это и есть нелепости. Кстати, кто вам о них сообщил?

— Просто... случайно услышал... не помню даже где и от кого, — Кольцов явно устыдился, но сквозь его волосяной покров краски лица были неразличимы. Он взмахнул пухлой рукой и быстро убежал.

Я озадаченно глядел ему вслед. Откуда эти разговоры? С какой стати Бартоло вообще вздумал гонять тесты, которые заведомо не могут показать результат? В этом следовало разобраться.

* * *

Герои — так говорят о нас, когда хотят сделать приятное. По сути же мы просто дальнобойщики, обыкновенные водители. Наша работа — доставить Коммуникатор к планете, намеченной для колонизации. И только. Ко всему остальному мы никакого отношения не имеем. Если полет занимает пять-шесть лет, то подготовка к нему — примерно столько же, но этим занимаются другие. Нужно отыскать в поясе астероидов подходящий обломок и перетащить на него в разобранном виде, а потом смонтировать Коммуникатор — Врата в новый мир. Для этого требуются огромные средства, колоссальные усилия тысяч людей. И только после этого на Обломок забрасывается полетная команда. Достигнув цели, мы откроем Врата и вернемся через них на Землю, а в построенный межзвездный туннель устремятся многочисленные отряды колонистов.

Пройдут годы — и очередной Обломок отправится в путь теперь уже с нового, освоенного человечеством плацдарма.

А мы просто водители...

Через три недели мы отметим первую годовщину полета. Это серьезная дата. Думаю, год прошел успешно. У нас не случалось серьезных происшествий, экипаж был здоров и вообще внешне все шло нормально, хотя в последние дни я начал испытывать неясное беспокойство, пока что не понимая его причины...

* * *

Набирая салат из судка, я ощутил толчок в плечо.

— Извините, командир, — сказал Войцех.

Я посмотрел на него. Неуверенными движениями Войцех тыкал перед собой вилкой, пытаясь подцепить кусок жаркого. Лицо его было багровым, взгляд замутнен.

— Что с тобой? — спросил я.

— Все нормально, — побормотал он, избегая смотреть мне в глаза. Изловчившись, наколол-таки кусок, положил на тарелку и удалился к дальнему столику, шагая с чрезмерной тщательностью.

У нас не было специальных запретов или ограничений на потребление спиртного. Да это и невозможно: синтез этилового спирта в наших условиях — задача для первоклассников. Но ни один из членов экипажа не имеет вредных привычек. Их тестировали десятки раз. В полет не попадают ни потенциальные алкоголики, ни наркоманы. У всех нас иногда возникает потребность немного расслабиться, и я отношусь к этому снисходительно. Однако Войцеху через два часа заступать на вахту. И хотя его задача вахтенного пока сводилась всего лишь к наблюдению за показаниями приборов (дай бог, чтобы так продолжалось и дальше), все это мне очень не понравилось.

Сегодня в кают-компании на обед собралось человек пятнадцать. Каждый из присутствующих все прекрасно понимал, однако старательно делал вид, что ничего не замечает. И это не понравилось мне еще больше. Они явно были информированы лучше меня. Я отставил свою тарелку, пошел за Войцехом и сел напротив.

— Что случилось?

— Все нормально, командир, — он попытался изобразить беззаботную улыбку, однако получилось неважно.

— Скоро начинается твоя смена.

— Ну и что? — теперь Войцех решил, что нужно показать искреннее удивление, и снова вышло неудачно.

— Мне не нравится твое состояние.

— Я же говорю, что все в порядке.

— А я так не думаю.

— Ничего не произойдет, командир, — раздражение в его голосе прозвучало вполне натурально. — Точно так же, как ничего не произошло вчера, позавчера и полгода назад. И через полгода ничего не будет. Здесь вообще больше ничего никогда не произойдет! А когда что-нибудь случится, будет слишком поздно.

В сущности, он почти прав. Земля сделала все возможное, чтобы во время полета свести к минимуму человеческий фактор. Вот только его последняя фраза меня насторожила.

Наш Обломок — крохотный островок в межзвездной пустоте, неправильной формы вытянутая глыба длиной около километра и немного более того в обхвате «по талии». Мы вгрызаемся в его недра, словно черви в яблочную мякоть, постепенно съедаем его изнутри, преобразуя материю в движение. Понемногу уменьшается его объем, смещается центр массы. Компьютер тщательно следит за этими изменениями, корректируя работу двухсот тридцати основных и резервных двигательных установок, сохраняя постоянными ускорение и ориентацию Обломка. Если компьютер выйдет из строя, автоматически включится дублирующий управляющий блок, а если скиснет и он, заработает третья резервная система. Но в кресле Центра двигательного контроля все равно должен сидеть человек, готовый к немедленному решению. Войцех к этому готов не был.

Я встал из-за стола и повернулся к кают-компании.

— Старший механик Сурдин, — громко сказал я, — проводите второго механика Сливу в его каюту. Обеспечьте замену на вахте. Все остальное мы обсудим позже.

Избегая смотреть на меня, Сурдин подошел и дернул Войцеха за плечо.

— Пошли!

Тот попытался сопротивляться, но внезапно передумал, поднялся и, втянув голову в плечи, покорно поплелся за Сурдиным. Тогда я вернулся к своей тарелке и вновь принялся за еду. В кают-компании стояла тишина, нарушаемая лишь позвякиванием столовых приборов. Минут через пять Сурдин вернулся.

— В чем дело, Якоб? — спросил я. — Что с ним?

— Проблемы с Еленой, — вяло ответил он. — Разве тебе Ольга не рассказала?

Честно говоря, мы с Ольгой не виделись уже дня три. То есть виделись, конечно, но мельком — у нас обоих было немало дел. Ольга давно уже сутками пропадала в оранжерее и лаборатории, зачем-то пыта-

ясь оживить мертвую почву Обломка, а у меня как у командира забот хватало всегда.

— Найдите доктора, Якоб, и пошлите к Войцеху, — попросил я стармеха. — Кстати, никто не знает, почему сегодня с нами нет Лозовского?

— У него какие-то рабочие вопросы во втором туннеле, — ответил Сурдин. — Он задержится примерно на полчаса.

Странно, что Лозовский сообщил это Сурдину, а не мне. Лозовский отвечает за оборудование шахтного комплекса. В последнее время он избегал меня. С чего бы это? Кстати, и с его подругой Ириной я не разговаривал достаточно давно, даже по меркам нашего неспешного времени. С ними что-то происходило, и я хотел выяснить, что именно. Сегодня мы с ним договорились встретиться именно за обедом, и его отсутствие добавило мне беспокойства.

— Надеюсь, он не разбудил реликта? — неуклюже пошутил я.

Ответом мне был чей-то одинокий смешок, после чего в столовой воцарилось молчание, которое отчего-то показалось мне несколько напряженным. Надеюсь, потому что шутка про реликта была уже слишком затаскана, а не по какой-либо иной причине. Впрочем, сегодня я слишком подозрителен. Что же касается Войцеха, то маленькие трагедии личного характера в полетах случались — это неизбежно. Первоначальные пары расходились, образовывались новые. Я никогда не придавал этому большого значения: члены экипажа обладали немалым запасом психической устойчивости, чтобы пережить любовные разочарования достойно. Пройдет несколько недель, и Войцех полностью придет в норму. Нам нужно только немного ему помочь...

Я закончил обед раньше остальных. Загрузив посуду в мойку, напомнил Сурдину:

— Вахта Сливы начинается через полтора часа. Мне кажется, Якоб, вам придется выйти вместо него.

— Мне тоже так кажется, — он обреченно наклонил голову. — Все будет в порядке, командир... Кстати, что вы думаете о проблемах с Коммуникатором?

Я удивленно замер и тут же понял, что в кают-компании установилась звенящая тишина.

— Какие проблемы могут быть с Коммуникатором, Якоб? Это тебе Бартоло сказал?

— Нет, — немедленно ответил Сурдин, и я почувствовал, что он говорит неправду.

— Тогда кто?

— Я не помню... Теперь это обсуждают многие.

— И что же именно они говорят?

Якоб замялся, и вместо него ответил Григорьев:

— Отказ Коммуникатора означает, что мы никогда не вернемся, командир.

Григорьев — один из инженеров по шахтному оборудованию. Прекрасный специалист в своей области, но обслуживание Коммуникатора в его компетенцию не входит.

— Отказа не может быть в принципе! — раздраженно воскликнул я. — Неужели вы этого не знаете?

— Я не специалист по перебросу, но...

— Вот именно! — перебил я его. — Вы не специалист!

— Но вы тоже, командир, — тихо произнес он.

— Хорошо, — сказал я холодно. — Пусть на ваши вопросы ответят специалисты. Кстати, Бартоло не единственный из них. Сегодня вечером мы соберемся и поговорим.

* * *

У меня это третий рейс, я командир, самый старый и самый опытный член экипажа. Возможно, этот рейс будет для меня последним. Потом отставка, неплохо обеспеченное безделье или непыльная должность капитана-инструктора — это мне еще предстояло решить, однако сейчас я больше склонялся к первому варианту.

Вместе со мной на Обломке живут сорок семь человек. Нечетное число — редкость для команды Трейлера, поскольку экипажи в длительные полеты обычно формируются из пар, предпочтительно супружеских. Но один из нас в спутнице жизни не нуждался. Мой старший помощник Альбрехт состоял из живой плоти только на шестьдесят процентов. Нижнюю часть тела ему заменял протез — следствие локальной аварии во время нашего прошлого рейса. Впрочем, это не сделало его менее полезным. Альбрехт был для меня не просто помощником и коллегой. Я ощущал его как правую руку, как надежнейшую опору и именно поэтому стоял насмерть, добиваясь его включения в команду.

Кроме меня и Альбрехта в рейсы на обломках ходили только двое: корабельный врач Кольцов и его жена Нина, специалист по наносистемам. Остальные тоже были отнюдь не новичками. За плечами у каждого годы работы в ближнем Космосе и высочайшая профессиональная квалификация, хотя я знаю, что для полета на Обломке этого иногда оказывается недостаточно.

У меня тоже есть подруга. Ольга — хорошая женщина и верный товарищ. Мы познакомились с ней во время моего полугодового отпуска

после предыдущего рейса. Она успешно прошла профессиональный и психологический отбор и уже два года ждала места в команде, одновременно подыскивая партнера. Я тоже искал. Мой прежний партнер, моя жена погибла в той же аварии, что искалечила Альбрехта.

Узнав Ольгу, я недолго колебался и сейчас убеждаюсь с каждым днем, что сделал правильный выбор. Если наш полет пройдет успешно, возможно, стоит подумать о настоящем супружестве...

Как у командира у меня есть одна привилегия. Эта привилегия называется Друг. Не совсем обычный друг, но я считаю его настоящим, потому что мы знакомы уже очень и очень давно. Иногда мы с ним беседуем и даже играем в шахматы. К сожалению, не слишком часто, только когда он сам этого захочет. О нем знает только Альбрехт, хотя до сих пор не верит в его существование. Он чересчур критичен, этот Альбрехт, слишком уж рационален. Не один раз он пытался убедить меня, что никакого Друга не существует. И хотя делал он это достаточно деликатно, я с ним не дискутировал. Я вообще не разговаривал с ним, когда он пытался поднять эту тему. О чем говорить или не говорить с подчиненными — решаю я сам. Это точно такая же командирская привилегия...

Шагая по переходу к Центральному посту, я ощутил легкий толчок. Беспокойства он у меня не вызвал. Это компьютер привел в действие группу резервных двигателей, корректируя очередное смещение центра массы Обломка. Я свернул за угол и увидел впереди метнувшуюся в сторону фигуру.

— Эй! — удивленно окликнул я человека, лица которого не успел разглядеть. Простучали торопливые шаги, и все стихло. Что еще за игры? Кому это вздумалось от меня бегать и зачем?

Сквозь приоткрытую дверь в помещение Центрального поста я увидел Альбрехта. Он сидел в командирском кресле, уставившись в темный экран и задумчиво постукивая кончиками пальцев по панели. Услышав мои шаги, Альбрехт неторопливо поднялся, освобождая место.

— Сюда заходила Ольга, — сообщил Альбрехт. — Она тебя искала.

— Что-нибудь случилось?

— Не думаю, — медленно проговорил он, все еще погруженный в свои размышления. — К счастью, ничего серьезного у нас случиться не может.

— Кое-что все же происходит, — возразил я, усаживаясь в кресло. — В последние дни я постоянно слышу какие-то странные разговоры о неисправности Коммуникатора. С этим надо немедленно покончить. Альбрехт, разыщи Флетчера. Пусть разберется с этими дурацкими тес-

тами. У Бартоло, кажется, немного сдают нервы, ему требуется небольшой отдых.

Флетчер — заместитель Бартоло. Я не сомневался в его компетентности и здравом рассудке.

— Кстати, у Войцеха с Еленой возникли проблемы, — сообщил я. — Кажется, они расходятся.

— Жаль, — равнодушно сказал Альбрехт. — Мне нравилась эта пара. Кто из них стал инициатором смены партнера?

— Елена. Не знаю, правда, кто ее новый избранник.

— Скоро узнаем, — пообещал Альбрехт и отвернулся, считая тему закрытой. Он слегка наклонился в направлении своего рабочего кресла, и его искусственные ноги — умные протезы — последовали вслед за измененным центром тяжести хозяина, аккуратно и надежно ступая в указанную сторону.

Пол вновь слегка качнуло. Мы удивленно взглянули друг на друга. Вторая коррекция в течение получаса? Такое бывает только на начальном этапе полета, когда Обломок разрывает гравитационные узы Солнца. Я включил тумблер связи с центром контроля.

— Центральный пост на связи. Что у вас происходит? — недовольно спросил я.

— Ничего, — тон ответа вахтенного механика показался мне немного растерянным и поспешным. — Плановая проверка двигателей группы резерва. Компьютер рекомендовал провести коррекцию в два этапа на половинной мощности для уточнения показаний.

— Об этом следует сообщать на Центральный пост немедленно, — сказал я. — Сурдин еще не пришел?

— Нет, — в голосе вахтенного проскользнуло удивление. Видимо, о личных проблемах своего сменщика Сливы он еще не знал, поэтому и не ждал стармеха.

— Когда придет, пусть свяжется со мной, — приказал я и отключился.

Я поплотнее устроился в кресле. Мне нужно было как следует поразмыслить над происходящим, но тут со стороны так и не закрытого мною люка я услышал голос Ольги:

— Ты здесь?

Даже в рабочем комбинезоне она оставалась чрезвычайно женственной. Я всегда смотрел на нее с удовольствием.

— Мне нужно с тобой поговорить, — сказала она.

Я вышел за ней в коридор.

— У нас происходит что-то неладное, — начала Ольга без предисло-

вий. — Ходят нелепые слухи, какие-то разговоры о том, что Коммуникатор не в порядке. Разве такое может быть?

Я насторожился:

— От кого ты об этом услышала?

— Многие говорят... Например, сегодня мы беседовали с Еленой.

— Она так и сказала: Коммуникатор не в порядке? — пожелал уточнить я.

— Не совсем. Елена высказалась в том смысле, что если Коммуникатор не в порядке, это равносильно общей гибели.

— Но почему она так сказала? С какой стати она вообще заговорила о Коммуникаторе?

— Вполне естественно говорить о жизненно важных вещах, — быстро ответила Ольга и отвела взгляд. — Но разве с Коммуникатором может что-нибудь случиться?

Она знала ответ не хуже меня. Каждая операция по расширению достижимого пространства обходится человечеству слишком дорого, чтобы позволить ей окончиться неудачей. Понятно, что абсолютно надежных устройств в принципе существовать не может, но вероятность отказа систем Коммуникатора близка к нулю. Они многократно дублированы, снабжены колоссальным запасом прочности и надежности, нарушить который может только катастрофа планетарного масштаба. Примерно так я и ответил Ольге.

— Но мы не можем убедиться в этом сейчас, — сказала она, все так же избегая смотреть мне в глаза. Черт возьми, почему сегодня все они прячут от меня глаза!

— Конечно, не можем, — терпеливо ответил я. — И ты знаешь почему. Коммуникатор активируется только вблизи массы звездного порядка. Пока мы не войдем в систему, он останется законсервированным. А до этого времени тебе остается верить в исключительную квалификацию его создателей.

— Если бы дело было только во мне, — сказала она и повернулась, чтобы уйти, но я легонько удержал ее за плечо.

— Что там у Елены с Войцехом? — спросил я. — Надеюсь, их развод произойдет достаточно цивилизованно?

— Развод? — удивилась она. — Я ничего об этом не знаю. У них прекрасные, ровные отношения.

— Вот как! — пробормотал я. — Это точно?

— Разумеется. С чего ты взял, что они расходятся?

— Просто мне показалось... Ладно, забудем. Скажи, пожалуйста, Это именно Елена начала разговоры о Коммуникаторе?

— Да, — сказала она и в ту же секунду добавила: — Наверное... Не знаю. А что?

— Я просто спросил. Ладно, хорошо еще, что никому не пришла в голову мысль о реликтах... Ты, кажется, торопишься?

— Да. Хочу изменить режим обогрева грунта в девятой теплице. Что-то там идет не так...

* * *

Ольга покинула Центральный пост, а я вернулся на свое место. Что-то и в самом деле шло не так. Сурдин мне соврал, придумав эту историю с семейной размолвкой? Зачем? Или он так же, как и я, был введен в заблуждение? Может быть, это Ольга не в курсе событий? Нет, пожалуй, Елена не стала бы от нее скрывать. Для женщин необходимость поделиться с кем-то своими личными проблемами возникает намного чаще и острее, чем у мужчин. Но почему она заговорила о Коммуникаторе?

— Где Флетчер, Альбрехт? — спросил я.

— Я не могу его отыскать, — удивленно ответил он. — Личный фон не отвечает. Его нет ни в каюте, ни на вахте.

Последовал новый толчок. Он был мягче и, как мне показалось, немного продолжительней двух предыдущих. Что, в конце концов, происходит? Я решил разобраться с этим немедленно. Дорога в сектор «Д» занимала примерно четверть часа: наш корабль был огромен. Собственно, скорее, он походил на завод, состоящий из нескольких корпусов, соединенных друг с другом основными и дублирующими переходами. Чтобы пройти их все по большому кольцу, не хватило бы и двух часов — этим и объяснялось то обстоятельство, что в полном составе команда собиралась довольно редко, хотя каждого из членов экипажа я видел по нескольку раз в день.

Я шел по длинному переходу, соединяющему основной корпус с Центром двигательного контроля, раздумывая над услышанным сегодня, пока не уперся в закрытый люк. Кнопка автоматического открывания не действовала. В чем дело? Я взялся за штурвал механического привода: крутанул раз, другой и в недоумении отступил. Люк был заблокирован с противоположной стороны. Мое беспокойство резко усилилось, переходя в настоящую тревогу. Торопясь, я откинул крышечку поста связи и щелкнул тумблером общего вызова. Маленький экран оставался темным, связь здесь почему-то не работала.

Попасть в сектор «Д» можно было разными путями. Самый короткий из них — через сооружения шахтного комплекса. Я повернулся и

побежал. Путь до зала управления горнодобывающими механизмами занял у меня минуты четыре — никогда еще я не передвигался по кораблю так быстро. С огромным облегчением я убедился, что дверь в зал работает нормально. Но сам зал оказался пуст! Сейчас здесь должна находиться смена из трех человек. Их обязанности нельзя было назвать слишком уж обременительными: механизмами управляла надежная автоматика, и на долю людей приходился лишь контроль за ее работой, нечастые профилактические осмотры и тестовые испытания. Но от этих обязанностей смену никто не освобождал! Покинуть рабочее место — недопустимое нарушение дисциплины.

Если я не встретил никого из них на своем пути, значит, все они ушли в том направлении, куда торопился я сам. Я пересек помещение и вошел в переход, ведущий к сектору «Д». Мне оставалось миновать компрессорный зал. Я не сомневался, что и там тоже не застану никого из членов команды — и не ошибся. Но связь здесь работала нормально. Я вызвал Центральный пост.

— Альбрехт?

— Слушаю, командир.

— Выход из основной галереи в сектор «Д» заблокирован. Там не работает пульт связи. Направьте туда дежурного ремонтника.

— Понял, командир.

— Альбрехт!

— Да, командир?

— Тебе не кажется, что у нас что-то происходит?

Несколько секунд он молчал.

— Мне не кажется, — произнес он. — У нас действительно что-то происходит. Пять минут назад я пытался связаться с Центром контроля. Там никто не отвечает. Камеры визуального контроля отключены.

— Нарушена связь?

— Связь в порядке. Либо там никого нет, либо мне не захотели ответить. И еще одно... Флетчер в госпитале.

— Что с ним произошло?

— Его нашли без сознания возле монтажной площадки. По-видимому, он сорвался с лестницы во время одного из толчков. Я только что говорил с доктором Кольцовым. Он сказал, что у Флетчера сильное сотрясение мозга, ушибы, но с ним все будет в порядке.

Нелепость! Как мог Флетчер проявить такую неосторожность? Все происходящие события постепенно сплетались в очень неприятный узор.

— Где ты находишься? — услышал я голос Альбрехта.

— В компрессорной, перед люком в сектор «Д». Альбрехт!

— Да!

— Приготовься к введению режима «Экстрим». Жди моего сигнала.

— Ты считаешь, что все настолько серьезно?

— Пока еще я ничего не считаю. У меня недостаточно информации. Просто приготовься. Перейди на мой личный канал. Следи за мной внимательно и жди приказа.

За все время работы мне приходилось прибегать к режиму «Экстрим» всего два раза. В первый — когда в Обломок, который мы тащили к безымянной звезде под номером 674, угодил метеорит. Совсем маленький — массой не более двухсот граммов. Нам повезло, что столкновение было не фронтальным и энергия удара не превысила пятидесяти тонн в тротиловом эквиваленте. Но ее хватило, чтобы изменить курс, вывести из строя механизмы шахтного комплекса и уничтожить половину теплиц. На устранение последствий катастрофы у нас ушло около четырех месяцев, а домой из-за этого мы вернулись на полтора года позже, чем планировалось.

Во второй раз все начиналось примерно так же, как и сейчас. Даже при строжайшем отборе и великолепной психологической подготовке люди все равно остаются самым слабым звеном любой системы. Увы, этого не изменить. Интеллект коллектива равен сумме составляющих ее интеллектов. Но когда коллектив превращается в толпу, ее интеллект мгновенно падает до уровня самого безумного индивида. Достаточно одного легкого толчка, чтобы сплоченная команда превратилась в сборище сумасшедших. Но чтобы восстановить контроль, нужны намного более сильные потрясения...

Люк в сектор «Д» открылся в автоматическом режиме. Это меня немного обнадежило. Может быть, все сведется к незначительному отклонению от штатной ситуации, которое уже ликвидировано? Я миновал последнюю дверь и оказался в Центре контроля двигательных установок.

Сурдин был здесь. И Войцех тоже, и Елена, и Ольга, и вся смена горняков, и еще человек двадцать. Всего более половины команды. Они сгрудились перед транспортной тележкой, с которой им что-то вдохновенно вещал Бартоло, ожесточенно размахивающий руками. Он стоял лицом ко входу и увидел меня первым. Замолк на полуслове, застыл в неподвижности, так и не опустив вскинутую руку. Потом в направлении его взгляда ко мне медленно повернулись остальные.

— Вы здесь очень кстати, командир, — сказал Бартоло, и в голосе его прозвучало замешательство. Впрочем, он довольно быстро справился с ним. — Странно только, что не вы нас здесь собрали.

Бартоло — лучший программист из тех, кого мне доводилось знать. Я пришел к этому выводу еще на Земле, в Центре подготовки, и не переменил своего мнения до сих пор. Худощавый аргентинец, смуглый, подвижный, импульсивный, эмоциональный — типичный представитель своей нации. Удивительно, но его подругой стала Сигрун — полная и абсолютная противоположность по темпераменту. Казалось, ее безмятежное спокойствие выковано в недрах вечных ледников родной Исландии. Лед и Пламень — так я называл про себя эту пару, вполне удовлетворенный подобным соединением стихий. Если Бартоло стал причиной кризиса — это только моя вина. Мне следовало распознать в нем потенциального бунтаря.

Те, кто находился здесь, слушали сейчас его. Не меня. Ему, скорее всего, подчинялись. Не мне — их командиру. Это было очень серьезно.

«Друг мой, существующий, когда пожелаешь! — возопил я в мыслях своих. — Отчего ты не вездесущ и не сверхпроницателен, а также не доступен для общения именно тогда, когда ты мне особенно нужен! Друг ли ты мне вообще после этого?»

Кстати, отметил я, Сигрун среди собравшихся не было. Зато присутствовал Лозовский. Он стоял справа от Бартоло — на месте первого соратника.

— Что происходит, Бартоло? — требовательно произнес я. — Почему ты здесь, а не на своем рабочем месте? Кстати, тот же самый вопрос адресован и всем остальным.

— Люди хотят знать правду, командир, — сказал он. — Вы не можете им этого запретить.

— У меня никогда не было таких намерений, — пожал я плечами. — Так в чем же, по твоему мнению, заключается эта самая правда? Полагаю, я тоже имею право ее узнать.

— Я говорил вам об этом два месяца назад, — довольно нервно сказал Бартоло. — Коммуникатор не отвечает на стандартные тестовые запросы.

— В режиме межзвездного перехода для Коммуникатора не существует стандартов, Бартоло, — мягко возразил я. — Вы как специалист знаете это не хуже меня.

К сожалению, моя фраза оказалась роковой. Первоначальное смятение Бартоло, вызванное моим появлением, мгновенно прошло.

— Я специалист! — отчеканил он, сжигая меня пламенным взглядом черных очей. — Поэтому отвечаю за каждое свое слово. А вы, командир, всего лишь администратор, который обязан доверять заключе-

ниям специалистов. И я как специалист утверждаю: Коммуникатор неисправен. Мы не в силах его восстановить. Врата не раскроются никогда!

Ожидая от него именно этих слов, я смотрел не на него, а на остальных членов экипажа. И видел по их глазам, по стиснутым челюстям и сжатым кулакам, что уровень их доверия к идиотской фантазии Бартоло на порядок выше, чем доверие ко мне или верность служебному долгу. Однажды мне довелось испытать подобное, и в тот раз я победил. Поэтому не стал отчаиваться.

— Я не буду спорить с тобой, потому что ты совершенно не прав, — сказал я очень громко и одновременно предельно спокойно. — Ты не единственный специалист в этой области. Интересно узнать, что думает Флетчер?

— Флетчер думает точно так же, — закричал Бартоло еще громче. — И я уверен, что произошедшее с ним — не случайность. Кто-то очень постарался, чтобы Флетчер сейчас ничего не мог нам сказать!

— Это неправда, — отчеканила Ольга. Она вышла из толпы и встала рядом со мной. — Я говорила с Флетчером всего несколько часов назад...

Но Бартоло грубо перебил ее.

— Коммуникатор не работает! — завопил он. — Врата мертвы, они не могут раскрыться и не раскроются никогда!

Беда в том, что это была правда. Только слово «никогда» следовало бы исключить. Коммуникатор бесполезен в полете. Врата не раскрываются в ничто. В сверхсветовом безвременье для них нет опоры. Я начал это объяснять, но речь мою прервали яростные протестующие вопли. Люди подступали ко мне всё ближе, в их искаженных лицах я едва узнавал членов своей команды — тех, кого выбирал лично и предлагал на утверждение Совету. Ольгу бесцеремонно оттолкнули в сторону, они были на грани безумия, они забыли, что командир — это я, и готовы были разорвать меня на куски.

Усыпляющий газ, изоляция, индивидуальный уход и полный контроль за процессом выздоровления — это было единственно правильное решение для каждого из них. Я не собирался терять ни одного члена своего экипажа. Так придется поступить, если мне не удастся овладеть ситуацией.

— Подождите! — я поднял руки, останавливая надвигающуюся толпу. — Кто-нибудь из вас хоть раз слышал об отказе Коммуникатора? Разве такое когда-нибудь случалось?

— Да! — заявил Бартоло. — Обломок, посланный к Вольфа-359, ис-

чез навсегда вместе с командой. И ты об этом знаешь! Они не смогли вернуться!

— Они не смогли долететь, Бартоло, — грустно поправил я его, — это не подлежит сомнению. С ними могло случиться все, что угодно.

— Ложь! — выкрикнул он с ожесточением. — Ты еще расскажи нам сказку про спящего в Обломке реликта, которого они разбудили.

— Реликт — это не сказка... — начал было я, но Бартоло меня перебил:

— Нас кормили этой ложью, чтобы не потерять лицо. Чтобы не признаваться в том, что экспедиция к Вольфа была послана на гибель. Только ребенок поверит в сказки о воскресающих чудовищах пояса астероидов. Все это чушь!

Двенадцать лет назад проходческий комплекс, заброшенный на Обломок-15, был полностью уничтожен, едва он углубился под поверхность астероида, успев передать изображение гигантской бесформенной массы, атакующей механизмы. Камера не показала облик существа — только движение живой, странно переливающейся плоти. Это была единственная встреча человечества с загадочным Нечто, которое вскоре начали называть реликтом, но ее хватило, чтобы запомнить навсегда. Людям так и не удалось выяснить, с кем или с чем они столкнулись. Обломок-15 необъяснимым образом исчез. Он был навсегда утерян в пространстве.

Неудача с экспедицией к Вольфа-359 подлила масла в незатухающее пламя. Может быть, на том обломке тоже оказался реликт? Впрочем, отнюдь не все были склонны верить в их существование, объясняя и первый, и второй инцидент намного более естественными причинами, а ту странную запись — дефектом оборудования.

Я верил.

— Но у тебя нет никаких доказательств, что экспедиция к Вольфа-359 исчезла в результате отказа Врат, — сказал я. — Как нет доказательств неисправности нашего Коммуникатора.

— Доказательства есть, — презрительно сказал он. — Но они доступны пониманию только профессионалов. Никто из вас все равно не сможет разобраться в ситуации.

Круг замкнулся. Я понял, что любые аргументы наткнутся на полное нежелание их воспринимать. Нужно немедленно перехватывать инициативу, однако теперь уже иным способом.

— Альбрехт! — воскликнул я, зная, что он следит за происходящим. — Я объявляю режим «Экс...»

Договорить до конца мне не удалось. Я почувствовал движение за своей спиной, потом в глазах вспыхнуло — и наступила темнота...

* * *

Доктор Кольцов закончил перевязку, и я смог подняться. Повязка слегка давила, в голове гудели чугунные колокола, но в остальном я чувствовал себя сносно. В каюте нас было четверо: я, Альбрехт, Кольцов и Ольга — видимо, единственные, кого не поразило безумие. Мятеж оказался неплохо подготовлен. В общем-то бить меня по голове не стоило. Альбрехта схватили еще тогда, когда я пытался успокоить восставших, так что шансов на успех у меня не было.

Каюту ощутимо качнуло. Пауза, затем еще два толчка подряд.

— Они пытаются взломать программу контроля за работой двигательной установки, — безучастно прокомментировал Альбрехт. — Они хотят развернуть Обломок и положить его на обратный курс. Они считают, что это единственный шанс.

— Идиоты, — пробормотал я. — Им никогда не справиться с управлением Обломком.

— Я знаю, — кивнул Альбрехт.

— Что это значит? — спросил Кольцов.

— Это значит, что теперь мы действительно никогда не вернемся на Землю, — спокойно объяснил Альбрехт. — Рассчитать обратный курс невозможно. Обломок не предназначен для возвращения. Это трейлер, а не пассажирский лайнер.

Снова слабый толчок. Еще один.

— Защита от дурака сопротивляется вмешательству, — пояснил Альбрехт. — Пока еще программа удерживает Обломок на курсе. Думаю, чтобы уничтожить ее окончательно, им понадобится не менее двух суток.

— Неужели мы не сумеем что-нибудь придумать? — воскликнула Ольга.

— Придумать можно что угодно, — пожал я плечами. — Каждый из нас может вволю пофантазировать. Только выйти отсюда мы не сумеем, заперли они нас надежно.

— Почему же ты так спокоен?

— Потому что вынужден просто ждать развития событий, на которые никак не могу повлиять, — ответил я. — Эмоции сейчас абсолютно бесполезны.

Я подошел к столу, включил компьютер и убедился, что выход в сеть трейлера заблокирован. Мятежники и здесь оказались предусмот-

рительны. Небольшие толчки повторялись еще некоторое время, а потом прекратились. Мы сидели молча. Каждый переживал происходящее по-своему и, к счастью, без истерик.

— Партию в шахматы? — предложил я Альбрехту, но тот уныло покачал головой.

— Поиграй лучше со своим Другом, — невесело усмехнулся он. — Интересно, что он обо всем этом думает? Кстати, он не собирается нам помочь?

— Не знаю, — ответил я, и это было правдой.

— Что еще за друг? — спросил доктор Кольцов.

— Так, шутка, — сказал Альбрехт. — Личный призрак нашего командира. Программа, с которой он развлекается и которую в своем воображении наделил некими человеческими качествами. А у вас есть свой призрак, доктор?

— Нет, — растерянно ответил тот. — А у вас?

Альбрехт ненадолго задумался.

— Есть, — произнес он после паузы. — Только я с ним почти не общаюсь. У всех есть свои призраки, но не каждый это сознает.

— Возможно... — доктор выглядел озадаченным, но продолжить не сумел: очередной толчок был такой силы, что сбил нас с ног. Освещение погасло, толчки следовали один за другим, не позволяя подняться. Казалось, пол разверзнется под нами, и мы окажемся в пространстве. Кто-то закричал в темноте, кажется, это был Кольцов. Мы катались по полу, сталкиваясь друг с другом, цеплялись за обломки мебели в попытке удержаться...

А потом все прекратилось. Загорелись лампы аварийного освещения. Я осторожно приподнялся, удивившись легкости, с которой мне удалось это сделать.

— Что это было? — хрипло спросила Ольга.

Морщась от боли, она растирала плечо. Надеюсь, это был не перелом и не вывих. Доктор Кольцов сидел на полу, прижимая платок к рассеченному лбу. Я отделался легкими ушибами. Альбрехту повезло больше всех. Он совершенно не пострадал. Ощущение потери веса вызвало у меня легкую тошноту, хотя полная невесомость не наступила. Привычная сила тяжести, равная земной, уменьшилась примерно вдвое. Это означало, что двигательные установки работают на половинной мощности.

— Неужели им удалось взломать программу? — проговорил Альбрехт. — Хотел бы я знать, что они там натворили?

— Боюсь, дела обстоят серьезней, — возразил я. — Очень скоро мы узнаем нечто малоприятное...

Однако вспомнили о нас примерно через час. Несколько раз нам слышались чьи-то торопливые шаги в коридоре, хотя это могло быть просто слуховой иллюзией, рожденной напряженным ожиданием: звукоизоляция помещений трейлера почти абсолютна. Наконец щелкнул запор и дверь распахнулась. На пороге стоял Лозовский, лицо его выражало тревогу и растерянность.

— Командир, — сказал он срывающимся голосом, — в шахте что-то происходит!

* * *

В разреженной атмосфере галереи висела густая пыль, сквозь ее плотный полог угадывались обломки металла и отвалившиеся глыбы породы. На переднем плане телекамера показывала сплющенный кусок металла, в котором лишь по отдельным деталям с трудом можно было опознать останки транспортной тележки. А в глубине, на пределе видимости ворочалось нечто огромное, бесформенно-тягучее, изредка поблескивающее в луче прожектора.

— Ужас Космоса, — услышал я голос Бартоло. — Мы пробудили его и поплатимся за это.

Он уставился на экран неподвижным, совершенно безумным взглядом. Рот его был полуоткрыт, по подбородку стекала слюна. Мне вдруг стало его жалко.

— Сурдин! Шепель! Уведите его отсюда! — приказал я. — Доктор, дайте ему успокоительного.

Бартоло подхватили под руки и повели из помещения. Он слабо сопротивлялся. Я заметил, что Шепель старается на меня не смотреть. Это именно он огрел меня тогда по голове. Интересно чем? Интересно также, что же на самом деле произошло с Флетчером. Сейчас его «падение» казалось мне еще более странным.

— Рассказывайте, Лозовский! — потребовал я.

— После серии толчков обрушилась боковая стена галереи, — торопливо заговорил он. — Оно появилось оттуда. А потом Обломок словно встал на дыбы...

— Пострадавших нет?

— В шахте никого не было. Проходка, как обычно, шла в автоматическом режиме.

— Значит, кому-то здорово повезло, — пробормотал я. — Дальше!

— Управление не работает. Мы потеряли контроль над механизмами Обломка за исключением систем жизнеобеспечения. После этого мы заблокировали выходы из шахты. Хотели отвести комбайны, но

они тоже не отозвались. Связь с ними прервана. Программа двигательного комплекса не отвечает на наши запросы. Синтез рабочего вещества практически прекращен, хранилище или разрушено, или заблокировано. Те двигатели, которые не вышли из строя, питаются из аварийного резерва: в таком режиме они проработают не более суток...

Помещение Центрального поста не могло вместить всех желающих. Человек пятнадцать стояли в переходе за проемом распахнутого люка. Но каждое произнесенное здесь слово слышали все.

— Вы хотите вернуться на Землю? — громко спросил я их всех сразу. — *Это* вы намерены захватить с собой?

Нарочито театральным жестом я указал на экран визора.

— Командир! Сейчас нет времени для иронии, — холодно и спокойно произнес Лозовский, и только теперь я заподозрил, что истинным руководителем смуты мог быть он. Но почему?

— Что вам от меня нужно?

— У нас нет никакого оружия, командир, — сказал Лозовский.

Действительно, нет. Десяток автоматических винтовок и несколько пистолетов из моего личного сейфа в данном случае не помогут.

— Вы меня выпустили для подтверждения этого факта?

— Мы надеемся, что вы подскажете, как нам быть, — теперь голос Лозовского звучал устало. — Командир! Мне известно, что вам приходилось иметь дело с реликтом. Вы были на Осколке-15. Вы — один! — вернулись с него живым и невредимым.

Я обвел взглядом окружавших меня людей. Покорность судьбе, страх, боль, усталость — вот и все, что было написано на их лицах.

— Я не сумею ничего сделать, если вы не поможете себе сами, — кашлянув, начал я. — Я не найду аргументов, если вы все вместе перестали верить в справедливость результатов таблицы умножения. Я вообще ничего не смогу, если вы не вспомните, для чего здесь находитесь. — Сделав паузу, я набрал воздуха и заорал: — Понимаете или нет?!

Они молчали, они просто смотрели на меня. В глазах некоторых я читал надежду, в глазах других — обреченность, а третьих — стыд. Это, последнее, обнадежило меня больше всего.

— Мне понадобится помощь каждого из вас, — произнес я уже нормальным тоном. — У нас не так много времени.

— Что вы намерены предпринять? — спросил Лозовский.

Я подошел к компьютеру и вызвал на большой экран трехмерную схему нашего Обломка. Его внешний вид мало чем напоминал косми-

ческий корабль, но я давно привык воспринимать его именно в этом качестве. Жилой сектор, укрытый от галактического излучения под каменной броней «носовой части», двигательные установки, усеивавшие «корму» и «борта», сооружения шахтного комплекса, туннели и галереи, пронизывающие тело Обломка. Шестая галерея проходила у правого «борта». Там, в толще массивного выступа, сейчас находилось странное существо, поставившее под угрозу всю нашу миссию и сами жизни.

— Насколько я понимаю, у нас есть только одна возможность, — сказал я. — Мы должны отсечь от Обломка весь этот сектор. Избавиться от него вместе с реликтом.

Лозовский посмотрел на меня почти с ужасом.

— Мы потеряем десятую часть массы Обломка! А вместе с ней лишимся почти половины шахтного оборудования.

— Того, что останется, нам будет достаточно для подержания режима полета до самой цели. Вы не хуже меня знаете, насколько велик ресурс установок. Однако ни о каком возвращении думать больше не придется.

— Это невозможно! — воскликнул Лозовский с неожиданной злобой.

— У вас есть другое предложение?

Я ждал несколько секунд, потом оттолкнул его и шагнул к напряженно слушавшим наш разговор людям.

— Это единственный выход, — сказал я. — Другого решения быть не может. Мы не в состоянии победить это существо. У нас просто нет для этого никаких средств. Пока оно находится в этой зоне, у нас еще остается шанс. Но если реликт начнет движение к центру Обломка, шанса уже не будет. Или кто-то в этом сомневается?

Ответом мне было молчание.

— Хорошо! — я снова повернулся к схеме. — Мне нужны четыре команды для пробивки скважин и закладки зарядов. Здесь, здесь, здесь и здесь. Основной заряд требуется доставить в галерею, но этим займусь я сам. Главное условие — быстрота. Взрывы должны произойти абсолютно синхронно.

— Ты пойдешь в галерею? — спросила Ольга.

— Мне уже приходилось делать нечто подобное.

— Я пойду с тобой, — сказал Альбрехт.

— Ты нужен мне здесь, — возразил я. — Когда все будет готово, по моей команде подорвешь заряды. Лозовский! А вы возьмите людей и попытайтесь восстановить хоть какой-то контроль за двига-

тельной установкой. После взрыва нам понадобятся все оставшиеся ресурсы.

Он молча кивнул и хотел пройти мимо, но я остановил его.

— Скажите, Лозовский, идея возвращения принадлежит вам? — негромко спросил я. — Это вы убедили Бартоло и других, что Коммуникатор не в порядке?

— Какое это сейчас имеет значение? — пробормотал он сквозь зубы.

— Но почему? — изумился я. — Почему именно вы?!

— Ирина больна, — выдохнул он. — Кольцов сказал, что ей осталось максимум полтора года. Она не доживет до возвращения, здесь ей невозможно помочь. Я хотел, я должен был спасти ее...

Он резко повернулся и пошел прочь, а я уставился на доктора Кольцова, который стоял, опустив голову. Он обязан был мне сказать! Впрочем, сейчас нас заботило совсем другое...

* * *

Скафандр был громоздок и тяжел даже при половинной гравитации. Надеюсь, мне удастся выбраться из него до того, как будет восстановлено нормальное тяготение. Здесь, под поверхностью Обломка, существовала атмосфера, возникшая как побочный результат нашей деятельности — разреженная смесь инертных газов, аммиака и метана, растаявших и испарившихся, когда температура перевалила за сто пятьдесят градусов по абсолютной шкале. Магнитная платформа с зарядом медленно плыла, плавно огибая обрушившиеся со стен куски породы. Я двигался противоположно направлению постоянного ускорения Обломка — а значит, субъективно спускался по винтообразно проложенной галерее — и думал, что без транспортного средства обратный километровый подъем был бы мне вряд ли под силу.

Несколько раз я миновал просторные залы выработок, где неподвижно застыли механизмы. Поднятая толчками пыль уже успела опуститься, фонарь на моем шлеме высвечивал пространство метров на двадцать вперед, но присутствие реликта я ощутил задолго до того, как платформа совершила последний поворот. Вначале легко заломило в висках, потом боль словно стекла назад, переместившись в затылок.

Но он услышал и узнал меня, конечно же, намного раньше.

Эта игра мне совсем не нравится, — сказал он.

Мне тоже, — ответил я.

Но у нас не было другого выхода.

К сожалению, — согласился я.

Тебе придется испортить такой хороший дом.

Здесь останется еще достаточно места для нас, — сказал я. — *К тому же скоро ты подберешь себе новый, если захочешь.*

Да, — подтвердил он. — *Скоро.*

Платформа повернула в очередной раз, и я его увидел. Сейчас он выглядел уже не таким огромным, каким предстал перед нами на экране монитора и каким я много лет назад встретил его. Плоть его сжималась короткими пульсирующими движениями. Кстати, монитор я отключил еще до выхода в галерею, поэтому созерцал происходящее в одиночестве.

Теперь я не смогу разговаривать и играть с тобой, — сказал он. — М*не понадобится долгий отдых.*

Я знаю. У нас еще будет время для разговоров и игр.

Не думаю, что он услышал мои последние слова. Пульсация его тела прекратилась, и одновременно исчезла боль в моем затылке. Теперь передо мной был просто валун, слегка сплюснутый каменный эллипсоид около полуметра в диаметре.

Я снял с платформы заряд, погрузил эллипсоид и двинулся в обратный путь. Подходящее место для своего Друга я присмотрел заранее, в одном из боковых штреков под жилым сектором. Надеюсь, мне не придется его больше беспокоить, и мы оба доберемся туда, куда стремимся попасть. Я — чтобы доставить и инициировать Врата; а он, как мне кажется, — просто из любопытства. Это второе наше путешествие после той встречи на Обломке-15. И теперь он уже дважды помог мне в сложных ситуациях. Если мне доведется совершить еще один рейс, думаю, без него мне будет одиноко...

* * *

Дальше все шло точно по плану. После того как я вернулся и избавился от скафандра, Альбрехт взорвал заряды, и от нашего Обломка отлетел довольно приличный осколок, унося в глубины Вселенной, как с облегчением счел экипаж, неизвестное чудовище. Еще около двух месяцев мы ликвидировали повреждения, корректировали курс, а потом приходили в себя. Проблема Ирины, подруги Лозовского, оставалась открытой. Я к ней не возвращался, потому что просто не знал, как ее решить, но порой мне казалось, что Друг способен помочь и здесь. Если я его попрошу, если сумею объяснить, когда он сможет наконец меня услышать, в очередной раз пробудившись от своего долгого сна. На Обломке, ушедшем к Вольфа-359, не было реликта, это известно мне

абсолютно точно. Что произошло там на самом деле — скорее всего, мы не узнаем никогда. Может быть, командиру Обломка не удалось справиться с охватившим команду безумием. У него не было Друга, ему некому было помочь, когда слабое звено внезапно лопнуло...

Друг — сильное звено в моей команде. Я бы сказал даже — самое сильное, и все его возможности мне до сих пор неведомы.

И лишь иногда — очень редко! — я спрашиваю себя: что ему, вечному и бессмертному, до меня, жалкого кусочка протоплазмы, чей жизненный срок измеряется лишь секундами его собственного существования? Зачем он нашел меня вновь после первой встречи на Обломке-15? Почему неустанно сопровождает меня и помогает в самые трудные моменты?..

* * *

Засыпающий мерг — тот, кого люди называли реликтом, — сонно вслушивался в сигналы мозга партнера. Человек немного ошибался, но вряд ли имело смысл выводить его из заблуждения. Это всего лишь их первое совместное путешествие. Человек не умеет отличать одного мерга от другого, родителя от детенышей, которым пришла пора покинуть гнездо, где стало тесно. В прошлый раз спутником партнера был совсем другой мерг. Звезда их прежнего общего мира начинает гаснуть, хотя гнездо совершит еще не один десяток тысяч оборотов вокруг светила, пока человек это впервые заметит. Время для мерга действительно не имеет особого значения, но отчего не воспользоваться взаимной помощью, если пути их миграции совпали на коротком отрезке. У партнера возникли трудности, и мергу пришлось немного помочь ему, потому что он тоже не желал менять маршрут, намеченный изначально. Теперь путешествие завершится успешно, однако скоро их пути разойдутся навсегда. Люди слишком переменчивы и тем сложны для постоянного общения, учитывая, насколько коротка их жизнь. Этот человек, ставший партнером, счастливое исключение, единственный удачный контакт из множества прежних попыток, совершенных за тысячи оборотов гнезда вокруг звезды. Поэтому люди займутся своими делами, а мерг отправится дальше уже в одиночестве, чтобы когда-нибудь построить собственное гнездо.

Чувство печали было незнакомо мергу, но нечто похожее на сожаление он испытывал. Игры, которые придумал человек, ему нравились, жаль, что о них придется забыть. Все же мерг был еще так молод...

❑

АЛЕКСЕЙ КАЛУГИН

КАКТУС

Иллюстрация Евгения КАПУСТЯНСКОГО

Нас часто называют «мусорщиками». Почему? Нам приходится разбирать обломки, но к уборке мусора наша работа не имеет отношения. «Похоронная команда» — тоже звучит не лучшим образом. Да и не занимаемся мы похоронами. Как-то раз в доке пересадочной станции Гибсон-11 один из рабочих, кивнув в нашу сторону, произнес негромко: «Падальщики». Это уж было совсем гнусно. Колька Жданов, второй пилот «Пеликана», развернулся в сторону трепача с таким видом, что я подумал: сейчас точно убьет. Рабочий, видно, тоже понял, к чему дело идет, и от греха подальше юркнул в узкую щель между штабелями пустых поддонов.

Я долго не мог понять, почему к нам так относятся? Разве мы занимаемся чем-то предосудительным или непристойным? Не нам, так кому-то другому все равно пришлось бы выполнять эту работу.

— Нас не любят, потому что принимают за вестников беды, — объяснил мне капитан «Пеликана» Свенсон. — Хотя на самом-то деле это мы идем за бедой, а не она за нами, — он усмехнулся и согнутым пальцем почесал свой длинный нос, похожий на клюв странной птицы. — Когда я принял «Пеликан» под свое командование, мне первое время тоже было не по себе. Да спроси любого из экипажа, тебе каждый скажет, что первые полгода хотел сбежать. А потом — ничего, сработались.

Официально наша команда именуется «Служба ликвидации последствий аварий в космическом пространстве и противоправных действий, направленных на уничтожение жизни». Здорово, да? Впечатляет? Какие уж тут, на фиг, «могильщики»! Добавьте к этому то, что помимо «Пеликана» в команду входят еще шесть кораблей и действуем мы под эгидой Межсекторного Красного Креста — отсюда и интернациональный состав команды. Я сам, к примеру, из одиннадцатого сектора Шенгенского Союза, капитан Свенсон — из сектора Объединенных Северных Королевств, а Колька Жданов, понятное дело, из Русского сектора. Родом Коля со Старой Одессы. А Старая Одесса — это ведь не просто планета, превращенная в гигантский космический корабль, это особая система ценностей и, я бы даже сказал, своеобразная философия жизни. Впрочем, если вы никогда не были на Старой Одессе, все равно ничего не поймете. Да и речь у нас сейчас не о том.

Занимается наша Служба именно тем, что и следует из ее названия — мы убираем то, что остается после техногенных катастроф в космосе. Но не обломки звездолетов, а тела погибших. В конце концов, мы ведь цивилизованные люди, а потому должны хоронить своих мертвецов, а не оставлять их в вечной пустоте, холоде и мраке.

Трудно, да почти невозможно себе представить, что два рейсовых звездолета могут столкнуться до входа в гиперспейс или после выхода

в нормальное пространство. Хотя ветераны Службы рассказывают, что подобный случай имел место неподалеку от пересадочной станции Дик-25. Правда, было это в незапамятные времена, когда ХД-двигатели еще давали сбои. Нынче рейсовые звездолеты оборудованы настолько действенной системой безопасности и эффективными спасательными средствами, что даже в случае совершенно фантастического, немыслимого в реальных условиях стечения обстоятельств, в результате которого корабль развалится на куски, все обойдется без жертв. Неприятности случаются с небольшими кораблями, принадлежащими маленьким закрытым колониям — чаще всего в них объединяются последователи какой-либо экзотической религии — либо старательским компаниям, занимающимся разведкой и добычей полезных ископаемых на астероидах и нетерраформированных планетах. И те, и другие не считают нужным передавать информацию о своих перемещениях в Межсекторную навигационную службу, поэтому спасатели, как правило, прибывают на место аварии слишком поздно. И тогда за работу беремся мы.

Почему именно мы, то есть Межсекторный Красный Крест? Потому что другие не желают этим заниматься. Колониям и фирмам, теряющим корабли, проще забыть о них, чем привлекать внимание к случившемуся. Имидж — вот что беспокоит их в первую очередь.

«Ликвидаторы» — так мы называем себя сами.

Порой мы находим живых. Чаще всего люди спасаются в чудом оставшихся неразгерметизированными отсеках. Бывали случаи, в неисправных челноках или посадочных ботах находили техников, выполнявших ремонтные работы в момент катастрофы. Как-то раз, прибыв на место аварии спустя четверо суток, ликвидаторы обнаружили всех десятерых членов команды погибшего сухогруза в спасательных пузырях. Воздуха в оболочке спасательного пузыря примерно на тридцать два часа, но, ко всеобщему удивлению, один из членов экипажа все еще был жив. Оказалось, это корабельный врач, у которого, бог уж знает, по какой причине, в кармане куртки лежали упаковка мышечного релаксанта и пневмошприц. Зная, что иначе долго не протянуть, доктор вогнал себе лошадиную дозу релаксанта и впал в кому, в результате чего потребление организмом кислорода резко сократилось. Ну, и совсем уж курьезный случай: один корабельный кок выжил, успев запрыгнуть в герметично закрывающийся пищевой контейнер, из которого только-только выгрузил заготовку для овощного рагу.

Если вам удастся разговорить кого-то из команды ликвидаторов, он расскажет вам кучу самых невероятных историй. После чего вам останется только гадать, что из рассказанного правда, что — несколько приукрашенная действительность, а что — профессиональный фольклор.

Но как бы анекдотично ни звучали подобные истории, попытайтесь себе представить состояние выживших в катастрофах людей, которых находят не спасатели, а ликвидаторы. Похоронная команда. Каждый из них успел уже не один раз проститься с жизнью, и то, что они все же остались живы, вовсе не делает их самыми счастливыми из людей. По крайней мере, в первые часы, когда они еще не до конца осознают, что на этот раз смерть только помахала им ручкой. Поэтому каждому из них, помимо врачебной, требуется еще и психологическая помощь. А посттравматическая психология — это моя специальность.

Жадность и беспринципность одних ставит других на грань жизни и смерти, которая по-иному называется безумием. А еще — война, этот апофеоз человеческой низости, подлости и бездушия.

Как-то мне попалась любопытная книжка о Старой Земле. Так вот, там говорилось, что в докосмическую эру в истории человечества не было ни одного года без войны. Сменяя одна другую, войны шли постоянно. Не важно, были ли это локальные конфликты или мировые войны — на протяжении всей своей истории люди непрестанно убивали друг друга.

Оптимисты были уверены: выход человечества в космос раз и навсегда устранит все возможные причины для конфликтов. Космос даст людям все, что они пожелают. У людей больше не будет проблем ни с новыми территориями, ни с природными ресурсами. Каждый сможет собрать группу единомышленников, чтобы организовать новую колонию, в которой они будут воплощать в жизнь свои самые фантастические мечты. Пессимисты саркастически посмеивались, будучи уверены, что причина всех конфликтов заложена в самой природе человека, который, по сути, является загнанным в рамки цивилизации зверем. И вся его цивилизованность сводится к следующему: притесняя другого, человек делает это не просто по праву сильного, что было бы вполне приемлемо в звериной стае, а придумывает достойное оправдание своим действиям, мотивируя это заботой об общем благе.

Они и по сей день все еще спорят.

А люди продолжают воевать.

Трупы приходится убирать нам, ликвидаторам.

Причины мелких стычек между секторами или локальных конфликтов внутри оных самые разные. От неуплаты государственного долга до неуважительных высказываний в адрес официальных лиц, от религиозных противоречий до проигрыша в чемпионате по орбитальному футболу. В конечном счете, все вопросы улаживаются за столом переговоров, но прежде непременно нужно выяснить, кто круче, надавав друг другу по сусалам.

Подобные инциденты, случавшиеся время от времени, стали казаться детскими забавами после того, как появились сайтены.

Сайтены явились не из глубин космоса. Их родиной была четвертая планета системы Байсар, терраформированная более полувека назад. В свое время на Байсаре-четыре обосновались последователи религиозно-мистического культа, проповедовавшие необходимость использования всех новейших технологических разработок для совершенствования человеческой природы, что в конечном итоге должно было привести к выявлению его божественной сути. Ну, или что-то в этом роде. Не желая знаться ни с кем, кто не разделял их взглядов, сайтены укрылись от всего мира под информационным колпаком.

Долгое время о них ничего не было известно. Сайтены не вступали в межсекторные организации и не участвовали ни в каких международных проектах. И, что было уж совсем странно, не выставляли свою команду на чемпионат по орбитальному футболу. Когда же они вновь явили себя миру, тот озадаченно почесал в затылке.

Использование в медицине искусственных органов и мышечных имплантантов давно уже стало обычным делом. Но никому прежде не приходило в голову модифицировать здоровое тело. Сайтены, по сути, превратили себя в киборгов, в полуживых или, наоборот, полумертвых существ. При этом они демонстративно выставляли напоказ свое механическое уродство — сайтены не желали, чтобы их принимали за людей. Вся их нехитрая философия сводилась к тому, что поскольку биологическая эволюция зашла в тупик (сей вывод был сделан на основании того, что после выхода человека в космос его анатомия и физиология не претерпели никаких изменений) пора включать в нее техногенный фактор. Ну а себя — как народ богоизбранный — они назначили на должность контролеров, определяющих, как будет выглядеть и что собой представлять человек новой формации. Судя по тому, как выглядели сами сайтены, ничего хорошего ожидать не приходилось...

Впрочем, ничего плохого поначалу от них тоже не ждали. Люди привыкли терпимо относиться к тем, кто считает себя иными. Ну, хочется сайтенам полагать себя венцом творения — пусть их!

Так думали люди. Что думали сайтены, никто не знал, однако они сразу же принялись за дело. Купив у Туркменского ханства два десятка списанных в утиль боевых кораблей, сайтены отремонтировали их, модернизировали, установили современное оружие и почти без боя захватили расположенную неподалеку от них систему Доро с тремя планетами, принадлежавшими пятому рейху.

Рейхсканцлер выступил с обличающей сайтенов речью на очередном заседании Международного совета планетарных союзов. МСПС принял осуждающую резолюцию. А сайтены, как газонокосилка по лу-

жайке, прошлись по Туркменскому ханству, уничтожив в битве при Галахаре боевой ханский флот, который, кстати, вдвое превосходил сайтенский. Другие сектора Восточного альянса, куда входило и Туркменское ханство, предпочли не вмешиваться.

Полгода ушло у сайтенов на восстановление кораблей и техники. Одновременно они пополняли ряды боевых юнитов за счет бывших подданных Туркменбаши.

Новая война, развязанная сайтенами, получила название войны Тринити. В ней против сайтенов выступил весь Восточный альянс, Османский картель и Союз неприсоединившихся секторов. Спустя месяц после начала боевых действий, потеряв два из двенадцати подконтрольных секторов и половину боевого флота, Османский картель вышел из войны. Полученная от «османов» контрибуция позволила сайтенам удвоить численность боевого флота.

После того как пал Восточный альянс, сайтены принялись за планомерную зачистку неприсоединившихся секторов.

Тут уж международная общественность всполошилась всерьез. Но момент, когда расползание сайтенов по Галактике можно было подавить в зародыше, был упущен — военная мощь империи позволяла ей диктовать свои условия. Не всем, но многим. Те же державы, что имели реальную возможность бросить сайтенам вызов, не торопились этого делать. У всех имелись на то свои причины, сумма которых именовалась Большой Политикой. Проще говоря, никто не хотел ввязываться в драку, когда ему самому ничто не угрожало.

Я до сих пор не могу понять, почему Международный совет повел себя столь беспечно перед лицом вполне очевидной сайтенской угрозы. Во всех секторах, на любой из тысяч террареформированных планет, на улицах, на работе и дома люди только и говорили, что о сайтенах, и все без исключения сходились во мнении, что ежели не изничтожить эту новоявленную космическую саранчу, то она заполонит собой всю Вселенную. И что тогда? На последний вопрос ответа никто не знал. Должно быть, именно потому, что он был последним.

Как бы там ни было, явление сайтенов с их имперскими амбициями значительно прибавило работы ликвидаторам. Имея если не самый современный, то самый большой по численности флот боевых кораблей, сайтены придерживались очень простой и эффективной стратегии. Разбив флот противника и захватив орбитальные станции, они только в исключительных случаях высаживали десант на планеты. Их интересовали крупные производства тяжелой промышленности, которые без особого труда и больших затрат можно было перевести на военные рельсы, и атмосферные доки, чтобы ремонтировать и переоснащать корабли. Разумные же люди давно уже выносили подобные производст-

венные мощности за пределы обитаемых планет, дабы не портить экологию.

Когда я впервые ступил на борт «Пеликана», меня никто не встретил. То есть вообще никто. Корабль стоял в доке пересадочной станции Эко-5, и команда, надо полагать, отдыхала. Но ведь должен был остаться на корабле хотя бы один вахтенный? Для начала я деликатно покашлял. Затем громко позвал вахтенного. Не получив ответа, я включил внутренний коммуникатор и нажал кнопку общего вызова. Вообще-то, гостю не полагалось так себя вести. Но в кармане у меня лежал мемори-чип с утвержденным назначением на «Пеликан», так что я был не совсем уж чужой.

Вновь не получив ответа, я досадливо прикусил губу и медленно двинулся в глубь корабля, благо все двери были гостеприимно распахнуты.

Так никого и не встретив, я добрался до мостика.

В капитанском кресле сидел здоровяк под два метра ростом с широченными плечами и мускулатурой, наводящей на мысли о стероидах. Из одежды на нем были только майка и трусы камуфляжной расцветки. На правом предплечье — голографическая татуировка с кельтским крестом на развевающемся флаге. Позднее я узнал, что это эмблема «Нерожденных» — особого штурмового батальона Русского сектора. Звали здоровяка Колей Ждановым — он настаивал на том, чтобы все называли его именно Колей; по причине никому не ведомой он терпеть не мог имени Николай. На «Пеликане» он выполнял обязанности второго пилота. Коля сидел, закинув ногу на ногу, и, время от времени почесывая босую пятку, увлеченно читал большой том в твердом переплете.

Поскольку здоровяк не обращал на меня внимания, я деликатно постучал по переборке.

Не отрывая взгляда от книги, Коля махнул рукой.

— Проходи.

Я приблизился к капитанскому креслу и достал из кармана мемори-чип со своим назначением.

— Господин капитан...

— Не-не-не! — протестующе замахал рукой Коля. — Я не капитан.

Он захлопнул книжку, положил ее на выдвижную панель пульта управления и посмотрел на меня. Глаза у Коли были васильково-голубыми, а взгляд по-детски добрым.

Я машинально глянул на обложку книги. К моему удивлению, это оказался не судовой устав и не каталог нового вооружения, а Гомер.

— А где капитан?

— Понятия не имею, — пожал плечами Коля. — Зачем он тебе?

— У меня назначение, — я показал мемори-чип. — Я ваш новый психолог.

— Ну давай, — протянул раскрытую ладонь Коля.

В этот момент у меня вдруг зародилось сомнение. Кто этот полуголый здоровяк, сидящий в капитанском кресле? Все двери и переборки корабля открыты, значит, на мостик мог пройти любой!

— А вы кто? — осторожно поинтересовался я.

— Вахтенный, — усмехнулся Коля. — Когда нет капитана, выполняю его обязанности. Тебя как зовут?

— Грегори, — я положил мемори-чип на протянутую ладонь.

— А меня Коля, — здоровяк выдвинул из-под консоли небольшой ящичек, вроде комодного, и, даже не взглянув, кинул в него мемори-чип с моим назначением. — Добро пожаловать на «Пеликан», Грегори. Твоя каюта восемнадцатая.

Вот так я стал членом экипажа «Пеликана».

Позже я, конечно, был представлен капитану Свенсону и остальным членам команды, но главным человеком на корабле для меня так и остался второй пилот Жданов. Коля был почти на десять лет старше меня, а его жизненный опыт так и вовсе не шел ни в какое сравнение с тем, что успел повидать недавний выпускник, поэтому сложившиеся между нами отношения нельзя было назвать в полной мере дружескими. Скорее, я искал в Коле наставника, а он почему-то решил мне покровительствовать. Может быть, потому, что я всегда имел при себе Гомера, только не в бумажной, а в электронной версии.

Первый и, пожалуй, самый главный урок Коля преподал мне, прежде чем «Пеликан» покинул Эко-5. Сдав вахту, Жданов пригласил меня прогуляться по станции. Мы заглянули в кафе, где, по заверениям Жданова, изумительно готовили крылышки по-мексикански.

Крылышки и в самом деле оказались отменными, сочными и острыми, поэтому следом за первой мы заказали вторую порцию, за которой я признался Коле, что прежде мне не приходилось иметь дела с мертвецами, я даже не видел их вблизи, а потому испытываю понятное сомнение по поводу работы в команде.

— Не тушуйся, мертвецы — не твоя забота. Ты ж психолог, тебе живые достанутся, — Коля кинул обглоданную косточку в пустую тарелку. — Хотя, честно говоря, я бы предпочел мертвецов.

Столь неожиданное заявление второго пилота повергло меня в недоумение. Когда меня приглашали на работу, то подробно описали круг обязанностей, и, признаться, я не увидел в том никаких факторов риска или подводных камней. Напротив, мне казалось, что полетав год-другой на «Пеликане», я получу хороший опыт и подберу материал для диссертации. Ремиссия пациентов с пограничными состояниями

психики была темой моей дипломной работы, получившей хорошие отзывы, и я собирался переработать ее в диссертацию.

Взглянув на меня, Коля улыбнулся.

— Да не тревожься, это я так... Просто к слову пришлось.

Ничего себе — к слову!

Я начал быстро сопоставлять известные мне факты.

— А что случилось с психологом, летавшим с вами прежде?

— Ничего, — Коля покачал головой и глотнул пива. Видно, взгляд у меня был недоверчивый, потому что он счел нужным добавить: — Действительно, ничего. Он просто подал рапорт об увольнении... Всего полгода до пенсии оставалось.

— Так, значит, была все же какая-то причина?

— Ну, какая причина... — Коля помахал зажаренным крылышком и посмотрел на него, как будто хотел убедиться, что оно не улетит. — Скорее, повод. Хотя другой бы на его месте...

Не закончив фразу, Коля принялся старательно обрабатывать крылышко зубами.

Я ждал продолжения.

— Знаешь, что я тебе скажу, Грег, — Коля положил недоеденное крылышко на край тарелки. — Главное в нашей работе, а в твоей особенно, не принимать происходящее близко к сердцу. Иначе свихнуться можно. Это просто работа, и все. Понял?

— Понял, — не очень уверенно кивнул я.

— Не понял, — усмехнулся Коля. — Тогда слушай: расскажу тебе о твоем предшественнике.

Он помолчал и начал:

— Звали его Курт Вагнер... Хотя почему «звали»? Его и сейчас так зовут... Как и ты, был он штатским. До команды ликвидаторов успел поработать в клинике на Новом Иерусалиме. Был на хорошем счету. Но что-то там у него не заладилось с главным. Вроде бы поспорили они из-за методов лечения. Психиатрия вообще сложная штука. Если стоматолог, скажем, точно знает, как ему поступать с больным в той или иной ситуации, то психиатру постоянно приходится импровизировать. Это я не сам придумал, так Вагнер говорил. А еще он заявлял, что психиатрия — это искусство, а не наука.

В общем, не поладив с главврачом клиники, Вагнер устроился на работу в Красный Крест, откуда его уже к нам, на «Пеликан», направили. Курт все посмеивался, говорил, поработаю у вас с годик, отдохну, нервишки успокою, а потом собственный кабинет психоанализа открою. Стану драть деньги с богатых дураков за их бредни. Рассчитывал на год, а задержался на все пять. И дольше бы остался, если бы не один случай...

До начала сайтенских войн работы у нас было не так уж много. Соответственно, времени свободного — навалом. Я только на «Пеликане» читать книжки пристрастился — прежде в руки не брал. Если только журнал какой в глянцевой обложке или детектив. Но это разве чтение? Ну, а как сайтены поперли, так работы у нас стало выше крыши. Случалось, не успеем с одного вызова вернуться, а нас уже снова куда-то посылают.

Полгода назад, если помнишь, сайтены от Верхнего Каганата пару секторов откусили. Потерпев сокрушительное поражение в первой же битве, Каганат счел за лучшее откупиться от сайтенов, отдав им два сектора. Сейчас Верхний Каганат активно вооружение закупает, надеясь отстоять оставшиеся сектора. Но поверь, Грег: пустая это затея. Рано или поздно сайтены все равно Каганат прихлопнут. Ведь Каганат в войне ставку на наемников делает. А наемник, он ведь только до тех пор воюет, пока в победу верит.

В ходе сражения в секторе Друзо сайтены потеряли три корабля. Верхний Каганат — двенадцать. Остальные, включая транспорты и корабли техобслуживания, были захвачены противником. Это так в официальной сводке было сказано — «захвачены противником». По мне же, они все сдались, когда поняли, что перевес сил не на их стороне. Может быть, и правильно поступили — тут уж не нам судить.

Работы на месте сражения у нас было выше крыши. Из пятнадцати выведенных из строя кораблей сайтены увели с собой только три — два своих и один каганатский. Однако оставили неподалеку пять «охотников», за добром присматривать. Видно, собирались вернуться, чтобы уцелевшее оружие и технику с кораблей снять, а может быть, и корпуса на переплавку оттащить. Сайтены, как я заметил, вообще не любят добро разбазаривать.

«Пеликан» сайтенские «охотники» пропустили без разговоров. У нас с сайтенами договор: они позволяют нам забрать мертвецов и судовые журналы выведенных из строя кораблей, в которых в автоматическом режиме, на основании показаний индивидуальных биодатчиков, фиксируется время гибели каждого из членов экипажа, мы же в ответ собираем и подгоняем к одному из сайтенских кораблей их выведенных из строя юнитов. Знатоки говорят, сайтена почти невозможно убить, его можно только временно вывести из строя. После ремонта и перезагрузки памяти юнит снова готов в строй. Он и помнить не будет, что на том свете побывал.

Обычно мы работаем по стандартной схеме в две команды: первая осматривает корабли, вторая занимается тем, что снаружи. Но на этот раз мы прибыли быстро, и была надежда, что в скафандрах могут остаться живые. Поэтому корабли оставили на будущее. Для работы в от-

крытом космосе мы используем десантные боты — легкие алюминиевые каркасы, обтянутые фольгой. Это и есть наши труповозки. В одну сайтенов грузим, в другую — людей.

Я-то, понятное дело, сижу за пультом и наблюдаю за происходящим, глядя на скрин, а ребята, которым снаружи работать приходится, говорят, что всякий раз, когда подплываешь к скафандру, надеешься: человек в нем еще жив. В особенности это касается десантников. Тяжелый десантный скафандр рассчитан на три часа автономной жизни в боевых условиях. Этого времени достаточно для выполнения поставленной задачи, после чего десантник либо возвращается на свой корабль, либо оказывается на вражеском. На самый крайний случай в скафандре имеется ампула с препаратом, способным погрузить человека в состояние глубокого анабиоза, при котором расход кислорода сокращается в несколько раз. Поэтому определить, жив человек или нет, можно только по показанию встроенного в скафандр биодатчика. Так вот, самое тягостное в работе тех, кто этим занимается, видеть погасший биодатчик и думать о том, что, быть может, в этот самый момент прекращает мигать биодатчик другого скафандра, и пока ты возишься с трупом, умирает человек, которого можно спасти.

В тот раз мы не нашли живых вне кораблей. Зато в первом же развороченном взрывом крейсере Верхнего Каганата в оружейке оказались заперты четверо техников из обслуги. Еще пятерых нашли на подбитом линкоре, в подсобке на третьей палубе. Потом еще троих, спрятавшихся в грузовой контейнер. Всего в тот день мы спасли тридцать два человека. Немного: ведь экипаж боевого корабля — это полторы тысячи человек. А все дело в том, что юниты на боевых кораблях все еще следуют установленному некогда правилу — в случае разгерметизации отсека, в котором ты находишься, используй индивидуальный спасательный пузырь, что лежит у тебя в кармане. Совет хороший и правильный, если твои враги не сайтены. В соответствии с Международной конвенцией о боевых действиях в открытом космосе, после того как сражение закончено, победившая сторона обязана оказать помощь проигравшей. Юниты противника, укрывшиеся в спасательных пузырях, должны либо передаваться Красному Кресту, либо доставляться в нейтральный сектор. Сайтены ни один международный документ на подписывали. Находясь рядом с гибнущими людьми, они даже пальцем не шевельнут, чтобы помочь. Кто-то считает, будто сайтены не понимают, что люди умирают раз и навсегда, я же полагаю, что просто натура у них такая сволочная.

Все шло, как обычно. Без неожиданностей. До тех пор, пока группа Никишина не обнаружила на единственном брошенном на поле боя корабле сайтенов десантника в спасательном пузыре. Живого.

Как мы узнали позже, десантная рота Верхнего Каганата еще в самом начале сражения высадилась на обшивку сайтенского корабля. Выведя из строя вынесенные за борт орудия и средства коммуникации, десантники взорвали запасной люк на второй палубе и ворвались на корабль. Однако закрепиться им не удалось — после перестрелки сайтены выбили их с палубы. Взвод спасенного нами парня был вынужден отступить в глубь корабля. Каким-то чудом им удалось пробиться на мостик и включить систему самоуничтожения корабля. Сайтены частично успели блокировать прохождение команды, но взрывами оказались повреждены первая боевая палуба и машинное отделение. Корабль был выведен из боя, и сайтены все силы бросили на уничтожение вражеского десанта. Пытаться противостоять многократно превосходящим по численности сайтенам было бессмысленно, и десантники приняли единственно правильное в данной ситуации решение — рассеяться по кораблю. Спасения дождался только один из них — сержант Рон Палмертини.

Закончив работу, мы собирались вернуться на третью планету системы Шархен в секторе Объединенных Северных Королевств, где находилось одно из отделений Красного Креста. Но, как на зло, забарахлил один из вспомогательных ХД-двигателей. Поскольку никто из тех, кто находился на борту «Пеликана», в экстренной медицинской помощи не нуждался, капитан решил не рисковать и приказал взять курс на ближайшую пересадочную станцию с атмосферным доком, чтобы произвести ремонт, а заодно и сбалансировать заново конфигурацию ХД-двигателей.

Нас согласилась принять станция Льоса-2.

Вот там-то все и началось.

— Что началось? — я решил, что Коля уже рассказал свою историю, а это, оказывается, только вступление было.

— Слушай, — многозначительно кивнул Жданов. — Льоса-2 — станция небольшая, находится на отшибе, вдали от магистральных путей. Заняться там особенно нечем. Поэтому я большую часть времени проводил в комнате релаксации, устроившись в кресле-массажере с книгой в руках. Как-то раз, дело после обеда было, заходит в комнату релаксации Вагнер.

— Привет, — говорит.

И смотрит при этом в сторону. Руки за спиной сцеплены. Губа прикушена. По всему видно, поговорить ему нужно.

Я книгу отложил, спинку кресла поднял и прямо его спрашиваю:

— Проблемы с пациентами?

Вагнер прошелся по комнате, ткнул пальцем в трехмерный скрин так, что во все стороны радужные разводы поплыли, развернулся и сел на стул напротив меня.

— Помнишь десантника, которого на сайтенском корабле нашли? Сержант Рон Палмертини?

— Ну да, — кивнул я.

— А про то, что он в спасательном пузыре не один был, знаешь?

— Как это, не один? — удивился я.

Индивидуальный спасательный пузырь так устроен, что как ни старайся вдвоем в него не заберешься.

— Он прижимал к груди робота-сапера ПакБот.

Никогда не видел робота-сапера? Ну так, чтобы тебе понятно было, ПакБот представляет собой двояковыпуклый диск диаметром около сорока сантиметров. Днище выполнено из армированного металлопластика. По краям у него шесть коротких манипуляторов. ПакБоты используются для обезвреживания мин-ловушек на обшивке корабля противника — их выставляют, чтобы помешать высадке вражеского десанта.

— Когда мы вынимали парня из пузыря, — продолжал Вагнер, — он был без сознания, но стоило ему прийти в себя, он тут же принялся спрашивать: «Как Даралт?».

— Даралт? — я задумался, пытаясь припомнить, не слышал ли когда прежде это имя. — Кто такой Даралт?

— Вот-вот, — кивнул Вагнер. — Я тоже поначалу не понял, о ком он говорит. Оказалось, что Даралт — это робот, который был с ним в пузыре. Верхняя крышка корпуса ПакБота была прострелена очередью из трассера. Три входных отверстия. Пули срикошетили от днища и превратили внутренности робота в труху. Крупнов посмотрел, сказал, что можно выбрасывать. А этот, Палмертини, как очнулся, сразу начал своего робота требовать. Когда я ему сказал, что мы его выбросили, он чуть каюту не разнес. А у самого слезы из глаз. Натуральная истерика. Ну, попросил я Крупнова забраться в мусоросборник и найти там этого Даралта. Благо, мусор еще не прессовали.

Как только робота в каюту внесли, Палмертини его на руки схватил и начал гладить, будто кошку. А у меня спрашивает: «Доктор, вы сможете ему помочь?».

Я, понятное дело, решил, что парень не в себе. Сел рядом с ним, начал беседовать. И вот какая любопытная картинка нарисовалась. Приобретенному три года назад ПакБоту наемники дали имя Даралт. Сначала это было шуткой, но со временем робот стал полноправным членом команды. Понимаешь, они относились к нему как к живому, разумному существу.

И это при том, что ПакБот едва ли не самый примитивный робот, чуть умнее уборщика. ПакБоты не наделены искусственным интеллектом, все их действия строго функциональны. Программное обеспечение робота-сапера позволяет ему лишь находить мины и обезвреживать

их. Ни на какие иные действия он не способен. Но чем дольше разговаривал я с Палмертини, тем больше убеждался в том, что он действительно верит, будто ПакБот, которого он называл Даралтом, наделен свободой воли и интеллектом. Палмертини считал машину настоящим товарищем и испытывал к ней настолько сильную привязанность, что даже известие о гибели всех остальных юнитов его взвода он пережил не так остро, как смерть Даралта.

«Пожалуйста, доктор! — умолял он меня. — Помогите Даралту!»

Когда я пытался убедить Палмертини в том, что Даралт это всего лишь техническое устройство, он приводил мне массу примеров его разумного поведения. Если верить словам Палмертини, ПакБот Даралт последовал за десантниками, когда они прорвались на сайтенский корабль. Хотя делать ему там было абсолютно нечего, и в соответствии с программными установками робот должен был оставаться на внешней обшивке. Повреждение корпуса ПакБота Палмертини объяснял тем, что робот прикрыл его собой от выстрелов, и сделал он это вполне осознанно. Именно поэтому, сам находясь в смертельной опасности, десантник таскал выведенного из строя робота по всему сайтенскому кораблю, а когда произошла разгерметизация корпуса, взял его с собой в спасательный пузырь.

— Ты веришь этому? — спросил я у Вагнера.

— Я хотел тебя об этом спросить, — ответил он.

— Исключено, — я был совершенно уверен в том, что говорил. — Робот-сапер не может ничего иного, как только обезвреживать мины. А этот Даралт случайно попал под выстрелы.

— Он должен был подпрыгнуть, чтобы прикрыть собой Палмертини.

— А кто, кроме самого Палмертини, это видел?

Вагнер развел руками.

— Выходит, Палмертини не в себе?

— Ты психиатр, не я.

— И что мне с ним делать?

— Надеюсь, он не опасен?

— Он абсолютно вменяем во всем, что не касается Даралта.

— Тогда о чем беспокоиться? На Шархене определишь его в клинику.

— Конечно, — кивнул Вагнер. Странно как-то кивнул. Как будто и не слышал того, что я сказал. — А с Даралтом как быть?

— В каком смысле? — не понял я.

— Палмертини хочет, чтобы Даралта вылечили.

— После этого заявления я впервые подумал о том, что служба Вагнера на «Пеликане», похоже, подходит к концу, — сказал Жданов и умолк.

— Почему? — спросил я.

— Вагнер попытался поставить себя на место сержанта Палмертини. А это в нашей работе недопустимо. Никогда. Ни при каких обстоятельствах.

— А что было потом?

— На Шархене, в клинике, куда доктор Вагнер определил своего пациента, Палмертини долго не задержался. Шархенские врачи не обнаружили у сержанта Палмертини никаких психических отклонений. Ну, а то, что у кого-то имелось на сей счет свое, иное, чисто субъективное мнение, их не интересовало. Палмертини получил вживленный под кожу микрочип, который не давал ему права в дальнейшем принимать участие в боевых действиях против Империи сайтенов, после чего мог отправляться по всем шести пространственным векторам. Но он остался на Шархене и принялся искать способ восстановить своего робота. В «И-Робот», куда Палмертини обратился первым делом, ему ответили, что данная модель более года как снята с производства и ее сервисное обслуживание прекращено. Ему предложили сдать устаревшего робота и, доплатив некоторую сумму, получить новую модель, но Палмертини отказался. В конце концов, он отыскал частника, который занимался ремонтом и восстановлением самых необычных аппаратов. Но этот умелец высоко ценил свое мастерство. Настолько высоко, что Палмертини не мог оплатить его работу. Наемники, как тебе, должно быть, известно, получают свои деньги только в том случае, если операция с их участием проходит успешно. В случае неудачи им остаются лишь бесплатные харчи.

Что мне совершенно не нравилось, так это то, что Вагнер все это время поддерживал Палмертини и всеми силами старался ему помочь, хотя он-то как раз должен был понимать: с мозгами у бывшего наемника не все в порядке. Окончательно добило Курта известие о том, что Палмертини взял в заложники группу медиков из шархенской клиники, обвинив их в нежелании помочь его боевому другу. Кажется, были жертвы.

Вагнер, во всем винивший себя, подал в отставку. И знаешь, где он сейчас работает? Я сам недавно узнал — в колонии, где отбывает наказание Палмертини. Вот так-то, брат.

Коля залпом допил остававшееся пиво и, стукнув тяжелым донышком, поставил пустой стакан на стол.

— Все, пора на корабль!

Вот так началась моя служба на «Пеликане».

Как я уже говорил, поработать в отряде ликвидаторов я рассчитывал год, максимум — два. Но прошло уже три года с того памятного

разговора. А я по-прежнему в команде «Пеликана». Чего я только не повидал за эти три года — своих историй накопилось столько, что за неделю не расскажешь. Захватив Верхний Каганат, сайтены лишь ненадолго приостановили свою экспансию. Не прошло и полгода, как они снова двинули армию на близлежащие секторы. Пока они не рискуют замахиваться на межсекторные союзы и мощные секторы, вроде Русского или Британского, но все вокруг только о том и говорят, что грядет большая война. Так что без работы мы не сидим. Материала — на три диссертации. Вот только не пишется никак. Только сядешь, соберешься с мыслями, начнешь заметки разбирать, как — на тебе! — новое задание.

Не так давно Коля признался, что поначалу я показался ему слабаком. Он даже поспорил с кем-то из экипажа «Пеликана», что больше года я в отряде не протяну. Однако оказалось, что я довольно крепок.

— И главное, у тебя правильное отношение к тому, что мы делаем, — закончил Коля. — Это просто работа, и все. Мы спасаем людей, а не ловим души.

Не скрою, мне было лестно. Но даже после этого я не рассказал Коле о кактусе, что стоит на столике у меня в каюте. Подарила мне его одна знакомая, когда я окончил первый курс, и с тех пор я повсюду вожу его с собой. Это какой-то экзотический кактус с одной из новых планет. Что мне особенно нравится — поливать его нужно раз в два месяца. Кактус похож на круглую голову с широким лбом, бородой и небрежно зачесанными назад волосами. Дополнительное сходство с головой придают кактусу два белых пятна грибков-симбиотов — кажется, что цветок смотрит на тебя вытаращенными глазами. Готовя мне подарок, знакомая встроила в горшок микрочип с голосовым модулятором. Следуя заданной программе, кактус «повторяет» звучащие рядом с ним слова, но с вопросительной интонацией, как психоаналитик. Частоту и громкость повторов можно менять с помощью сенсора на задней стенке горшка. После очередного задания я сажусь за стол, на котором стоит горшок с кактусом-психоаналитиком, и начинаю говорить. Я рассказываю ему то, чего никогда не открыл бы никому другому. А он, вытаращив «глаза», внимательно слушает и время от времени повторяет:

— Ты считаешь, что принял правильное решение? И ты ни о чем не жалеешь? А ты уверен, что не сломаешься?

И вдруг, когда я меньше всего этого ожидаю, он вдруг очень уверенно заявляет:

— Нет, я не стану говорить тебе, что ты не прав.

Хотя, судя по его взгляду, именно так он и думает.

❑

УОЛТЕР ЙОН
УИЛЬЯМС

ВЛОЖЕНИЕ

Иллюстрация Игоря ТАРАЧКОВА

КАПИТАЛА

Машина мчалась на юг сквозь сумерки субтропиков. Рио-Хондо извивалась справа от дороги, то исчезая, то вновь напоминая о себе серебристым мерцанием. Пока путь лейтенанта Северина пролегал по шоссе, взятая напрокат машина, которая ориентировалась на Ларедо куда лучше его самого, трудилась и за штурмана, и за водителя. Северину же оставалось лишь отдыхать да глазеть в окно — на увитые лианами стволы кавелловых деревьев, ярких тропических птиц да изредка проносящиеся по реке корабли на воздушной подушке, которые с тяжелым, басовитым гулом несли свои грузы на юг, в порт Пунта-Пьедра. В небе по обеим сторонам от гигантской сверкающей дуги Кольца ускорения уже мерцали первые звезды. Вскоре серебро реки превратилось в пурпур в лучах закатного солнца.

Покидая шоссе, автопилот несколько раз тревожно пискнул, и Северин взялся за руль. Проехав сквозь туннель, он очутился на дороге, обрамленной роскошными дубами. Их черные сплетенные сучья походили на лапы фантастических зверей. Над дорогой возвышались полукружья изящных декоративных ворот — сплошь образцы чугунолитейного искусства, испещренные завитками, пиками и геральдическими знаками. В центре каждой арки был подвешен фонарик в форме капли, бросавший на дорогу неяркий свет. Вскоре в конце дубовой аллеи показался просторный, сияющий огнями дом — два этажа, окруженные верандами, ржаво-рыжего цвета с белыми украшениями.

По верандам и просторным лужайкам прогуливались люди. Все были в вечерних туалетах, и Северину оставалось только надеяться, что его форма достаточно хорошо сшита, чтобы он не слишком выделялся на общем фоне. По его предположениям, практически все гости здесь были представителями местной элиты, то есть пэрами — этим титулом победители Шаа награждали особо отличившихся представителей человечества и прочих побежденных рас.

Северин не принадлежал к этому классу от рождения, однако был близок к тому, чтобы пополнить его ряды. В начале войны он был уоррант-офицером Службы разведки — при других обстоятельствах о большем простолюдин не мог и мечтать. К концу войны он дослужился до лейтенанта и теперь оказался среди людей того класса, который всегда представлялся ему столь же недосягаемым, как сверкающее в вышине Кольцо ускорения.

Он припарковался перед домом и, когда дверца машины втянулась в крышу, выбрался из автомобиля. В воздухе запах табачного

дыма волнующе мешался с ароматами тропиков. Двое слуг — мужчина-землянин и женщина, уроженка Тормины — засеменили ему навстречу. Привычные к ночи глаза торминянки скрывались за темными очками.

— Лейтенант Северин? — спросила она, тщательно выговаривая слова клыкастым ртом.

— Он самый.

— Добро пожаловать в Рио-Хондо, милорд.

Северин не был лордом, однако так по традиции обращались к офицерам, которые в большинстве своем носили титул пэров, и Северин успел к этому привыкнуть.

— Благодарю, — ответил он и двинулся было к дому, но тут же остановился в нерешительности. — А мой багаж?

— Блист о нем позаботится, мой господин. А я пригляжу за вашей машиной. Прошу вас, проходите в дом. Или, быть может, желаете, чтобы о вас доложили?

Вообразив удивленно-неловкое молчание, которое последовало бы за докладом о прибытии его скромной персоны, Северин усмехнулся:

— Спасибо, не стоит.

Затем одернул синий мундир и по мощенной кирпичом дорожке направился к лестнице парадного входа. «Пожалуй, — подумал он запоздало, — стоило взять с собой ординарца». Однако за годы военной службы Северин так привык заботиться о себе сам, что никогда не нагружал слугу тем количеством работы, которое хотя бы оправдывало существование последнего. Вот и теперь, вместо того чтобы взять ординарца в Рио-Хондо, Северин отпустил его в увольнительную. Он и сам пока в состоянии отгладить форму и начистить ботинки — впрочем, его слуге и без того нечасто приходилось этим заниматься.

Каблуки Северина звонко цокнули по плиткам астероидного камня, которыми была выложена веранда. От группы гостей тут же отделилась мужская фигура и направилась к нему. Северин не сразу узнал в этом человеке хозяина дома, поскольку никогда прежде не встречался с капитаном Гаретом Мартинесом лично.

— Лейтенант Северин, не так ли?

— Так точно, господин капитан.

Мартинес широко улыбнулся и протянул Северину руку.

— Рад наконец-то с вами познакомиться!

Мартинес был мужчиной высоким и широкоплечим, с длинными руками и большими ладонями. У него были темные вьющиеся воло-

сы и густые черные брови. На нем красовался изумрудно-зеленый флотский мундир с высшим имперским знаком отличия на воротничке — диском Золотой Орбиты.

Во время войны Северин и Мартинес не раз помогали друг другу. Северин подозревал даже, что именно Мартинесу он обязан получением офицерского чина. Они поддерживали хорошие отношения вот уже несколько лет — но исключительно посредством электронных средств связи.

Гарет Мартинес был сыном лорда Мартинеса, главного аристократа планеты Ларедо. Вернувшись на родину и узнав, что корабль Северина находится на ларедском Кольце, капитан пригласил его погостить в своем родовом гнезде.

— К сожалению, вы пропустили обед, — сказал хозяин дома. — Зато, к счастью, и все сопутствующие ему торжественные речи.

Мартинес говорил с сильным ларедским акцентом, и Северин подозревал, что в гостиных Верхнего Города на столичной планете Заншаа этот знак провинциального происхождения сослужил ему не лучшую службу.

— Жаль, что я пропустил вашу речь, господин капитан, — ответил Северин нейтральным тоном представителя среднего класса.

Мартинес тяжело вздохнул:

— Не переживайте, вам еще представится такая возможность. Я ведь всегда говорю одно и то же. — Он высоко вздернул подбородок и провозгласил напыщенно: — «Наша империя, управляемая по принципам Порядка, обеспечивает социальное устройство с неограниченными возможностями для каждого гражданина!» — Он взглянул на Северина и продолжил уже обычным тоном: — Надолго вы к нам?

— Думаю, примерно на месяц. «Искатель» должен отправиться вместе с «Титаном», а там еще не закончена погрузка антиводорода.

— И куда же вас посылают теперь?

— На Паркхерст, а может, и дальше. Судя по спектрограммам, там могут находиться два туннеля, вот их-то нам и предстоит разыскать.

Мартинеса, похоже, эта новость очень обрадовала.

— Что ж, удачи! — сказал он с воодушевлением. — Может, Ларедо из межзвездного тупика наконец-то превратится в центр торговли.

Для Службы разведки теперь настали хорошие времена. Изначально она была основана для поиска и стабилизации гипертуннелей, а

также для обнаружения новых систем, планет и рас. Однако за последнее тысячелетие правления династии Шаа, когда Великие Повелители потеряли вкус к расширению границ империи, разведка пришла в упадок. Однако после того как последний представитель рода Шаа почил в бозе и началась война, Совет вновь обратился к политике экспансии. Первыми в списке колонизации значились Ши и Паркхерст — две планеты, до которых можно было добраться только через Ларедо. Их досконально исследовали еще несколько веков назад, но так и не колонизировали.

Чтобы справиться с поставленными задачами, разведке пришлось расширяться — а значит, появилось больше денег, новых кораблей и молодых офицеров, которыми мог бы командовать Северин. Служба в разведке теперь таила в себе возможности великих открытий и приключений, и Северин как офицер, заслуживший доброе имя во время войны, был в состоянии извлечь из этой ситуации максимум выгоды.

Из дома тем временем вышел человек с двумя полными стаканами в руках. Очень похожий на Мартинеса, он был одет в темно-красный мундир Совета лордов — комитета из шестисот членов, который управлял империей после исчезновения династии Шаа.

— Вот ты где, — сказал он, подавая стакан Мартинесу. Затем окинул взглядом Северина и, помедлив, предложил ему второй: — Виски с Дельты.

— Благодарю. — Северин взял посудину.

— Лейтенант Северин, — обратился к нему Мартинес, — позвольте представить вам моего старшего брата Роланда.

— Очень приятно, господин советник. — Северину пришлось жонглировать стаканом, чтобы пожать руку Роланда.

— Рад, что вы смогли приехать, — сказал тот. — Брат много говорил о вас. — Он обернулся к Мартинесу: — Кстати, ты не забыл, что вы с Терцей обещали лорду Мукерджи партию в тинго?

Мартинес скривился:

— Может, поищешь кого-нибудь другого?

— Ты — герой, — ответил Роланд. — А потому твои деньги лучше других. Потолковать о былых сражениях вы с господином Северином успеете и завтра, когда разъедутся особо важные гости.

— Вам придется меня извинить. — Мартинес виновато глянул на Северина. — Но здесь присутствуют люди, связанные с развитием Ши, и по законам гостеприимства я должен следить, чтобы они не скучали.

Поскольку под «развитием» Ши подразумевалась колонизация це-

лой планеты, а «особые гости», видимо, за это платили, Северину оставалось только посочувствовать хозяину дома.

— Понимаю, — кивнул он.

Взгляд Роланда устремился куда-то за плечо лейтенанта.

— А вот и Терца.

Обернувшись, Северин увидел на лужайке небольшую компанию: элегантная черноволосая женщина в светлом платье шла, держа за руку мальчика лет трех, и с улыбкой беседовала с другой женщиной — блондинкой, что называется, в интересном положении.

— Кассильда прекрасно выглядит, — заметил Мартинес.

— Беременность ей к лицу, — согласился Роланд.

— Беременная и богатая жена... — промолвил Мартинес. — Что еще мужчине нужно для счастья?

Роланд улыбнулся.

— Покладистая жена, — пробормотал он еле слышно и пошел навстречу супруге, чтобы помочь ей подняться по ступеням. Мартинес приветствовал вторую женщину поцелуем.

Последовал обычный обмен любезностями. Брюнетка, госпожа Терца Чен, была наследницей высокородного клана Чен и женой Мартинеса. Мальчика звали Гарет Младший. Светловолосая женщина, госпожа Кассильда Жикова, хотя и не была наследницей, тем не менее принесла мужу весьма завидное состояние.

— Счастлив с вами познакомиться, — сказал Северин.

— Спасибо, что спасли жизнь моему мужу, — ответила Терца, обладательница стройной фигуры, сдержанного характера и прекрасных миндалевидных глаз. — Надеюсь, вы и дальше будете продолжать в том же духе.

Северин с улыбкой взглянул на Мартинеса:

— По-моему, он справится и без меня.

— Вы ужинали? — спросила Терца.

— Перекусил немного, пока спускался с орбиты.

— Но это же было так давно! — Взяв Северина под руку, женщина повела его к дверям. — Позвольте, я покажу вам буфет и кое с кем познакомлю. А потом... — Она обернулась к Мартинесу.

— Да-да, я помню, — сказал тот горестно. — Тинго с Мукерджи.

Терца снова взглянула на Северина:

— А вы, случайно, не играете в тинго?

«Бедность, конечно, не порок, — подумал Северин, — но разорение еще никого не украшало».

— Нет, — ответил он вслух. — Боюсь, что нет.

* * *

Терца обеими руками сжала ладонь Мартинеса и опустила голову ему на плечо.

— Как хорошо, что мы сюда вернулись, — сказала она. — Знаешь, я ведь никогда не видела тебя с твоей семьей.

Он взглянул на нее:

— Теперь моя семья — это вы с Гаретом.

Почти всю беременность Терца провела здесь, на Ларедо, но без мужа: шла война, Совет лордов покинул столицу, а Мартинес сражался во Флоте. Позже, когда мятежников выбили с Заншаа и война подошла к концу, семейство воссоединилось в Верхнем Городе и некоторое время купалось в лучах славы и восторгах благодарного населения. Под патронажем клана Мартинесов началась колонизация Ши и Паркхерста. Тогда же Роланд вошел в состав Совета.

С тех пор прошло три года, и восторгов заметно поубавилось. Управление по контролю полетов, враждебно настроенное к Мартинесу, не поручало ему командования кораблем — да и вообще ничего не поручало. Терца же, напротив, жила весьма активной жизнью, совмещая работу в Министерстве права и власти с плотным графиком столичных развлечений — приемов, балов, концертов, выставок и бесконечной череды вечеринок. Таскаясь за супругой по светским раутам, Мартинес все острее ощущал собственную никчемность.

Собственно, вариантов было всего два: либо возвращаться домой, либо начать писать мемуары. Но... Засесть за воспоминания, уподобляясь дряхлому старику, которому, кроме тусклых слов, уже нечего предложить империи... Такая перспектива казалась Мартинесу столь отвратительной, что, погрузив все семейство и слуг на огромный грузовой корабль «Вай-Хун», он перебрался на родину.

Чтобы получить официальный предлог для отъезда, Мартинес обратился в Управление с просьбой назначить его инспектором Флота на Ларедо, Ши и Паркхерсте. Положительный ответ пришел так быстро, что Мартинес мог себе представить, с какой радостью в Управлении встретили новость о том, что сеньор капитан Мартинес наконец-то добровольно согласился на бессмысленную должность.

Новое назначение вернуло его к активной жизни. Оно давало ему право вмешиваться во что вздумается. Возможно, он занимался этим, исключительно чтобы доказать: он все еще необходим послевоенному обществу.

— Капитан Мартинес! Леди Терца! Вы идете играть?

Мартинес действительно был необходим обществу — во всяком случае, пока для партии в тинго не хватало пятого игрока.

— Разумеется, лорд Мукерджи, — откликнулся он.

Лорд Мукерджи был невысокий щуплый землянин с жесткими седыми волосами, аккуратной щеточкой усов и огромными связями. Он был назначен президентом «Компании Ши». Колонизация двух миров была не по карману даже весьма состоятельному клану Мартинесов, а следовательно, требовала привлечения инвестиций. К тому же приходилось признать: пэры и коммерсанты в Верхнем Городе предпочитали слышать о возможных вложениях капитала от человека с более привычным произношением, нежели варварский акцент уроженца Ларедо.

Надо отдать ему должное: Мукерджи свое дело знал. Как только он начал расточать обаяние среди обеспеченной публики, деньги полились рекой. Влиятельные кланы обязались стать официальными покровителями поселенцев, городов и даже целых областей промышленности. Акции компании пользовались стабильным спросом на столичной бирже, точно так же, как и облигации.

Мартинес и Терца уже заняли свои места, когда над столом нависла долговязая фигура.

— Вы знакомы с лордом Па? — спросил Мукерджи.

— Виделись лишь мельком перед обедом, — отвечал Мартинес.

Лорд Па Мак-фан из расы нелетающих птиц лай-оун был председателем некоей частной фирмы, которая являлась одним из основных поставщиков «Компании Ши». С высоты своего огромного роста он смотрел на Терцу и Мартинеса беспокойными, налитыми кровью глазами.

— Все лай-оунийцы знают капитана Мартинеса, — произнес он. — Он спас нашу планету.

— Вы слишком добры ко мне, — пробормотал Мартинес, пока лорд Па устраивал свою птичью грудину в специальном кресле. Его всегда трогало, когда люди помнили о таких мелочах.

— Надеюсь, я не слишком всех задержала?

Госпожа Марселла Жикова торопливо плюхнулась в оставленное для нее кресло. Она была сестрой Кассильды, жены Роланда, и руководителем финотдела «Компании Ши». На этот пост ее назначили, чтобы проследить за деньгами, которые клан Жиковых вкладывал в данное предприятие. Это была коротконогая, суетливая особа тридцати с лишним лет, с заостренным личиком и рыжеватыми волосами, собранными на затылке в неопрятный пучок. Усевшись за стол, она принялась рассеянно стряхивать с жакета пепел.

— Ну что ж, бросим кости? — предложил лорд Мукерджи.

Все игроки поставили по сотне зенитов. Марселле выпало сдавать. Она прогнала плитки сквозь тасовочную машинку и вручила каждому первоначальный расклад.

— Сбрасываю, — объявила Терца, сидевшая справа, и выложила на стол Три Добродетели.

— Беру, — отозвался лорд Мукерджи. Добавив Три Добродетели к собственному раскладу, он довольно улыбнулся в усы. Потом подождал, пока Марселла сдаст новую плитку, после чего коснулся цифровой панели на столе. — Еще две сотни.

По мнению Мартинеса, повышать ставки было рановато, но он все же отдал две сотни за новую плитку — ради того, чтобы увидеть, как пойдет игра. Два круга спустя, когда лорд Мукерджи снова удвоил, Мартинес и Терца вышли из игры. Выиграл лорд Па, который втихаря выстроил Башню и обрушил ее точнехонько на Букет Неподкупности лорда Мукерджи.

— Бросайте кости, — сказал тот.

На этот раз сдавать выпало Мукерджи. Пока он тасовал плитки в машинке, Марселла решила поддержать светскую беседу.

— Я слышала, вы скоро отправляетесь на Ши, капитан Мартинес?

— Как инспектор этой планеты, — отвечал Мартинес, — я обязан осмотреть орбитальный подъемник, станцию и прочее оборудование, принадлежащее Флоту.

— А на Паркхерст?

— Там пока нет ничего, кроме единственного исследовательского корабля. Я дождусь его возвращения.

— Я могу подбросить вас на «Кайенте», — предложила Марселла, — если вы согласны вылететь дней через двадцать. — Она обернулась к Терце. — Таким образом, госпожа Терца сможет сопровождать вас и будет избавлена от всех неудобств путешествия на военном корабле или грузовозе.

Мартинес был приятно удивлен. Он собирался лететь на одном из гигантских грузовых кораблей, направлявшихся к Ши. Они перевозили не только грузы, но и колонистов, и пассажиры не жаловались на условия. Но «Кайента»... «Кайента» была яхтой представительского класса, с роскошными каютами и вышколенной обслугой, среди которой имелись даже массажист и косметолог.

Он взглянул на Терцу. Такое предложение ее, похоже, тоже обрадовало.

— Благодарю вас, — ответил он Марселле. — Мы подумаем.

— А вы сами, леди Марселла? Вы летите на Ши? — поинтересовался Мукерджи.

— Да. В Короне началось строительство новой ветки железной дороги, и нам с лордом Па необходимо посовещаться на этот счет с Аллодормом.

Мартинес заметил удивление, промелькнувшее на лице жены и тут же исчезнувшее.

— Это случайно не Ледо Аллодорм? — спросила она, взяв свои плитки.

Налитые кровью глаза лорда Па уставились на нее через стол.

— Да. Вы знакомы с этим джентльменом?

— Нет, — равнодушно бросила Терца, разглядывая свои плитки. — Просто где-то слышала это имя.

Мартинес с любопытством отметил, что на лице жены заиграла знакомая безмятежная улыбка — верный признак того, что она говорит далеко не всю правду.

— Ну что, бросим кости? — снова предложил лорд Мукерджи.

Он удваивал ставки трижды за первые три круга и таким образом вывел из игры всех остальных. Мартинес, обнаружив, что ввязался в соревнование весьма серьезное и рискованное, стал тщательнее взвешивать шансы.

Следующую партию выиграла Терца с Шестью Сторонами Света. Затем победителем вышел лорд Па. Следом за ним — Марселла. Потом снова лорд Па, затем Мартинес с Букетом Удовольствий против Перекрестков лорда Мукерджи.

Мукерджи только успевал повторять свое коронное: «Кидайте кости».

Следующий выигрыш достался лорду Па, затем Терце, а потом Марселле — целых три раза подряд. В очередной игре выпала шестерка, так что ставки были удвоены, а кости брошены снова: на сей раз сдавал Мартинес. Он сбросил Два Заката исключительно ради того, чтобы их забрал Мукерджи — это заставляло усомниться, что тот нацелился на составление Букета Печалей. Мукерджи, в свою очередь, взял новую плитку и сбросил Юг, который Мартинес забрал, чтобы добавить к Востоку и Верху, получив три из Шести Сторон Света. В последовавших затем раздачах Мартинес получил Юг — оставалось только найти Север и Низ. Мукерджи взял Четыре Ночных Ветра, удвоил и взял сданную ему плитку. Снова удвоил, снова взял, сбросил Двух Предков и снова удвоил. Терца и лорд Па тем временем вышли из игры и перевернули свои плитки, продемонстрировав расклады, не сулящие ничего хорошего.

При взгляде на стоявшую на кону сумму у Мартинеса пересохло в горле. Он получал от отца неплохое содержание, но продолжать сейчас игру значило жестоко оскорбить родителя. Отвлекшись на эти тревожные мысли, он упустил ту роковую долю секунды, когда Марселла, выходя из игры, сбросила последнюю плитку — Низ.

— Беру! — моментально выпалил Мукерджи.

Сделано это было исключительно для того, чтобы насолить противнику. Мартинесу же оставалось только молча смотреть, как Мукерджи забирает плитку, до зарезу необходимую ему самому.

— Удваиваю, — заявил Мукерджи. Глаза у него горели.

Мартинес внимательно изучил свои плитки, затем окинул взглядом сброшенные и те, что вскрыли другие игроки, выходя из игры. Ни один из двух Северов еще не появлялся, так же, как и второй Низ. Он снова посмотрел на свои плитки. Кроме Сторон Света у него были Три и Четыре Корабля, Солнечный Сад и Дорога из Металла. Если удастся взять Два или Пять Кораблей, то получится Малая Флотилия. А Флотилия плюс Стороны Света — это уже Миграция.

Он еще раз оглядел вскрытые плитки и увидел один из Двух и один из Пяти Кораблей. Это означало, что их двойники все еще находятся в тасовочной машине. Или в раскладе лорда Мукерджи.

Решив, что игра стоит свеч, Мартинес, не говоря ни слова, сдал себе новую плитку. Это были ненужные ему Четыре Корабля, которые он тут же сбросил. Лорд Мукерджи тоже ими не заинтересовался, взял новую плитку и тоже сбросил.

Пять Кораблей. Мартинес забрал их, сбросил Дорогу из Металла и взял новую плитку, которую тоже сбросил.

Только теперь он заметил, что в комнате воцарилась напряженная тишина, а за его спиной сгрудилась целая толпа зрителей. Среди них были и Роланд с нахмуренным лицом, и Кассильда, оберегающим жестом прикрывавшая живот. Красные глазки лорда Па совсем скрылись за мигательными мембранами. Марселла неподвижно застыла в своем кресле и сжала пальцы в кулачки с такой силой, что побелели костяшки. На лице Терцы, стоявшей справа от мужа, блуждала все та же безмятежная улыбка, хотя Мартинес видел, как от напряжения в уголках ее глаз собрались морщинки.

Лорд Мукерджи сбросил только что полученную плитку, после чего Мартинес сдал себе Угол и тоже от него избавился.

— Беру! — в голосе Мукерджи звенел триумф, когда он выложил на стол законченный Букет Печалей, после чего добавил Угол к Точке и Координате, так что в итоге получилась Геометрия. Ухмылка под

его усами расплывалась все шире. Он небрежно скинул никчемный Низ в стопку сброшенных плиток. — Сегодня мой день! — триумфально провозгласил он.

— Беру, — негромко произнес Мартинес.

Он перевернул свои плитки, продемонстрировав неоконченную Миграцию, которую завершил, добавив Низ и сбросив Солнечный Сад. По комнате пронесся дружный вздох.

Мартинес взглянул на противника: тот внезапно стал очень бледным.

— Максимальная комбинация... — простонал Мукерджи.

Честность не позволила Мартинесу промолчать:

— И на костях, как вы помните, выпала шестерка, так что ставка удваивается. А поскольку я сдавал, то она удваивается дважды.

Лорд Мукерджи окинул стол беспомощным взглядом, затем откинулся в кресле и обмяк, словно знамя в безветренный день.

Мартинес услышал, как кто-то спросил вполголоса:

— А какая была ставка?

— Десять тысяч, — ответили ему.

— Ничего себе... — присвистнул первый.

— Отличная игра, — взяв себя в руки, сказал лорд Мукерджи. — Уверен, вы специально сдали мне эту Сторону Света.

— Разумеется, — солгал Мартинес.

Мукерджи протянул ему руку.

— Вы должны дать мне возможность отыграться.

— Немного погодя, если не возражаете, — сказал Мартинес, отвечая на рукопожатие.

Зрители разразились аплодисментами.

— Мне нужно в курительную, — заявила Марселла, вставая.

Мартинес тоже поднялся из-за стола. Голова у него кружилась, ноги подкашивались. Терца взяла его под руку.

— Это было ужасно... — прошептала она.

— Десять тысяч, да еще удвоенные дважды... — выдохнул Мартинес. — За сорок штук можно купить небольшой дворец в Верхнем Городе!

— У нас там уже есть дворец.

— Сегодня я мог его потерять.

Он отер лоб трясущейся рукой. В это время другим его локтем завладел старший брат.

— Тонкий был расчет, — заметил Роланд.

— Спасибо.

— Но тебе крупно повезло.

Мартинес смерил брата долгим взглядом.

— Мне вообще везет, — отрезал он. Если б не это везение, его бы вряд ли назначили старшим капитаном, когда ему еще не было и тридцати.

— Однако не стоит все время полагаться на удачу. — В глазах Роланда сверкнул озорной огонек. — Ты ведь не собираешься променять азарт битвы на азартные игры?

— В битве проще, — парировал Мартинес. Потом посмотрел на брата. — Шутка.

— Я понял.

Внезапно в голову Мартинесу пришла одна мысль:

— Скажи, а Мукерджи случайно не на наши деньги играет?

— В смысле, на деньги «Компании Ши»? Нет. Его президентство чисто номинальное, он не имеет доступа к счетам. Он даже не получает жалованья.

Брови Мартинеса поползли вверх.

— О, — Роланд улыбнулся, — у него куча акций. Так что пока процветает компания, с голоду он не умрет.

— Боюсь, после сегодняшней игры часть акций ему придется продать.

Роланд покачал головой:

— Знаешь, сколько еще таких игр он может себе позволить?

— А правда, сколько? — спросила Терца и ласково погладила Мартинеса по руке. — Я пойду проверю, лег Гарет в постель или нет. Ты как, в порядке?

— Я бы сейчас с удовольствием чего-нибудь выпил.

— Ни в коем случае! — возразил Роланд. — Тебе еще играть целый вечер.

Мартинес тяжело вздохнул:

— Пожалуй, ты прав.

Терца с улыбкой потрепала его по руке и удалилась в детскую. А Мартинес с Роландом направились к бару, где капитан заказал себе апельсиновый сок со льдом. Роланд предпочел шампанское.

— Уж не травил бы душу, — обиженно заметил Мартинес и, повернувшись в другую сторону, обнаружил перед собой Северина.

— Ну что, как вы тут проводите время? — поинтересовался он.

— Великолепно. В бальном зале сейчас настраивается оркестр с Ши. Пойду потанцую.

— Отличная мысль.

— Я слышал, вы устроили за игрой целый спектакль. Все только об этом и говорят.

Мартинес был польщен.

— Вначале я совершил ошибку, — признался он, — зато в конце рассчитал все точно.

По пути в гостиную он рассказал Северину ход игры. Они подошли к Мукерджи — тот беседовал с лордом Па.

— Раз отчет геологов неверен, значит, нужно сделать его заново, — говорил он. — Я убежден, что Кассильда...

Завидев Мартинеса, он умолк на полуслове.

— Ну что, господин капитан, — обратился к нему Мукерджи. — Продолжим?

— Похоже, нам не хватает игроков, — заметил Мартинес. — Позвольте представить вам лейтенанта Северина. Он спасал империю в Протипану, а через несколько месяцев во время битвы спас меня.

С высоты своего огромного роста Па опустил взгляд вниз. Его глаза даже очистились от мигательных пленок, пока он с усердной напряженностью разглядывал Северина.

— Не припомню, чтобы об этом упоминалось в истории.

— Просто историю пишут не те люди, — возразил Мартинес. — Те же люди в свое время решили не предавать огласке вклад Северина в победу над наксидами. А дело было в том, что благодаря одному физическому фокусу лейтенанту удалось буквально вытащить гипертуннель из-под носа у вражеской эскадры. А поскольку от этих туннелей, связующих воедино все части империи, напрямую зависело само ее существование, цензоры решили лишний раз не напоминать народу о том, что такое возможно.

— В любом случае, лейтенант, рад с вами познакомиться, — сказал Па Северину.

— Так же, как и я, — добавил Мукерджи. Его роскошные усы дрогнули. — Не желаете ли присоединиться к нам на партию в тинго?

— Спасибо за предложение, — ответил Северин, — но я не играю.

— Не играете в тинго? — воскликнул Мукерджи в непритворном изумлении. — Чем же вы тогда занимаетесь в этих ваших офицерских клубах, или кают-компаниях, или как там это у вас называется?

— Я, в основном, занимаюсь бумагами, — скромно ответил Северин.

— Думаю, нам стоит приступить к поискам пятого игрока, — поспешил вмешаться Мартинес. — Терца пошла укладывать Гарета спать, так что она вряд ли вернется скоро.

Мартинес прекрасно понимал, что вышедший из низов Северин вряд ли располагает большими доходами, обычными для большинства офицеров. Возможно даже, что бедняге приходится жить на одно жалованье. Так что играть по-крупному было бы для него не только неразумно, но и невозможно в принципе. А значит, самое лучшее — поскорее снять его с крючка.

Лорд Па и Мукерджи отправились на поиски недостающего игрока, а Мартинес принялся расспрашивать Северина о последнем полете. «Искатель» несколько месяцев провел в системе Ши, где корабль и его экипаж занимались тем, что, сближаясь с астероидами, ударяли по ним из двигателей малой тяги, заставляя по новым орбитам двигаться к Первой станции туннеля. Там эти гигантские булыжники использовались для уравновешивания массы, которая попадала в звездную систему на огромных грузовозах. Работа была скучная и опасная одновременно — довольно рискованное сочетание. Однако все прошло успешно, и станция теперь была обеспечена материей на год вперед, если не больше.

— К счастью, сейчас эту обязанность переложили на тягач с тамошней луны, — сказал Северин, — так что мы наконец можем заняться другими делами.

— Отлично. Иными словами, полет прошел без приключений.

— У нас прекрасный капитан, — ответил Северин. — Так что за все это время никто не потерял и пальца.

— Я его знаю? — поинтересовался Мартинес.

— Его зовут лорд Го Шикимори. Он потомственный разведчик.

Мартинес наморщил лоб, потом покачал головой:

— Нет, имя незнакомое.

Стряхивая пепел с рукавов, из курительной вернулась Марселла. Па и Мукерджи явились с престарелой, растерявшей все клыки торминянкой — некоей госпожой Уздиллой.

— Похоже, меня ждет игра. — Мартинес развел руками. — Простите великодушно.

— Кажется, я уже слышу музыку, — улыбнулся Северин.

— Желаю хорошо повеселиться!

«А ведь и правда, чем же он занимается в кают-компании?» — подумал Мартинес. Должно быть, большинство офицерских развлечений были Северину не по карману. И, судя по его мундиру, хороший портной тоже.

Мартинес уселся за игровой стол. У госпожи Уздиллы, видно, началась линька — в воздухе плавал седеющий пух. На сей раз Марти-

нес играл очень осторожно, частенько позволяя Мукерджи вывести себя из игры настойчивыми удвоениями. Однако когда фортуна подбрасывала ему удачные комбинации, он был тверд и даже ухитрился добавить кое-что к сорока тысячам, выигранным раньше. Лорду Па везло, Марселла тоже не осталась внакладе, а госпожа Уздилла потеряла довольно скромную сумму. Один Мукерджи, который очертя голову бросался из одной авантюры в другую, проигрался в пух и прах. Он хотя и не просадил очередной дворец, но, по подсчетам Мартинеса, на проигранную им за вечер сумму можно было купить, по меньшей мере, роскошную загородную виллу — причем не где-нибудь на Ларедо, а на самой Заншаа.

Через два часа Мартинес решил, что долг вежливости выплачен, и поднялся из-за стола. Мукерджи начал было протестовать, но Марселла и лорд Па были вполне довольны своими выигрышами, а потому тоже предпочли ретироваться.

— Слава Богу, что этот тип не занимается финансами компании, — проворчал Мартинес, ложась в постель. — Если он ведет бизнес так же, как играет...

— Готова поспорить, он понятия не имеет о том, что такое бизнес и с чем его едят, — заметила Терца, подходя к кровати. — Для этого есть Марселла.

На ней был синий шелковый пеньюар, черные волосы стянуты лентой, тоже синей, и перекинуты через плечо, что придавало ее облику очаровательную асимметричность. Протянув широкую ладонь, Мартинес нежно погладил жену по бедру.

Это был брак по расчету, плод тщательных и весьма изощренных махинаций Роланда. Впрочем, Мартинес мог сколько угодно обижаться на Роланда за вмешательство в его личную жизнь — это никогда не влияло на его отношение к Терце.

— Так что там с этим Ледо Аллодормом? — напомнил он.

Миндалевидные глаза Терцы чуть заметно расширились.

— Ты заметил?

— Я видел, как тебя задело это имя. Впрочем, вряд ли это заметил кто-то еще: они не настолько хорошо тебя знают.

— Подвинься — и я все расскажу.

Мартинес освободил местечко на кровати. Терца скользнула под одеяло и свернулась клубочком, лицом к мужу. Его ноздри уловили тонкий аромат ее тела.

— Об Аллодорме я узнала, когда мне поручили просмотреть кое-какие старые контракты, оставшиеся со времен войны, — начала Терца.

Министерство права и власти, где она служила, хотя и являлось гражданским учреждением, однако в числе прочего занималось контрактами, довольствием, снаряжением Флота, его бюджетом и финансовым обеспечением.

— Аллодорм — даймонец из Деваджо, это в Хоун-Рич, — продолжала Терца. — Во время войны он получил контракт на постройку не то четырех, не то пяти грузовых судов для Флота. Но война закончилась раньше, чем корабли построили, и контракты были аннулированы.

— И что он сделал? — спросил Мартинес. — Перестроил их для мирных целей? Такое ведь, кажется, разрешено, если правительству эти корабли не нужны...

Терца нахмурилась.

— Ходили слухи, что ни один корабль так и не был построен.

Мартинес недоуменно заморгал.

— То есть как? Он что, взял деньги и не выполнил своих обязательств?

— Ну, разве что связался с какими-то архитекторами, отпечатал несколько бумажек и нанял самого дорогого адвоката. — Взгляд Терцы был задумчив. — Рассчитать, что война окончится прежде, чем придется сдавать работу, было несложно. Поскольку победили мы, контракты были аннулированы. А если бы победили наксиды, им было бы наплевать, начинал он работу или нет.

— Неужели Служба расследований не прошерстила все его махинации? Министерство могло, по крайней мере, потребовать назад свои деньги.

Терца слегка пожала плечами.

— После войны они слишком увлеклись изобличением бунтовщиков и сочувствующих. Им просто некогда было думать еще и о тех, кто, по идее, должен быть на нашей стороне. Когда это дело наконец легло на мой стол, я порекомендовала провести расследование, но министерство ответило отказом. Почему — не знаю. Возможно, у Аллодорма есть высокие покровители.

— А теперь он обосновался на Ши, и Марселла с лордом Па летят туда, чтобы с ним встретиться?

— Вероятно, он один из наших субподрядчиков.

— Не слишком хорошая новость для бюджета компании.

— С «Компанией Ши» как раз все в порядке, — возразила Терца. — Основные подрядчики — лорд Па и компания «Меридиан». Так что если кого и надуют, то, скорее всего, их.

— В любом случае, это деньги моей семьи. — Мартинес придвинулся ближе к теплому боку Терцы, а она положила голову ему на плечо и обняла. — Зато наш семейный бюджет сегодня пополнился. На что потратим деньги?

Он почти физически ощутил ее удовольствие.

— Давай купим что-нибудь совершенно немыслимое. Ты, кажется, всегда мечтал о собственной яхте?

Мартинес почувствовал легкий укол раздражения.

— В «Семь звезд» или Ионский клуб меня все равно не примут, — сказал он. — Провинциалу никогда не пройти в эти августейшие двери, сколько бы медалей он ни заслужил. — Мартинес поцеловал Терцу в лоб. — И на каких бы министерских чиновницах ни был женат.

— Ты можешь вступить в другой клуб, — предложила Терца, — и в каждой регате будешь надирать задницу «Семи звездам».

Мартинес ухмыльнулся в потолок.

— А что, неплохая идея...

Он почувствовал теплое дыхание Терцы на своей шее, когда она спросила:

— Когда ты был маленьким, ты жил в этой комнате?

— В общем, да. Мебель та же, не хватает только моделей кораблей под потолком. Да еще картинок с изображением форменной одежды разных военных академий — этими картинками я обклеивал стены.

Послышался приглушенный смешок Терцы.

— Выходит, это была твоя идея — служить во Флоте?

— О, да... Я вообще фонтанировал романтическими идеями — наверное, пошел в мать. Ну, а отец не возражал. Он считал, что во Флоте меня хотя бы научат чему-то полезному.

Ему вдруг вспомнилось, как однажды, еще до войны, он вот так же разговаривал с другой женщиной... С той, о которой старался не думать. Светлые волосы, молочно-белая кожа и сияющие зеленые глаза... Он тогда поделился с ней своим разочарованием — служба во Флоте казалась ему совершенно бессмысленной, чем-то вроде клуба «Семь звезд», только еще хуже. Клуб этот сплошь состоял из муштры, показухи и угождения безграничному тщеславию военачальников...

Потом началась война. И все изменилось, хотя бы на время. Однако многое осталось прежним — например, связанные с политикой проходимцы, которые облапошивали правительство, небрежно и не в срок выполняя мифическую работу.

Но это, в конце концов, забота правительства. Что беспокоило лично его, Мартинеса, так это то, что если Аллодорм ворует деньги

сейчас, то он обкрадывает уже не правительство, а его, Мартинеса, семью. И с этим, разумеется, нужно покончить...

Терца теснее прижалась к мужу и поцеловала его в щеку.

— Интересно, — сказала она, — когда ты лежал мальчишкой в этой постели, представлял ли ты...

Сбросив руку жены со своей груди, Мартинес резко сел на кровати.

— Коммуникатор, — вслух сказал он, — включить настенный экран.

Ткань-хамелеон, из которой был изготовлен дисплей, в отключенном состоянии ничем не отличалась от геометрического рисунка обоев. Теперь же она стала ярче, превратившись в экран с изображением герба Мартинесов.

— Поиск, — распорядился Мартинес. — Ледо, плюс Аллодорм, плюс компания, плюс «Меридиан». Начать.

Через полсекунды на экране вспыхнули строчки с результатами поиска. Мартинес выбрал первую из списка: это была посвященная компании «Меридиан» страница из официального проспекта «Компании Ши». Некоторое время Мартинес молча и жадно поглощал информацию.

— Аллодорм — главный инженер компании «Меридиан», — сказал он наконец. — Он отвечает за все их проекты на планете Ши. Абсолютно все.

Обернувшись к Терце, он заметил в ее глазах печаль.

— Что-то не так? — спросил он.

В ответ лицо Терцы озарилось безмятежной улыбкой — той самой, неискренность которой была так хорошо известна Мартинесу.

— Все хорошо, — отозвалась она.

* * *

— Папочка говорит, я гениальный ребенок. Он говорит, меня ждут великие дела.

— Конечно, ждут, — согласился Северин.

— Я разобью всех наксидов. — Темноволосый мальчуган вскинул над головой руку с зажатым в кулачке игрушечным крейсером, а затем с размаху шмякнул корабль об отполированный астероидный камень веранды. — Ба-бах!

— Отличный удар, — похвалил Северин.

Выросший в семье с двумя младшими сестрами, он умел ладить с детьми. Лорд Гарет Чен, унаследовавший отцовское имя и материн-

скую фамилию (она стояла рангом выше), подобрал кораблик и снова бросил об пол. Сложенные трубочкой губы малыша при этом издавали влажные звуки взрывов.

— А что если наксиды нападут вот отсюда? — предположил Северин, наклоняясь в белом металлическом кресле, чтобы поставить под угрозу правый фланг мальчишки.

— Бац!

— А если отсюда?

Атака на другой фланг.

— Ба-бах!

— Или отсюда?

На этот раз нападение сверху.

— Бац!

Лорд Гарет Младший находился на той ступени жизни, когда подобное времяпрепровождение может увлекать довольно долго. За неимением других занятий Северин продолжал игру, хотя мысли его витали далеко.

Он проснулся сегодня утром со странным ощущением, которое осталось после сна и засело в памяти, словно заноза. В этом сне он вновь ехал по дубовой аллее сквозь строй кованых ворот, но в какой-то момент одна из чугунных арок превратилась в авансцену, и сквозь нее он попал в дом — то есть на подмостки.

Дом сиял огнями, вечеринка была в самом разгаре. Гости блистали нарядами и мундирами. Никого из них Северин не знал. Их разговоры были странны и туманны, хотя Северина не покидало ощущение, что их можно понять, стоит лишь как следует прислушаться. А в какой-то момент он обнаружил, что это вовсе не люди, а автоматы, с изящными улыбками произносящие слова, запрограммированные кем-то другим. Во сне это не показалось Северину чем-то ужасным — наоборот, страшно заинтриговало. Он долго бродил по залам, прислушиваясь к беседам марионеток и восхищаясь мастерством их хозяина.

Проснувшись, Северин никак не мог выйти из-под впечатления этого сна. Позавтракав в одиночестве на террасе (хозяева пока не проснулись), он поймал себя на том, что все еще размышляет о странных кукольных разговорах и даже пытается сплести из них связную историю.

Он уже подумывал о том, чтобы вернуться в постель и досмотреть прерванный сон до конца, когда явился Гарет Младший и началась битва с наксидами.

Его вовремя спас Мартинес, который, выйдя из дома, набросился

на сына, сгреб его в охапку и завертел над головой под аккомпанемент восторженного детского визга. Следом за Мартинесом на веранде появился и Роланд с чашкой кофе в руке. Оба брата были в штатской одежде, лишний раз напомнившей Северину о потрепанности его собственной формы.

— Надеюсь, и я скоро буду вот так же... — Роланд кивнул на играющего с сыном Мартинеса.

— Разумеется, — отозвался Северин.

Роланд сделал глоток кофе. Мартинес тем временем сунул мальчика под мышку и спросил Северина:

— Этот чудо-ребенок не слишком вам докучал?

— Наксидам пришлось гораздо хуже.

Мартинес усмехнулся:

— Подрастающий тактический гений! Вылитый отец!

Не выпуская юного Гарета из-под мышки, Мартинес побежал к дому. Малыш тем временем махал кулачками и заливался смехом.

— Ну, может быть, так я все же не буду... — пробормотал Роланд, глядя на это.

Через несколько минут Мартинес вернулся, сдав отпрыска на попечение няньки. Пригладив волосы ладонью, он рухнул в кресло рядом с Северином.

— Я видел, как вы танцевали вчера, — сказал он, — с какой-то кудрявой девицей.

— С госпожой Консуэло Далмас, — уточнил Северин.

— Далмас... — Мартинес кивнул. — А я-то думаю: кого это она мне напоминает? Я знавал ее старшую сестру... Впрочем, все мы были тогда значительно моложе.

— Она пригласила меня на пикник завтра вечером.

Мартинес улыбнулся:

— Что ж, удачи.

— Спасибо. — Северин хотел было печально вздохнуть, однако удержался. — Но, разумеется, рано или поздно девушка или ее родители узнают о том, что у меня нет ни титула, ни денег, и я ее больше не увижу. — Северин сцепил ладони меж колен. — Впрочем, я к этому привык.

Мартинес бросил на него обеспокоенный взгляд.

— Надеюсь, вы не жалеете о продвижении по службе?

— Нет. — Северин помедлил. — Но благодаря этому я узнал, как много дверей передо мной закрыто. Дверей, о существовании которых я раньше и не подозревал.

— Если в моих силах открыть их... — предложил Мартинес.

— Благодарю вас, но я уверен: тут уж ничего не поделаешь.

— Если только не случится новой войны, — вставил Роланд. — Тогда ни в чем нельзя быть уверенным.

Улыбаясь собственным мыслям, он облокотился на перила и стал любоваться дубовой аллеей, чуть приподнимая голову, когда утренний ветерок доносил до веранды медвяный запах цветов о-пии.

— Вы только не обижайтесь, но в любом случае Консуэло вам не пара, — произнес Роланд, не оборачиваясь. — Слишком молода, к тому же из высшего света. Что вам действительно нужно, так это хорошенькая вдовушка или молодая женщина, уставшая от старого мужа.

Мартинес взглянул на брата.

— У тебя уже есть кто-то на примете?

— Надо подумать.

Мартинес бросил на Северина обеспокоенный взгляд.

— Советую выражать свои желания откровенно. Мой братец имеет скандальный успех в качестве сводни.

В его тоне Северину почудился намек на какую-то давнюю историю, произошедшую между братьями, отчего весь этот разговор приобретал неприятный оттенок.

— Да я здесь всего на месяц, — отмахнулся Северин.

— Шансы, конечно, невелики, — признал Роланд, — но они есть.

Мартинес решил сменить тему:

— Кстати, о союзах. Вы что-нибудь слышали о некоем Аллодорме, главном инженере Южной компании?

— Мне доводилось встречаться с ним на орбитальной станции Ши, — припомнил Северин и улыбнулся. — Но ни в какие альянсы я с ним не вступал!

— А я его и в глаза не видел, — сказал Роланд, оборачиваясь и глядя на брата невинными глазами. — Мне льстит твоя вера в мое всеведение, но вообще-то я всего лишь слежу за соблюдением семейных интересов в Союзе лордов. К делам «Компании Ши» я не имею никакого отношения.

— По мнению Терцы, Аллодорм — мошенник, — продолжал Мартинес. — И если она права, то для того, чтобы сбежать с кучей денег, лучше места не придумаешь.

Роланд слушал его рассеянно.

— А что именно известно Терце?

— Во время войны он получил деньги на постройку пяти кораблей, но так и не выполнил своих обязательств.

Северин испытал секундный шок. Как офицер правительственной службы он не понаслышке знал, что такое растраты и воровство. Но пять кораблей... Это уж слишком!

На веранде воцарилась тишина, после чего Роланд обернулся к Северину:

— Надеюсь на ваше благоразумие.

— Конечно, — поспешил успокоить его тот.

— Впрочем, быть может, никакого криминала здесь и нет, — заметил Роланд.

— Да, разумеется, — согласился Северин.

Он вдруг заметил, что с увлечением наблюдает за взаимоотношениями внутри этого семейства, за тонкой игрой между орденоносным офицером Флота и его братом-политиканом. Во время своей службы Северин успел повидать немало аристократических семей, но ни одна из них не походила на эту.

— Хотел бы я знать, кто нанял этого Аллодорма, — задумчиво произнес Мартинес.

— Лорд Па, скорее всего, — предположил Роланд. — Вопрос в том, знает ли лорд Па об этих пяти кораблях, и если да, то каково его мнение. — Он придвинул к Северину еще одно кресло и сел. — Расскажите, что вам известно об Аллодорме?

Северин пожал плечами.

— Даймонец. Кажется, довольно молодой, хотя с этими даймонцами никогда не знаешь наверняка... Когда мы первый раз причалили к станции Ши, он всегда был рядом — на случай, если что-нибудь понадобится. Мне тогда показалось, что это очень мило с его стороны.

— С вами хорошо обходились? — спросил Роланд.

— Очень. Мне как помощнику капитана постоянно приходилось иметь дело с Аллодормом, и все было по высшему разряду. Все наши нужды удовлетворялись в течение пары часов. Кормили тоже отменно. Аллодорм разместил экипаж в одной из рабочих гостиниц в Порт-Виспании, а как-то раз даже устроил званый ужин для офицеров.

— И ничего странного вы не заметили? — настаивал Мартинес. — Чего-нибудь необычного в том, как обстояли дела на станции?

— Кроме того, что все было по первому классу, ничего необычного. Мы ведь в разведке привыкли к куда более скромной обстановке. Не то чтобы у Флота не хватало денег, но... Там, на станции, все было такое новенькое, сверкающее, с иголочки. Возможно, всего этого было даже с избытком, но ведь планировалось расширение...

Некоторое время братья молча обдумывали услышанное. Наконец Мартинес сказал:

— Не думаю, что стоит посвящать в это отца.

— Да и что мы можем ему сказать? — поддержал брата Роланд. — К тому же на Ши и без того полно инспекторов. Что он сделает такого, чего не смогут они?

Мартинес пожал плечами.

— Ну, например, он не станет брать взяток.

— Через две недели отец должен присутствовать на открытии встречи Совета просителей. — Губы Роланда сложились в чуть презрительную усмешку. — Если он откажется от этой миссии и отправится на Ши, чтобы разоблачить эту аферу, лучшего предупреждения для мошенников и не придумаешь. К тому времени, когда отец туда доберется, они успеют замести все следы.

— А как насчет тебя?

— Пока Кассильда не родит, я никуда не поеду. А после этого мы все вместе отправляемся на Заншаа — меня ждет работа в Совете.

Мартинес вздохнул:

— Что ж, я ведь Главный инспектор, верно? Кому как не мне заниматься инспекцией?

Северин вновь подумал о взаимоотношениях двух братьев. Они прекрасно знали друг друга, вместе работали, у них было общее детство и одинаковый лексикон. И тем не менее Северину казалось, что они друг друга недолюбливают.

— Госпожа Лайао, — сказал вдруг Роланд.

Мартинес уставился на него:

— Ты о чем?

Роланд обернулся к Северину:

— Госпожа Лайао, жена судьи Омохундро. Идеальный вариант для вас. Ее муж сейчас на Кольце, участвует в длинной серии слушаний, и я уверен, она не прочь поразвлечься.

Северин был так ошарашен, что мог лишь молча хлопать глазами. Ему хотелось воскликнуть: «И вы на это способны?».

Роланд вопросительно посмотрел на него:

— Ну так как? Мне пригласить ее на чай?

* * *

— Готовность пять минут, — объявил лорд Го Шикимори, капитан «Искателя».

— Есть готовность пять минут, — отозвался Северин.

«Искатель» ждал последнего разрешения из Центра управления Кольца, чтобы отправиться в путь — мимо Ши и Паркхерста, к предполагаемым туннелям. Окруженный стальными обручами акселерационной кабины, Северин взглянул вниз, на лежащую перед ним панель управления. Именно ему предстояло направить корабль прочь от Кольца, в бескрайнюю пустоту. Впрочем, дело это было несложное.

Огоньки приборной доски отражались в перстне, украшавшем средний палец правой руки Северина. Девять крошечных сапфиров поблескивали вокруг крупного опала. Это кольцо было прощальным подарком госпожи Лайао — по сапфиру за каждую ночь.

На мгновение он погрузился в приятные воспоминания. Гладкие прохладные простыни, шелковистая кожа, еле уловимый аромат женского тела, стеклянные колокольчики, приветствовавшие рассвет на балконе ее спальни...

Да, лорд Роланд Мартинес очень, очень умен.

— Господин капитан, сообщение из Центра управления, — доложил лорд Барри Монткриф, сидевший за пультом связи. Благодаря столичной манере растягивать слова лорд Го назначил его официальным голосом корабля. — Получено разрешение на взлет.

— Начать обратный отсчет, — приказал капитан.

— Есть начать обратный отсчет, — это был голос уоррант-офицера Лили Бхагвати, управлявшей двигателями.

— Сбросить давление в посадочном рукаве. Предупредить экипаж о наступлении невесомости.

— Есть сбросить давление. — По всему кораблю завыли сирены. — Предупредительные сигналы включены.

Северин проверил панель управления, опустил руки на рычаги и повернул их.

— Маневровые двигатели готовы, — отрапортовал он. — Давление в соплах в норме.

— Давление в посадочном рукаве сброшено.

— Отсоединить посадочный рукав, — приказал капитан.

— Посадочный рукав... — пауза, пока не загорится соответствующий сигнал, — отсоединен, господин капитан.

— Внешние электрические кабели отсоединены, — доложила Бхагвати. — Наружные каналы загерметизированы. Автономное энергообеспечение корабля — сто процентов.

— Связные кабели отсоединены, — вторил ей лорд Барри. — Наружные каналы связи загерметизированы.

— Основные двигатели готовы, — продолжала Бхагвати. — Проверка готовности прошла успешно.

— Готовность десять секунд. — Это голос капитана. — Доложить состояние всех систем.

Везде было чисто.

— Старт через десять секунд, — объявил лорд Го. — Пилот, передаю корабль вам.

— Корабль принял, господин капитан. — Северин разжал и снова сжал пальцы на рычагах.

Цифры обратного отсчета в углу экрана дошли до нуля. Вспыхнули огоньки.

— Захваты отключены, — доложил он. — Магнитные крепления разблокированы.

Северин вдруг всплыл в своей кабине, когда корабль освободился от притяжения Кольца ускорения. «Искатель» был пристыкован к нему носом внутрь, и высвобождение центростремительной силы Кольца, вращавшегося в семь раз быстрее самой планеты, придавало кораблю приличный импульс ускорения, защищавший от возможных препятствий для взлета.

Тем не менее Северин на всякий случай проверил навигационный экран — все было в порядке. Он нажал кнопки на рычагах, включая двигатели малой тяги. Возросшая гравитация надавила на грудь. Чтобы увеличить скорость, с которой «Искатель» удалялся от Кольца, ему пришлось еще несколько раз включать маневровые двигатели. Использовать рядом с обитаемым Кольцом основные двигатели, работавшие на антивеществе, с их радиоактивными выхлопами было бы преступлением. Сначала нужно вывести корабль из орбитальной зоны — только после этого «Искатель» сможет отправиться в путь по-настоящему.

Северин снова взглянул на навигационный экран. Там можно было разглядеть «Кайенту» — яхту «Компании Ши», направлявшуюся ко Второй станции туннеля и увозившую Мартинеса и леди Терцу к недавно заселенной планете. «Искатель» последует за ними, только двумя неделями позже. Вереница грузовых кораблей тянулась от Первой станции, унося в своих трюмах технику и колонистов. Все корабли словно бы стояли на огромных огненных столбах, сбрасывая скорость перед стыковкой с Кольцом. Ближайший грузовик был на расстоянии семи часов лета от «Искателя».

Единственным по-настоящему опасным объектом в ближнем космосе была огромная туша «Титана», который из соображений безо-

пасности кружил вокруг Ларедо на значительном расстоянии. Корабль был битком набит антивеществом, предназначавшимся для Ши и Паркхерста. И хотя оно было довольно стабильно (хлопья антиводорода, подвешенные на статическом электричестве внутри крошечных силиконовых капсул — настолько миниатюрных, что они текли, как густая жидкость), случись что, взрыв уничтожит добрый кусок Кольца, а остальное рухнет на поверхность планеты.

Так что от «Титана» лучше держаться подальше.

Посмотрев на светящуюся точку, отмечавшую на экране положение «Титана», Северин вспомнил тот разговор с Мартинесом и его братом, когда впервые упоминалось имя Аллодорма. Вообще-то «Титан» принадлежал компании «Меридиан», но был взят в долгосрочную аренду Службой разведки. Растущим поселениям на Ши антивещество требовалось для получения энергии, а своего Кольца ускорения там еще не существовало. Станция Ши с ее орбитальным лифтом, который доставлял грузы к поверхности планеты, тоже потребляла немало энергии. Кроме того, туннельные станции Ши и Паркхерста, необходимые для поддержания стабильности туннелей, расходовали энергию в огромных количествах.

Поскольку планета Ши еще не могла создавать антивещество самостоятельно, решили увеличить производство антиводорода на Кольце Ларедо, загрузить им «Титан» и отправить корабль на удаленную орбиту новой колонии — на дальнюю сторону самого большого спутника Ши. Тогда, если случится непредвиденное и «Титан» взорвется, ни нейтроны высокой энергии, ни жесткое гамма-излучение не достигнут планеты. Когда какой-нибудь из установок на Ши потребуется антиводород, они пошлют на «Титан» шаттл и возьмут столько, сколько нужно. К тому времени, когда запасы «Титана» исчерпаются, на орбите Ши уже появится собственное Кольцо ускорения — совсем маленькое, в отличие от того огромного чуда техники, которым окружена Ларедо.

Только теперь Северин стал задумываться: действительно ли есть смысл в использовании «Титана» подобным образом? Или же эта сложная схема послужит лишь для наполнения кошелька Аллодорма сотоварищи?

«Искатель» наконец достиг границы орбитальной зоны, и Северин развернул корабль на новый курс. Во время этого маневра сам он чуть сполз в кресле под обручами акселерационной кабины.

— Задан новый курс, господин капитан, — доложил Северин. — Курс 220-001 абсолютный. План полета введен в автопилот.

— Принимаю командование, — отозвался лорд Го.

— Капитан принял командование, — подтвердил Северин, убирая руки с рычагов.

— Включить основные двигатели, — приказал капитан. — Ускорение две целых три десятых.

Северин почувствовал толчок в спину, кресло под ним качнулось, когда на грудь начали наваливаться перегрузки.

— Ускорение две целых три десятых, — отрапортовала Бхагвати. — Курс 220-001 абсолютный.

Перегрузки не прекратятся, пока они не выйдут на вторую космическую скорость. Потом гравитация уменьшится и большую часть полета будет равна единице, увеличиваясь лишь на час в течение каждой вахты.

Северин посмотрел на экраны и вновь увидел «Кайенту», приближавшуюся к туннелю, который перенесет ее к Ши. Жаль, подумал он, что «Искатель» не зайдет на Ши, а лишь пролетит мимо. Скорее всего, он больше не увидится с Мартинесом и Терцей и так и не узнает, чем закончилась эта история с Аллодормом.

Ну что ж, пора подумать, чем заполнить несколько месяцев полета, и у Северина уже имелись кое-какие мысли на этот счет. Ему так и не удалось забыть увиденный в Рио-Хондо сон. Северин набил свой персональный датафоль статьями о куклах, кукловодах, марионетках, куклах-роботах и театре теней, а также записями кукольных спектаклей.

В долгих путешествиях каждый по-своему проводит свободное время. Кто-то играет, а кто-то пьет, кто-то с головой уходит в работу, а кто-то — в себя. Одни наслаждаются любовью на видео, другие крутят любовь с членами экипажа, третьи играют на музыкальных инструментах, а четвертые — на нервах коллег.

Возможно, думал Северин, он станет первым, кто додумался организовать на корабле кукольный театр. Во всяком случае, здесь есть где развернуться.

* * *

— Вы в виртуальности? — спросила астроном Шон-дан. — Переключаю внешние камеры на семнадцатый канал.

— Коммуникатор, семнадцатый канал, — донесся с соседнего кресла тихий голос Терцы.

Мартинес уже настроился на нужный канал, и теперь его сознание заполнилось звездами — такими, какими они были видны с «Кайен-

ты» в финальный момент двадцатидневного ускорения. Виртуальный шлем на голове, проецирующий изображение прямо на зрительные центры мозга, был гораздо легче, чем аналогичный военный прибор, к которому еще и приходилось подключать микрофон с наушниками. Мартинес заметил и другие отличия: глубина изображения оказалась чуть меньше — возможно, потому, что гражданское снаряжение не требовало особой точности.

Звезды были разбросаны по полночному фону, словно горсть бриллиантов — молчаливые, неподвижные и величественные. Под этими звездами Мартинес провел полжизни, и его разум машинально искал успокоения в знакомых созвездиях, застывших на привычных местах. Солнце Ларедо — вон та далекая звезда — сияло теперь ничуть не ярче других крупных звезд. Компьютерная программа автоматически затушевывала сверкающий след «Кайенты», чтобы звезды не терялись на его фоне. Благодаря этому часть экрана занимал дрожащий, тревожно-черный шлейф — путь абсолютной тьмы, которая, казалось, гналась за кораблем.

Мартинес с Терцей находились в благоухающей тонкими ароматами гостиной, являвшейся средоточием общественной жизни на «Кайенте», и в двадцати днях пути от Ларедо. Шон-дан, астроном из Императорского университета Зарафан, оказавшаяся на борту по приглашению Марселлы, собиралась показать им, почему обсерваторию построили именно на орбите Ши и почему она сама тратит целые месяцы на то, чтобы сюда добраться.

— Осталось десять секунд, — сказала Шон-дан. — Восемь. Пять.

«Кайента» летела слишком быстро, чтобы пассажиры успели заметить туннельную станцию, мимо которой пронесся корабль, или сам туннель — перевернутую звездную чашу, к которой, собственно, они и стремились все эти двадцать дней. Переход произошел мгновенно, и в ту же секунду звездное небо изменилось.

В мозгу Мартинеса внезапно вспыхнула огромная, роскошная звездная сфера, занявшая по меньшей мере треть неба. Звезды здесь теснились так близко друг к другу, что космос казался таким же плотным, как морской берег, усыпанный сверкающими песчинками. У Мартинеса вырвался восхищенный вздох, и в ту же секунду он услышал, как ахнула Терца. Чем пристальнее он всматривался, тем больше звезд видел. Внутри сферы виднелись смутные облака и скопления, состоящие из еще большего множества бриллиантов. Впрочем, Мартинес не знал наверняка, существуют ли эти облака на самом деле. Возможно, это его собственный разум путем поиска знакомых

форм пытался навести в этом огромном сияющем хаосе подобие порядка — точно так же, как прежде он искал очертания знакомых созвездий в небе над Ларедо.

Вглядываться в этот исполинский звездный шар было все равно что погружаться в морскую бездну — мимо сложных, причудливых рифов, которые при ближайшем рассмотрении, оказывается, состоят из миллионов коралловых колоний, а те, если присмотреться, составлены из малюсеньких известняковых раковин, и в каждой такой раковине — крошечная крупица жизни. Подобная бесконечная регрессия ошеломляла.

— Теперь вы понимаете, почему мы построили обсерваторию именно здесь. — В голосе Шон-дан, вплывающем в сознание Мартинеса, слышался сдержанный триумф. — Из всех туннелей империи лишь этот ведет в систему, расположенную максимально близко к центру галактики. Для нас это прекрасная возможность изучить строение галактического ядра. Отсюда мы можем наблюдать, как огромная масса черной дыры в центре галактики влияет на близлежащие звезды.

Усилием воли Мартинес переключил внимание с сияющей сферы на остальную звездную оболочку, окружавшую «Кайенту». По сравнению с небом Ларедо местный космос, казалось, буквально кишел звездами. Полоса молочного цвета отмечала диск галактики, спиралью уходящий в бескрайнюю пустоту. Система Ши действительно находилась в галактическом ядре, хотя и на его периферии, и звезды со всех сторон казались близкими и яркими. Солнце Ши по имени Шима излучало теплый желтый свет, однако другие ближайшие звезды ничуть не меркли перед его сиянием.

— Звезды здесь очень плотные, — продолжала Шон-дан, — хотя и не настолько, как там, дальше. В системе Ши семь звезд — или восемь, точно пока неизвестно — и у всех очень сложные орбиты.

— А кто-нибудь знает, в какой галактике мы находимся? — поинтересовалась Терца.

— К сожалению, нет. Мы пытаемся обнаружить цефеиды и другие ориентиры, которые могли бы навести нас на след, но пока информации слишком мало. Так что мы можем быть сейчас где угодно во вселенной, в миллиардах световых лет от пункта отправления.

Мартинес услышал приближающиеся шаги, а затем и голос лорда Па.

— Любуетесь на звезды? — заметил тот скептически. — Ну-ну. Помяните мое слово, скоро вы не будете знать, куда от них девать-

ся. Из-за этого проклятого галактического ядра и других шести звезд на Ши не бывает настоящей ночи. Чтобы люди могли хоть немного отдохнуть, нам пришлось ставить в спальнях поляризующие окна. Нет, лично я больше не смотрю на небо. Центр галактики — довольно скверное местечко, и чем меньше имеешь с ним дела, тем лучше.

— Это правда, милорд, звезды здесь расположены довольно близко друг к другу. — Даже почтение, которое Шон-дан испытывала к состоятельному пэру, не могло полностью скрыть ее несогласие. Было ясно, что она еще очень не скоро устанет от этого зрелища.

— Я просто зашел посидеть и сыграть партию в цинхал, — заявил лорд Па. — Не обращайте на меня внимания.

Мартинес вернулся к созерцанию громадного, сияющего галактического ядра, в то время как лорд Па прошаркал к столу и пробормотал распоряжение подготовить игру.

— До сих пор вы могли наблюдать эту картину лишь в видимом спектре, — продолжила лекцию Шон-дан. — Сейчас я добавлю еще несколько спектров. Цвета могут немного не соответствовать, но я постараюсь это исправить.

Мартинес услышал, как лай-оуниец отдал несколько приглушенных команд, а затем ядро галактики из жемчужного превратилось в мутно-янтарное. Гигантский шар внезапно пронзило нечто вроде огромного копья, вибрирующего и живого — казалось, исполинский столб света протянулся от основания вселенной до самых небес.

Мартинес невольно вскрикнул, эхом ему вторил восхищенный возглас Терцы.

— Да, — в голосе Шон-дан снова звенело торжество, — это поток релятивистских частиц, созданный черной дырой. Если получше приглядеться, можно увидеть, что он имеет тончайшую структуру. Мы не ожидали ничего подобного и теперь работаем над теоретическим объяснением этого феномена.

В виртуальной реальности Мартинес приблизился к величественной, сияющей колонне и заметил, что свет ее пульсирует. Словно захваченные каким-то невероятным потоком энергии, молочно-белые нити скручивались и плясали в гипнотическом танце колоссальной силы.

В течение следующего часа Шон-дан демонстрировала Мартинесу и Терце отдельные детали галактического ядра, в том числе четыре гигантские звезды, которые по крутой спирали неслись навстречу гибели — к черной дыре.

— Она сейчас в стадии поглощения, — сказала Шон-дан. — Иногда черные дыры весьма активно пожирают близлежащие звезды, а иногда нет. Почему и как они переходят из одного состояния в другое, науке пока не известно.

— Я же говорю, отвратительно, — вставил лорд Па. — Должен признаться, я предпочитаю природу менее хаотичную и разрушительную. Мне нравятся игры по правилам. Я люблю удобные кресла, солидные проценты и гарантированный годовой доход. А постоянно думать о том, что какая-нибудь космическая случайность вот-вот выпрыгнет из засады и сожрет все эти удобства... Нет уж, увольте!

— Милорд, черная дыра нам совершенно не угрожает, — возразила Шон-дан. — Мы даже близко не подходим к опасной зоне.

Мартинес тихонько выключил виртуальный шлем, чтобы взглянуть на лорда Па. Склонившись над игровой панелью, тот сидел в лай-оунийском кресле, удобно устроив в нем свою грудину. Свет от экрана бросал отблеск на приплюснутую морду и багровые глазки. За спиной лорда в приглушенном свете ламп мерцали желтые панели из дерева чеж с абстрактными узорами, инкрустированными красным энджо. Под рукой у лорда Па примостилась массивная хрустальная чаша, наполненная лай-оунийским протеиновым бульоном.

«Удобство... — подумал Мартинес. — Гарантированный доход. Все верно».

— Думаю, на сегодня хватит, — сказала Шон-дан, заметив, что Мартинес отключил свой шлем.

— Спасибо вам, — искренне поблагодарила ее Терца. — Это было что-то невероятное. Надеюсь, мы еще сможем полюбоваться подобным зрелищем.

— Конечно, — ответила Шон-дан, вставая. Она тоже была лай-оунийкой, но глаза у нее отливали золотом. Она носила строгую университетскую форму темно-коричневого цвета с несколькими медалями за академические успехи. Для такого количества наград она казалась слишком молодой — перья по бокам головы были по-юношески бурыми. — До Ши еще двадцать три дня, и звезды никуда не денутся.

— Может, завтра? — предложил Мартинес, вставая с кресла, и направился к бару, чтобы налить себе бренди. Затем неторопливо подошел к лорду Па — тот по-прежнему находился во власти игры. Оглядев поле, Мартинес тут же заметил ход, который сейчас следовало сделать. Хотел уже подсказать лорду Па, но передумал.

К двадцатому дню пути пассажиры «Кайенты» начали действовать друг другу на нервы. Первая часть путешествия была настолько приятной и полной общения, что лучшего и желать нельзя — особенно учитывая, что каждого из этой компании Мартинес подозревал в краже денег его семьи. Ежедневно Марселла, лорд Па, Мартинес, Терца и Шон-дан вместе обедали. Пробовали играть в тинго, но интерес к азартным играм быстро пропал, когда выяснилось, что Терца и Мартинес не собираются играть по-крупному, а стипендия Шон-дан не позволяет ей ставить даже такие суммы, которые среди пэров считаются мелочью.

Беседы за обедом и после оного были глубоки и пространны, однако Терца предупредила Мартинеса, чтобы тот не вздумал задавать вопросы, ответы на которые ему не терпелось получить, — то есть не заводил речь о финансовых договоренностях между «Меридианом» и «Компанией Ши». «Иначе это будет походить на допрос», — объяснила она.

Мартинесу пришлось ограничиваться парочкой почти невинных вопросов в день и заходить издалека — начиная с разговоров о развитии колоний на Ши и постепенно переходя к деталям. Марселле и лорду Па, похоже, льстил подобный интерес к их работе, а Мартинес, в свою очередь, обнаружил, что искренне увлекся деталями проекта. Впрочем, заметив, что лицо Терцы хмурится, или почувствовав легкое прикосновение ее руки под столом, он беспрекословно прекращал дальнейшие расспросы.

Шон-дан рассказывала о звездах. Мартинес травил армейские байки. Терца старалась избегать разговоров о работе в министерстве, зато охотно рассказывала о высшем свете, а иногда приносила арфу и исполняла какую-нибудь сонату.

Однако теперь, по прошествии двадцати дней, разговоры несколько увяли. Марселла много времени проводила в своей каюте, занимаясь делами компании, выкуривая одну сигарету за другой и слушая колючую, раздражающую музыку, от которой дребезжала дверь в ее каюте. Лорд Па получал и отправлял приказы своим подчиненным, а остальное время проводил за игровой панелью.

Мартинес старался как можно чаще посылать видеограммы сыну. Три месяца, проведенные на борту «Вай-Хуна» с маленьким и весьма энергичным ребенком, оказались слишком тяжелым испытанием, а потому Гарета Младшего оставили на Ларедо с нянькой и любящими бабушкой с дедом. Видеограммы, которые Мартинес получал в ответ, были исполнены восторга, поскольку старый лорд Мартинес познако-

мил внука со своей коллекцией старинных гоночных автомобилей и теперь нарезал круги по частному треку с Гаретом Младшим на пассажирском сиденье.

— Больше всего Гарету нравится «Лоди Турбин Экспресс», — сообщил Мартинес Терце. — В его возрасте это тоже была моя любимая, хотя потом я предпочитал «Алого Курьера». — И в ответ на ее взгляд добавил: — Ты же знаешь, у отца не было ни единой аварии.

— Что ж, хоть это утешает, — заметила Терца. Она только что вышла из гардеробной, где готовилась ко сну. Черные волосы были расчесаны до блеска и подхвачены лентой. Чистое, без косметики лицо сияло здоровьем. Поверх ночной рубашки Терца набросила пеньюар из хрустящей золотой парчи.

После устроенного Шон-дан астрономического представления супруги вернулись в каюту. Здесь были стены из блестящего светлого дерева бель с кроваво-красными прожилками, видеоэкран в кружевной рактанской раме и ванна из цельного куска шоколадного мрамора, в которую, дабы купающийся не покрывался мурашками, вмонтировали скрытые нагревательные элементы.

— У моего отца могло быть хобби и похуже, — заметил Мартинес. — Скажем, гонки на колесницах паи-кар.

Глаза Терцы чуть сощурились.

— Хорошо, буду иметь в виду.

Двадцать дней на маленьком корабле, кажется, начали приоткрывать окружавшую Терцу завесу безмятежности, то неземное спокойствие, которым Мартинес всегда восхищался как самым главным достоинством жены. Он поднялся с кресла и, встав за спиной Терцы, принялся своими огромными ладонями массировать ей плечи сквозь ткань пеньюара. Она вздохнула и расслабилась.

— Скучаешь по Гарету? — спросил он.

— Конечно.

— Я тоже.

Они никогда не расставались с сыном так надолго.

— Для тебя все это, должно быть, скучно, — сказал Мартинес. — Наверное, тебе все же стоило остаться на Ларедо.

— Скучно?! — В голосе Терцы послышалось изумление. — Скучно изучать контракты в надежде раскрыть финансовую аферу? Ты шутишь!

Он улыбнулся:

— Представляешь, как будет здорово, если тебе это удастся?

— Да, только вряд ли я что-то найду. Во всяком случае, не на уровне контрактов. Все документы проходят через юристов, чтобы ко-

мар носа не подточил. Если что и обнаружится, то на уровне истолкования и применения этих документов.

Мартинес не мог раздобыть ни одного договора, которые «Компания Ши» подписывала со своим основным подрядчиком, поскольку ни он сам, ни Терца, ни Роланд не являлись служащими компании. Зато в качестве Главного инспектора он завладел целым архивом сделок между Флотом и компанией «Меридиан», занимавшейся строительством оборонных сооружений на Ши и ее орбите. Однако Мартинесу недоставало опыта, чтобы разобраться во всех юридических тонкостях, а потому за это дело взялась Терца.

— Договоры со «скользящей шкалой» всегда выглядят подозрительно, а их здесь полным-полно, — продолжала Терца. — На крупном объекте существуют тысячи способов скрыть незаконные расходы, а этот объект просто-таки планетарного масштаба. «Меридиан» имеет право корректировать первоначальную смету, если его собственные расходы возрастут из-за непредвиденных обстоятельств, а такие обстоятельства случаются постоянно. Немного правее, пожалуйста.

Мартинес исполнил ее просьбу.

— Но не могут же они бесконечно увеличивать расходы, — заметил он.

— Не могут. Что касается военных договоров, местный представитель Флота должен подтвердить, что эти траты оправданы.

— Судя по записям, она всегда это подтверждала, — проворчал Мартинес. — А теперь ей дали звание капитана и назначили в Четвертый Флот, так что я даже не смогу ее расспросить.

В голосе Терцы снова послышалось удивление:

— А ты думаешь, она бы тут же доложила тебе обо всех злоупотреблениях, которые сама же и одобрила? Думаю, тебе лучше побеседовать с новым начальником. Во всяком случае, он не обязан скрывать грешки своего предшественника.

Терца, вытянув руки над головой, качнулась из стороны в сторону. Мартинес почувствовал, как под его пальцами перекатываются гибкие мышцы. Ему пришлось закончить массаж, когда Терца наклонилась вперед и уперлась ладонями в пушистый ковер. Потом она выпрямилась, глубоко вздохнула и обернулась к нему.

— Спасибо, дорогой. — Терца обняла мужа за шею и прижалась к его груди. — В любом случае, отпуск — это чудесно.

«Я три года был в отпуске», — чуть не вырвалось у Мартинеса. Изучение старых строительных контрактов было самым значитель-

ным его достижением за последние несколько лет. Впрочем, он понимал, что имела в виду Терца.

— Постараюсь почаще смотреть на звезды, — пообещал он.

Она крепче прижалась к нему.

— Я тут подумала... Мы могли бы с пользой провести это время.

Мартинес улыбнулся:

— Возражений не имею.

Терца откинула голову назад, подняв на него свои темные глаза.

— Я имела в виду не только это, — уточнила она. — Я думала, мы могли бы подарить Гарету братика или сестричку.

От избытка чувств у Мартинеса перехватило дыхание. Браки по расчету — нередкое явление среди пэров. Роланд устроил этот союз, не спрашивая мнения брата. И хотя желание Мартинеса иметь ребенка было совершенно искренним, Гарет Младший тоже являлся одним из пунктов брачного договора. Мартинес прекрасно сознавал, что с замужеством социальный статус Терцы понизился (лорд Чен в то время нуждался в серьезной финансовой помощи клана Мартинесов), и часто спрашивал себя, что именно думала Терца о том неуклюжем провинциальном офицере, за которого после нескольких часов знакомства ее заставили выйти замуж.

Впрочем, спрашивал он только себя, но не ее. Мартинес никогда не задавал вопросов, ответы на которые могли ввергнуть его в тоску.

Он с удовольствием наблюдал за тем, как Терца вплывает в его жизнь на корабле совершенного спокойствия — быть может, даже чересчур совершенного. И никогда не был уверен в том, что произойдет, если лорд Чен, поправив свое финансовое положение, прикажет дочери развестись. Ему казалось, что Терца может покинуть его жизнь с той же сверхъестественной безмятежностью, с которой она там появилась. Он никогда не знал наверняка, что таится за этой прекрасной внешностью.

Так было до этой минуты. Но второй ребенок не значился в контракте, заключенном их семействами. Значит, теперь они с Терцей напишут собственное приложение к контракту. И немедленно!

— Конечно, — выдохнул Мартинес, немного придя в себя. — Разумеется. Прямо сейчас!

— Сейчас вряд ли получится, — улыбнулась Терца. — Сначала мне нужно извлечь имплантант. — Она чмокнула мужа в щеку. — Хотя ждать еще двадцать три дня совсем не хочется.

Корабельного врача «Кайенты», угрюмого пожилого лай-оунийца, вряд ли кто-нибудь из пассажиров видел с начала путешествия, когда

тот прочитал обязательную лекцию о невесомости, перегрузках и космической болезни. Однако каковы бы ни были особенности его характера, наверное, он все же разбирался в элементарных процедурах межрасовой медицины.

— По-моему, завтра тебе первым делом нужно зайти к этому старому хрычу, — заявил Мартинес. — Однако это вовсе не означает, что мы должны попусту потратить эту ночь.

Она ответила ему откровенным взглядом.

— Я и не собиралась.

Несколько часов спустя, перед утренней вахтой, Мартинес, вздрогнув, проснулся с застывшим на губах криком. Терце не изменило ее всегдашнее спокойствие — она спала, положив голову ему на грудь.

Почти два месяца он не видел этих снов. На какой-то миг в темноте роскошной каюты ему пригрезилось, что на его груди разметались не темные волосы Терцы, а золотистые локоны, обрамляющие бледное лицо с сияющими изумрудными глазами.

Сердце молотом колотилось в груди. Мартинес слышал, как хрипло вырывается из его горла дыхание.

У него были и другие причины не расспрашивать Терцу о ее мыслях по поводу их брака. Он тоже хранил свои секреты. Так что вполне позволительно Терце иметь свои.

* * *

С геостационарной орбиты спускался кабель подъемника — ниточка, уходившая в темную зелень экватора, словно рыболовная леска в морские глубины. Пока корабль заходил на посадку, мониторы показывали не сам орбитальный лифт, а только бледно-серую башню из астероидного и лунного камня — массивный противовес. Башню венчали несколько эффектных пиков, напоминавших зубцы крепости, которые на самом деле служили для закрепления дополнительного груза, на случай, если возникнет такая необходимость.

Корабли причаливали к конечной станции подъемника у основания башни, где отсутствовала сила тяжести. Затем по трубе, в невесомости, пассажиры спускались к жилой и торговой зонам станции. Оттуда можно было попасть на одно из двух широких вращающихся колес из белого ламината, где находились жилые помещения для рабочих, личного состава Флота, астрономов и всех тех, кто оказался на Ши транзитом.

Мартинес еще на борту «Кайенты» поблагодарил Марселлу и лор-

да Па за приятный полет, поскольку догадывался, что на станции его ожидает почетная роль Главного инспектора и куча неизбежных протокольных мероприятий.

Так оно и случилось. Как только Мартинес выплыл из стыковочного рукава, придерживаясь за направляющий канат, натянутый между рукавом и платформой, тут же раздалась команда, почетный караул застыл по стойке «смирно», а динамики взвыли «Нашими мыслями навеки правит Порядок...» — один из самых энергичных военных маршей.

Почетный караул целиком состоял из военных полицейских лай-оунийцев в полной парадной форме. Носки их ботинок цеплялись за эластичный ремень, натянутый вдоль палубы, чтобы удерживать строй в невесомости. Впереди, вскинув руку в приветствии, стоял командир станции капитан-лейтенант лорд Эль Тир-бал со своим штабом.

Лорд Эль был молод и довольно мал ростом для лай-оунийца, так что Мартинес даже мог смотреть ему в глаза, не запрокидывая голову. Представив своих подчиненных, лорд Эль повернулся к мертвенно-бледному субъекту в штатском, стоявшему чуть позади группы офицеров.

— Милорд, — обратился он, — позвольте вам представить главного инженера компании «Меридиан» мистера Ледо Аллодорма.

Мартинес приветственно кивнул.

— Встреча с вами — большая честь для меня, милорд, — произнес Аллодорм.

Как и у всех даймонцев, глаза у него были выпучены, а рот широко разинут — выражение, которое землянином воспринималось либо как изумление, либо как ужас. Впрочем, у него был приятный тенор, звучавший, как пара труб, наигрывающих нежную мелодию. Было видно, как во время разговора за его серыми губами шевелятся части мягкого рта.

Мартинес произвел ритуальный смотр почетного караула, после чего вместе с Терцей, слугами и багажом погрузился в длинный и узкий автомобиль изумрудного цвета, который отвез их к приготовленным апартаментам. Лорд Эль и Аллодорм присоединились к гостям, и пока машина, чуть приподнявшись в воздухе, мчалась по посадочному отсеку, Эль показывал вновь прибывшим местные достопримечательности.

Пост командира орбитальной станции был первым серьезным назначением лорда Эля, и его просто распирало от счастья. Он гордил-

ся своей станцией — такой новенькой, сверкающей и, на взгляд Мартинеса, несколько вычурной. Всё здесь, от автопогрузчиков до вентиляции с компьютерным управлением, было самое большое, самое новое и самое передовое.

— Система очистки и циркуляции воздуха спроектирована по индивидуальному заказу, — объяснял тем временем лорд Эль. — Точно так же, как электростанция.

— Конечно, мы могли бы просто достать с полки устройства тысячелетней давности, — добавил Аллодорм. — Но мы не пошли таким путем. На этой станции все продумывалось и разрабатывалось заново, начиная с самых основ.

«Индивидуальный проект стоит немалых денег», — отметил про себя Мартинес. Вслух же произнес:

— Выглядит впечатляюще. Я отвык от новых станций.

— Ничего удивительного, ведь это первая новая станция за девятьсот лет, — отозвался Аллодорм. — Зато теперь, когда Союз начал открывать для колонизации новые системы, можно ожидать, что их появится немало.

— И все это сделано чуть больше чем за два года? — изумился Мартинес. — Быстро же вы работаете...

Пожалуй, даже чересчур быстро — если учесть, что все здесь делалось по специальному проекту. А может, не такой уж он и специальный? Впрочем, как это проверишь? Орбитальных станций не строили уже целую вечность. При желании можно было взять за основу стандартные разработки, изменить кое-что по мелочам и назвать это спецпроектом.

Одно Мартинес мог сказать наверняка: по спецзаказу сделали вентиляцию или нет, но пахло здесь точно так же, как и на любой другой станции.

По соединительной трубе автомобиль устремился вниз, к оси двух колес. Там они въехали в просторный лифт и начали спускаться к жилым отсекам.

— Вы станете первыми постояльцами апартаментов для старших офицеров, — сообщил Эль. — В вашем распоряжении будет полный штат прислуги, поэтому если что-то потребуется, обращайтесь к ним — или прямо ко мне.

Гравитация все настойчивее воздействовала на среднее ухо Мартинеса.

— Благодарю вас, лорд Эль, — ответил он. — Уверен, все будет в порядке.

К тому времени, когда лифт добрался до главного уровня Первого колеса, сила тяжести пришла в норму. Обслуживающий персонал апартаментов выстроился перед входом, как на параде. Затем, повинуясь распоряжениям Эля, слуги засуетились вокруг машины, выгружая багаж и помогая гостям выбраться из кресел. Чемоданы погрузили на моторизованные роботележки, и Мартинес с Терцей прошествовали в апартаменты в сопровождении лорда Эля, прислуги и Аллодорма.

— Милорд, — обратился к Мартинесу последний, — надеюсь, через пару дней вы с госпожой Терцей соблаговолите воспользоваться гостеприимством компании «Меридиан»? Правление и инженеры компании почтут за честь познакомиться с вами.

— С удовольствием, — ответил Мартинес.

Завтра вечером его ждет ужин на станции с лордом Элем и офицерами Флота. Кроме того, он уже ознакомился с насыщенной программой своего пребывания на Ши, куда входили экскурсии на разнообразные флотские сооружения. Он прекрасно понимал: план Эля заключается в том, чтобы за всеми этими экскурсиями, осмотром чудес техники и банкетами как можно меньше времени оставалось для настоящих инспекций. Впрочем, придраться к плану было трудно.

Впереди замаячил ярко освещенный коридор, плавно уходящий вверх. Стены его казались сделанными из светлой керамики, а освещение монтировалось в натяжном потолке. Мартинес пригляделся к полу: из темно-серого полимера, слегка пружинящее под ногами — самое обычное покрытие в сооружениях подобного рода.

— Насколько я помню, с этим полом вышла целая история? — спросил Мартинес. Сам он узнал об этом из флотских контрактов.

— Да, господин инспектор, вы правы, — ответил Аллодорм своим чудным голосом. — Вот что случается, когда пускаешь дело на самотек! Мы вовремя не побеспокоились о том, что будет у нас под ногами. А когда увидели поступившее стандартное покрытие, обнаружили, что оно совершенно не приспособлено к нуждам современной станции, к активному движению транспорта и грузов. Через десять лет его необходимо было бы менять полностью, но, разумеется, мы не могли себе позволить закрыть для этого станцию — при наших-то сроках! Так что пришлось заказывать специальный новый пол с Зарафана и доставлять на скоростном экспрессе.

— Рабочие-торминянцы, должно быть, потеряли немало лет жизни, пока везли его сюда, — добавил лорд Эль и карикатурно потряс руками — эта раса с полыми костями не выносила перегрузок.

— Что ж, — резюмировал Мартинес, — по крайней мере, теперь проблема решена.

Стараясь говорить непринужденно, сам он тем временем пытался придумать способ посмотреть, как же на самом деле устроен этот замечательный пол.

Предназначенные для гостей апартаменты оказались такими же претенциозными, как и вся станция: со стенами, обшитыми темным деревом, и начищенными до блеска дверными ручками. Вдоль стен сияли бирюзой аквариумы с экзотическими рыбками, а с потолка свисали люстры, похожие на ледяные скульптуры. Все дышало новизной.

Эль и Аллодорм наконец удалились, чтобы дать гостям возможность «отдохнуть от тягот путешествия», как будто прогулка на частной яхте была делом столь же утомительным, как переход через горы верхом на осле.

Мартинес и Терца остались одни. Деревянный паркет под их ногами складывался в карту империи, где Ши обозначалась маленьким диском из малахита, а столичная планета Заншаа — из багрово-красного граната.

Супруги переглянулись.

— Здесь раздельные спальни, — сказала Терца.

— Я заметил.

— Если не возражаешь, я велю Франу перенести мои вещи в твою комнату.

— Обязательно, — ответил Мартинес. — В этой чудовищной спальне без тебя будет пусто.

Даже в их дворце на Заншаа спальни были не такими огромными. Должно быть, Флоту эти апартаменты стали в копеечку. А впрочем, эта организация никогда не скупилась на привилегии для своих офицеров.

До обеда оставалось около часа. Мартинес приказал своему ординарцу Аликхану приготовить ему штатский костюм, переоделся и вышел через кухню, порядком удивив поваров, готовивших обед.

В его распоряжении оставался целый час, и это время хотелось провести с пользой.

На одном из служебных лифтов Мартинес добрался до неоконченного колеса. Здесь он отыскал участок, где продолжалось строительство и рабочие-торминянцы за переносными заборчиками прокладывали трубы и коммуникации. Половое покрытие дожидалось своей очереди, скрученное в огромные бобины выше лай-оунийского роста.

Стараясь не привлекать к себе внимания, Мартинес сделал кое-какие замеры, а затем через заграждение пробрался туда, где покрытие было снято, обнажив пластиковое нутро станции, наполненное открытыми балками. Если торминянцы и заметили Мартинеса, то виду не подали. Закончив осмотр, он вернулся в свои апартаменты.

— Ничего особенного там нет, это точно, — сказал он жене за обедом. — Они просто кладут второй слой обычного покрытия поверх первого. — Он поднял бокал и пригубил великолепное изумрудное вино с планеты Хай-осо. — А деньги за весь этот чудесный пол прикарманил «Меридиан».

— Вряд ли, — возразила Терца. — Полагаю, покрытие действительно существует. Ведь прибыл же этот корабль-экспресс с каким-то грузом? Вот только суперпокрытие пошло на другие цели — на какой-нибудь проект, целиком принадлежащий «Меридиану».

— Как ты считаешь, многие понимают, что здесь происходит?

— Думаю, да. Конечно, рабочие не в счет, они просто делают то, что велено. Но в аферах такого уровня всегда замешано множество людей. Однако, полагаю, компания нашла способ заставить их молчать.

— А лорд Эль, по-твоему, в курсе? — спросил Мартинес. — Нужно быть удивительно нелюбопытным, чтобы не замечать чудесные метаморфозы с этим покрытием. Но кто знает, может, он и вправду нелюбопытен?

Терца бросила на мужа многозначительный взгляд.

— Не стоит его об этом спрашивать.

Уставившись в тарелку, Мартинес занялся изучением куска жареного фристиго в соусе из лука и ягод кистипа. И ягоды, и овощи были свежие — за сорок три дня пути он уже успел отвыкнуть от такой роскоши. Похоже, сельское хозяйство на Ши развивалось полным ходом.

— Хотел бы я знать, кто владеет «Меридианом». Но это частная собственность, и информация об акционерах закрыта для... — Он не закончил фразу. — Как Главный инспектор, я, конечно, имею право сделать запрос на этот счет, однако не факт, что мне ответят. К тому же тогда расследование из тайного станет явным.

— Одним из владельцев компании должен быть лорд Па, а скорее всего, здесь замешан весь клан Мак-фанов, — сказала Терца. — Но пока мы не получим доступ к конфиденциальным записям по всем планетам, которыми заправляет компания, мы бессильны. Хотя... — Она задумалась. — Знаешь, я могла бы это выяснить.

Мартинес обернулся к жене:

— Каким образом?

— Поскольку «Меридиан» ведет дела с Флотом, закон обязывает их предоставлять министерству список основных владельцев. Предполагается, что их имена останутся в тайне, но... — Она задумчиво устремила взгляд в дальний угол комнаты. — Я пытаюсь придумать, к кому можно обратиться.

— А твой отец? — предложил Мартинес. — Он ведь член Контрольной палаты Флота и должен иметь доступ к этой информации.

Терца покачала головой:

— Он не сможет сделать это незаметно. Послать запрос из Контрольной палаты все равно что выстрелить с орбиты зарядом антивещества. Пойдут слухи. — Она снова надолго уставилась в угол. — Значит, остается Бернардо, — решила она. — У него есть доступ, и он не болтлив. Однако я окажусь перед ним в большом долгу.

— Десять дней, чтобы послать запрос в Заншаа, — прикинул Мартинес. — Еще десять — на ожидание ответа...

Связь между звездными системами осуществлялась со скоростью света, однако Мартинесу даже такая задержка казалась невыносимой.

Губы Терцы изогнулись в улыбке.

— А знаешь, я ведь никогда раньше не видела, как ты работаешь. Оказывается, ты то сгораешь от нетерпения, то раздаешь приказы, будто маленький король. В этом есть что-то такое... притягательное.

У Мартинеса от такой характеристики поползли вверх брови, однако он сказал:

— Надеюсь, я смогу сохранить эту притягательность еще чуть-чуть?

— Думаю, да.

Мартинес через стол потянулся к ней, чтобы взять за руку. Терца, склонившись, поцеловала его в щеку, а потом прошептала на ухо:

— Мой врач как-то говорил мне, что у женщины способность к зачатию выше всего сразу после удаления имплантанта. Думаю, мы доказали его правоту. Уже во второй раз.

Мартинеса бросило в жар, а кожа от восторга покрылась мурашками.

— Ты уверена?

— В общем, нет, — ответила Терца. — Пока нет. Но я чувствую себя точно так же, как в прошлый раз, а в таких вещах, мне кажется, опыт имеет значение.

— Конечно, имеет! — горячо поддержал ее Мартинес.

«Беременная жена... — с нежностью подумал он и усмехнулся, вспомнив разговор с Роландом. — О чем еще мечтать мужчине?»

* * *

— Что-то в гавани пустовато, — заметил Мартинес. В ожидании завтрака он сидел под зонтиком на террасе Рыболовного клуба планеты Ши. Его только что избрали почетным членом этого общества, где они с Терцей и остановились. Местное правительство сочло, что жить во флотских казармах Главному инспектору не пристало, а единственным элитным жильем на планете располагал этот самый клуб (кстати, собственность отца Мартинеса).

— Рыбаки все в море, а шаттлы больше не прилетают, — объяснил управляющий, землянин с бородой, выкрашенной в пурпурный цвет и заплетенной в две тонкие косицы. На нем красовался пиджак с огромными плечами, сшитый из ярких лоскутков ткани — эдакий колористический винегрет в тропическом вкусе. Мартинес, которому до сих пор не приходилось видеть ничего подобного, подозревал, что этот стиль — собственное изобретение управляющего.

От чашки кофе поднимался пар.

— Теперь, когда не стало шаттлов, у нас совсем небольшая флотилия рыбацких судов да несколько спортивных яхт, — продолжал он. — Со временем будет больше. Здесь можно организовать гигантский промысел — правда, в основном на продажу: в первый год, кроме рыбы, есть было нечего, так что теперь никто из местных на нее и смотреть не хочет...

С вершины пологого зеленого холма Мартинес наблюдал за тремя яхтами, качавшимися на волнах возле серой бетонной громады причала. На двух судах колыхались флаги Рыболовного клуба, третье принадлежало частному лицу — возможно, кому-то из чиновников «Меридиана» или «Компании Ши». По ту сторону гавани виднелся Порт-Виспания — город, названный в честь одной из сестер Мартинеса, а за ним в небесную высь уходил трос, протянувшийся до геосинхронной орбиты и орбитальной станции.

Порт-Виспания, как и другие первые поселения, стоял на берегу моря. Связано это было с тем, что, пока год назад не запустили орбитальный подъемник, людей и оборудование доставляли на планету в шаттлах, которые сначала приземлялись на воду, а затем уже двигались к причалу. Продовольствие тоже сбрасывали в море — в оснащенных старинными тормозами беспилотных контейнерах. Потом местные рабочие на буксире оттаскивали их к берегу. Сами контей-

неры, огромные резиновые бочки, тоже шли в ход — в качестве временных жилищ и складов.

С появлением лифта, который мог доставлять на планету грузы и пассажиров с гораздо меньшими затратами, от шаттлов в основном отказались. Впрочем, Порт-Гарет, находившийся на севере и пока не соединенный железной дорогой с остальным континентом, все еще снабжался с помощью шаттлов и контейнеров, сбрасываемых с орбиты.

За каких-то три года поселения на Ши выросли с невероятной скоростью, питаясь еще более невероятными денежными вливаниями. Вложения капитала поражали воображение уже сейчас, а поскольку дело только начиналось, их поток все нарастал. Старания лорда Мукерджи по привлечению инвестиций были жизненно необходимы, так же, как труды множества других, более мелких представителей компании и, разумеется, самого лорда Мартинеса, который вкладывал в колонизацию Ши собственные, и весьма немаленькие, средства.

Через некоторое время ресурсы целой планеты сполна окупят эти затраты, однако отдача наступит лишь спустя годы, а коррупция и воровство угрожают «Компании Ши» уже сейчас. Если же будет потеряно доверие инвесторов, компания разорится.

— Я бы предпочел увидеть у этого причала целую флотилию судов, — сказал Мартинес.

— Я тоже, — отозвался управляющий. — Дела бы пошли куда лучше. — Он усмехнулся. — Столько проблем возникло с этим причалом, что теперь грех ему стоять без дела.

— Проблем? — с интересом переспросил Мартинес.

— Да, прислали не тот сорт цемента для набережной, — объяснил управляющий. — Нужен был специальный де-локовский цемент для подводных работ, невосприимчивый к действию соленой воды. А прислали обычный. Так что пришлось заказывать заново спецрейсом с Ларедо.

— А что сделали с простым цементом? — поинтересовался Мартинес.

— Списали. — Управляющий пожал плечами. — А вот и ваш завтрак.

Завтрак состоял из жареной рыбы с острыми, как иглы, зубами, парой глаз с обоих концов и аккуратно счищенными пластинками брони. Оторвав взгляд от тарелки, Мартинес посмотрел в сторону Порт-Виспании — туда, где в белых бетонных зданиях жили работники компании «Меридиан».

— Жаль, что хорошему материалу так и не нашлось применения, — заметил он.

* * *

Мартинес понял, что не в силах избежать соблазна посетить город, названный в его честь. На десятый день пребывания на планете он, вырвавшись из бесконечной череды официальных приемов и банкетов, взял служебный колеоптер и отправился в Порт-Гарет, на север умеренной зоны.

Колеоптер нес его над землей, однообразной, как униформа. Если местные океаны кишели живностью во всем ее ошеломляющем разнообразии, то на суше жизнь оказалась весьма примитивной. Фауну представляли лишь черви и многоножки, а флору — различные виды плесени, грибов и множество папоротников, некоторые высотой с двухэтажный дом.

Всем этим аборигенам предстояло жесткое соревнование с чужаками — растениями и животными, ввозимыми колонистами с других планет. Стада портщенов, фристиго, овец, бизонов и коров доставляли на Ши и отпускали на волю. За неимением хищников, которые регулировали бы их численность, копытные плодились невероятно быстро.

В глубине материка, на берегах рек, возле городов и вдоль железных дорог появились огромные фермы, практически полностью автоматизированные. Поскольку никто еще не знал, что здесь будет расти, а что нет, на фермах выращивали все подряд и в гораздо больших количествах, чем того требовали нужды поселенцев. При удачном стечении обстоятельств планета в скором времени могла стать экспортером зерна и начать приносить «Компании Ши» некоторый доход. Правда, удалось подсчитать, что уже через пару веков исконные местные растения можно будет увидеть разве что в музее.

Колеоптер перемахнул через горную гряду, отделявшую Порт-Гарет от остального континента, и начал снижаться над роскошной равниной, где сверкающие серебром ручьи струились среди зелени папоротниковых лесов. Казалось, колеоптер вот-вот упадет в этот сине-зеленый океан, который все выше наползал на горизонт, но потом внизу показались возделанные поля и слепящие блики солнца на прозрачных крышах уборочных машин.

Осмотр Порт-Гарета не входил в полномочия Главного инспектора, поскольку здесь не было флотских сооружений. Однако Мартинес решил, что железная дорога, которой предстояло соединить город с

южными землями, — объект государственной важности, а потому представляет интерес и для Флота.

Колеоптер начал снижаться. На краю посадочной площадки уже выстроилась очередная встречающая делегация.

Широкая грузовая дверь колеоптера откатилась в сторону. Мартинес снял шлем, попрощался с пилотом и выбрался наружу. Волосы взъерошило свежим ветерком. Пока из колеоптера выбирался Аликхан с багажом, навстречу Мартинесу двинулась делегация во главе с госпожой мэром — давней клиенткой их семьи, которую он смутно помнил еще с детства. Это была торминянка с серо-черным оперением, гораздо более подходящим для бодрящего климата Порт-Гарета, нежели для тропиков Порт-Виспании.

Мартинеса тут же познакомили со всем городским советом, а также с местными представителями «Компании Ши» и «Меридиана». После этого от длинного каплевидного автомобиля отделилась знакомая фигура и подошла к Главному инспектору.

— Помните меня, милорд? — оскалился человек.

Не помнить его Мартинес не мог. Ахмет когда-то служил на «Короне» — первом корабле, которым командовал Мартинес. Большую часть службы Ахмет провел под арестом или на гауптвахте, а все оставшееся время тратил на самогоноварение, запрещенные азартные игры и акты вандализма.

— Ахмет, — произнес Мартинес, — вижу, ты уже не на Флоте.

Для Флота это была хорошая новость.

— Я здесь бригадиром на железной дороге, — сообщил Ахмет. — А как услышал, что вы приедете, всем уши прожужжал, что мы знакомы, и упросил взять меня в приветственную делегацию. — Он протер рукавом блестящий предмет, пришпиленный к груди. — Видите, у меня даже медаль «Короны» сохранилась! Так я, стало быть, ваш гид и водитель.

Уже одно то, что Ахмета приняли на ответственную должность бригадира, для Мартинеса являлось неоспоримым доказательством преступной халатности или еще чего похуже. Однако он стойко улыбнулся и со словами «рад тебя видеть» позволил увезти себя во дворец мэра, где был вынужден вытерпеть еще один банкет. Самоуважения (которое некоторые считали тщеславием) Мартинесу было не занимать, но даже он начал уставать от всех этих пиров в свою честь.

Тем не менее он с удовлетворением обнаружил на главной городской площади статую, изображавшую его самого — сурового вояку с «Золотой Орбитой» на груди. Менее приятным открытием оказалась

сияющая на солнце новеньким маховиком насосная установка в заросшем парке позади статуи.

— Что качаете? — спросил Мартинес. — Нефть?

— Да, — с готовностью отозвалась госпожа мэр. — Нам повезло: здесь она совсем близко к поверхности, иначе с нашим оборудованием ее бы не добыть.

— И для чего вам нефть?

— Производство пластика. Через несколько лет здесь откроется целая отрасль промышленности.

— А как продвигается строительство железной дороги?

Дорога должна была соединить Порт-Гарет с югом: сверхзвуковые поезда начнут доставлять от подъемника на север поселенцев и оборудование, а обратно — сельхозпродукцию и пластиковые изделия на экспорт. Рельсы прокладывали с двух сторон одновременно, смычка намечалась где-то в горах.

— В прошлом месяце случилась небольшая задержка... — замялась госпожа мэр. — Но мы все еще идем с опережением графика.

— А что за задержка? — поинтересовался Мартинес. — Флот может как-то ускорить дело?

— Спасибо за предложение, но вряд ли. Отчеты геологов оказались неверными, а может, просто недостаточно полными. Инженеры столкнулись с гораздо более твердым слоем породы, нежели ожидалось, и работы временно приостановили.

Мартинес подумал, что хотя он и не слишком силен в геологии, с этим придется разобраться.

На следующее утро он поднялся пораньше, выпил приготовленную ординарцем чашку кофе и вызвал Ахмета.

— Я хочу осмотреть строительство железной дороги, — сказал он. — Можешь это организовать?

— Конечно, милорд.

— Только без лишнего шума. Я сыт по горло всеми этими делегациями. Если мы отправимся вдвоем, будешь моим гидом?

В голосе Ахмета прорезалось ликование:

— Разумеется, господин капитан! Нет ничего проще!

До места они добирались на поезде со стройматериалами. Мартинеса усадили в вагон, предназначенный для дорожных рабочих. Он был в штатской одежде и тяжелых ботинках — к немалому разочарованию Ахмета, который мечтал продемонстрировать своим корешам военного героя при полном параде. По такому случаю Мартинесу пришлось смириться с громогласными воспоминаниями Ахмета о

«Короне» и битве при Хоун-баре. Причем по словам Ахмета выходило, что только благодаря его чуткому руководству Мартинесу удалось расправиться с наксидами как раз к завтраку.

— И вот, значит, легли мы на новый курс, а наксидов ослепили огнем из дюз, — сказал Ахмет и заговорщицки подмигнул Мартинесу. — Верно ведь, милорд, так оно и было?

— Да, — устало подтвердил тот. И добавил, выглянув в окно: — Что это там впереди?

Проложенный для сверхзвукового поезда путь, разумеется, должен быть прямым и достаточно ровным. Он приближался к горам по гигантской эстакаде с пробуренными в ней сводчатыми туннелями для будущих автобанов. Чтобы создать ровную поверхность для дорожного полотна, в склонах гор проделали широкие уступы и узкие туннели. Перекинутые через долины мосты, издали похожие на паутинки, вблизи оказывались состоящими из ферм толщиной с автобус и массивных тросов. Сами поезда, парящие над рельсами на магнитной подушке, будут оборудованы гасящими сверхзвуковую волну стабилизаторами, однако туннели все равно приходилось оснащать экранами и звукопоглотителями, чтобы уберечь горы от разрушения.

Прибыв на место строительства, Мартинес смог насладиться зрелищем гигантской бурильной машины, прокладывающей туннель, а также других механизмов, которые дробили камень, укрепляли своды и укладывали рельсы. Все эти приспособления были весьма хитроумны, а их машинисты — достаточно опытны. В общем, ни у кого не возникало сомнений: этот туннель встретится с тем, что бурили с противоположной стороны. Причем с опережением графика.

— И тогда мы получим премию от «Компании Ши», — ухмыльнулся Ахмет. — Верно, милорд?

— Рад за вас, — буркнул Мартинес. Выбрав момент, когда они с Ахметом остались одни, он задал вопрос: — Говорят, около месяца назад в строительстве случилась задержка? Мы можем остановиться в этом месте на обратном пути?

Ахмет снова понимающе подмигнул:

— Я замолвлю словечко машинисту.

В обратный путь они пустились на маленьком локомотиве, который подвозил рельсы к месту стройки, и машинист-лай-оуниец согласился сделать короткую остановку.

— Отметка 593, — сказал ему Ахмет.

Вскоре локомотив замедлил ход и остановился. Ахмет с фонариком в руке спрыгнул на насыпь в темном туннеле, и Мартинес услышал всплеск.

— Осторожнее, милорд, — предупредил Ахмет. — Здесь малость сыровато.

Мартинес слез на насыпь и пошел следом за танцующим лучом фонарика. Движения земной коры когда-то перевернули здесь геологические пласты почти вертикально.

— Говорят, это не то плутоническая порода, не то лакколит, не то еще какая хрень... — пояснил Ахмет. — Один черт — эта штука очень твердая. Буром ее не возьмешь. Вот она. — Он помахал фонариком.

Вдоль пластов тянулась темно-серая полоса, и ручеек слюдяных зернышек поблескивал в луче фонаря, словно звездный поток.

— Это? — спросил Мартинес. Он мог обхватить этот слой двумя руками. Это была явно не плутоническая порода.

— Да, милорд, оно самое. Пришлось менять головку бура.

«А разве нельзя было просто взорвать?» — чуть не вырвалось у Мартинеса.

Конечно, можно, тут же ответил он себе. Но взрывчатка не дала бы нужного объема дополнительных расходов. Ему вспомнилось, как тогда, в Рио-Хондо, лорд Па и Мукерджи о чем-то таком говорили. Что-то об ошибке в геологическом отчете...

Мартинесу вдруг пришло в голову: а что, если Мукерджи, этот азартный игрок, и есть то официальное лицо, которое подписывало явно завышенные сметы «Компании Ши»? В конце концов, Мукерджи был официальным президентом компании, вполне возможно, он имел на это право.

Но Мукерджи никогда не бывал на Ши — он бороздил империю в поисках инвестиций. Мукерджи не высаживался на Ши и не мог проверить большинство заявок на дополнительное финансирование. Если только... Если только Мукерджи не являлся частью заговора. А на полученное вознаграждение оплачивал свои проигрыши.

— Так-так, любопытно... — пробормотал Мартинес.

В свете фонаря глаза Ахмета блеснули тем восхищением, которое у вора и мошенника вызывает чистая и профессиональная работа коллеги.

— Потрясающе! — отозвался он. — Верно я говорю, милорд? Вот она, геология!

* * *

Вопрос был в том, как раскрыть Мармеладу глаза на отношения между лордом Фаршем и леди Оборочкой. Если он узнает об этом от слуги Кадавра, то это скажет ему о Кадавре нечто такое, что пока должно оставаться в тайне. Но иначе как же Мармелад вовремя узнает о Большом Бале?

Нужен какой-то знак, решил Северин. Загадочный знак, который будет ясен Мармеладу, но непонятен для остальных. Но кто подаст этот знак?

В такт собственным мыслям Северин принялся постукивать перстнем леди Лайао по подлокотнику кресла. Приходилось признать: его фантазия забуксовала. Было три часа ночи по условному корабельному времени, где сутки состояли из двадцати девяти часов, и Северин чувствовал, что ужасно устал. Можно было бы попросить принести из кают-компании кофе, но тогда пришлось бы кого-то будить.

Пожалуй, стоит на время отложить раздумья о кукольном спектакле и заняться чем-нибудь другим. Например, управлением кораблем.

Рубка «Искателя» была оснащена стандартным набором терминалов: для навигации, управления двигателями, связи, для капитана, пилота и оператора аппаратуры обнаружения. Каждый терминал состоял из кресла, тщательно уравновешенного в акселерационной кабине, а к каждому креслу крепилась панель управления.

В данный момент за терминалом обнаружения находился скучающий уоррант-офицер второго класса Чамча. Экран, к которому был прикован его сонный взгляд, показывал не звездные красоты системы Ши, а игру под названием «Мозголом», в которую Чамча проигрывал из-за невнимательности. Вахтенный за этим терминалом нужен был лишь потому, что так предписывал устав. По уставу же кто-то должен был находиться за пультом управления двигателями (сейчас это была Лили Бхагвати), за терминалом связи (связист-стажер Джаи Нкомо) и в капитанском кресле (сам Северин).

Нарукавный коммуникатор Северина давно отмерил тот час, в течение которого увеличивалось ускорение, а до завтрака было еще далеко. Взгляд Северина лениво скользнул по фотографиям улыбающегося семейства лорда Го на командной панели. Капитан сам был не чужд этой слабости и прощал ее другим, а потому каждый терминал в рубке украшали разные сентиментальные мелочи. Здесь располагались семейные фотографии, любовные записки, засушенные цветы, анекдоты, стихи, портреты актеров, певцов и моделей... Чтобы было

о чем помечтать, когда находишься в трех месяцах пути от ближайшей орбитальной станции.

Северин поймал себя на том, что уже довольно долго разглядывает фото улыбающейся супруги лорда Го, машущих руками ребятишек, гордых родителей, любимой собаки и тряпичной торминянской куклы. Он хорошенько встряхнул головой, прочищая мозги, и окинул взглядом другие терминалы. Ничто не требовало его вмешательства. Не раздавались сигналы тревоги, не мигали предупреждающие огоньки на дисплеях.

Он вывел на свой экран изображение игры, которой был занят Чамча, увидел, насколько безнадежно его положение, и вздохнул. Возможно, когда Чамча проиграет окончательно, можно будет сразиться с ним в «Гипертурнир» или еще во что-нибудь. А то так и заснуть недолго...

Дожидаясь, пока Чамча завалит игру, Северин подключился к навигационному экрану. «Искатель», направлявшийся прямиком от Первого туннеля ко Второму, находился в стороне от основных торговых путей, ведущих к планете Ши.

Ничего угрожающего. Все чисто.

Северин взглянул на Чамча. Неужели еще держится?

Что-то сверкнуло на экранах, но в тот миг, когда Северин опустил взгляд на свой дисплей, все экраны погасли. Потом включились снова.

— Проверка всех систем! — заорал Северин.

Свет в рубке стал медленно тускнеть, затем снова ярко вспыхнул.

Уоррант-офицера Лили Бхагвати словно подбросило в кресле. В ее голосе зазвенели визгливые истерические нотки:

— Скачок напряжения на главной шине номер один! Скачок на главной шине номер два!

Пальцы Северина метнулись к панели, пытаясь вывести изображение систем корабля на свой экран. Свет померк и вспыхнул снова. Изображение на экране исказилось, потемнело...

«Как интересно», — отчетливо пронеслось в его голове.

— Отказ выключателя на главной шине номер один! — пискнула Бхагвати. — Отказ основного двигателя! Аварийная мощность!

Однако что бы ни случилось с кораблем, события менялись настолько стремительно, что Бхагвати просто не успевала обо всем докладывать. Автоматика отреагировала на опасность быстрее, чем человеческий экипаж. Северин лишь уловил слова «отказ основного двигателя» и почувствовал толчок, прежде чем всепроникающий машинный гул прекратился, и он свободно всплыл в своем кресле.

Впрочем, защитные ремни тут же вернули Северина на место. Все экраны и лампы в рубке погасли, оставив его в кромешной тьме с постепенно гаснущим на сетчатке пятном от дисплея.

— Отказ аварийной цепи номер один! — зачем-то крикнула Бхагвати.

В наступившей тишине Северин услышал отдаленный шепот угасающей вентиляции — словно последний вздох умирающего.

«Так не бывает», — сказал он себе.

А поскольку такого действительно никогда не бывало, то не существовало и стандартных инструкций, которым нужно следовать в подобных ситуациях. Попытаться запустить все системы корабля, включая те, что таинственным образом вышли из строя?

«Так тоже не бывает», — подумал Северин.

— Всем оставаться на местах! — приказал он. — Не хватало еще, чтобы вы болтались тут в темноте...

Постукивая подарком леди Лайао по подлокотнику, он попытался сообразить, что делать дальше. Тут и там светлячками мерцали маленькие огоньки, обозначая места, где находились фонарики на аккумуляторах. Они были предназначены вовсе не для аварийных ситуаций (на этот случай имелось аварийное освещение), а для того чтобы подсвечивать дальние уголки аппаратуры во время ремонта. Однако в полной темноте это мерцание было таким манящим, что Северин решил раздобыть фонарик.

— Я иду за светом, — оповестил он команду. — Всем остальным ждать меня здесь.

Он отстегнул ремни, которые никогда не застегивал как полагается, затем открепил и сдвинул вверх панель управления — этот маневр отбросил его обратно в кресло. Высвободившись, он протянул руку, зацепился за один из обручей кабины и легонько подтянулся, пока голова и туловище не выплыли наружу.

Стараясь не делать резких движений, Северин сложился пополам, чтобы вытащить из кабины ноги. Кабина при этом слегка качнулась. Когда он выпрямился, подошвы его ботинок коснулись пола.

Чтобы добраться до фонариков, нельзя было просто оттолкнуться от пола — его бы унесло в другую сторону. Вместо этого Северин обеими руками оттолкнул акселерационную кабину, отчего та закружилась на всех трех осях, а сам он плавно отлетел к ближайшей стене. Осталось только протянуть руку и ухватиться за рукоять зарядного устройства.

Северин с удивлением отметил, что запыхался. Неужели его утомило столь незначительное усилие?

Послышался глухой удар. Затем еще один. Северин не сразу сообразил, что это кто-то колотит снаружи в тяжелую бронированную дверь рубки — медленно и словно бы рассудительно.

Северин выдернул фонарик из гнезда зарядника, включил его и посветил в глубь помещения. В ответ на него уставились три пары глаз. Все ждали его распоряжений. Из-за двери рубки послышались приглушенные вопли.

* * *

За дверью все еще кричали.

Северин посветил фонариком, чтобы Чамча смог высвободиться из своей кабины и, перелетев через всю комнату, добраться до другого фонарика. Теперь настало время разобраться с дверью. Для начала Северин вытащил и закрепил специально предназначенный для этих целей поручень, затем, придерживаясь за этот поручень, открыл панель доступа, вытащил рукоятку из легкого сплава и вставил в дверной механизм. Одной рукой держась за поручень, Северин приклеил фонарик к стене липкой лентой и, уперевшись ногой в дно панели управления, начал открывать дверь вручную.

Крики прекратились, однако Северин не знал, радоваться этому или нет. К тому времени, когда ему удалось приоткрыть тяжелую бронированную дверь, он еле переводил дыхание и весь покрылся капельками пота, которые, отрываясь от кожи, плавали в луче фонарика, словно капли жидкого золота. Остальные вахтенные сгрудились вокруг него, придерживаясь за прутья кабин и панели управления. Чамча посветил фонариком в коридор. Северин услышал, как кто-то испуганно ахнул, а кто-то вскрикнул: «Господин капитан!».

Выглянув в коридор, в свете фонариков Северин увидел лорда Го в бирюзовой атласной пижаме, висящего в невесомости. Кожа у капитана была ярко-красного цвета, глаза скрывались за пунцовыми отекшими веками. На лице и на руках вздулись волдыри.

«Ожог», — подумал Северин. Однако огня он не заметил, да и запаха дыма не чувствовалось.

— Милорд! — окликнул Северин капитана. Затем, продолжая одной рукой держаться за поручень, качнулся к лорду Го и, дотянувшись, взял его за руку. Немного дальше по коридору неподвижно парил в воздухе еще кто-то из экипажа. Судя по золотистым волосам, которые в отсутствии гравитации рассыпались в воздухе, это была младший лейтенант Максина Велстон.

Стараясь справиться с внезапно нахлынувшей тошнотой, Северин подтянул к себе лорда Го. Кожа капитана скользила под пальцами: казалось, она ничем не прикреплена к плоти и вот-вот сползет, словно перчатка. Северин постарался затормозить движение капитана возможно аккуратнее и наконец остановил его в проеме двери.

— Бхагвати, — позвал он, — привяжите господина капитана к акселерационной кабине или еще к чему-нибудь. И постарайтесь к нему не прикасаться.

— Слушаюсь, милорд.

— Нкомо, найдите врача и доставьте сюда.

Судовой врач «Искателя» была вовсе не врачом, а фармацевтом. Ну ничего, сойдет и это.

— Есть, милорд.

Нкомо проворно нырнула в коридор над головой Северина, а тот, оттолкнувшись, подлетел к ее рабочему месту, где Лили Бхагвати поясом привязывала лорда Го к кабине. Северин приблизил свое лицо к лицу капитана, стараясь при этом не смотреть на обожженную, сочащуюся сукровицей кожу.

— Милорд, — обратился он к лорду Го, — вы знаете, что произошло?

Налитые кровью глаза шевельнулись под опухшими веками.

— Не... знаю. — Голос капитана звучал так, словно его язык стал вдвое больше.

— Был пожар?

— Нет... — Лорд Го испустил долгий вздох. — Больно...

Северин закусил губу.

— Врач скоро будет.

— Не знаю... — повторил лорд Го и снова замолчал, прикрыв веками измученные глаза. Дыхание вырывалось из его груди с резким хрипом. Северин взглянул на Бхагвати и увидел в ее карих глазах отражение собственного страха.

Нужно во что бы то ни стало восстановить работу корабля.

— Так, — сказал он. — Бхагвати, Чамча, проверьте основные выключатели. Нам необходимо электричество. — В памяти Северина мелькнуло облако светлых волос в коридоре. — Я посмотрю, что там с лейтенантом Велстон.

Оттолкнувшись от пола кончиками пальцев, он выплыл в коридор. Стараясь не смотреть на обожженное, изувеченное лицо женщины, он попытался нащупать пульс на ее шее. Ничего. Возвращаясь в рубку, Северин чувствовал дрожь в коленях.

— Милорд, — обратился Чамча, когда Северин вернулся, — я думаю, это радиация.

У Северина оборвалось сердце. Он взглянул на Чамча.

— Вы следили за датчиками. Спектры были?

— Я видел какие-то всплески, но не успел понять суть происходящего, прежде чем все вырубилось. — Чамча облизнул губы. — Но это точно радиация, милорд. Другого объяснения нет.

Северин почувствовал, как сердце сжимают холодные пальцы. Чамча не ошибался.

На корабле предусматривалось несколько помещений с мощной радиационной защитой. Во-первых, рубка; во-вторых, пункт управления двигателями. Имелись еще специальные камеры, где экипаж мог укрыться на время солнечной вспышки, но в этих маленьких и тесных помещениях никто не спал, если, конечно, не была объявлена радиационная тревога.

— Проверим записи, когда наладим электричество, — сказал Северин. — А пока займитесь тумблерами.

— Есть, милорд.

Радиация, размышлял Северин. Но что за радиация? И откуда? Они находились в космосе одни, на пути из одного туннеля в другой, неподалеку от единственной населенной планеты в звездной системе. Поблизости не отмечалось ни других планет, ни станций, ни кораблей.

Допустим, отказ электроники объяснялся солнечной вспышкой. У быстрых протонов, которые при этом испускала звезда, была отвратительная привычка путешествовать вдоль линий электрических полей в поисках, чего бы еще взорвать. Но какой силы вспышка должна была произойти, чтобы за пару секунд вывести из строя все системы такого корабля и серьезно облучить незащищенный экипаж? В таком случае состоялась самая грандиозная вспышка за всю историю.

Однако все это казалось маловероятным. Обычно при объявлении радиационной тревоги у экипажа оставалось еще достаточно времени, чтобы забиться в тесные защитные камеры. К тому же «Искатель» создавал собственное силовое поле с помощью прикрепленных вдоль корпуса металлических полос. Это поле предназначалось для защиты обшивки от встречных заряженных частиц. Значит, оставались незаряженные частицы...

— Милорд! — окликнула Северина Бхагвати, высовывая голову из-за ремонтной панели. Вид у нее был рассерженный. — Все выключатели сгорели. Сгорели, даже не успев отключиться. Их невозможно запустить заново, все нужно менять.

— Значит, займитесь заменой, — распорядился Северин.

Он обернулся, заметив мерцание фонарика в глубине коридора. В дверной проем вплыла седоволосая женщина и, зацепившись рукой за косяк, остановилась на пороге рубки. Это была инженер первого класса Моджтахед.

— Милорд, разрешите обратиться, — начала она.

Это была дородная женщина средних лет с короткой стрижкой и крупной родинкой на щеке. Увидев ее, Северин испытал облегчение: значит, по крайней мере, один из двух главных инженеров находился в защищенном от радиации отсеке, когда на «Искателе» произошла авария.

— Доложите ситуацию, — приказал Северин.

— Из-за скачка напряжения двигатели вышли из строя, — отрапортовала Моджтахед. — Мы переустановили выключатели, некоторые пришлось заменить, и я приказала начать отсчет запуска. Осталось приблизительно двадцать минут.

— У нас хватит для этого энергии?

— Аварийные батареи еще в порядке. — Она окинула взглядом полутемную рубку и поняла, что Северин пока не в состоянии управлять кораблем. — Но мы можем остановить отсчет.

— В таком случае сохраняйте минутную готовность.

— Есть, милорд.

Северин взглянул на нее.

— Сколько членов экипажа находилось вместе с вами в машинном отсеке?

Лицо женщины омрачилось.

— Минимальный вахтенный состав, милорд. Двое.

Значит, по крайней мере, семь человек были защищены от радиации во время удара. Семь из тридцати четырех...

Моджтахед помолчала немного, а затем попросила:

— Милорд, могу я поговорить с вами наедине?

— Конечно. — Северин обернулся к Чамча и Бхагвати, которые все еще парили возле ремонтной панели, и велел им принести выключатели.

Когда они удалились, Северин снова обернулся к главному инженеру:

— Я вас слушаю.

Моджтахед оттолкнулась от двери и придвинулась вплотную к Северину. Затем посмотрела на лорда Го, и взгляд ее стал жестким. Когда она заговорила, в ее голосе звенела ярость.

— Вы не думали о том, что нас могли атаковать?

— Нет, — ответил Северин, хотя этот вопрос нисколько его не удивил. У него просто не было времени об этом подумать, но рано или поздно такая мысль обязательно пришла бы ему в голову.

— Гамма-лучи и быстрые нейтроны, — продолжала Моджтахед. — Все как при взрыве ядерной ракеты.

— Но никаких признаков ракеты не наблюдалось, — возразил Северин. — Ни вспышек, ни светового излучения. И на радаре все было чисто.

— Ракету могли разогнать до релятивистских скоростей еще вне системы, а затем направить на нас сквозь туннель.

Северин обдумал такую возможность.

— Но зачем?

«Искатель» не был военным кораблем и не обладал какой-то особой ценностью. Если кому-то понадобился предлог для начала войны, вряд ли он выбрал бы своей целью именно это судно.

— Зачем, — многозначительно повторила Моджтахед, — и кто?

Мозг Северина продолжал лихорадочно работать:

— Если совершено нападение, то первое, что необходимо сделать, это сообщить о случившемся на орбиту Ши и транзитную станцию туннеля. И сделать это нужно до того, как мы запустим двигатели, до того как начнем маневрировать... Потому что если враг заметит на корабле признаки жизни, нас просто-напросто добьют.

Моджтахед с силой втянула в себя воздух сквозь стиснутые зубы и яростно выдохнула:

— Если они нападают на таких, как мы, я бы не стала возлагать большие надежды на станции Ши или туннеля.

На третьей секунде наступившего молчания в дверях появилась голова Нкомо.

— Врач мертв, милорд. Я отыскала его помощника, но... — Нкомо помедлила. — Он не в лучшем состоянии, чем капитан.

— Благодарю вас, — сказал Северин, но Нкомо еще не закончила:

— Милорд, лейтенант Велстон тоже мертва. Она здесь, в коридоре, — сказала Нкомо, вплывая в рубку. — Я заглянула в каюту лейтенанта Монткрифа. Он лежит на своей койке, и он жив, но я так и не смогла привести его в сознание.

— Благодарю вас, — повторил Северин и повернулся к Моджтахед: — Возвращайтесь в машинный отсек и запритесь там — на случай новой атаки. Я же прежде всего займусь восстановлением связи.

— Слушаюсь, милорд. — Моджтахед уже собиралась отчалить, но

вдруг остановилась. — А может, это «Титан»? Если бы рванул «Титан», нам досталась бы чертова уйма радиации.

Однако предыдущая теория так удобно все объясняла, что Северину не хотелось от нее отказываться.

— Да, но только в том случае, если бы «Титан» находился рядом, — возразил он, — а это не так. Он даже еще не в системе.

Очевидно, главного инженера теория вражеской атаки устраивала не меньше, чем Северина.

— Жаль, — сказала она, но тут ей в голову пришла еще одна идея. — А может, это какое-то природное явление? Мы ведь рядом с ядром галактики. Мог там произойти взрыв такой силы, что излучение добралось и до нас?

— Не знаю. — Северин с сомнением покачал головой. — Я так не думаю, но наверняка ничего сказать не могу.

Моджтахед оттолкнулась от акселерационной кабины — совсем легко, кончиками пальцев. Однако и этого было достаточно, чтобы кабина заколебалась и привязанный к ней лорд Го со стоном очнулся.

— Больно! — закричал он.

У Северина дрогнуло сердце. Он подтянулся поближе к капитану.

— Врач уже близко, милорд.

— Больно!

Опасаясь вновь побеспокоить несчастного капитана, Северин отпустил клетку и носком ботинка коснулся пола. Отлетев к стене, он оттолкнулся от нее и ухватился за порог.

— Мы с вами отправляемся за лекарствами, — объявил Северин, обращаясь к Нкомо. — А потом займемся пострадавшими.

На лице девушки одновременно отразились тревога и облегчение.

— Есть, милорд.

Северин взглянул на бездыханное тело лейтенанта Велстон.

— Нужно перенести ее в каюту, — решил он, и вместе с Нкомо они отбуксировали тело чуть дальше по коридору. Затем, уложив на койку, прикрепили по бокам страховочную сетку, чтобы труп никуда не уплыл.

По дороге к медпункту им встретились Бхагвати и Чамча — они возвращались в рубку с ящиками, полными деталей для замены электрического оборудования. Северин велел им первым делом заняться починкой системы связи, а затем сквозь люк направился к корме. Медпункт находился в защищенной части корабля: если бы корабельный врач, вместо того чтобы спать в каюте, находилась на посту, она осталась бы жива...

Еще двое членов экипажа из последних сил сумели добраться до медпункта, но так и не смогли открыть запертую дверь. Один лежал без сознания, а второй, свернувшись клубочком, тихонько скулил от боли. Воспользовавшись своим лейтенантским ключом, Северин отпер дверь каюты, а затем и шкафчик с медикаментами. Вытащив шприц, он начал просматривать аккуратные ярлычки на белых пластиковых коробках в металлических рамках, призванных предохранять содержимое от перегрузок. Наконец он нашел то, что искал — фенилодорфин-зет. Вытащив одну из коробок, Северин передал ее Нкомо. Затем открыл другую коробку, вставил одну ампулу в шприц, а оставшиеся рассовал по карманам комбинезона.

Когда Северин привел в действие шприц, тот приветливо пискнул и на дисплее замигали огоньки. В прозрачной ампуле вырос крошечный пузырек воздуха, а на экране шприца высветился анализ содержимого и варианты рекомендованных доз. К счастью, эти миниатюрные приборчики были настолько просты в применении, что сделать что-то не так было практически невозможно.

Северин выбрал дозу. Подплыв к ближайшему пострадавшему — той женщине, что стонала с каждым вздохом, — он уцепился ногами за дверной косяк, подтянул к себе несчастную и осторожно приподнял ей подбородок. Потом прижал шприц к нежной шее, дождался, когда сигнал на дисплее подтвердит, что все сделано верно, и ввел дозу прямо в сонную артерию.

Веки женщины сомкнулись, стоны прекратились, а дыхание выровнялось. Северин подплыл к лежавшему без сознания рядовому и повторил операцию, после чего отдал шприц Нкомо.

— Отправляйтесь в женские каюты, а затем проверьте каюты младших офицеров. Я пока займусь мужчинами.

Широко распахнув темные глаза, Нкомо уставилась на шприц, не решаясь до него дотронуться.

— А как же доза? Как насчет...

— Максимальная рекомендованная доза, — перебил ее Северин. — Я уже настроил шприц.

Нкомо не шевельнулась.

— Но, милорд, разве это не опасно? В смысле, они все в таком состоянии...

Северин ощутил внезапную вспышку ярости. Эта девчонка вынуждала его произнести вслух то, о чем даже подумать было омерзительно. Когда он заговорил, злость прорвалась в его голосе, заставив Нкомо вздрогнуть и испуганно уставиться на него.

— Нкомо, — сказал он, — вы что, думаете, качество жизни этих людей в ближайшее время улучшится?

— Э-э... Нет, милорд, — осторожно ответила та.

— Они умирают, — отрезал Северин. — И мы ничем не можем им помочь — разве что облегчить их страдания. Если вы случайно введете кому-нибудь слишком большую дозу, то, насколько я понимаю, это даже к лучшему. Человек избежит длительной агонии. Но вы можете выбрать ту дозу, которую сочтете нужной. Мне, черт побери, на это наплевать.

Он снова протянул ей шприц. Нкомо помедлила, но все же взяла инструмент трясущимися пальцами.

— Слушаюсь, милорд, — пробормотала она и поспешно ретировалась.

Северин выплыл в коридор, дрожа от ярости и испытывая непреодолимое желание кого-нибудь стукнуть. Но он прекрасно знал: если в невесомости заехать кулаком по стене — запрыгаешь по коридору, как мячик. Джаи Нкомо не виновата, что ей всего восемнадцать и на службе она без году неделя. И не ее вина, что офицер, облеченный грузом ответственности, положения и власти, отдал ей приказ вводить лошадиные дозы наркотика умирающим женщинам... Каких-то несколько часов назад она с ними болтала и шутила, а теперь ей сказали, что если она ненароком убьет кого-нибудь из них — это в порядке вещей. Ни один инструктор не готовил к этому стажера Джаи Нкомо.

Точно так же, как никто не готовил Северина к тому, чтобы отдавать такие приказы. От этой мысли его снова охватила злость. Он вернулся в медпункт, отыскал еще один шприц, зарядил и направился в жилой отсек.

Стоявший там запах не поддавался описанию. Это была не только вонь обожженной кожи и горелого мяса — это был запах десяти умирающих людей, и он наполнял воздух вместе со стонами и криками. Те, кто не кричал, находились в том бесчувственном ступоре, который наступает при огромных дозах облучения. Перебираясь от одной койки к другой, Северин делал несчастным инъекции вещества, аналога эндорфина, а когда закончил, почувствовал, что гнев улетучился. Он просто не имел права тратить энергию на бесполезные эмоции. Все его душевные силы сейчас должны быть направлены на то, чтобы выследить и уничтожить врага. Последнее было нелегкой задачей, особенно с учетом того, что в его распоряжении — только искалеченный, невооруженный корабль и семь членов экипажа...

Северин еще наведался в каюты уоррант-офицеров, а затем к лорду Барри Монткрифу и лишь после этого вернулся в рубку.

Там уже работало аварийное освещение, больше половины экранов мягко светились. Бхагвати сидела возле обнаженных внутренностей терминала связи и заменяла предохранители. Чамча с озадаченным видом склонился над терминалом обнаружения. Оба старались делать вид, что не замечают лорда Го, который скрючился в позе эмбриона и беспрерывно стонал.

Подплыв к капитану, Северин прижал шприц к его шее и нажал на кнопку. Лорд Го испустил долгий прерывистый вздох, и сведенные судорогой мышцы расслабились.

Северин добрался до командной панели, взял фотографию семьи капитана и вложил ему в руку — так, чтобы тот мог увидеть ее, если очнется.

— Доложите обстановку, — распорядился Северин.

— Заменены выключатели в обеих главных шинах, — ответила Бхагвати, — но пока не запущены двигатели, работаем только от аварийных аккумуляторов. Впрочем, на то, чтобы послать сообщение, их хватит, так что я пытаюсь отремонтировать связь.

— Я просмотрел спектры, перед тем как нас поджарило, — добавил Чамча, оборачиваясь к Северину. Курчавые волосы свободно развевались вокруг круглой, как луна, физиономии. — Так вот, сначала не было ничего, а потом сразу бац! — и рентгеновское излучение.

— Рентгеновское? — удивленно переспросил Северин. Такое излучение не мог вызвать удар ракеты. Он оттолкнулся и плавно подплыл к панели обнаружения.

— Лучи шли импульсами. — Вид у Чамча был озадаченный. — Восемь пульсаций за три четверти секунды, а потом полетели предохранители, и запись прекратилась. — Он тревожно глянул на Северина. — Нас могли атаковать рентгеновским лазером?

— Пульсации... — пробормотал Северин, и в груди у него что-то оборвалось.

На разбитом корабле и с семью членами команды с таким врагом ему не справиться. Да будь он хоть главнокомандующим флота с дюжиной эскадронов военных судов — все равно подобного противника ему не одолеть. Этот мог стереть с лица земли целые цивилизации и даже не заметить.

— Чамча, — тихо произнес Северин, — что на свете способно испустить двенадцать вспышек рентгеновских лучей за одну секунду?

Чамча, сощурившись, порылся в памяти. Потом его глаза расширились, а с лица сползла краска.

— О, черт... — выдохнул он.

* * *

После замены предохранителей в навигационной системе Северину понадобилось пятнадцать минут, чтобы обнаружить неприятеля. Одна из семи (а может быть, восьми) звезд в большой звездной системе, к которой относилось и солнце Ши, около восьмисот лет назад была занесена в звездный каталог как коричневый карлик — крупное газообразное тело, которое, однако, было не достаточно велико, чтобы раскалиться до состояния звезды.

Теперь стало очевидно, что эта классификация оказалась неверной — так же, как неверно было определено количество звезд в системе. Их насчитывалось не семь или восемь, а, скорее, восемь или девять.

Так называемый коричневый карлик оказался вовсе не карликом, а выродившейся звездой. Когда-то она была намного больше и вместе со звездой-спутником, еще более крупной, составляла двойную звездную систему. Эти звезды-компаньоны обращались друг вокруг друга по еще более сложным орбитам, чем остальные шесть или семь звезд системы Ши.

На закате своих дней одна из звезд вспыхнула в сверхновую, выбросив в пространство огромные облака своей внешней оболочки. Большую часть этого вещества поглотила ее соседка, которая от этого сделалась еще крупнее. Звезда-компаньон, умирая, превратилась в нейтронную звезду и начала свое смертельное танго с гравитацией, с каждым оборотом все ближе подбираясь к спутнику. В конце концов они очутились так близко, что нейтронная звезда начала обдирать с компаньона верхние слои водорода, собирая их в аккреционный диск. Затем мощные магнитные поля нейтронной звезды обрушили это вещество внутрь, сжимая его и раскаляя, так что оно, в конце концов, трансформировалось в мощные пучки рентгеновских лучей, исходящих с магнитных полюсов звезды.

Орбита нейтронной звезды все туже и туже закручивалась по спирали, пока практически не совпала с внешней оболочкой звезды-компаньона. Теперь период ее обращения составлял уже меньше трех часов. Она настолько поглотила свою соседку, что та стала неотличима от бурого карлика — особенно если учесть, что наблюдали за ней с большого расстояния, сотни лет назад и притом исследователи, которых больше интересовали пригодные для колонизации планеты.

— Все верно, — кивнул Северин. — Остается вопрос: что еще попадет под удар этого пульсара?

Они с Чамча сидели бок о бок за терминалом обнаружения. Северин вывел на свой экран показания всех остальных дисплеев, чтобы рассчитать угол, под которым пучок рентгеновских лучей настиг «Искателя». Выяснив это значение, можно будет получить угол наклона магнитного полюса пульсара и рассчитать, какие еще объекты может пересечь данный пучок.

Программа, воспроизводящая движение звезд в системе Ши с добавленным теперь пульсаром, ненадолго задумалась и вскоре выдала результат расчетов. Раздался тревожный сигнал.

Планета Ши.

— Ну разумеется, — обреченно изрек Северин. Он даже не удивился.

Планета Ши и восемь (или девять) звезд в ее системе располагались не в одной плоскости. Путь пульсара пролегал к галактическому северу от Ши, и пучок лучей с южного магнитного полюса должен был задеть планету всего на три секунды. Однако этого вполне достаточно, чтобы уничтожить все живое и на планете, и на орбите.

Проанализировав всю информацию, Северин составил максимально сжатое послание.

— Передайте это командиру орбитальной станции, — распорядился он, — и отошлите копии Главному инспектору Мартинесу и в Имперскую обсерваторию, астроному Шон-дан.

— Будет сделано, милорд, — отозвалась Нкомо. Она уже вернулась в рубку и, не говоря ни слова, заняла свое место за терминалом связи. Она взглянула на панель. — Лазер связи номер три к работе готов... И... Его больше нет.

Северин резко обернулся к коллеге.

— Нет? Кого нет?

Вид у Нкомо был растерянный.

— Лазера, милорд. Он... каким-то образом вышел из строя.

— Так попробуйте другой.

Со вторым лазером повторилась та же история. Северину пришло в голову, что, возможно, из-за мощного потока излучения металл на корабле стал хрупким, как стекло, и теперь полупроводники в лазерах просто разваливались на части от проходящего по ним тока.

Когда скончался третий лазер, Северин счел это достаточным подтверждением своей теории.

— Попробуйте коротковолновый передатчик, — посоветовал он. — Используйте аварийный канал связи.

Нужно найти способ связаться с Ши, твердил себе Северин, чего бы это ни стоило. Даже если ему своими руками придется собрать эту чертову антенну.

* * *

Когда Мартинес вернулся во дворец градоначальника, госпожа мэр лично поспешила ему навстречу.

— А я-то думаю, куда это вы запропастились, милорд! — воскликнула она, с удивлением разглядывая заляпанные грязью ботинки Мартинеса и его штатскую одежду. — Вас дожидается целая пачка приглашений.

— Рядовой Ахмет показывал мне местные достопримечательности, — ответил Мартинес.

Госпожа мэр не нашлась, что сказать. Мартинес одарил ее улыбкой, и тут раздался сигнал его нарукавного коммуникатора.

— Прошу меня извинить, миледи, — произнес он и ответил на вызов.

Ткань-хамелеон на рукаве замерцала и сменилась изображением лорда Эля. Темные перья на его висках нелепо торчали в стороны, словно от электрошока.

— Милорд, — промолвил лорд Эль, — мы только что получили сообщение с «Искателя», и... э-э... Я был бы чрезвычайно признателен, если бы вы как можно скорее вернулись на станцию.

* * *

Когда колеоптер начал снижаться над Порт-Виспанией, Мартинес, глядя на кристально ясное изображение лица Шон-дан на экране, произнес:

— Вы хотите сказать, что несмотря на всю эту ораву супероплачиваемых астрономов, вы проморгали два луча убийственной силы, каждый длиной больше светового года?!

Золотистые глаза Шон-дан твердо встретили взгляд Мартинеса.

— Милорд, мы космологи. Это не значит, что мы изучаем всё подряд в радиусе сотни световых лет.

Мартинес мрачно взглянул на Шон-дан и стиснул зубы. С усилием разжав челюсти, он прорычал:

— Вы хотя бы можете сказать, что именно произойдет и сколько у нас времени?

— Девять с половиной дней, милорд. После этого Ши попадет в зону действия луча, и... — Шон-дан нервно щелкнула зубами-колышками. — Всему, что не будет защищено должным образом, грозит большая опасность.

— А атмосфера? Она не даст необходимой защиты?

— От излучения такой интенсивности — нет. — Шон-дан постаралась придать голосу нотку оптимизма. — Кстати, мы проверили орбитальную механику планеты: на Ши такое случается всего лишь раз в сорок девять тысяч лет.

Вот вам и объяснение примитивных форм жизни на суше по сравнению с суперизобилием морских глубин, подумал Мартинес. Каждые сорок девять тысяч лет все более или менее сложные виды просто стирались с лица планеты. И эти папоротниковые леса... Они тоже могли многое объяснить тому, кто вздумал бы этим заинтересоваться.

— Итак, — подытожил он, — у нас впереди почти пятьдесят тысяч чудесных лет, при условии, что мы сумеем пережить десять дней.

В голосе пернатой послышались извиняющиеся нотки:

— Э-э... Видите ли, милорд, по прошествии этих десяти дней возникнут некоторые проблемы. Выйдет из строя вся электроника. Погибнет большая часть урожая. Металл станет хрупким. И... я точно не знаю, что станет со станцией и подъемником. Здесь еще надо хорошенько подумать.

— Так думайте! Мне нужно знать, сколько необходимо убежищ.

— Э-э... Слушаюсь, милорд.

Мартинес отключился. Колеоптер уже подлетал к посадочной площадке. Мартинес представил, как, выйдя из бункеров, колонисты обнаружат крах всего наземного мира: сгоревший на корню урожай, отсутствие связи, непригодные для жизни дома, транспорт, готовый развалиться на куски... Даже великолепные железнодорожные мосты — и те рухнут, потому что стальные тросы уже не смогут выдержать их вес.

Скорее всего, погибнет и орбитальная станция. Она снабжена радиационной защитой, но расположена на внешних оболочках жилых отсеков, поскольку должна уберечь персонал от солнечных вспышек. А рентгеновские лучи упадут под углом, с галактического севера — именно там, где барьер минимален.

Оба колеса и другие крупные сооружения станции выстроены из прочного полимера, а потому усталость металла им не грозит. И тем не менее на станции достаточно металлических компонентов, что-

бы ее прочность оказалась под угрозой. Если станция развалится от напряжения, канат подъемника упадет в атмосферу и там сгорит. Но если вместе с канатом отломится часть станции, планете предстоит весьма опасная бомбардировка, когда огромные горящие куски посыплются на ее поверхность... А вместе со станцией рухнут и акции «Компании Ши», разорив его отца и всю семью. Мысли Мартинеса пылали бессильным гневом, когда колеоптер пошел на посадку.

Возле взлетной площадки его ждали супруга, огромный автомобиль и водитель. Терца облачилась в коричневую министерскую форму. Мартинес коротко поцеловал ее. Губы Терцы были мягкими, взгляд — твердым.

— Ты уже знаешь? — спросил он, перекрикивая шум турбин.

— Мне сказала Марселла.

Он взял ее за руку, и вместе они направились к машине.

— Ты отбудешь с первым же кораблем.

— Я могу остаться, — возразила Терца. — Не забывай, я ведь официальное лицо и к тому же уверена, для нас найдется надежное убежище.

Они остановились возле машины. Мартинес положил свою большую ладонь на живот жены.

— Я не желаю, чтобы эти рентгеновские лучи даже близко подбирались к новому поколению клана Чен.

Терца состроила недовольную гримасу.

— Но мне так хотелось посмотреть, каков ты в деле, — разочарованно протянула она. — Хотя, пожалуй, осторожность не повредит. Как раз сегодня врач подтвердил, что новое поколение действительно на подходе.

Несмотря на всю гнетущую тяжесть мыслей, в сердце Мартинеса вспыхнула искорка радости. Он порывисто поцеловал Терцу.

— И что теперь? — спросил он. — Знаешь, я не очень-то разбираюсь в этих женских делах. Ведь в первый раз я находился далеко от тебя.

Терца за руку втащила его в автомобиль.

— Боюсь, будет очень тяжело и утомительно, — сказала она деловитым тоном. — Тебе придется меня холить и лелеять — как минимум, несколько лет.

— Уже можно начинать? — спросил он с надеждой.

Терца вздохнула:

— Боюсь, что нет. У тебя сейчас совещание.

* * *

— Энергообеспечение корабля восстановлено практически полностью, — доложил Северин. — Налажена связь между машинным отсеком и рубкой. Компьютеры удалось запустить не все, но достаточно, чтобы делать все необходимое. В связи с предстоящим торможением пострадавшие устроены с максимальным удобством. С обезвоживанием боремся при помощи внутривенных вливаний. Поскольку мы пока не знаем, как корабль отреагирует на возобновление силы тяжести, будем увеличивать гравитацию постепенно: от одной десятой до единицы.

Северин замолчал и, не дождавшись ответа, продолжил:

— При попытке развернуть корабль с помощью маневровых двигателей они отказали: усталость металла в соединениях не позволяет выдерживать давление. Следовательно, мы можем маневрировать только на основном двигателе — в его конструкции, разумеется, предусмотрена защита от жесткого излучения. Поэтому если вы сначала ощутите непривычное ускорение, не беспокойтесь: так и должно быть.

Северин снова выдержал паузу, после чего облизнул пересохшие губы:

— Милорд, разрешите приступить к торможению?

Последовала долгая пауза, прежде чем с уст капитана слетело одно-единственное слово — еле слышно, почти как вздох:

— Приступайте...

— Есть, милорд!

Северин проверил капельницу, подключенную к вене капитана, затем кувыркнулся через голову и, оттолкнувшись ногами, поплыл к двери.

Конечно, неизвестно, что из его доклада дошло до сознания капитана, но на душе у Северина полегчало. Лорд Го был отличным командиром и имел право знать, что происходит на его корабле. Возможно, и самому лорду Го стало от этого чуточку легче.

Прежде чем начать торможение, капитана вернули в койку. Самая серьезная проблема при радиационных ожогах — обезвоживание организма. Последние несколько часов Северин вместе с другими работоспособными членами экипажа занимался тем, что ставил пострадавшим капельницы. Процедура оказалась не из легких — особенно когда приходится осваивать технику с нуля и, следуя инструкциям справочника, практиковаться друг на друге.

Этот шаг дался Северину после напряженной внутренней борьбы.

Сохранять жизнь несчастным — значило продлевать их страдания без возможности повлиять на конечный исход. Но другого выхода не оставалось: Северин обязан был сделать для людей все возможное. Даже если это давало один шанс из тысячи.

Добравшись до рубки, Северин устроился в капитанском кресле, притянул к себе дисплей и закрепил его. Бхагвати, Нкомо и Чамча уже заняли места в своих кабинах.

— Пилот, — обратился он к Бхагвати, — включить сигнал ускорения.

— Есть, милорд.

На корабле завыли сирены.

— Пилот, — отдал команду Северин, — приготовиться к маневрированию на основном двигателе.

— Есть, милорд. — Бхагвати взглянула на свою панель. — Проверка прошла успешно, милорд. Двигатель в состоянии готовности.

— Курс 157-157 относительный.

— Курс заложен в компьютер, милорд.

— Приступить к маневрированию.

Мягкий толчок — и Северин ощутил запуск двигателя как далекий гул, который словно поднимался по позвоночнику. Кресло под ним легонько качнулось, и легкий шепот силы тяжести коснулся среднего уха. Вскоре двигатель смолк, затем загудел снова. Акселерационная кабина скрипнула, а желудок Северина дал небольшой крен.

— Ну же, давай... — сквозь зубы пробормотала Бхагвати.

Основной двигатель, действительно, не был предназначен для таких манипуляций. Снова послышался гул — на этот раз более длительный. Северин поймал себя на том, что ждет звуков крушения.

Однако ничего не упало. Двигатель взревывал еще трижды, выравнивая курс. В голосе Бхагвати звенело торжество, когда она доложила:

— Курс 157-157 относительный!

Наконец послышался ровный, сплошной гул — это двигатель заработал в полную силу. Кабина Северина еще раз качнулась, словно чья-то мягкая рука вдавила его в кресло.

— Проверка всех систем, — приказал Северин, чтобы убедиться в сохранности приборов.

Все оказалось в порядке. Северин не особенно беспокоился за внешний корпус, состоявший из прочного полимера, усиленного поликарбонатными бимсами, но помимо этого на корабле было немало металла. Стальные полки, металлические петли, светильники и кой-

ки, где лежали раненые. Все трубы и коммуникации были усилены металлическими полосками. Весь корабль пронизывали клапаны, через которые от станций обеспечения поступали вода и электричество, а также выводились отходы.

«Только пробоины в корпусе мне сейчас не хватало», — подумал Северин. Постепенно, по одной десятой, он увеличивал гравитацию, пока не довел ее до единицы. Лишь один раз на корабле раздался грохот — когда в капитанском баре обрушилась полка с бутылками.

— Проверка всех систем, — снова приказал Северин.

Ничего не сломалось, ничего не отказало. Северин начинал гордиться «Искателем». Судно оказалось крепче, чем он ожидал.

Придется отвести корабль обратно к Ларедо, где его хорошенько подлатают. Они были сейчас в двадцати восьми днях пути от Ларедо. Но к этому времени все облученные члены экипажа умрут. Тем же, кто остался в живых, в течение многих дней предстоит ежедневно присутствовать на похоронах. А в довершение всего экипажу «Искателя» достались лучшие места на спектакле под названием «Гибель планеты»...

Северин отцепил экран и отодвинул в сторону. Затем отстегнул ремни и выбрался из акселерационной кабины.

— Бхагвати, передаю корабль вам, — сказал он. — Нкомо, Чамча, пора осмотреть пострадавших и проверить, как они выдерживают гравитацию.

Сам он хотел лично доложить лорду Го, что «Искатель» отлично справился с поставленной задачей. Северин надеялся, что хорошая весть поддержит капитана.

* * *

— Жизнь коротка, Порядок вечен, — прочел Северин слова погребальной службы. — Пусть каждый обретет покой и утешение в мысли, что все значительное уже известно. — Затем кивнул инженеру Моджтахед: — Приступайте.

Она нажала кнопку сброса, и из грузового шлюза потоком воздуха вынесло тела капитана Го Шикимори, лейтенанта Барри Монткрифа и еще четверых членов экипажа. Поскольку во время торможения двигатель «Искателя» оставлял за собой широкий радиоактивный шлейф, а тела покойных, оказавшись вне шлюза, больше не подвергались торможению, капитан вместе с его последней командой были кремированы за несколько секунд.

Северин и еще четверо (двое несли вахту) стояли по стойке «смирно», пока не перестал мигать огонек на дисплее. Моджтахед заглянула через иллюминатор во внутренний шлюз.

— В камере чисто, милорд.

— Закрыть внешний люк, восстановить давление в шлюзовой камере, — распорядился Северин и повернулся к остальным. — Все свободны. — Он уже пошел было прочь, но остановился. — Моджтахед и Чамча, я попросил бы вас присоединиться ко мне за обедом.

Несмотря на то, что Северин был теперь на корабле старшим, он не торопился перебираться в капитанскую каюту. Вместе с Чамча и Моджтахед он прошел в кают-компанию, где все уселись за столом, за которым обычно обедали лейтенанты.

Пульсар уничтожил на «Искателе» всех коков, и теперь команда питалась кое-как, в основном разогретыми консервами. Готовить приходилось в микроволновке: горелки на корабельной плите стали настолько хрупкими, что ломались, как только их пытались включить. Сегодня дежурным по камбузу назначили одного из стажеров машинного отсека — он ретировался раньше, чем Северин и его товарищи успели попробовать его творение.

Северин откупорил бутылку вина из корабельных запасов. До этого ему приходилось пробовать этот напиток лишь изредка. Но сегодня у Северина были вторые похороны за два дня и ему хотелось выпить.

Он осушил два бокала, проглотил несколько солидных кусков тушенки и лишь после этого заговорил:

— Мы славно потрудились, спасая корабль. А теперь предлагаю заняться спасением планеты.

* * *

За столом повисла тишина. Затем Моджтахед отерла соус с подбородка и промолвила:

— Простите, милорд?

— Я хочу спасти Ши, — заявил Северин. — Для этого нам нужно отключить пульсар, и я, кажется, знаю, как это сделать.

Снова повисла пауза. Моджтахед и Чамча переглянулись.

Моджтахед — старшая из выживших младших офицеров. Чамча высококлассный оператор, специалист по обнаружению туннелей и единственный человек на корабле, которого можно было назвать ученым, хотя и с натяжкой.

— Это замечательно, милорд, — осторожно сказала Моджтахед.

— Давайте посмотрим вместе, — предложил Северин. Оживив экран на стене кают-компании, он вывел на него модель рентгеновского излучения пульсара, взятую из Каталога астрономических объектов Ан-рэй. — Пульсация рентгеновских лучей вызывается веществом, выпадающим с аккреционного диска. Поэтому если мы сможем отключить этот механизм, излучение тоже прекратится. В отличие от электромагнитных пульсаров, рентгеновский не действует в вакууме.

— Но, милорд, — вмешался Чамча, — речь идет об объекте с массой звезды. Пульсары — одни из самых плотных и самых опасных объектов во вселенной. Каким образом вы собираетесь его отключить?

— Совершенно верно, масса у пульсара колоссальная, — признал Северин. — Но аккреционный диск — это всего лишь газ, водород. Поэтому что мы делаем? Мы выпускаем ракету с антивеществом в аккреционный диск, и антивещество просто стирает его внутреннюю часть. — Он ухмыльнулся. — Пульсар затихает на несколько решающих часов, планета спасена, а мы получаем медали. Ну, что скажете?

Чамча моргнул. Моджтахед оказалась более практичной.

— У нас нет ракет с антивеществом, — напомнила она.

— Можно использовать одну из спасательных шлюпок. Если надо, до отказа забьем пассажирский отсек антивеществом и на автопилоте отправим к пульсару.

Чамча нерешительно поднял руку, словно примерный ученик.

— Что? — спросил Северин.

— Я вижу две проблемы, — начал Чамча. — Во-первых, не думаю, что у нас найдется столько антивещества...

— Мы можем сами пересесть в шлюпки, а затем направить «Искатель» к пульсару, — перебил его Северин.

— А во-вторых, — упрямо продолжал Чамча, — когда антивещество попадет на аккреционный диск, оно его не просто уничтожит, оно превратится в излучение. И это излучение, направленное на пульсар, не «выключит» его, а раскалит, и тогда выброс рентгеновских лучей многократно возрастет. Излучение же, направленное вовне, на аккреционный диск, раскалит этот диск так, что когда это вещество упадет на пульсар, мы получим новую сверхмощную вспышку рентгеновского излучения. — Чамча жестом изобразил подобие взрыва. — Вот тогда Ши действительно не поздоровится.

Северина будто щелкнули по носу. Когда утром эта идея впервые пришла ему в голову, она показалась сверкающей вспышкой молнии и от последующих размышлений становилась лишь ярче. Он в раздумье потер подбородок.

Моджтахед, которая, видно, посчитала дискуссию оконченной, с облегчением глотнула вина.

Северин, однако, не собирался сдаваться.

— Но между этими вспышками, — уточнил он, — не будет ничего, верно? Пульсар все-таки выключится?

На лице Чамча застыло упрямство.

— Да, но лишь на очень короткое время. Сомневаюсь, что этот промежуток будет больше нескольких секунд, даже если мы запустим туда весь «Искатель». А если ошибиться во временных расчетах, Ши поджарится заживо.

— И мы не получим медалей, — резюмировала Моджтахед.

— Несколько секунд... Для Ши этого достаточно, — задумчиво произнес Северин. Он обернулся к настенному экрану, и по его приказу там появились ряды цифр и Дисплей структурной математики. — Перед завтраком я послал запрос в обсерваторию Ши с просьбой сообщить всю имеющуюся информацию об этом пульсаре: его массу, аккреционный диск, мощность излучения. Ответ пришел минуту назад, так что давайте немного посчитаем.

Результаты этого занятия оказались малоутешительными. Даже если бы «Искатель» был до краев набит антиводородным топливом, он смог бы проделать лишь малюсенькую брешь в мощном излучении пульсара.

— Мне очень жаль, милорд, — сказал Чамча. — Идея была хорошая, но ничего не выйдет.

Моджтахед к этому времени уже расправилась со своей тушенкой и позвякивала ложкой в пустой миске.

— Да, милорд, мне тоже жаль. — Она явно уже давно выбросила эту идею из головы.

— «Титан», — сказал вдруг Северин.

Остальные уставились на него.

— «Титан» — очень большой корабль, он забит антивеществом и только что вошел в систему, — продолжал Северин. — «Титан» арендован Службой разведки, командует им уоррант-офицер Джунот, и я старше его по званию. Так что... — Он улыбнулся. — Давайте-ка посчитаем заново.

* * *

На орбите находилось шестьсот человек. Еще восемьсот сорок тысяч — внизу, на планете. К станции были пристыкованы два грузовых корабля, в которых, если убрать весь груз, могли поместиться четыре

тысячи пассажиров — при условии достаточно компактного размещения и установки необходимого количества туалетов.

Следовательно, в опасности оставались восемьсот тридцать шесть тысяч человек, а это означало, что Мартинесу предстояло провести еще немало совещаний.

С орбитальной станции сняли противорадиационные щиты, и местные заводы заявили, что успеют перестроить производство и изготовить еще несколько. Но большинству людей на планете предстояло укрываться от смертоносного излучения пульсара старым дедовским способом — в глубоких бункерах, присыпанных сверху изрядным слоем земли. В технике и материалах для постройки убежищ недостатка не было, однако не было и единодушия среди населения.

— Железнодорожные рабочие хотят вместе с семьями подняться вверх по ветке и укрыться в туннелях, — сообщил Мартинесу Аллодорм. — Им кажется, что под толщей горы они будут в безопасности.

Из окна своего кабинета на орбите Мартинес посмотрел на плывущую внизу зелено-голубую планету. В ответ на него глянуло его собственное отражение — хмурое, с сердито сдвинутыми бровями. Ши медленно вращалась в раме окна, в то время как колесо станции крутилось вокруг своей оси.

— Да, они будут в безопасности, — сказал Мартинес, — пока не попытаются оттуда выбраться. — Голос его задрожал от отчаяния. — Как они собираются спуститься с гор, когда мосты станут ломкими, словно сосульки? Может, на электромагнитном транспорте, который взорвется, как только через него пройдет ток? — Он посмотрел на Аллодорма и закончил тоном, не терпящим возражений: — Пусть отправляются в бункеры вместе с остальными.

— Да, милорд. — С самого начала кризиса в прекрасном голосе Аллодорма не прозвучало ни единой взволнованной ноты. За это Мартинес был ему благодарен. Аллодорм, конечно, мошенник, но он с таким рвением занимается спасением обитателей Ши! Мартинес мысленно благодарил его и за это.

— Я слышала от госпожи мэра Порт-Гарета, — вставила Марселла, не выпуская сигареты из плотно стиснутых губ, — что у нее есть план спасения шаттлов.

Сконструированные для переправки грузов с орбиты на поверхность планеты, шаттлы были не в состоянии развить достаточную скорость, чтобы отлететь подальше от Ши и избежать излучения пульсара. Приходилось оставить их на земле, вместе с прочей тяжелой техникой, под обстрелом рентгеновских лучей. Мартинесу

оставалось лишь надеяться, что у «Компании Ши» хорошая страховка.

Он отошел от окна и тяжело опустился в кресло за рабочим столом. Раздался натужный свист пневматики.

— А что, госпожа мэр у нас теперь главный специалист по аэронавтике? — язвительно спросил он. — Она хотя бы проконсультировалась с пилотами кораблей?

Марселла улыбнулась:

— Ответ на первый вопрос — нет, что до второго — то я в этом сомневаюсь. Она хочет поместить шаттлы на геосинхронную орбиту с противоположной пульсару стороны.

— Не выйдет, — возразил Мартинес. — Луч пульсара пройдет не в плоскости эклиптики, он упадет под углом, с галактического севера. Все, что окажется на геосинхронной орбите, поджарится. Чтобы использовать планету в качестве заслона между шаттлами и лучом, нужно попасть на полярную орбиту и тщательно рассчитать время... — Он задумался. — Постойте-ка, а это неплохая мысль! Скажите пилотам, пусть отправляются на полярную орбиту. Но только пассажиров не брать — это слишком опасно.

Когда временное правительство планеты объявило чрезвычайное положение, Мартинес в качестве старшего офицера Флота стал средоточием абсолютной власти в системе Ши. Как будто вся власть победителей Шаа сконцентрировалась в его персоне. Окажись ситуация не столь безнадежной, Мартинес получал бы от такого положения настоящее удовольствие.

— Кстати, — добавила Марселла, — может, сгодится и «Кайента»? Я буду рада предоставить ее властям. Правда, много беженцев на ней не поместится.

— Благодарю вас, — ответил Мартинес. — Я подумаю.

Во время другого совещания, на этот раз с лордом Элем и капитанами двух торговых судов, речь зашла о том, кто попадет на эти корабли, а кто нет.

— В первую очередь мы должны эвакуировать представителей нашей компании, — заявил один из капитанов. — Ну а потом, разумеется, платных пассажиров.

— В первую очередь вы эвакуируете беременных женщин, — отрезал Мартинес, — и детей моложе пятнадцати лет, каждого в сопровождении одного из родителей. А если останется место, его займут дети чуть постарше.

Место должно было остаться: детей на планете было немного. Ко-

лонистов набирали, в основном, из молодых и неженатых, так что семьи еще не успели обзавестись пополнением.

— Мои хозяева выразят протест! — возмутился капитан.

— Это их право. — Мартинес обратился к лорду Элю: — Поставьте своих людей у каждого шлюза и каждого люка. И чтобы ни один «заяц» на борт не просочился.

— Будет сделано, милорд. — В голосе Эля послышалось злорадство.

— Ни один военнослужащий Флота не покинет планету, пока все не кончится, — сказал ему Мартинес позже, когда капитаны ушли. — Защищать мирных граждан от опасности — наша работа. И если для этого придется получить дозу радиации, что ж, так тому и быть.

— Э-э... Конечно, милорд. — Кажется, на этот раз в голосе лорда Эля было куда меньше радости.

— Я покину орбитальную станцию последним, — объявил Мартинес. — Предпоследним будете вы, так что в подъемнике поедем вместе.

— Да, милорд. — В золотистых глазах Эля светился вопрос. — Значит, мы не останемся в орбитальном центре управления? Ведь он защищен от радиации?

— Весьма вероятно структурное разрушение станции. Если этого не произойдет, мы с легкостью вернемся сюда с поверхности планеты.

Мартинесу вдруг вспомнилось предложение Марселлы насчет «Кайенты».

— Нет, постойте, — сказал он. — Это вы отправитесь вниз на последнем лифте вместе с персоналом станции. Я провожу вас, а потом улечу на «Кайенте». Таким образом, как только луч пульсара пройдет мимо, я смогу вернуться на станцию и убедиться, что все в порядке.

Этот план очень понравился Мартинесу. Последним покинуть станцию и первым вернуться... Именно так и должен поступать настоящий офицер в трудную минуту. Мартинес чувствовал, что этот шаг придаст ему веса в глазах окружающих. Что ж, он вовсе не прочь выглядеть благородно...

Стоило Мартинесу выйти из кабинета, чтобы отправиться к себе, как перед ним возникла еще одна проблема — на этот раз в лице землянина с тонкими белесыми усиками и в сером полосатом пиджаке. Подойдя к Мартинесу, тот представился Хэджпатом, биржевым брокером.

— Неужели на Ши есть брокеры? — удивился Мартинес.

— Есть, — ответил тот, — хотя в основном я занимаюсь тем, что помогаю колонистам повыгоднее поместить свои заработки. Но в Порт-Виспании есть маленькая фондовая биржа для местных ценных бумаг. Здесь даже есть фьючерсный рынок.

— Поздравляю, — сказал Мартинес.

— Боюсь, поздравления здесь не вполне уместны. — Хэджпат пригладил свои тощие усики. — На бирже произошла некоторая... э-э... неприятность. Особенно это коснулось фьючерсных контрактов. Незадолго до получения известия о пульсаре много контрактов распродали. Особенно по сельскому хозяйству, хотя продавались и промышленные, и рыболовецкие фьючерсы.

Мартинес машинально кивнул:

— А когда стало известно о пульсаре, эти контракты обесценились.

— Сами понимаете, как были недовольны мои клиенты. А поскольку вы теперь вроде бы не только военная, но и гражданская власть, я решил передать их жалобы вам. — Он снова дотронулся до своих усов. — К сожалению, я не смог добиться встречи с вами официальным путем. Простите, что пришлось останавливать вас прямо на улице.

Мартинес задумался. То, что этого человека к нему не пустили, могло оказаться частью заговора — а могло и нет. Сейчас пробиться к нему на прием пыталось слишком много народу, и приставленный к нему лордом Элем секретарь-лай-оуниец мог просто не придать особого значения визиту какого-то биржевого брокера.

— Я посмотрю, что можно сделать, — пообещал Мартинес. — Но всему свое время. А пока я назову вам несколько имен: Ледо Аллодорм, лорд Па Мак-фан, госпожа Марселла Жикова.

Хэджпата, казалось, удивило лишь имя Марселлы.

— Милорд, могу вас заверить, что госпожа Марселла ничего не продавала, во всяком случае, мне об этом не известно, — сказал он. — Но от других чиновников «Компании Ши» поступили указания о продаже — например, от господ Хер-ринга и Ремузата.

Мартинес не смог припомнить лица этих людей, хотя наверняка встречал их на каком-нибудь банкете.

— Соберите всю информацию о торгах, — попросил он. — И проследите, чтобы все данные хранились как в электронном, так и в бумажном виде. Сейчас у меня есть дела поважнее, но когда опасность минует, я обязательно займусь этим вопросом.

— Хорошо, милорд.

— И оставьте мне свои координаты.

С помощью нарукавного коммуникатора Хэджпат переслал ему свою визитку. Мартинес велел ему оставаться на связи.

— Кстати, — спросил он, — как обстоят дела с акциями «Компании Ши»?

— Сейчас они стоят в три раза меньше, чем два дня назад.

За ужином Мартинес рассказал Терце об этом разговоре.

— А я уж начала было проникаться доверием к Аллодорму и лорду Па, — сказала она. — В это непростое время они ведут себя просто героически.

— Еще бы им не геройствовать, когда они знают, что их деньги в безопасности! И потом, они вовсю стараются, чтобы спасти собственные шкуры и активы компании.

Дисплей у него на рукаве тихонько звякнул. Мартинес зарычал: видимо, он забыл отключить коммуникатор перед обедом. Извинившись перед Терцей, он ответил на вызов.

С экрана на него глядели оранжевые глаза секретаря.

— Прошу прощения, милорд. От лейтенанта Северина поступило сообщение с пометкой «Лично, конфиденциально, срочно и безотлагательно».

Мартинес переглянулся с женой. Уж кто-кто, а Северин никогда не стал бы накручивать столько эффектных слов без веской причины.

— Перешлите мне, — приказал Мартинес.

Когда коммуникатор просигналил, что сообщение получено, он разорвал связь с секретарем и включил запись.

«Все это достаточно сложно, — раздался голос Северина, — и я был бы весьма признателен, если бы вы параллельно проверили мои вычисления...»

* * *

Северин решил никого не посвящать в свой план. Он подозревал, что, испугавшись сверхмощных вспышек излучения, которые должны были произойти до и после короткого затишья, ему не разрешат действовать. И уж тем более он не собирался ни о чем докладывать своему начальству на Ларедо. Служба разведки веками страдала от недостатка средств: каждый раз, когда правительство вспоминало о существовании этой организации, оно лишь еще больше урезало ее бюджет. Поэтому внутренние традиции Службы были основаны на том, чтобы не привлекать к себе внимания. Со временем бюджет вырос, но традиции остались. Выбросить коту под хвост целый корабль с антиводородом — такое не останется незаме-

ченным. Вздумай Северин предложить свой план командованию, оно тут же откажет.

Однако провести такую операцию втайне от всех было довольно сложно. Громадный «Титан» вряд ли можно было назвать незаметным, и если его команда пересядет в спасательные шлюпки, а сам корабль с немыслимым ускорением помчится к пульсару, кто-нибудь обязательно обратит на это внимание.

Поэтому Северин по старой дружбе решил связаться лично с Мартинесом. Параллельно он приказал экипажу «Титана» приготовиться покинуть корабль и установить его на автопилот, а также велел держать эти распоряжения в тайне и не передавать на Ши ничего, кроме стандартных отчетов. Северин вовсе не хотел, чтобы «Титан» обратился за распоряжениями к своему начальству.

Когда пришел ответ от Мартинеса, Северин спал в своей каюте. Ему снились военные корабли, которые на самом деле были подводными лодками. Эти подлодки в гордом одиночестве вели тайную войну в холодных океанах какой-то планеты вроде Хай-Осо. Спросонья Северин не сразу сообразил, что раздающийся в ушах назойливый звон — не звук гидролокатора, а сигнал нарукавного дисплея.

Стационарный коммуникатор в его каюте по-прежнему не работал, поэтому пришлось воспользоваться наручным вариантом. Северин приказал включить свет, но тут же вспомнил, что предохранители еще не заменили, и принялся нашаривать впотьмах форменный китель, висевший на спинке стула. Затем включил дисплей, услышал от Чамча, что от главного инспектора Мартинеса поступило сообщение с пометкой «лично, срочно и конфиденциально», и попросил Чамча его переслать.

— Даю предварительное согласие на реализацию вашего проекта, — произнес Мартинес с экрана. Изображение было почему-то перевернуто вверх тормашками, и, чтобы лучше видеть, Северину пришлось неестественно изогнуть шею. — Приказываю соблюдать строжайшую секретность. Просматривайте все исходящие сообщения «Искателя», а также всю почту с «Титана». Абсолютно ничего не должно просочиться наружу. Я объясню передвижения «Титана» маневрами, предписанными высшим начальством Службы разведки.

Северин молча уставился в перевернутый экран.

В глазах Мартинеса появилось более доверительное выражение.

— Будем надеяться, что вы правы. Я проверю ваши расчеты и буду рад поболтать с вами, когда все закончится.

На рукаве вспыхнул оранжевый значок: «Конец сообщения». Северин в задумчивости добрел до выключателя и включил свет вручную.

«Строжайшая секретность... — подумал он. — Это становится интересным».

Похоже, не он один строил хитроумные планы.

* * *

— И соблюдайте строжайшую секретность, — напомнил Мартинес астроному. — Все это должно остаться между нами.

— Да, милорд. — Шон-дан в задумчивости клацнула зубами, а затем спросила нерешительно: — Могу я поинтересоваться причинами такой секретности?

— Если люди решат, что опасность им не грозит, эвакуация и строительство убежищ могут застопориться. А ведь даже если все расчеты верны, слишком многое может пойти не по плану, и тогда убежища будут необходимы.

Шон-дан снова помедлила.

— Ясно, милорд.

— Я хочу, чтобы вы проверили эти цифры, — сказал Мартинес. — Сам я тоже все просчитаю. И больше об этом не должна знать ни одна живая душа. Вы меня поняли?

— Да, милорд.

— Если информация все-таки просочится, я буду знать, кто проболтался, и своими руками выброшу вас под эти рентгеновские лучи.

Выслушав серию горячих обещаний хранить тайну, Мартинес окончил разговор с Шон-дан. Перед ним все еще стояла тарелка с остывшим обедом. Терца поставила на стол чашку.

— Надеюсь, это означает, что мне не нужно уезжать?

Мартинес ненадолго задумался.

— Нет, — наконец решил он, — ты летишь в любом случае.

Терца сердито поджала губы.

— Почему?

— Потому что ты наследница клана Чен и мать следующего наследника, — объяснил Мартинес. — А это значит, что ты поднимешься на борт эвакуационного корабля и будешь милой, любезной и предупредительной с другими пассажирами, ведь именно этого люди ждут от будущей госпожи Чен.

— Вот черт... — рассерженно проворчала Терца.

— Так же, как я буду последним, кто покинет станцию, — продолжал Мартинес, — и первым, кто туда вернется. Потому что именно этого люди ждут от героя.

Губы Терцы невольно растянулись в улыбке.

— Что-то не заметно, чтобы роль героя уж очень тебя напрягала.

Мартинес отхлебнул холодного кофе.

— Ну-у, — протянул он, — пока нет. Но когда я состарюсь и беззубой развалиной буду сидеть в кресле у камина, а толпы штатских прибегут ко мне, умоляя спасти от какой-нибудь космической напасти — думаю, все это будет мне ужасно докучать.

— Не сомневаюсь, — фыркнула Терца.

Мартинес сделал знак Аликхану принести ему еще кофе.

— Тебе придется меня извинить, — сказал он Терце, — нужно проверить вычисления Северина.

Терца поднялась из-за стола.

— В таком случае, пока ты будешь занят своими делами, я займусь своими. Потренируюсь быть милой, любезной и предупредительной.

* * *

Вычисления Мартинеса подтвердили правоту Северина и, что самое главное, полностью совпали с расчетами Шон-дан. Мартинес сообщил в Центр управления Кольца, что «Титан» и «Искатель» будут задействованы в ряде маневров, так что операторы радаров не должны обращать на это внимания.

— И повесьте там какую-нибудь табличку, — распорядился Мартинес. — Чтобы мне не звонили всякий раз, когда на смену заступает новый оператор.

После этого он вновь с головой погрузился в бесконечную череду планерок и совещаний. Колонисты с неистовым рвением рыли ямы для убежищ, которые затем накрывали крышей и закладывали дерном. Постройки были весьма примитивными, но особенных удобств и не требовалось — людям предстояло провести в бункерах меньше часа.

Первый из двух кораблей с четырьмя тысячами беженцев на борту уже отправился в путь. Корабль должен был отойти от планеты на безопасное расстояние, а затем либо вернуться на Ши, либо продолжить путь до Ларедо — в зависимости от того, уцелеет орбитальная станция или нет.

Второй корабль отчалил двумя днями позже. Поцеловав на прощание Терцу, Мартинес проводил взглядом ее фигуру — изящную и

сильную, — вплывающую в шлюз. Мартинес с минуту постоял, любуясь супругой, а затем поплыл обратно мимо шеренги беженцев, терпеливо ожидающих своей очереди на посадку. Чтобы не болтаться в невесомости, каждый был привязан к страховочному канату. У некоторых с непривычки лица приобрели болезненно зеленый оттенок. Мимо таких пассажиров Мартинес старался проскользнуть побыстрее, пока неизбежные последствия не дали о себе знать.

По дороге к Центру управления ему встретился покидающий станцию лорд Эль. Проплывая мимо, тот вскинул руку в приветствии, однако сумел вовремя ухватиться за поручень на стене. Нервно взмахнув свободной рукой, он затолкал в карман клочок бумаги.

— Что-то не так? — поинтересовался Мартинес.

— Нет, — ответил Эль. — То есть да. Пришлось кое-кого арестовать — из тех, кто оказался на корабле для беженцев, не имея на то никакого права. Предположительно, чиновники транспортной компании. — Он вытащил бумагу из кармана, но тут же снова вернул ее на место. — Вот список имен, но их еще нужно проверить.

— Моя помощь требуется?

— Нет, милорд, благодарю.

— Отлично. Как только выясните личности этих прохвостов, спустите их на планету и посадите в самое глубокое подземелье.

Насколько ему было известно, подземелий на Ши не было, но, пожалуй, стоит соорудить парочку.

Из Центра управления Мартинес шел вслед за вереницей безбилетников, которых военная полиция выдворяла с корабля. Получив разрешение на взлет, громадное судно начало осторожно удаляться от станции, пока расстояние между ними не позволило зажечь факел основного двигателя.

Когда экраны в Центре управления показали, как корабль набирает скорость, Мартинес еще раз мысленно простился с Терцей, а потом тайком бросил взгляд на «Титан». Тот уже мчался навстречу звезде с ускорением, которого не выдержало бы ни одно живое существо. Иконка, обозначавшая «Титан» на экранах радаров, была снабжена табличкой, которая сообщала о том, что судно участвует в маневрах. Две шлюпки с командой были уже на пути к «Искателю» — под предлогом пополнения запасов продовольствия на поврежденном корабле.

Если бы кому-нибудь в Центре управления пришло в голову проверить курс и ускорение «Титана», он был бы весьма удивлен. Но ситуация сложилась критическая, и никто не обратил на это внимания.

Все экраны были настроены на ужасающую мощь рентгеновских лучей, которые становились все ближе, а далекий корабль, не привлекая к себе внимания, маячил где-то с краю, словно кувшинка в дальнем конце пруда.

Никаких вопросов по поводу «Титана» Мартинесу не поступало. Одно за другим сооружались противорадиационные убежища, население отрабатывало схемы эвакуации. В последний момент мэра Порт-Гарета осенила новая идея: она предложила разместить горожан в больших контейнерах, в которых некогда доставлялись грузы с орбиты, и затопить их в заливе на время катастрофы. Не зная, плакать ему или смеяться, Мартинес объяснил ей, что менять планы слишком поздно, а значит, лучше как следует доделать традиционные убежища.

Лорд Па и Аллодорм были уже внизу, завершая последние приготовления. Практически весь персонал орбитальной станции тоже спустился на поверхность планеты, остались лишь несколько человек. Оба огромных вращавшихся колеса были остановлены, реактор антивещества отключен. На большей части станции отключили даже аварийное освещение — чтобы предупредить выброс напряжения. Один за другим погасли экраны и опустели рабочие места в Центре управления — включенными остались лишь те панели, что могли понадобиться для запуска станции.

«Кайента» ждала наготове у шлюза, с Марселлой и избранными сотрудниками компании «Меридиан» на борту. Эта команда должна была возвратиться на станцию вместе с Мартинесом, прежде чем туда позволят вернуться остальным.

Мартинес, лорд Эль и другие служащие покинули полутемный, погруженный в зловещую тишину Центр управления и вдоль направляющего каната проплыли к огромной кабине подъемника. Мартинес попрощался с отбывающими, пожелал Элю удачи и подождал, пока все загрузятся в лифт. Когда кабина начала опускаться, бесшумно скользя вдоль каната, Мартинес направился к причалу, где стояла «Кайента».

Покинув станцию, яхта, как и шаттлы, отправлялась на полярную орбиту — в точку, рассчитанную так, чтобы на несколько решающих секунд масса планеты послужила щитом между пульсаром и летательными аппаратами. Таким образом, Мартинес мог вернуться на станцию меньше чем через час.

Вентиляторы не работали, и воздух наполнял запах осыпающейся пластмассы. Пустые неосвещенные помещения казались скоплениями загадочной тьмы, огромной, как сам космос. Луч карманного фо-

нарика терялся в этой черноте. Наконец далеко впереди Мартинес заметил отблеск, обозначавший причал «Кайенты», освещенный не станционными прожекторами, а собственными фарами яхты. Мартинес аккуратно поставил подошвы на стену, оттолкнулся и с удовольствием обнаружил, что летит прямиком к шлюзу.

Возле люка темнели две массивные фигуры: придерживаясь ногами за специальные скобы на стене, они протягивали руки к Мартинесу. Подплыв ближе, он разглядел, что это два торминянца. На них были только шорты и жилеты поверх плотного серо-черного меха, а огромные глаза, приспособленные к ночной охоте, поблескивали навстречу Мартинесу.

«Наверное, кто-то из приближенных Марселлы», — мельком подумал он.

Мартинес плыл прямо в руки торминянцам. Те поймали его и с легкостью затормозили. Лохматые ладони сомкнулись на его запястьях и поставили их на поручни возле люка.

— Спасибо, — поблагодарил Мартинес и попытался высвободить левую руку, но торминянин сжимал ее мертвой хваткой. Тем временем у второго в свободной руке появился шприц.

Мартинес даже не успел испугаться, когда кожа ощутила прохладное прикосновение иглы...

Теперь у него была масса времени.

* * *

В рубке застыла тишина, нарушаемая лишь шумом дыхания и стуком сердца, отбивающего стремительный марш.

На своем экране Северин наблюдал за тем, как «Титан» мчится к цели, готовый вонзиться в аккреционный диск пульсара под единственно правильным углом.

Колоссальная сила притяжения разорвет корабль на атомы, метнув груз антиводорода во вращающийся диск. Широкая полоса водородного диска аннигилирует в чудовищном выбросе гамма-лучей, энергетических нейтронов и пи-мезонов. Часть этих частиц упадет на нейтронную звезду, вызвав всплеск рентгеновского излучения. Другая часть устремится вовне, к аккреционному диску, разогревая водород до огромных температур, так что когда тот упадет на пульсар, произойдет еще один неистовый мегавыброс излучения.

Но между двумя этими чудовищными взрывами наступят восемнадцать минут тишины. Механизм, который создает разрушительный двойной ланцет пульсара, будет на время выключен.

Если, конечно, расчеты Северина верны.

— Пятнадцать секунд, — зачем-то сообщил Чамча. Взгляд Северина и без того был прикован к таймеру в углу экрана.

«Титан» повис на широком пылающем хвосте аннигилированного вещества. В битве против смертельного врага Северин использовал грузовой корабль в качестве гигантской торпеды.

— Десять секунд, — произнес Чамча.

— Да заткнись же... — пробормотал Северин себе под нос. Должно быть, у Чамча оказался весьма чувствительный слух: после этого он хранил гробовое молчание до тех пор, пока «Титан» на экране не растворился в более крупном пятнышке, обозначавшем пульсар и его бурого компаньона.

Внимание Северина мгновенно переключилось на вращающийся поток рентгеновских лучей, испускаемых пульсаром — на дисплее он был окрашен в мертвенно-зеленый цвет. Результат последовал незамедлительно: пучок лучей, совершавший двенадцать оборотов в секунду, вспыхнул изумрудной яростью. Если бы этот луч настиг Ши сейчас, он прожег бы поверхность планеты до самой мантии.

Оставалось только надеяться, что пульсар отключится вовремя.

И вдруг Северина осенило: статуя!

Да, это именно то, что нужно! Френелла, девчонка-сорванец, пошлет Мармеладу статуэтку лорда Фарша, намекнув таким образом на его отношения с леди Оборочкой.

От удовольствия Северина даже пробрала легкая дрожь. И пока оставалось только ждать, сработает ли его план с «Титаном», он принялся обдумывать, что же Мармелад сделает дальше.

* * *

Какая-то легкая серая дымка кружилась в воздухе, и этот назойливый электрический гул в ушах... Пальцы на руках и ногах зудели, будто натертые наждачной бумагой. В горле застряло что-то вроде лохматого зверька...

Содрогнувшись всем телом, Мартинес попытался выплюнуть волосатый ком и лишь после нескольких мучительных попыток понял, что это его собственный язык. Во рту стояла вселенская сушь, язык больно царапал нёбо. Мартинес закрыл рот и попытался смочить пересохшее горло слюной. Пришлось несколько долгих минут шевелить челюстями и шейными мышцами, прежде чем на языке очутилась хоть капля влаги.

Немного облегчив свое состояние, Мартинес попытался понять,

где он находится. Серый туман потемнел, а гул в ушах почти совсем затих. Он совершенно ничего не чувствовал — даже движения воздуха, как будто его с ног до головы обложили ватой.

Мартинес ощупал себя — просто чтобы убедиться, что тело все еще на месте. Пальцы ощутили знакомую ткань форменного кителя со знаком Золотой Орбиты на воротнике. Затем, нагнувшись — или подтянув колени? — он нашарил свои ноги в брюках. Ботинки тоже были на месте. На правом запястье что-то назойливо болталось: ощупью изучив загадочный предмет, Мартинес сообразил, что это карманный фонарик, подвешенный на эластичном шнурке.

Только теперь до него дошло: он парит в воздухе. Кругом — тьма и невесомость. Похоже, он все еще на станции, в одном из ее громадных претенциозных помещений... За этой мыслью последовал мощный выброс адреналина — нервы словно обожгло, как только Мартинес вспомнил о пульсаре. Раз он остался на станции, значит, он все еще может попасть под радиационный удар...

Мартинес поднес к глазам левую руку и прошептал, с трудом ворочая пересохшими губами и языком:

— Экран, показать время.

На рукаве вспыхнули желтые цифры, мигающие в такт отсчету секунд. Сквозь серый туман Мартинес попытался соотнести их с хронологией последних дней и, покрывшись холодным потом, понял: пучок смертоносных лучей должен был настигнуть станцию почти пять минут назад.

Он машинально принялся снова ощупывать себя в поисках ожогов. Довольно скоро осознав всю абсурдность этого занятия, он все же не мог остановиться, пока вновь не убедился, что все части тела находятся там, где им и полагается быть. Нет, он определенно не чувствовал себя облученным. Состояние, конечно, было странное: этот плывущий перед глазами туман, глубокий электрический гул, отдающийся в ушах... Но больным он себя не ощущал...

Мартинес попытался сообразить, как он мог попасть в такой переплет. Он твердо помнил, что выходил из Центра управления вместе с лордом Элем и остатками персонала. Но что произошло потом?

Вздох облегчения отозвался во всем его существе — Мартинес вспомнил о Северине. Ну конечно! Должно быть, ему все же удалось на время отключить пульсар. «Старина Северин! — подумал Мартинес с нежностью. — Он сделал это!» От радости Мартинесу захотелось запеть во все горло какой-нибудь торжественный марш, однако вме-

сто этого он с трудом сглотнул и попытался смочить слюной пересохшее горло.

Желтые секунды продолжали тикать на рукаве, а он все еще не мог восстановить ситуацию. Может, произошла авария, подумал он. Но нет, тогда все обстояло бы куда серьезнее, в том числе и для него...

Мартинес вспомнил о висящем на запястье фонарике, включил его и поднял над головой. Луч света растворился во мраке, так ничего и не встретив на своем пути. Тогда Мартинес медленно, словно кинооператор, повел луч вниз и наконец обнаружил стену, выкрашенную в темно-серый цвет. Луч двинулся вдоль стены, пока не наткнулся на большую раздвижную дверь грузового люка, на котором краской были выведены цифры: 7-03. Склад номер три, седьмой причал.

С седьмого причала отправлялась «Кайента». Значит, он почти добрался до яхты, прежде чем... Прежде чем что? Может, «Кайента» почему-то отчалила раньше, оставив его одного на станции? Однако довольно странно, что он ничего об этом не помнит...

Мартинес заметил, что возле створки люка имеются поручни. Какой толк болтаться в бессмысленном ожидании, если есть шанс добраться туда, где он сам сможет что-то предпринять? С этой мыслью Мартинес принялся неловко кувыркаться в воздухе, пока не повернулся к дверце люка спиной. После этого он стащил с себя ботинок и со всей силы зашвырнул в противоположном направлении. Действие, как известно, равно противодействию, хотя в данном случае массы, к сожалению, были неравны. Мартинес крайне медленно, но все же поплыл в сторону люка, попутно совершая неторопливые плавные перевороты.

Несколько секунд спустя он услышал, как на другом конце ангара стукнулся обо что-то его ботинок. От этих упражнений по метанию обуви он совсем выбился из сил. Похоже, с ним и впрямь не все в порядке... Полет к двери люка должен был занять еще немало времени, а пока, дрейфуя и кувыркаясь в воздухе, Мартинес продолжал размышлять о том, как он здесь очутился и почему ничего об этом не помнит.

«Наркотики, — наконец догадался он. — Меня накачали наркотиками, поэтому я так плохо соображаю».

Возможно, это даже не был какой-то специальный препарат, отбивающий память: у многих наркотиков амнезия являлась побочным эффектом, одной из тех реакций, которые невозможно предсказать.

Во время очередного кульбита сознание Мартинеса немного прояснилось: его одурманили и бросили здесь на верную смерть. Однако тот, кто это сделал, не знал, что «Титан» собирается «отключить» пульсар. Лишь благодаря этому Мартинес выжил. А значит, как только таинственному злодею станет известно, что радиационный удар все же не обрушился на станцию, он вернется, чтобы довершить начатое...

Мартинес чуть не свернул себе шею, оглядываясь по сторонам и пытаясь разглядеть в темноте убийцу. Спрятавшись на станции, в эту самую минуту он мог заряжать пистолет или готовить шприц...

Стена подплыла ближе, и, протянув руку, Мартинес попытался ухватиться за один из поручней возле люка номер 7-03. Из-за наркотического дурмана он едва не промахнулся, но в последний момент все же коснулся поручня кончиками пальцев, слегка замедлив вращение. Ударившись о стену и отскочив от нее, Мартинес сумел-таки схватиться за другой поручень и остановился.

Ему вдруг пришло в голову, что свет фонарика делает его прекрасной мишенью. Он поспешил выключить прибор и попытался собраться с мыслями. Тот, кто пытался его убить, легко мог спрятаться на опустевшей станции, а затем, когда Мартинес направлялся к «Кайенте», нанести удар из укрытия. Однако где бы ни прятался убийца раньше, единственным его теперешним укрытием был защищенный от радиации Центр управления Кольца. Значит, именно туда Мартинесу идти и не стоит. Проблема, однако, заключалась в том, что в Центре находилось все необходимое для связи с внешним миром: управление системами связи, антенны и, наконец, электроснабжение.

Мартинес размышлял о том, где еще на станции можно найти передатчик, когда его ослепил внезапный свет. На одном из причалов в другом конце ангара вспыхнули прожектора. Какой-то корабль только что пристыковался к Кольцу и теперь с помощью электрического соединения открывал впускной шлюз.

«Кайента»! У Мартинеса подпрыгнуло сердце. «Кайента» прилетела, чтобы спасти его!

Он подобрал под себя ноги и прижал подошвы к стене, готовый оттолкнуться от люка и броситься навстречу спасителям, как только они появятся в дверях... И вдруг остановился. Было что-то тревожное в этом далеком шлюзе, окруженном сияющими огнями.

Зачем кому-то его убивать? Странно, что этот вопрос до сих пор не приходил ему в голову. Он обнаружил, что компания «Меридиан»

замешана в колоссальных финансовых махинациях. За такое, пожалуй, могут и убить, хотя это все-таки перебор. Как-то дико, нецивилизованно... Могли хотя бы попытаться подкупить для начала.

В любом случае, «Кайента» не имела отношения к «Меридиану» — она принадлежала «Компании Ши», основным владельцем которой являлась семья Мартинесов. К тому же на борту яхты находилась Марселла — управляющая компанией и близкая родственница их клана. Однако кроме нее там были и служащие «Меридиана». Может, это кто-то из них отдал приказ его убить?

Пожалуй, решил Мартинес, не стоит сразу бросаться к «Кайенте». Разумнее сперва спрятаться и посмотреть, кто выйдет из люка и будет ли этот кто-то вооружен.

Он огляделся по сторонам: прятаться было решительно некуда. Налево уходил довольно длинный коридор, который вел к Центру управления, но в эту сторону Мартинесу двигаться не хотелось — убийца мог появиться и оттуда. Справа находились огромные автоматические ворота, ведущие в другой ангар, но они были заперты, и без электричества не открывались. Оставалось только одно — укрыться в одном из складов-ангаров. Склад под номером 7-03 годился для этого не хуже любого другого.

Массивные автоматические ворота склада тоже открывались автоматикой, но в каждом ангаре имелся небольшой люк для персонала, и их дверцы были исключительно хорошо сбалансированы — чтобы можно было пользоваться в невесомости. Оттолкнувшись, Мартинес уцепился за поручень. Люк отворился совершенно бесшумно. Мартинес вперед ногами проскользнул внутрь, а затем прикрыл люк, но не до конца — так, чтобы иметь возможность наблюдать за «Кайентой».

В ангаре стоял душный запах каких-то специй, вроде кардамона. Мартинес посветил фонариком: склад оказался забит стандартными корабельными контейнерами ярких цветов, которые были уложены друг на друга и закреплены веревками. Поскольку состояние невесомости это позволяло, контейнеры располагались вдоль всех шести поверхностей помещения, включая те, что, по идее, являлись потолком и стенами. Свободного пространства здесь оставалось совсем мало — только прямой квадратный туннель, который тянулся от двери к дальней стенке и использовался для перемещения контейнеров.

Спрятаться здесь негде, понял Мартинес. Он уже решил было перебраться в другой склад, когда услышал шипение открывающегося шлюза. Слишком поздно. Притаившись возле щели, он попытался

разглядеть что-нибудь в слепящем свете прожекторов. Из корабля вышли, по меньшей мере, три фигуры: судя по мощным туловищам и коротким мускулистым ногам, первые двое были торминянцами.

В голове Мартинеса зазвенел тревожный звоночек. Не нравились ему эти торминянцы, и хотя он не мог вспомнить почему, теперь у него напрочь пропало желание выходить из укрытия.

— Господин инспектор! — позвала торминянка, шепеляво выговаривая слова клыкастым ртом. — Господин инспектор, вы здесь?

Звук ее голоса отозвался эхом и вскоре затих в пустом пространстве огромного причала. Торминянцы включили мощные фонари и начали шарить ими по сторонам. Мартинес вспомнил, как хорошо видят их глаза в темноте, и отшатнулся от люка.

— Смотри-ка! — воскликнул один из торминянцев. — Это его ботинок.

Пока они исследовали ботинок, который в гордом одиночестве плавал в пустоте, Мартинес закрыл люк до конца и запер его. К сожалению, замок можно было открыть и снаружи, но это хотя бы ненадолго их задержит.

Что действительно было ему сейчас необходимо, так это оружие. Пошарив вокруг лучом фонарика, на одной из стен Мартинес обнаружил небольшой ящичек. Он подплыл к нему и заглянул внутрь. В ящике имелись запасные лампочки, стопка наклеек для грузовых контейнеров, парочка огнетушителей, рабочие перчатки, уложенные в бухты веревки и крепкие пластиковые крепления. Однако внимание Мартинеса остановилось на двух блестящих алюминиевых монтировках, которые использовались для распределения контейнеров по местам. Восьмиугольные в сечении, на конце они сужались, превращаясь в плоские, слегка изогнутые лезвия.

Мартинес вытащил одну монтировку из гнезда. Затем, зажав оружие под мышкой, он прихватил еще и моток веревки, в надежде с ее помощью заблокировать замок. После этого он закрыл ящик и поплыл обратно к люку.

Изучив замок и веревку, Мартинес как следует обмотал запирающий механизм. Вконец выбившись из сил, он уцепился за поручень и, тяжело дыша, повис в невесомости. Немного отдышавшись, Мартинес переместился к краю двери, чтобы, если люк откроется, не оказаться в ловушке, словно муха в бутылке. Зацепившись ногами за поручень над люком — ступню в одном носке обжег металлический холод, — он вооружился монтировкой и сделал несколько пробных выпадов. Оружие рассекло воздух с крайне неприятным

свистом. Теперь, когда под ногами была надежная опора, Мартинес был уверен, что в случае необходимости сможет нанести противнику немалый урон. Он выключил фонарик и, замерев в темноте, стал ждать.

Время текло — согласно мерцающим на рукаве цифрам, прошло около двадцати минут. Периодически, чтобы разогреть мышцы, Мартинес наносил воображаемому противнику пару ударов монтировкой. Чувствовал он себя намного лучше — похоже, действие наркотика закончилось.

Он уже начал надеяться, что торминяне ушли совсем, когда с другой стороны стены послышался глухой удар, а следом за ним — металлический лязг. У Мартинеса екнуло сердце, по телу разлился обжигающий поток адреналина. Убедившись, что ноги надежно закреплены в скобах поручней, он занес монтировку над правым плечом.

Стена ангара снова вздрогнула от удара — Мартинес ступнями ощутил вибрацию. Послышались голоса, но слов было не разобрать. А затем замок начал со скрипом поворачиваться и тут же застрял — сработали веревочные путы. За стеной снова послышались голоса, на этот раз в них прорывалось раздражение. Затем в замке что-то щелкнуло, и люк с треском распахнулся.

Мартинес сощурился от яркого света. Он вдруг почувствовал, что под поднятыми руками расплываются пятна пота, а в горле снова мучительно сухо. И почему это под мышками столько влаги, когда во рту — ни капли?

— Это он, — возбужденным шепотом прошипела торминянка. — Тут замок затянут веревками. Он где-то здесь.

— Милорд? — окликнул другой голос. — Господин инспектор? Уже можно выходить. Все в порядке.

С минуту торминянец ждал ответа, а затем обратился к своей напарнице:

— Придержи меня за ноги, пока я залезу.

У Мартинеса свело судорогой мышцы ног, просунутых в скобы поручней. Он поудобнее перехватил монтировку.

Наконец в люке появился затылок торминянца. Тот вглядывался в длинный туннель, со всех сторон окруженный контейнерами. В одной руке у него был фонарик, в другой — дубинка-парализатор. Огонек на дубинке подмигивал янтарным светом.

Монтировка угодила торминянцу в голову, с силой отбросив его к комингсу люка. Фонарик выпал из ослабевших пальцев и закувыркал-

ся в воздухе, озаряя стены склада беспорядочными стробоскопическими лучами. Парализатор отбросило в другую сторону. Несколько алых капель отделились от головы торминянца и на лету превратились в идеально круглые шарики крови.

Кто-то поспешно вытащил его из люка — и тут же раздался дикий вопль, от которого у Мартинеса кровь застыла в жилах. В люке появилась торминянка. Волосы у нее стояли дыбом от ярости, и от этого ее голова напоминала гигантский гриб-дождевик с огромными свирепыми глазами и хищными белыми клыками. Она уже знала, где спрятался Мартинес. Одной рукой ухватившись за край люка, другой она попыталась ткнуть в него парализатором.

Мартинес вырвал из поручня обутую ногу, чтобы избежать контакта с дубинкой, ударил торминянку монтировкой, но той удалось смягчить удар рукой. Правда, ее все же отбросило к комингсу, но она тут же отскочила от него, выставив перед собой парализатор на манер меча.

Неловко балансируя на одной ноге, Мартинес сделал еще один выпад. На этот раз удар пришелся противнице в голову. От толчка нога Мартинеса выскользнула из поручня, и он, кружась, медленно поплыл к боковой стене. Торминянка, обмякнув, повисла в проеме люка. Стоявшие торчком волосы опустились и снова стали гладкими.

Не успев опомниться, Мартинес ударился о ярко-оранжевый контейнер и отскочил в противоположную сторону, но все же сумел кое-как оттолкнуться одной ногой и поймать траекторию, ведущую к люку. Дыхание с хрипом вырывалось у него из груди, оружие скользило в пальцах.

Кто-то вытащил раненую торминянку из люка. У Мартинеса упало сердце: значит, снаружи его поджидает, по крайней мере, еще один противник.

Мимо проплыла одна из дубинок, и он осторожно, стараясь не задеть рабочий конец, схватил ее одной рукой. Судя по показаниям маленького экрана, парализатор был заряжен и установлен на максимальную мощность.

Взглянув на люк, Мартинес понял, что промахнется — проплывет мимо, так и не ухватившись за поручни. К тому же на несколько секунд он окажется в поле зрения того, кто находился снаружи. Потом же придется долго ждать, пока он долетит до дальней стены и сможет оттолкнуться снова.

Пальцы Мартинеса крепко сжали оружие. Взгляд его сосредоточился на приближающемся отверстии люка, в котором плясали бес-

порядочные отсветы. Он медленно проплыл мимо, сощурив глаза от яркого света.

Там, по другую сторону стены, госпожа Марселла Жикова возилась с бесчувственным телом торминянца, пытаясь привязать того к поручню его же собственным поясом. При виде Мартинеса Марселла с выражением величайшей досады на лице сунула руку в карман и вытащила пистолет. Он был маленький, пластиковый и почему-то красный.

Мартинес метнул в нее дубинку. В ответ его слегка отбросило назад. Раздался оглушительный грохот, и Мартинеса обожгло теплом от пролетевшей у подбородка пули.

Он изо всех сил вывернул шею в попытке разглядеть происходящее. Отдача от выстрела отбросила Марселлу назад, заставив ее вращаться гораздо быстрее, и когда ее ноги взлетели вверх, поменявшись местами с головой, парализатор коснулся бедра женщины. Послышался треск, в воздухе запахло озоном. Марселла вскрикнула и сжалась в комок — более развитые сгибающие мышцы одержали победу над мышцами-разгибателями.

Пролетев мимо люка, Мартинес потерял ее из виду. Через некоторое время он снова столкнулся с контейнером и оттолкнулся от него. Подлетев к отверстию люка, он проверил свою траекторию, нацелился на далекую фигуру Марселлы, танцующую в воздухе, и двинулся к ней, держа монтировку над головой, словно боевой топор.

Однако оружие не понадобилось. Довольно легко нагнав Марселлу, Мартинес удостоверился, что она совершенно обездвижена и находится практически без сознания. Приложив некоторые усилия, он вытащил пистолет из ее скрюченных пальцев.

Теперь он знал наверняка, что завладел единственным огнестрельным оружием на всей орбитальной станции. И собирался в полной мере воспользоваться этим преимуществом.

* * *

— Просто паника, — сказал Мартинес. — Марселла увидела сообщение и запаниковала.

— Это послание было адресовано мне, от моего друга Бернардо из министерства, — пояснила Терца. В воздухе витал приятный аромат утреннего кофе. — В письме перечислялись основные владельцы компании «Меридиан», в суматохе мы совершенно об этом забыли. А когда сообщение проходило через коммуникационный центр компании, лорд Эль просмотрел содержание письма и перехватил его. —

Она приподняла уголок салфетки, прикрывавшей булочки в серебристой плетеной корзинке, и предложила Северину. — Это последняя. Хотите?

— Не откажусь. — Северин взял булочку и, отогнав двух больших фиолетовых пчел, круживших вокруг блюдца с джемом, намазал ее, а затем обернулся к Мартинесу. — Но зачем лорду Элю понадобилось это письмо?

— В письме называлось и его имя. Ему принадлежит около четырех процентов акций компании, плюс еще сколько-то — его клану. Они клиенты клана лорда Па Мак-фан, у которого тоже вложено туда немало средств. — Терца отхлебнула кофе. — Каждый раз, когда лорд Эль подтверждал перерасход средств на станции Ши, его капиталы росли.

Жуя булочку, Северин смотрел сквозь дубовую аллею на далекую Рио-Хондо. Восходящее солнце обводило каждый листочек серебристой каймой. Тени под кронами дубов были еще совсем темными. Язык щекотал кисло-сладкий вкус джема.

— Полагаю, имя Марселлы тоже значилось в этом списке, — сказал он. — Поэтому она и запаниковала.

— У Марселлы два процента акций, — подтвердил Мартинес.

— Неужели из-за двух процентов можно пойти на убийство? — удивилась Терца.

Мартинес посмотрел на жену.

— Марселлу всегда интересовал результат. Процесс для нее не главное, он — лишь средство для достижения цели. Если предстоит награда — она ее не упустит, если преграда — устранит. Нам стоило обратить внимание на то, с какой ловкостью она избавила лорда Мукерджи от его денег. А когда ее поймали, — продолжал он, — когда я отобрал у нее пистолет и связал, она тут же начала работать на новый результат — то есть на смягчение наказания. Она во всем призналась и свалила всю вину на Па и лорда Эля. Так что когда лорд Эль вместе с военной полицией поднялся на орбиту, я смог арестовать его прямо у дверей лифта.

— Значит, — подытожил Северин, — у этих игроков было по два и четыре процента соответственно. Кому же на самом деле принадлежит «Меридиан»?

— Десять процентов у Аллодорма, — пояснила Терца. — Он получил их, когда «Меридиан» выкупил его машиностроительную компанию. Но самым крупным владельцем был отец Кассильды, лорд Жиков, вместе с другими членами клана.

На лице Северина отразилось удивление.

— Должно быть, не очень приятно, когда тебя грабят родственники, — заметил он.

— И не только грабят, — добавила Терца. — Лорд Жиков планировал обанкротить «Компанию Ши», чтобы потом по дешевке скупить то, что от нее останется.

Северин обернулся на звук приближающихся шагов. С кривой усмешкой на губах к ним направлялся Роланд Мартинес. Он был одет по-домашнему — в белую хлопковую рубаху и полинявшие мешковатые брюки, стянутые шнурком на талии.

— Ну, как там Кассильда? — спросила Терца.

— Врач говорит, это продлится еще несколько часов.

Роды у Кассильды начались накануне вечером.

Перегнувшись через плечо брата, Роланд заглянул в серебряную корзинку.

— Вы что, ничего мне не оставили?!

— Мы не знали, выйдешь ты к завтраку или нет, — ответила Терца. — Можешь позвонить на кухню.

— У меня нет с собой коммуникатора, — сказал Роланд. — Гар, ты не мог бы звякнуть на кухню и заказать мне булочек и парочку утиных яиц?

Он тяжело опустился в белое металлическое кресло. Мартинес с покорным видом позвонил по своему нарукавному коммуникатору. Северин тем временем расправился с булочкой и налил себе еще кофе из серебряного кофейника.

— Что? — спросил Роланд в ответ на обращенный к нему любопытный взгляд Северина.

— Прошу прощения?

— У вас вопрос на лице написан.

— Я... — начал было Северин, но затем решил подойти к делу более тактично. — Должно быть, вам очень тяжело сейчас: госпожа Кассильда вот-вот разрешится от бремени, а ее отец сидит на куче денег, которые он у вас украл.

Роланд усмехнулся:

— Нет, на самом деле так намного легче.

Он налил себе кофе и взглянул на Северина.

— Все очень просто, — объяснил он. — Не знаю, проклянет лорд Жиков Марселлу или нет, но если он хочет когда-нибудь вновь увидеть младшую дочь или внука, он сделает все, что я ему скажу.

Северин от изумления открыл рот и, спохватившись, снова его захлопнул.

— Ясно... — пробормотал он.

— Понимаете, — продолжал Роланд, — Аллодорм и лорд Па стали чересчур жадничать: они воровали не только у нас, они воровали у Флота. А это уже вопрос не гражданского или корпоративного права, это оскорбление Порядка, и наказание за него — казнь. У Кассильды тоже есть акции «Меридиана», так что мы можем возбудить иск и против нее.

«Неужели ты на это способен?» — снова изумился Северин. Похоже, что так.

— В любом случае, все легко и просто, — продолжал Роланд. — Информации куча: у нас есть инспекторы на планете и другие информаторы, но все они отчитывались перед Марселлой, а она подгребала эту информацию под себя и сообщала остальным, что необходимые корректировки произведены.

— Плюс, разумеется, все заговорщики теперь доносят друг на друга, — вставил Мартинес.

— Поэтому в обмен на то, что мы не выложим всю эту информацию Легиону Усердия, — сказал Роланд, — мы просим половину принадлежащих лорду Жикову акций компании плюс все акции лорда Па, и Аллодорма, и Марселлы. Лорд Па заплатит нам приличный штраф — достаточно большой, чтобы на некоторое время вывести его из игры. А Марселла и Аллодорм какое-то время побудут под замком, пока мы не удостоверимся, что выжали из них все до последнего зенита.

— А первое, что сделаю я, — добавил Мартинес, — это прослежу, чтобы лорда Эля выгнали с Флота.

Роланд пожал плечами — так, будто речь шла о какой-то мелочи.

— Его долю мы, конечно, тоже получим. — Он принял задумчивый вид. — Я вот о чем думаю: может, заставить лорда Жикова обойти старшую дочь и сделать наследницей Кассильду? Тогда в итоге к нам перейдет все его состояние.

Мартинес посмотрел на брата: в его прищуренных глазах читалось неодобрение.

— Как человек, которого пытались убить, — сказал он, — я не очень-то рад, что все обойдется штрафами и взысканиями. Хотел бы я знать, как бы ты поступил, если бы Марселле удалось меня подстрелить.

И вновь Северин почувствовал напряженность в отношениях двух братьев и вновь подумал, что они, должно быть, не слишком-то любят друг друга.

Роланд совершенно невозмутимо поднес чашку к губам.

— Полагаю, после того как мы получили бы от Марселлы все, что нужно, — сказал он, — с ней мог бы произойти несчастный случай.

Мартинес смерил брата долгим взглядом, затем пожал плечами. Терца легонько похлопала его по руке.

— Благодаря капитану Северину, — сказала она примирительно, — эти проблемы нас уже не волнуют.

— Не столько благодаря мне, — смутился Северин, — сколько... Позвольте, вы сказали «капитану»?!

На губах Роланда заиграла сдержанная улыбка.

— Мы не хотим показаться неблагодарными, милорд. С высшей инстанцией Службы разведки уже проведена соответствующая беседа, в которой мы очень подробно разъяснили наше восхищение вашим подвигом. Так что, насколько я понимаю, вы получите повышение, а заодно и «Искатель», как только корабль выйдет из дока.

Северин вытаращился на него. «Неужели ты и на это способен?» — подумал он в который уже раз.

— Вдобавок, — сказал Мартинес, — мой отец жалует вам несколько участков лучшей земли на Ши. Так что когда вы решите оставить службу в разведке, в вашем распоряжении будет богатое поместье.

— И, полагаю, вам причитается солидное вознаграждение от «Компании Ши», — добавил Роланд. — Хотя, как я понимаю, нам придется сначала получить разрешение вашего начальства.

У Северина голова шла кругом.

— Но, — пробормотал он, — я ведь не сделал ничего такого...

— Всего лишь спасли все капиталовложения «Компании Ши», — улыбнулся Роланд.

— Я обезвредил пульсар, это правда, но настоящая причина того, почему капитан Мартинес не присоединился к Великим Повелителям, заключается в том, что он настоял на сохранении операции с «Титаном» в тайне. Я к этому не имел никакого отношения.

Мартинес ухмыльнулся:

— Я ведь должен был защищать свои инвестиции.

Северин непонимающе взглянул на него.

— На выигранные у лорда Мукерджи деньги я скупил все фьючерсные контракты у этих несчастных идиотов Аллодорма и Па, — объяснил Мартинес. — Некоторые из них, безусловно, ничего не стоят, но все равно теперь я богатый человек. — Он откинулся в кресле и довольно улыбнулся — не кому-то в отдельности, а миру в целом. — У меня никогда прежде не было собственных денег, — мечтатель-

но произнес он. — Они всегда доставались мне от Терцы или от отца. Даже и не знаю, что я буду делать с таким капиталом.

— Перспективы ошеломляющие, — пробормотала Терца.

Мартинес взглянул на брата.

— Ну и, разумеется, часть штрафов от заговорщиков пойдет на компенсации обманутым вкладчикам.

— Они знали, чем рискуют. — В голосе Роланда послышалось раздражение. — Так что им не на что жаловаться. В конце концов, это же фьючерсный рынок!

— Роланд! — Голос Мартинеса был тверд.

Роланд хлопнул в ладоши.

— Хорошо! Раз ты настаиваешь. Но если ты будешь продолжать в том же духе, я скоро пожалею, что Марселла оказалась плохим стрелком.

Мартинес улыбнулся:

— Я всего лишь борюсь за справедливость во Вселенной.

— А! — радостно воскликнул Роланд. — Вот и мой завтрак!

Улыбчивая светловолосая служанка принесла Роланду яичницу и еще одну корзинку с булочками. Терца посмотрела на Северина из-за ободка своей чашки.

— Вы увидитесь с госпожой Лайао, пока «Искатель» стоит в доке? — спросила она.

Северин бросил взгляд на свой опаловый перстень. «Неужели все уже в курсе?» — подумал он.

— Я посылал ей записку. Но, боюсь, все будет зависеть от ее планов.

И планов ее мужа.

— А какие теперь планы у вас? — поинтересовалась Терца.

— Ну-у... — замялся Северин. — Вообще-то я подумывал о создании кукольного театра.

За столом наступила тишина, которую нарушал лишь пересвист утренних птиц.

— Оригинально, — пробормотал Мартинес.

— Вы так думаете? — оживился Северин. — Если хотите, я расскажу поподробнее.

И поскольку утро впереди было долгое, этим он и занялся.

Перевела с английского
Зоя ВОТЯКОВА

© Walter Jon Williams. Investments. 2004. Публикуется с разрешения автора.

Глеб ЕЛИСЕЕВ

БИТВА ЗА РЕПУТАЦИЮ

В представлении многих читателей космическая опера тождественна НФ. Что, в общем, не удивительно — когда речь заходит об НФ, перед мысленным взором невольно возникает картинка: огромные звездолеты, бороздящие космические просторы, могучие флотилии, замершие в «пылающей тысячами лохматых солнц пустоте» перед схваткой, звездные империи и т.д. и т.п. А между тем у этого, пожалуй, самого популярного направления фантастической прозы петлистая и непростая судьба. Не жизнь, а настоящее «житие».

Понятие «телевизионная мыльная опера» давно стало привычным для любого россиянина. А впервые этот термин употребили в 1930-х годах американские журналисты, издеваясь над радиоинсценировками, спонсорами которых выступали многочисленные компании, в том числе и производящие мыло. Затем появилось родственное словосочетание «лошадиная опера», которым критики «клеймили» многочисленные однотипные вестерн-сериалы. А вот термин Space Opera впервые использовал писатель, критик и активный фэн У.Таккер в 1941 году в одном из своих выступлений по поводу «банальных, вымученных, омерзительных, избитых рассказов о космических полетах».

Термин прижился, со временем утратил оскорбительную интонацию и превратился в определение самостоятельного направления фантастической литературы. А сегодня появилось уже даже такое понятие, как «интеллектуальная космоопера».

По большому счету, границы этого поджанра критиками четко не обозначены. Самое общее представление: космическая опера — это произведение, максимально удаленное от правдивости и достоверности, рассказывающее о приключениях вне Земли (и вообще, желательно как можно дальше от Солнечной системы) на фоне межпланетной (межзвездной, межклановой) войны. А еще в этих произведениях нередко присутствуют атрибуты рыцарских и «морских» романов — королевства (разумеется, галактические), принцы, принцессы, пираты. Часто создатели космоопер заимствуют элементы и некий набор приемов из области героической фэнтези и даже «женских романов» (например, «Чакра Кентавра» Ольги Ларионовой). Отсутствие четкого определения поджанра приводит к тому, что зачастую в разряд кос-

моопер читатели и даже критики записывают «космические одиссеи» и особенно НФ–боевики.

Попробуем разобраться.

Время «звездных королей»

Первый эпизод, из которого впоследствии выросли многотомные сериалы о космических рейнджерах, звездных империях и галактических баталиях, сотворил еще Лукиан из Самосаты в знаменитой «Правдивой истории»*. Лукиан описал первое сражение в космосе, которое наблюдал его герой, путешествующий по планетам Солнечной системы. В битве этой сошлись обитатели Солнца и селениты, которых поддержали союзники, прибывшие с Большой Медведицы. Забавно, что первое в истории космическое сочинение уже носило откровенно пародийный характер!

Подлинную же историю космооперы историки жанра ведут от романа англичанина Роберта Коула «Битва за империю: рассказ о 2336 годе». В книге рассказывалось о войне землян, объединенных во всемирную Британскую империю, с пришельцами из звездной системы Сириуса. Однако, несмотря на масштабность и яркость картин космических баталий, нарисованных автором, роман не вызвал читательского ажиотажа и очень скоро был прочно забыт. Все очень просто: читатель рубежа XIX—XX веков требовал от фантастов научной достоверности, поэтому в уэллсовских марсиан, прилетевших с соседней планеты, он, читатель, верил с большей охотой, нежели в откровенный вымысел, вроде каких–то там агрессивных сириусян. Эпоха галактических перелетов в литературе еще не началась, и даже освоение родной Солнечной системы представлялось читателям слишком уж смелой фантазией.

Так что в первые годы XX века космоопера почти не развивалась (все–таки марсианские и лунные сериалы Э.Берроуза к жанру можно причислить с очень большой натяжкой), заметно уступая сюжетам о приключениях землян на вымирающем Марсе или дикой Венере.

В Советской России космоопера и вовсе долго не желала приживаться. Даже в эпоху нэповского бума фантастики истории о космических войнах и жгучих инопланетных принцессах оставались где–то на периферии. Вспоминаются только два раннесоветских образчика Space Opera — «Межпланетный путешественник» Виктора Гончарова и «Пылающие бездны» Николая Муханова (о последнем на страницах «Если» уже рассказывалось в статье Е.Харитонова «Полигон — космос», № 5

** Вообще, этот античный автор «застолбил» такое множество классических тем НФ, что просто удивительно, почему до сих пор не появилось жанровой премии, носящей его имя! (Здесь и далее прим. авт.)*

за 2003 г.). Хотя среди авторов, пытавшихся взрастить жанр на советской литературной почве, обнаружим и двух известных поэтов — Николая Асеева с рассказом «Расстрелянная Земля» и Грааля Арельского с «Повестями о Марсе».

Историки жанра традиционно называют трех отцов–основателей жанра — Эдмунда Гамильтона, Эдварда Э.«Дока» Смита и Джека Уильямсона. Хотя список стоило бы пополнить еще одним именем — Рэя Каммингса, одного из самых плодовитых и популярных американских фантастов начала XX века (его произведения охотно переводили и в России 1920–х годов). Из–под пера Каммингса вышло немало романов классической космооперы — «Таррано–завоеватель», «Лунные бандиты», «Человек на метеоре» и другие, — однако в послевоенные годы этот фантаст был основательно подзабыт не только читателями, но и критиками–фантастиковедами.

Самым раскрученным из классической троицы до сих пор остается, пожалуй, Гамильтон. Он первым использовал прием «сверхмасштабности антуража». Герои его книг, начиная с вышедшего в 1928 году «Межзвездного патруля», действовали на фоне всей Галактики и в буквальном смысле слова сотрясали звезды. Само название романа Гамильтона «Звездные короли» позже стало у критиков синонимом классической космооперы со всеми ее атрибутами — галактическими империями, межзвездными политическими интригами, «черными–пречерными» злодеями и «белыми–пребелыми» героями и, конечно же, флотилиями пылающих звездолетов, взорванными планетами...

Параллельно и независимо от Гамильтона похожую схему разрабатывал Э.Э. «Док» Смит. Если первый его роман о межзвездном корабле «Космический жаворонок» и его хозяине, изобретателе Сетоне, был ближе к традиции звездных одиссей рубежа веков в духе книг «Через Зодиак» П.Грега и «Путешествия в другие миры» Д.Эстора, то последующие новеллы и романы Смита — космооперы самого чистого «розлива».

Среди многочисленных произведений этого автора особенно выделяется сериал о «людях линзы». Начатый в 1934 году романом «Трипланетие», этот цикл из семи романов о многовековой галактической войне завершился лишь в 1950 году.

Книги Смита интересны не только масштабностью звездных конфликтов, но и тем, что фантаст первым использовал «метафизическое измерение в космоопере». За бесконечным грохотом энергетических пушек в «Людях линзы» стоят две галактические сверхцивилизации — носители абсолютного добра и абсолютного зла. Тогда все потенциальные возможности этого открытия осознали немногие, да и сам Смит сумел реализовать его не слишком внятно.

Поэтому борьба сверхцивилизаций порой выглядит ненужным довеском к истории приключений линзменов. Однако позже эта идея сильно повлияла на развитие всего жанра космической оперы. Другой вопрос, что к 1970—1980 годам англоязычная НФ прошла длительный путь развития, и ответы на вопросы о Добре и Зле утратили свою однозначность, прямолинейность: вспомните хотя бы расстановку сил в культовом ТВ-сериале 1990-х «Вавилон-5».

Джек Уильямсон завершил «обкатку» нового жанра, привнеся в повествование о космических королях и вселенских битвах элементы психологизма и полноценных, очеловеченных героев. Внешне «Космический легион», самый известный роман Уильямсона, мало чем отличается от книг о межзвездном патруле и линзменах. В «Легионе» тоже есть некая организация, которая борется с Галактическим Злом. Однако текст Уильямсона насыщен запоминающимися персонажами, так не похожими на ходульных, однотипных героев Гамильтона и Смита.

Не секрет, что успеху жанра во многом способствовала активно развивавшаяся комикс-индустрия. В 1930—1950-х авторы графических романов с особым удовольствием эксплуатировали сюжеты о приключениях романтических героев на фоне масштабных космических заварушек. Самый яркий пример — история с повестью Филиппа Нолана «Армагеддон 2419», опубликованной в 1928 году в «Amazing Stories». История американского пилота Бака Роджерса, попавшего в далекое будущее и принявшего участие в галактической войне, вероятно, осталась бы незамеченной, если бы не художник-комиксист Дик Калкинс, запустивший в 1929 году графическую адаптацию повести Нолана. Сегодня имя Бака Роджерса знакомо всякому любителю фантастики.

Основание «Основания»

Всеобщий подъем американской НФ в 1940—1950 годы сопровождался и новым этапом в развитии космооперы. Именно в эти годы «легкомысленный жанр» вдруг посерьезнел, впервые появилось понятие «интеллектуальная космическая опера» — на фоне головокружительных приключений авторы стали пытаться вести с читателем серьезный разговор. Одним из первых модернизировать жанр попытался Айзек Азимов. Речь идет о сериале всех времен «Основание», начальный роман которого вышел еще в 1942 году. Некоторые критики прямо называют эту серию лучшей космооперой за всю историю существования жанра. Что ж, действительно, все классические атрибуты оперы в «Основании» налицо: Галактическая империя, находящаяся на грани краха; некая организация, которая борется против наступающего варварства за торжество добра; злодеи, противостоящие «хорошим героям»... Но на каком

принципиально ином литературном и научном уровне воплощены эти художественные идеи! «Основание» — сериал явно не для досужего времяпрепровождения, это серьезная литература, не всегда доступная для восприятия. Другой цикл Азимова — «Имперская трилогия» — пожалуй, ближе к канонической космоопере. Эти три романа — приквел к «Основанию», написанный позже и повествующий об истории завоевания человечеством звезд и создания Галактической империи.

Нетривиальные космооперы создавал в те же годы Джеймс Блиш. Сюжеты не выходили за рамки классической традиции, но НФ-идеи, например, сериала о «городах-кочевниках» («Землянин, вернись домой», «Звезды будут принадлежать им», «Жизнь за звезды»), отличались новизной и оригинальностью. Образ земных городов, превращенных в космические корабли-ковчеги, покорил читателей.

К разряду интеллектуальных космоопер 1950—1960-х можно отнести и блистательный роман Альфреда Бестера «Тигр! Тигр!», во многом предвосхитивший идеи и художественные решения более поздних образцов жанра. Как, кстати, и самый милитаристский образец жанра — «Воины звездного корабля» («Звездный десант») Роберта Хайнлайна.

Одной из наиболее плодовитых писательниц 1940—1950-х была Ли Брэккетт, жена Э.Гамильтона. Массовому читателю она больше знакома по фэнтезийным сагам, хотя в 1950-х создала целый ряд интереснейших космоопер — «Люди со звезд», «Большой прыжок», «Альфа Центавра или смерть!». Но главным ее «оперным» достижением стал, конечно же, сценарий ко второй части кинотрилогии «Звездные войны» — «Империя наносит ответный удар» (сам фильм Брэккетт уже не увидела).

Красная опера

Пытались освоить жанр и в послевоенном СССР. Но беда в том, что даже после выхода «Туманности Андромеды» советская НФ все еще с большим трудом двигалась к дальним звездам. Что же говорить о космической опере — жанре, признанном идеологически вредным.*

Попытка же протащить в нашу литературу самую настоящую космическую оперу была тут же подвергнута жесточайшей критике, причем не только со стороны цензоров. Скандально известный роман Александра Колпакова «Гриада», вышедший в 1960 году, дружно ругали и коллеги-фантасты — и в общем-то справедливо. В основном, конечно, за откровенно заимствованные фрагменты из Уэллса.

** Хотя очевидные «оперные» отметины легко заметить в некоторых популярных книгах рубежа 1950—1960-х — «Марс пробуждается» Константина Волкова, «На оранжевой планете» Леонида Оношко.*

Но этой книгой зачитывались: такой лихой, зубодробительной фантастики наши авторы еще не писали, хотя содержание романа на долгие годы стало объектом насмешек и пародий (вспомним описание путешествия в воображаемое будущее из «Понедельника...» АБС).

А вот детская фантастика весьма бойко использовала элементы и атрибуты «запрещенного жанра». И здесь советским фантастам есть чем похвастать — взять хотя бы «Экспедицию в преисподнюю» С.Ярославцева или «Путешествие Алисы» Кира Булычёва.

В конце 1960-х чудом проскочила эпическая космоопера в лучших традициях жанра: масштабное галактическое столкновение двух цивилизаций с ревом кораблей и залпами пушек. Замаскирован роман «Люди как боги» Сергея Снегова был под коммунистическую утопию.* В 1966—1968 годах удалось опубликовать только первые две части эпопеи, а заключительная — «Кольцо обратного времени» — вышла лишь десятилетие спустя. По существу, «Люди как боги» в судьбе отечественной космической оперы сыграли роль, близкую той, что выпала на долю ефремовской «Туманности Андромеды»: негласно жанру позволили существовать, разумеется, без упоминания самого словосочетания. Нельзя сказать, что советские фантасты десятками стали производить остроприключенческие повести и романы, но через приоткрытую Снеговым дверцу все-таки выпорхнули весьма достойные образцы советской Space Opera — «Сезон туманов» Евгения Гуляковского, «Реликт» Василия Головачёва, а позже, уже в конце 1980-х, и «Чакра Кентавра» Ольги Ларионовой.

«Кризис подкрался незаметно...»

В 1965 году в США вышла книга, перевернувшая представление о том, какой должна быть настоящая космическая опера. Пожалуй, все-таки «Дюна» Фрэнка Херберта несколько опередила свое время — не случайно же так долго ее отвергали все жанровые издательства: до подобных углубленных эпопей фантасты дозреют лишь к 1980-м годам. Этот объемный роман был под завязку набит нетривиальными идеями. Но главное — впервые появилась космоопера, в которой столь тщательно разработан мир, от биологии и социологии до религий, этики и лингвистики.

По существу, Херберт указал направление, в котором должен развиваться жанр.

Но и помимо могучей эпопеи 1950—1960 годы дали миру немало великолепных книг, написанных в

** В те же годы выпустил целый ряд откровенно эпигонских «мистических космоопер» украинский писатель-диссидент Олесь Бердник — «Призрак идет по Земле» (1962), «Пути титанов» (1962), «Звездный корсар» (1971). (Прим. ред.)*

этом жанре. Здесь можно вспомнить изящные романы Джека Вэнса из циклов «Планета приключений» и «Принцы–демоны»; оригинальную, сложную, многоуровневую вселенную придумал Гордон Диксон в сериале о воинах–дорсаях; нельзя не упомянуть и популярный цикл Андре Нортон о торговом корабле «Королева Солнца» («Саргассы в космосе», «Чумной корабль», «Планета вуду», «Проштемпелевано звездами») и ее же романы о Звездном патруле — «Последняя планета» и «Звездная стража».

За пределами англоязычного мира интерес к космической опере ярче всего проявился во французской НФ. Хотя французы демонстративно предпочитают идти «своим путем», и это нередко заводит их в творческий тупик, но в 1950—1960–е наследники Жюля Верна выдали немало блестящих образцов жанра: трилогия Франсиса Карсака «Пришельцы ниоткуда», «Этот мир — наш» и «Космос — наш дом», ро–маны супругов Ш. и Н.Эннеберг «Песнь астронавтов», «Роса Солнца» и «Язва».

Особняком стоит немецкий межавторский сериал о Перри Родане, который с самого начала носил пародийный характер. Первый выпуск вышел в 1961 году и к сегодняшнему дню издано более 800 томов похождений галактического супермена, которого критики в шутку обозвали «Гитлером галактической эпохи».

Уже к концу 1960–х в жанре наметился явный кризис идей и сюжетов. Закономерно, что и читательский интерес к историям о космических империях и супергероях серьезно поубавился. Явно по инерции выдавали на гора свои однотипные романы Эдвин Табб и К.Балмер.

Зато вовсю порезвились пародисты и сатирики. Били по самым уязвимым местам космооперы: по ее повторяемости, по расхожести ситуаций, по избитости самой темы галактических приключений и схваток. Напомним читателям наиболее яркие пародии: «Билл — герой Галактики» Гарри Гаррисона, трилогия Алексея Паншина «Звездный колодец», «Революция на Турбе» и «Мир масок», а также сериал Сэма Люндваля о Бернхарде–завоевателе.

Возрождение

Казалось бы, «Новая волна» должна была окончательно похоронить космическую оперу. Но в самый разгар эпохи литературных экспериментов и борьбы с «пережитками прошлого» у жанра вдруг открылось «второе дыхание». Пол Андерсон запускает серию о мичмане Флэндри и, будто издеваясь над умствованиями «волновиков», под завязку наполняет романы серии всеми штампами классической космооперы образца Гамильтона—Смита. Другим успешным проектом тех лет можно назвать сериал Фрэда Саберхагена о берсеркерах. Самой же удачной космической оперой 1970–х стал роман Ларри Нивена и Джерри Пурнелла «Мош–

ка в зенице Господней». В качестве фона соавторы использовали мир Совладения, созданный Д.Пурнеллом в его сольных романах о командире отряда наемников Фалькенберге «Наемник» и «Запад славы». Рассеявшееся по Галактике человечество пережило эпоху межгалактических войн, падение Первой империи человека, смутные времена и становление Второй Галактической империи. И вот теперь оно сталкивается с инопланетянами в системе звезды Глаз Мерчисона...

Неожиданно громко заявил о себе Алан Дин Фостер сериалом о приключениях в космосе юноши-сироты Флинкса.

Заслуживает уважения своей преданностью жанру австралиец Б.Чандлер, на протяжении 20 лет создававший книги о Галактической Федерации и мирах Окраины (всего вышло более тридцати романов).

Если на заре космооперы важную роль в ее становлении и популяризации сыграли комиксы, то после «Новой волны» на помощь жанру пришел кинематограф. Как нетрудно догадаться, это было связано с появлением «Звездных войн» Джорджа Лукаса. Кинотрилогия вернула космической опере самое главное — читательское доверие и любовь. Изменился и облик самого жанра, обогащенного, кстати, и наработками авторов «Новой волны». Один из показательных примеров — творчество американца Сэмуэля Дилэни, продемонстрировавшего в романах «Нова» и «Вавилон-17», что и в оболочке космической оперы можно экспериментировать с языком и смыслами.

Экспериментировал с жанром не только Дилэни. Б.Лупофф под видом космической оперы пропагандировал идеи молодежной контркультуры США — «Блюз «Космическая война»; Д.Чалкер успешно сочетал мотивы звездных приключений и историй об особенностях инопланетного разума в сериале «Колодец душ», а Б.Лонгиер сумел радикальным образом изменить саму суть жанра в замечательной повести «Враг мой»: вместо живописания решительной победы над проклятыми завоевателями автор заговорил о поиске взаимопонимания и о возможности диалога.

Не последнюю роль в возрождении интереса к космоопере сыграла и Кэролин Черри, создавшая ряд удачных сериалов, действие которых разворачивается на фоне военного и политического противостояния Земли с другими цивилизациями. Еще одним любопытным опытом писательницы стал цикл романов о гуманоидной львице Чанур, написанный от лица инопланетянки.

Тогда же, в начале 1980-х, к направлению с триумфом вернулся А.Азимов. Решив продолжить сериал об «Основании», он талантливо связал его фундаментальные положения с концепциями и героями, присутствующими в

другом известном цикле — сериале о роботах.

С блеском и на гораздо более высоком литературном уровне реализовались в эти годы подзабытые открытия мастеров эпохи становления жанра. Л.М.Буджолд, явно вдохновленная примером Д.Уильямсона, выстроила целый сериал о полуфеодальной планете воинов Барраяр, особое внимание уделяя тщательно выписанным и запоминающимся образам главных героев.

Значительную роль в модернизации космической оперы сыграли и три главных научных фантаста 1980-х годов — Грегори Бенфорд, Дэвид Брин и Грегори Бир. Именно они наиболее ярко показали, что для возрождения жанра необходимо синтезировать в рамках привычной схемы мотивы, заимствованные из других направлений НФ. Бенфорд в сериале о колониях людей, созданных возле ядра Галактики («Великая небесная река», «Приливы света» и др.), на значительно более высоком уровне, нежели Ф.Саберхаген, разработал тему противостояния человеческого и механического разумов. Д.Брин в «Звездном приливе» и «Войне за возвышение», используя традиционные образы космической оперы, повел разговор о долге носителей разума перед другими живыми существами, обитающими рядом с ними на планете. Г.Бир в дилогии «Божья кузница» и «Наковальня звезд» рассказал об искусственной космической катастрофе, уничтожившей Землю, и о космической войне, которую ведет против уничтожителей планет экипаж земного корабля «Спутник зари».

Отдельные авторы успешно экспериментировали с текстами, которые ранее были довольно холодно встречены читателями как раз из-за явной «оперности». Иногда в этой ситуации случались просто поразительные удачи. Так, повесть О.С.Карда «Игра Эндера», вышедшая в свет в 1975 году, не произвела сколько-нибудь значительного впечатления, зато ее романная переделка получила «Хьюго» и «Небьюлу», а продолжение — роман «Голос тех, кого нет» — повторило успех.

Безусловная же вершина жанра 1980-х — дилогия «Песни Гипериона» Дэна Симмонса. То, насколько серьезно эволюционировала Space Opera, становится ясно, если сравнить дилогию Симмонса и произведения Э.Э. «Дока» Смита или Э.Гамильтона. На фоне мощного, перенасыщенного культурным бэкграундом рассказа о войне Гегемонии Человека с космическими Бродягами, где завязаны в один клубок темы взаимоотношения с искусственным разумом, пути эволюции людей, космоса и Бога, ранние космооперы выглядят примитивными сочинениями.

Модернизированный жанр стремительно завоевал любовь не только читателей, но и самих писателей. Например, Йен Бэнкс успешно стар-

товал в 1984 году романом «Осиная фабрика» и укрепил свою репутацию серьезного автора романами «Шаги по стеклу» и «Мост». Однако после этого он неожиданно занялся экспериментами на поле коммерческой литературы и создал отменный космооперный цикл о гуманоидной цивилизации Культуре и ее борьбе с негуманоидной Идиранской империей («Вспомни о Флебе», «Игра всей жизни», «Выбор оружия» и др.).

Импульс, который космическая опера получила в 1980-х годах, не угас и по сей день. Фантасты англоязычного мира продолжают создавать талантливые произведения в этом направлении. Достаточно перечислить несколько опорных имен, чтобы представить нынешний уровень жанра западного образца: У.Й.Уильямс, В.Виндж, Д.Зинделл, П.Гамильтон, А.Рейнольдс, С.Бакстер, П.Макоули...

В 1990-е годы космоопера стремительно завоевала симпатию и российских фантастов — вопреки воспитанному советскими годами презрительному отношению критиков к «космической пальбе». Более того, наши авторы, словно наверстывая упущенные годы, активно развивают все варианты этого жанра. В современной российской НФ присутствуют как классические образцы в духе «Золотого века» (сериал «Тени войны» А.Орлова или романы Р.Злотникова), так и произведения, выполненные в манере космоопер 1960—1970-х (трилогия «Улей» С.Фрумкина). Большинство же российских фантастов отдают предпочтение космической опере в стиле широкоэкранного барокко — «Линия грез» и «Звезды — холодные игрушки» С.Лукьяненко, многие романы В.Головачёва, сериал «Череп на рукаве» Н.Перумова, цикл В.Васильева «Смерть или слава». Даже у авторов интеллектуального направления НФ можно встретить ярко выраженные элементы «легкого» жанра: «Ватерлиния» А.Громова, «Лучший экипаж Солнечной» О.Дивова. В отдельных случаях авторы используют форму космической оперы для проповеди своих политических или идейных воззрений, как, например, в трилогии Д.Володихина «Убить миротворца», «Конкистадор» и «Долиной смертной тени». Экспериментируя, А.Зорич синтезировал традиции советского военно-патриотического романа с литературным сюжетом, типичным для космооперы, и в результате появилась на свет, пожалуй, самая значительная интеллектуальная космическая опера последнего времени — трилогия «Завтра война», «Без пощады» и «Время — московское».

Одним словом, космическая опера все еще остается королевой приключенческой НФ. Как сказал граф Уваров (правда, совсем по другому поводу): «Прошлое ее — великолепно, настоящее — блистательно, будущее — превышает всякое воображение».

❑

Рецензии

Алексей СОКОЛОВ, Виталий КАПЛАН

СТРУНА

Москва: Форум, 2006. — 416 с. (Серия «Другая сторона»). 4000 экз.

Все существующие уровни реальности связывает между собой Великая Струна. Она звенит, и отзываются ей иные миры. И есть организация, которая сумела войти в контакт с Великой Струной и напитаться ее энергией. Называется сия организация, естественно, тоже «Струна». И цели перед собой она ставит самые благородные — спасение и охрану детей в нашем столь неблагополучном мире. Только вот бывший учитель Константин Демидов, случайно угодивший в жернова «струнного» правосудия, сильно сомневается в искренности устремлений этого подпольного объединения. Впрочем, скоро Демидов сам сможет во всем разобраться. Потому что волею судьбы он не только еще раз столкнется со «Струной», но и вступит в ее ряды...

Вот с такой посылки начинается роман московских фантастов. Его основной полемический заряд направлен против разнообразных сочинений о том, как радикальными методами Россию вытащили из пропасти, в которую она угодила в 1990–е годы. Нетрудно обнаружить и иные объекты критики со стороны дуэта: тут и отдельные идеи В.Крапивина (в частности, концепция «Командорства» — ордена, защищающего детей), и даже «теория воспитания» ранних АБС.

«Струна» — литературоцентричная, очень интеллигентская и, пожалуй, слишком идейная книга с весьма нетривиальной НФ–идеей и небанальными психологическими портретами. Однако некоторая идеологическая заданность событий лишила текст сюжетной интриги. К сожалению, финал романа читателем легко разгадывается уже по прочтении первых глав. Паровоз «Струны» катится к этой последней станции по железным рельсам, проложенным еще шестидесятниками. Даже финальный Выбор главного героя, отказывающегося от лидерства в «Струне», невольно вызывает в памяти строки А.Городницкого: «А мне говорят: «Вставайте в ряды!» А я говорю: «Не буду».

Глеб Елисеев

Ансельм ОДЛИ

ЕРЕТИКИ АКВАСИЛЬВЫ. ИНКВИЗИЦИЯ

Москва: АСТ — Транзиткнига, 2006. — 830 с. Пер. с англ. С.Трофимова, Ю.Кряклиной. (Серия «Золотая серия фэнтези»). 4000 экз.

Молодой талантливый автор Ансельм Одли в семнадцать лет заключил договор на издание фэнтезийной трилогии о мире Аквасильвы. Первая книга вышла из печати, когда фантасту было девятнадцать. Сейчас, когда первые два тома трилогии выпущены на русском языке, молодой историк заканчивает обучение в Оксфорде.

В «Еретиках...» экспозиция затянута и слегка занудна: автор еще нарабатывает литературные навыки. Позднее, раскачавшись, он пишет легко и динамично, даже самые длинные отступления не перегружают текст. А ведь о планете Аквасильва есть что рассказать. Она в три раза больше Земли и почти вся покрыта океаном глубиной десять тысяч миль (конечно, такого не бывает). Здесь есть электроника и даже силовые щиты (источник цитаты очевиден), но нет радиосвязи. Здесь редки полезные ископаемые... Впрочем, это неважно: в фэнтези научная картина мира является необязательной деталью. Главное — отношения между людьми и социальные институты. На Аквасильве кипят конфликты между островными империями, их осколками и центрами религиозной власти. Из шести магических начал Огонь вырвался в лидеры и завоевал монополию, сторонники других начал объявлены еретиками и будут уничтожены. Открытие крупных залежей железной руды в графстве Лепидор дает начало новым войнам. Юный Катан, наследник лепидорского графа и, как выяснится позднее, вероятный наследник имперской короны, могущественный маг нескольких стихий, сопровождаемый двумя очаровательными спутницами, бросает вызов...

Похоже на сбывшиеся подростковые мечты о «комплексном» мире, где наличие душа и электричества не противоречит феодальному строю. «Вторичная литература», по выражению одного критика, созданная из образов и цитат других авторов. Но при этом прописанная с тщательностью и вниманием, с глубоким уважением к традициям жанровой культуры.

Сергей Некрасов

Илья НОВАК

DEMO-СФЕРА

Москва: Форум, 2006. — 304 с. (Серия «Другая сторона»). 3000 экз.

Будущего, которое выглядело бы гаже, не рисовал еще никто из наших фантастов. Этот холодный, слабо адаптированный для людей мир функционирует эффективно, только счастья никому не приносит. Технологически он устроен невероятно сложно, и некоторые отрасли науки ближе к мистике, чем к научным дисциплинам. И даже язык автор использует максимально неудобочитаемый, при том, что в других романах и тем более рассказах Новак совершенно иначе конструирует лексику героев, да и авторских отступлений. Этому писателю отлично удается и стилизация, и старая добрая реалистическая манера письма. Но здесь он пошел на эксперимент: постарался неуютным, металлическим языком расписать неуютный, информационно-технологический мир. Получилось исключительно сильно и неожиданно. Может быть, впервые к киберпанк-роману подобран адекватный стиль русского языка.

Роман Ильи Новака страшен тем, что повествует о реальности, почти лишенной различий между добром и злом. Собственно, фабула книги проста: из чистой эффективности этот мир конструирует ад, и ад пожирает его, закрыв тем самым историю современного человечества. Но маленькие островки тепла в стылой действительности даруют надежду на спасение. Могут спастись только те, кто совершает жертвенное движение в сторону любви, хотя бы для этого потребовалось расплатиться жизнью.

«Demo-сфера» насыщена скрытыми цитатами из классических литературных и философских трудов, в ней неявно ведется теологическая полемика. Новак показывает читателям, сколько в истории «цивилизованного человечества» было разумного, великого, блистательного, но в перспективе все это скопище остроумных мыслей приводит людей к падению и гибели. Можно бы и поспорить с автором по части теологической темени, щедро разлитой по всему роману. Уж больно черна его правда, и нет даже видимости «предупреждения», алармистского плаката. Но литературное воплощение авторских идей выполнено мастерски.

Дмитрий Володихин

Дмитрий СКИРЮК

ПРИВИВКА ПРОТИВ ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Москва: Форум, 2006. — 512 с. (Серия «Другая сторона»). 4000 экз.

Автор цикла про Осеннего Лиса выступил в совершенно неожиданном качестве — ну кто мог ожидать от Скирюка «пиратского романа» в духе «Капитана Врунгеля»? Впрочем, и по интонации, и по гремучему сочетанию фантасмагории и «бытовухи» эта книга вызывает в памяти «Самую легкую лодку в мире» блестящего детского и грустного взрослого писателя Юрия Коваля.

Приключения шестерых друзей–растяп, угнавших бутафорский корабль американских киношников и совершивших на нем кругосветное путешествие, разумеется, абсолютная фантастика, пуще того, буффонада. То они спичкой светят, чтобы узнать, остался ли в бочке бензин; то открывают ларек для торговли с людоедами; то ставят в полярных льдах «Ромео и Джульетту»... Абсолютно несерьезная вещь, этакая сказка для взрослых мужиков, которые когда–то были маленькими, мечтали о путешествиях и зачитывались «Одиссеей капитана Блада». На деле эта книга, как любой реквием по утерянной мечте, очень грустная, но грусть эта присутствует между строк как бы неявно: праздник сменится буднями, все вернется на свои места, приключения окончатся, — да и были ли они на самом деле? Собрались усталые отцы семейства, выдумали веселую сказку, рассказали ее друг другу, посидели за столом... Хорошо, видимо, посидели. А потом разошлись, каждый по своим делам.

Элемент капустника в этой книге, конечно, есть — как и во всех текстах такого рода. Но останется книга просто историей «для своих» или будет любима многими, зависит исключительно от таланта автора. И еще от соотношения условности и правдоподобия, которое не каждому удается выдержать. Пермскому фантасту удалось это сделать в главном — персонажи, с их былинно утрированными недостатками и личностными чертами, тем не менее очень узнаваемы. А интонация рассказчика предельно серьезна и доверительна. Как и положено человеку, повествующему совершенно неправдоподобную историю.

Татьяна Рудницкая

Чайна МЬЕВИЛЛЬ

КРЫСИНЫЙ КОРОЛЬ

Москва — СПб.: ЭКСМО — Домино, 2006. — 352 с. Пер. с англ. О.Гайдуковой под ред. А.Ильина и К.Лопашинова. (Серия «NECTАНДАРТ»). 3100 экз.

История, не закончившаяся в Гаммельне, продолжилась в Лондоне конца XX века. Старые мифы оживают, и гаммельнский Дудочник вновь стремится свести счеты с Крысиным королем.

Выброшенные на улицы современного мегаполиса персонажи разыгрывают старую историю на новый лад: теперь в ней участвуют Лоплоп, предводитель птиц, и Ананси, вождь пауков, а заодно с ними полицейские и диджеи. Главным действующим лицом в этой интриге является Сол Гарамонд, внебрачный сын Крысиного короля и самки человека. Неподвластный чарам Дудочника, он может помочь королю вернуться на трон, а может сыграть свою собственную игру.

Создатель этой мрачной сюрреалистичной фантазии — обладатель премии Артура Кларка и Британской премии фэнтези, представитель плеяды молодых авторов, формирующих облик нынешней британской НФ и фэнтези. «Крысиный король» — дебют фантаста в крупной форме.

История про крыс и людей оказалась даже не римейком, а сиквелом старой сказки. Среди аналогов можно вспомнить, например, «Американских богов» Нила Геймана.

Примечательной особенностью книги стала ее сопряженность с миром музыки. Рэперы, музыканты и диджеи не только появляются на обочинах повествования, но играют сюжетообразующую роль. Да и финальная Большая Драка с участием полчищ крыс и пауков происходит в ночном клубе под вспышки стробоскопов и под звуки хардкора и драм-энд-бейса. Действительно, чем еще заняться инфернальному Дудочнику в Лондоне, если не джанглом?

Что ж, со сказочными персонажами Мьевилль обращается виртуозно. Вообще роман, классический образец мрачной городской фэнтези, читается на едином дыхании, чему способствует и закрученный динамичный сюжет с легким налетом детектива. Правда, городские обыватели, прочитав «Крысиного короля», думаю, еще больше возненавидят крыс.

Сергей Шикарев

ГОРОДСКАЯ ФЭНТЕЗИ-2006. Сост. Василий Мельник

Москва: ЭКСМО, 2006. — 544 с. 15 000 экз.

Дебютный сборник «Городская фэнтези», судя по обозначению года на обложке, претендует на роль очередного ежегодника в пестром театре современной фантастики. В «ЭКСМО» такие книги составляет Василий Мельник, и данный случай не исключение, однако от НФ–ежегодника и чисто фэнтезийных «родственников» новый его труд заметно отличается.

Слишком велика дистанция между текстами, лидирующими по части художественного уровня, и всем остальным. В группу отрыва входят: рассказ Г.Л.Олди «Восстань, Лазарь!», повесть Василия Мидянина «Московские големы», повесть Александра и Людмилы Белаш «Охота на Белого Оленя», но, прежде всего, цикл рассказов Владимира Березина, среди которых можно выделить в качестве абсолютного лидера миниатюру «Царь рыб». Есть также один–два «переходных» текста, прочее же производит впечатление сочинений, написанных на заданную тему. Или того хуже — ошметков от «нормальной» фэнтези.

«Царь рыб» и «Охота на Белого Оленя» представляют собой эксперимент по соединению литературных стилей, на первый взгляд, несоединимых. В первом случае классическая «Сказка о рыбаке и рыбке» аранжирована на стыке «производственного детектива» и чистой мистики. Во втором — сказочное повествование о добрых зверях, отбившихся от злых охотников, превращено в едкую сатиру на миротворческую операцию. Вот ключевая фраза оттуда: «Щедрые на смерть для братьев меньших цивилизованные люди терпеть не могут, когда с охоты вместо трофеев поступают гробы...» Впрочем, под занавес, думается, не стоило раскрывать суть дела столь прямо, столь публицистично. И без того понятно, о чем идет речь.

Сборник объединил довольно разнородный материал: тут и социальная аллегория, и мистика, и городская фэнтези. Но тексты лидеров, не вписывающиеся ни в один серийный ежегодник современной фантастики, обеспечили главное: интерес к «Городской фэнтези — 2007». Непустой вышел опыт...

Евгения Кристинина

Илья НОСЫРЕВ

КАРТА МИРА

Москва: ФОРУМ, 2006. — 400 с. (Серия «Другая сторона»). 4000 экз.

Вот книга, опровергающая многие принятые установки. Автор предлагает нам роман, с трудом укладывающийся в четкие каноны жанра (что, кстати, вообще характерно для нынешней фантастической прозы).

В некий час своей истории — час максимального технологического торжества — человечество почему-то внезапно утеряло власть над силами природы, утратило проверяемость своих научных знаний. И довольно быстро с наслаждением скатилось в средневековье. Но это не средние века по Энгельсу — это миф о Средневековье со всей возможной магией и нарушением ньютоновских законов. Упал сверху — хоть бы хны. А сбоку — расплющит. Мелочь, но в древности, говорят, бывало и не такое...

Похождения рыцаря Рональда, чья образованность не вполне привычна для представителя сего сословия, и монаха Иегуды, обладателя некоего небессмысленного дара, — авантюрная оболочка романа. Встреча героев со злодеем — сэром Браккcгаузентруппом, прямой эманацией «божественного маркиза» де Сада; столкновение героев с крестьянским восстанием, чью основную силу составляют воскресшие мертвецы; диалог героев с химерическими существами (русалками, кентаврами и т. д.) и нахождение загадочного Муравейника — все это вполне укладывается в каноническое, пусть и несколько безумное фэнтези.

Однако не роман так прост. То человечество, что аналогично нашему — история, преломленная отчасти косо, отчасти карикатурно. И смерть не смерть, и чудо не чудо. В модели Носырева есть вполне «позитивистское» объяснение происходящего. Но оно не дает окончательного удовлетворения. Важен сам способ, каким писатель излагает свою вполне нетривиальную, горькую и одновременно смешную историю. Этот метод — метод гротеска, абсурда, самопародийности, выхода за проверяемость любыми способами, будь то точное знание или миф. Популярный на Западе, в последнее время он входит в моду и в современной отечественной словесности.

Данила Давыдов

КЛУБ ОДИНОКИХ СТРЕЛКОВ

Г.Л.ОЛДИ, Андрей ВАЛЕНТИНОВ. ТИРМЕН. ЭКСМО. 10 000 экз.

Дмитрий Громов и Олег Ладыженский, заслуженно признанные в нынешнем году лучшими фантастами Европы, счастливы в соавторстве. Счастливы настолько, что не боятся идти на дальнейшие эксперименты подобного рода, привлекая к сотрудничеству близких по духу писателей. До сих пор результат оправдывал ожидания — «Рубеж» и «Пентакль», написанные вместе с Мариной и Сергеем Дяченко и Андреем Валентиновым, стали в свое время заметным событием в отечественной фантастике и собрали немало жанровых премий.

«Тирмен» — из того же ряда, хотя на этот раз Олди ограничились сотрудничеством со своим неоднократным соавтором, профессиональным историком Андреем Валентиновым.

Если мы признаем, что роман — это произведение, показывающее судьбу человека перед лицом истории, то «Тирмен», безусловно, роман, в отличие от многих НФ-стрелялок-and-бродилок. В чем-то «Тирмен» отдаленно напоминает «Посмотри в глаза чудовищ» Андрея Лазарчука и Михаила Успенского. Перед нами снова почти неуязвимый герой, облеченный тайной миссией и наделенный невероятными возможностями, избранный посредник между людьми и некоей высшей силой, свидетель и участник ключевых исторических событий, знакомец культовых персонажей XX века. Однако если герой Лазарчука и Успенского играет на стороне порядка, то герой Олди и Валентинова — на стороне хаоса. Его миссия — не сохранять статус-кво, а нарушать мировое равновесие, поскольку равновесие приводит к торжеству энтропии, а в метафизическом плане — к концу света.

Жизнь возможна, пока во вселенском порядке присутствуют элементы хаоса, и тирмены-стрелки, взламывая расчисленную наперед книгу судеб, призваны вносить элемент непредсказуемости в неотвратимое расписание жизни и смерти.

Пока существуют тирмены — жизнь продолжается. Но убийство есть убийство, даже если оно происходит на высшем, метафизическом плане, на «плюс первом» уровне бытия. За долгую жизнь, за удачу, благополучие свое и близких тирменам приходится дорого расплачиваться с судьбой–заказчицей.

Тирмены, одиночки–профессионалы, предпочитают прятать свои сверхчеловеческие способности под скромными личинами госслужащих, а чаще всего — неприметных смотрителей тиров в парках культуры и отдыха. Иными словами, тайная организация одиночек, маленьких людей, исподтишка нарушающих порядок мироздания. Такая вот мафия, состоящая из членов низшего обслуживающего персонала. Впрочем, нашего человека, привыкшего видеть неотвратимо–зловредную силу хоть в регистраторше поликлиники, хоть в жэковском слесаре, этим не удивишь. Вот и грозный вор в законе, ставший хозяином Парка Культуры и Отдыха, где сидит за стойкой тира старый Петр Николаевич, быстро смекает, что к чему. И не просто держится на равных со старым фронтовиком, но, кажется, даже учится у него порядочности и внутреннему достоинству. И не только он один.

Впрочем, «вечная суббота» — рай на земле, остановка вселенского круговорота жизни и смерти, кажется, все–таки грядет. И оказывается не так страшна, как мыслилось. Стоило ли ради того, чтобы оттянуть ее наступление, провести человечество через кровавые бани XX века? Писатели ответа не дают — весьма вероятно, что однозначный ответ здесь в принципе невозможен.

Однако интересна уже сама попытка по–новому взглянуть на традиционную проблему противостояния порядка и хаоса.

Те, кто бывал на «Звездном мосту», сразу узнают место основного действия романа — харьковский Парк Культуры и Отдыха, что напротив гостиницы «Харьков», равно как и соседние реалии: Сумскую, памятник Шевченко, театр... Это дополнительный, если так можно выразиться, бонус для ближнего круга любителей фантастики. Остальные же читатели, слабо знакомые с топографией Харькова, оценят историческую достоверность и точность в деталях (несомненная заслуга Андрея Валентинова), а также дотошное и любовное описание самого разнообразного стрелкового оружия. Кстати, если вспомнить «Кабирский цикл», для писателей Олди именно ружья с пистолетами изначально воплощали неумолимый и равнодушный рок — в отличие от честного и одушевленного оружия холодного.

Помимо основного текста составители серии «Триумвират» снабжают каждую книгу внушительным блоком послесловий; в данном случае этот раздел вполне можно рассматривать как своеобразный мастер–класс — еще один бонус для близких к фэндому читателей, а вернее, для начинающих авторов.

Мария ГАЛИНА

К О Н К У Р С

«АЛЬТЕРНАТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ»

Дорогие друзья!

Жюри готово поделиться своими впечатлениями о состоянии умов подрастающего фантастического поколения. Состояние — стабильное: как и на прошлых этапах конкурса участники продемонстрировали неплохой слог одновременно с некоторой растерянностью в поиске свежих НФ–идей. Потому, наверное, мы обратили взор к творчеству нашего постоянного читателя, поднаторевшего в распутывании хитроумных загадок другого фантастического конкурса — «Банк идей», где он недавно стал победителем.

Родился Олег Петрович Костенко в Ленинграде в 1969 году, окончил ВТУЗ и трудился на заводах Санкт–Петербурга. Опубликовал несколько рассказов в журналах «Уральский следопыт», «Химия и жизнь» и городских газетах.

В финал вышли А.Лобин из Ульяновска и Р.Максимов из г. Осташкова Тверской области. Поздравляем победителя и финалистов. Остальных участников благодарим и желаем творческих успехов. Конкурс продолжается. Условия — на сайте «Если».

Жюри конкурса

ОЛЕГ КОСТЕНКО

РАЗУМ ВЗАЙМЫ

Солнце неторопливо заплывало за вершины деревьев. Ползущая и порхающая лесная живность еще не ощутила приближения ночи. То и дело вверху, в кронах деревьев, перепархивали крохотные пичужки, чем-то напоминающие земных синичек, жужжали в траве цикуны да изредка шелестели зеленые стебли, может, от ветра, а может быть, кто-то полз в зарослях лабузы — высокой травы, похожей на осоку.

Откуда-то слева доносилось журчание ручья.

— Хочу пить, — капризно произнесла Алёна.

— Увы, тебе придется потерпеть до поселка.

Корней привык к ее неожиданным капризам, сейчас, наверное, опять начнет дурачиться.

— А если я умру от жажды? Учти, мой иссохший труп останется на твоей совести.

— Тогда ты прославишься в веках, как первая жертва коварной планеты. Я торжественно похороню тебя и буду лить на твоей могиле горькие слезы.

Не выдержав, Алёна фыркнула.

— Ладно, чтобы не доставить тебе такого удовольствия, я напьюсь из этого ручья, и пусть мое грешное тело терзают легионы вирусов.

Она зашагала в сторону, откуда доносилось журчание ручья. Корней с улыбкой смотрел ей вслед.

Вернулась девушка довольно скоро.

— Ты знал? — спросила она сердито.

— Конечно.

Пожалуй, Алёне было из-за чего злиться. Вместо вожделенной влаги перед ней предстал пень, на котором восседал некто маленький и пузатый. Его воздушные мешки вздувались и опадали, издавая звуки, которые Алёна и приняла за шум ручейка.

— Между прочим, — сообщил Корней, — это была его брачная песня.

— А я, стало быть, подалась в невесты?

— Точно, — Корней захохотал.

Алёна хотела было обидеться, но тоже засмеялась.

Трава позади них зашелестела. Алёна обернулась на шум, и ее передернуло от отвращения. Подминая под себя толстые стебли лабузы, на поляну вылез то ли слизняк, то ли полип — огромный червеобразный отросток. Нет, даже не слизняк, пожалуй, а какая-то студенистая колбаса. Поверхность «колбасы» местами вздувалась и опадала.

— Ой, какая гадость! Пойдем скорей! — Алёна нетерпеливо потянула за руку своего спутника.

— Спокойно, Ал, спокойно. Он абсолютно безобиден. Вон видишь, по нему даже жучок ползет и хоть бы что.

Он протянул к слизняку руку.

— Ой, не надо.

— Спокойно, я же говорю... — Корней погрузил палец в живую массу.

Та расступилась, словно действительно была студнем, а не живым телом.

— И тебе не противно?! — Алёна вдруг представила, как слизняк поглощает палец, растворяет, переваривает его.

Девушку снова передернуло, и она попыталась избавиться от видения. И тут Корней закричал.

С воплем отдернув руку, он долго дул на ладонь.

— Ничего не понимаю, — пробормотал он, — с ними даже дети играют.

— Ну вот и доигрался. Пойдем отсюда, а то это пресмыкающееся или кто оно там...

— Не знаю, — Корней с отвращением посмотрел на слизняка, сдерживая невольный страх.

Червяк, до этого спокойно лежавший на земле, теперь вытянулся, словно стальная пружина, и прыгнул вперед и вверх. Казалось странным, что груда студня способна передвигаться так быстро.

Корней едва успел отскочить. Полип развернулся и выгнулся, готовясь к новому броску.

— Бежим! — крикнул Корней.

Какое-то время казалось, будто преимущество на стороне человеческих ног: «колбаса» отстала. На лугу или в поле люди легко оставили бы преследователя позади. Но вокруг был лес, пусть не дремучий, но тем не менее довольно густой. Приходилось постоянно замедлять бег, огибая препятствия, перебираясь через валежник.

Алёна, несколько раз споткнувшись, стала пристальней вглядываться себе под ноги и едва не наскочила на дерево.

— Давай к микролету, — снова закричал Корней.

Однако ноги сами несли к нему: подсознание подсказало нужное направление. Но до поляны, где стоял микролет, было не так близко.

Корней, сперва вырвавшийся вперед, теперь остановился, поджидая подругу.

А где слизняк? Может, отстал? Погнался за более легкой добычей? Алёна оглянулась на бегу.

Куда там! «Колбаса», бодро переваливая через корни и небольшие кустики, двигалась за ними, не снижая темпа. В ее движении было что-то зловещее.

— Скорей же, — подгонял Корней.

— Не могу.

Алёна с Корнеем заметно сбавили темп — усталость брала свое, — а полип как ни в чем не бывало бодро перепрыгивал через пеньки. Девушка чувствовала, что задыхается, гулко стучало сердце. Ну где эта проклятая поляна? Вот вроде просвет... Показалось? Нет! Вот она!

Дорогу преградила гряда густого кустарника. Они двинулись в обход. Алёна снова оглянулась, на этот раз она не заметила червяка. Отстал все-таки. Хотела сказать Корнею, но не смогла: воздуха едва хватало, она задыхалась от бега.

Кусты наконец кончились. Корней с Алёной выскочили на поляну. Посреди стоял спасительный микролет, а перед ним... Перед ним лежал слизняк. Девушку парализовал приступ апатии. Другой, наверное, шевельнулась мысль.

— О Боже, — простонал Корней, — пока мы, как дураки, огибали кустарник, эта тварь шла напролом, и вот.

— Послушай, он словно нарочно хотел отрезать нас от микролета, — Алёна говорила с трудом, пытаясь выровнять дыхание.

— Нет, — Корней хрипло рассмеялся, — он совершенно не разумен. Мозга у него нет, неоткуда взяться... Совершенно не разумен, — повторил он, словно пытаясь убедить себя.

— Что теперь?

— Если нападет, то... — Корней быстро огляделся, — давай к той скале, кажется, там был заброшенный пионерский лагерь.

Слизняк лежал неподвижно, словно отрубленный палец чьей-то гигантской руки. Казалось невозможным, что еще минуту назад он гнал перед собой двух тренированных людей.

Сколько же он даст нам времени на отдых? Только бы успеть отдышаться, думал Корней.

Времени едва хватило.

Все произошло, как в прошлый раз. Слизняк вытянулся и бросился вперед, в прыжке преодолев добрый десяток метров. Долгая погоня его ничуть не утомила. Алёна с Корнеем рванули к микролету, но не тут-то было! Студенистая тварь выросла между ними и аппаратом. Друзья повторили попытку. Тот же результат. Тогда беглецы устремились к скале. Достигнув ее подножья, оглянулись: слизняк отстал, но отнюдь не прекратил преследования.

— Подсади, — попросила раскрасневшаяся Алёна.

— Сейчас, — Корней отдышался, подхватил девушку сзади и, подталкивая ее, помог забраться на площадку вверху.

Затем подпрыгнул, ухватился за кромку выступа, подтянулся, ощущая, как острые грани впиваются в ладони, и одним рывком оказался на площадке. Алёна, ухватив друга за ворот рубашки, помогла удержаться.

Слизняк был уже под скалой.

— Что, негодяй, не достанешь? — Корней плюнул вниз, метя в слизняка, но не попал.

— А если запрыгнет?

— Черта с два, слишком высоко.

Полип действительно прыгал. Он изгибался, сжимаясь, словно древко лука, и, резко распрямляясь, посылал себя в воздух. Но быстро поняв тщетность попыток, бросил это занятие.

Великая Галактика, изумился Корней про себя, эта тварь словно действительно обладает разумом. Сначала не подпускала к микролету и сейчас, будто осмыслив ситуацию, решила выждать. Что ж, пусть ждет хоть до большого хлопка. Но ведь только недавно он сам говорил Алёне, что в этом существе неоткуда взяться разуму. Однако теперь Корней уже не был в этом так уверен. Или им встретилось нечто иное? Лишь с внешними признаками разума.

— Ладно, — произнес он, оглядевшись и заметив рядом временный купол, — пойдем в лагерь, там должен быть фон, свяжемся с поселком.

Перед тем как отправиться к куполу, который возвышался метрах в трехстах от них, Алёна посмотрела вниз.

— Корней, что это с ним?

Полип уплощался: теперь это была уже не студенистая колбаса, а желеобразная лепешка. И она уплощалась, все больше и больше вытягиваясь по краям.

Корней выругался.

— Этого я и опасался. Чертова протоплазма меняет форму, чтобы проворнее залезть сюда.

Как выяснилось, дверь в купол находилась с противоположной стороны, около минуты пришлось потратить, чтобы обойти сооружение. Вот наконец и диафрагма входа, рядом — вмонтированный в стену цифровой наборник.

Корней невольно улыбнулся, набирая код. Какой-то юморист из космоцентра додумался до того, чтобы снабдить все подлежащие консервации сооружения оригинальным входным шифром: «12345». В самом деле, не все ли равно, какой шифр? Зато смешно.

Лепестки диафрагмы разошлись, открывая переходной тамбур. Корней с Алёной зашли внутрь. Когда перед ними вспыхнуло табло «Стерилизующие облучение», они едва успели прикрыть глаза. Вспышки казались яркими даже сквозь закрытые веки. Автоматика плевала на то, что в санитарном отношении планета была немногим опаснее стерильного бокса, она выполняла программу, которую просто забыли отключить.

— Слава перестраховщикам, — буркнул Корней, когда вентиляция затягивала последние струйки газа.

— Может быть, предпочтешь оказаться снаружи?

— Нет уж.

Корней раздвинул дверь во внутреннее помещение купола. Оно оказалось стандартным. Скамейка у входа, где находилась обязательная для всех станций ниша с гермокостюмами. Несколько стеллажей, на которых кое-где поблескивали приборы. Все ценное уже успели вывезти остро нуждающиеся в аппаратуре колонисты. Стол посредине, надувные кресла вдоль стен. Напротив — две двери, ведущие в другие отсеки.

Между ними Корней увидел фон. Механизмы купола работали, значит, энергия имелась и можно было связаться с поселком.

Корней надавил голубую клавишу включения, под ней сразу вспыхнул зеленый глазок, и стал вращать верньер настройки.

— База, база, я буровая, — ворвался в купол мужской голос. — Симакин, ты? Здорово! Слушай, где генераторы?

Изображение получить не удавалось. По экрану ползли изломанные полосы, но звук был хороший.

— Еще вчера тебе отправляли, — отозвался невидимый Симакин.

— Не знаю, что вы там отправляли, только у меня их нет.

Неожиданно Корней ощутил жгучий стыд. О чем сообщать? Рассказать, как двое взрослых людей бежали сломя голову от какого-то куска студня, который даже дети трогают руками. Насмешек не оберешься. Может, уполз уже? Корней включил наружный монитор. Как бы не так, тварь спокойно разлеглась перед входом в купол.

Может, воспользоваться гермокостюмом? В нем можно без риска отогнать слизняка. Он вернулся к тамбуру, отодвинул шторку перед нишей: пусто! Корней вздохнул, если бы он был один, то предпочел бы отсидеться в куполе, покуда полип не уберется восвояси. Не вечно же тварь будет так лежать.

— Корней! — позвала Алёна.

Он повернулся в ее сторону.

— Фон неисправен.

Действительно, вместо голосов теперь слышался только треск помех.

— Проклятье, забарахлил почему-то. — Корней почувствовал невольное облегчение оттого, что теперь не придется звонить. — Сейчас посмотрю, в чем дело. А может, просто разговор закончился?

— Нет, я слушала разговор, его оборвало на полуслове. Корней, это он!

— Слизняк? — удивился Корней. — Он-то тут при чем?

— Тварь поднялась на купол и экранировала антенну.

— С чего ты взяла? — разозлился он.

— Я чувствую.

— Чувствую, — передразнил Корней. — Ладно, смотри.

Корней шагнул к пульту, включив верхний монитор. Слизняк лежал на куполе, обвив своим телом антенну.

— Черт, вот не повезло.

— Это он специально, — сказала Алёна спокойно.

— Что специально? Повторяю: нет у него мозгов.

— Я все время этого боялась: думала, сейчас он залезет на купол и экранирует связь.

— Слушай, провидица, помолчи, — разозлился Корней.

На мгновение в его мозгу возникла и тотчас растаяла смутная мысль. Он сел в кресло, расслабился, пытаясь вернуть ее, восстановил предшествующую фразу.

«Я все время этого боялась: думала, он экранирует связь», — говорила Алёна. А ведь когда слизняк отрезал нас от микролета, мне тоже показалось, будто эта тварь мысли читает. Чьи мысли? Да мои! Тогда

мне почему-то подумалось: «Было бы забавно, если бы он, пока мы петляем, пошел по прямой и отрезал нам путь».

— Алён, когда я в эту колбасу палец сунул, ты о чем подумала?

— Да будто я помню. К чему тебе?

— Постой, а когда мы в купол зашли? Вспомни, пожалуйста, это очень важно.

— Ну, кажется, я подумала, что с этой пакости станет караулить у входа.

Все сходится, понял Корней: он подумал о засаде у микролета, и червяк отрезал их. Алёна думала, что слизняк будет ждать их снаружи, а потом полезет на купол, и это тоже было исполнено.

— Алён, кажется, я понял, — медленно проговорил Корней, — эта тварь попросту читает мысли.

К удивлению Корнея, Алёна поняла его сразу, может быть, она тоже думала об этом, но истолковала все иначе.

— Я же говорю, эта тварь разумна, — сказала она без страха, скорее, даже с каким-то детским восторгом.

— Да нет. Понимаешь, его нервная система как бы попадает под контроль нашего мозга.

— Ничего себе контроль!

— В том-то и дело, это контроль со знаком минус, он выполняет те действия, которые нам очень не хочется видеть выполненными. Гениальная выдумка эволюции — жертва сама объясняет хищнику, как ее съесть.

— По-твоему, мы сами велели ему гоняться за нами?

— Именно. Хотя нет, подожди. Должен был произойти какой-то толчок. Попробуй все же вспомнить, о чем ты думала, когда я с ним возился там, на поляне. Ведь с этого все началось.

— Я испугалась, подумала, вдруг он тебе палец отхватит. Постой, ты полагаешь...

— Ты посмотри, как все складно получается, — Корней встал с кресла и начал в волнении ходить по комнате. — Пока все считали его безобидным, он и был таковым, а стоило тебе подумать, что он может представлять угрозу — пожалуйста, стал хищником. Он чует человеческий страх. Помнишь, ты испугалась, что он на уступ запрыгнет, и он прыгал. А как только я сказал тебе: «Ему не забраться» и ты успокоилась, он сразу бросил это занятие.

— Не получается, — Алёна нахмурилась. — Мы ведь словами мыслим. А слизняк их не понимает. Да сядь ты, не мельтеши.

— Не придирайся, — сказал Корней, вновь усаживаясь, — наши мысленные представления о действиях сопровождаются, между прочим, слабыми нервными импульсами, если помнишь школьную био-

логию. Я не берусь обосновать сам механизм их передачи, скажем так, но в правильности самой идеи убежден.

— Даже если ты прав, нам от этого не легче, ужасно пить хочется, — сказала Алёна без всякого перехода.

— Надо глянуть, наверное, здесь есть вода. Не легче, говоришь, ну, по крайней мере, теперь мы знаем. Постой! — воскликнул Корней, привстав. — Теперь мы легко можем от слизняка избавиться, надо перестать бояться!

— Легко сказать.

А ведь она права, подумал Корней, смогу ли я не бояться, даже зная все? Не обращать внимания на страх одно, но контролировать все свое существо...

— Сделать тоже можно, мы ведь люди, в конце концов, — сказал он.

Сказал и направился к выходу.

Только не надо медлить, думал Корней, задержишься — можешь испугаться.

— Я с тобой.

— Давай!

Здесь она все равно будет опасаться за него, лучше уж вместе.

Когда они вышли, слизняк по-прежнему лежал на вершине купола. В наступивших сумерках он походил на сероватый мешок, который кто-то накинул на штырь антенны.

А ведь мог встретить нас у дверей, подумал Корней, странно у нас даже мысли об этом не возникло.

Слизняк зашевелился, спускаясь вниз.

Интересно, это я или Алёна? — подумал Корней.

Он усмехнулся, внутренне сосредотачиваясь на одной мысли: «Я боюсь, очень боюсь, что слизняк слезет вниз и уползет к лесу».

Тот, очевидно, «услышал»: спустившись с купола, неторопливо пополз к краю скалы.

Все в порядке, подумал Корней, надеюсь, он...

Слизняк остановился.

И тут Корнею стало смешно. Он весело захохотал, подошел к твари, которая разлеглась, не двигаясь, и носком ботинка столкнул ее вниз.

— Все, Алёна, можно идти.

Уже потом, когда они подходили к микролету, Корней сказал:

— Ума не приложу, рассказывать ли об этом остальным, ведь тогда и они могут испугаться.

❑

УЧАСТНИКИ ВСЕЛЕНСКОЙ ПРОГРАММЫ

Вопрос Владимира Михайлова пользователям сервера «Русская фантастика» и сайта журнала «Если» был не менее глобален, чем недавнее обращение к любителям фантастики Александра Громова: «Куда бы вы отправились, появись у вас такая возможность, за ответом на Главный вопрос, интересующий человечество?». Сейчас же читателям было предложено разобраться: «Какова роль человечества в мироздании?». На «Русской фантастике» за дело взялись 479 человек, на сайте — 168. Вот сводные итоги голосования.

1. Полигон для испытаний технологической модели развития — 7%
2. Отработка поведенческих моделей в состоянии непрерывного экстрима — 5%
3. «Ясли» для выращивания более совершенных форм жизни — 13%
4. Реалити-шоу для продвинутых галактических рас — 7%
5. Создание гегемонии «разумного белка» в обозримой Вселенной — 5%
6. Подготовка ударного боевого отряда для вселенских сил Добра — 4%
7. Подготовка ударного боевого отряда для вселенских сил Зла — 2%
8. Пешки в шахматной партии высших сил — 6%
9. Все — чушь, и никакой роли у человечества нет! — 51%

К анкете, как и ко всему в мире, можно относиться серьезно, можно иронически — и к самим вопросам, и к ответам на них. Зависит, наверное, от настроения. Я даже и сейчас не уверен, в каком из этих двух ключей надо вести комментарий. Попробую — серьезно. Хотя чем дольше живешь, тем больше в восприятии и оценке жизни и всего, в ней происходящего, преобладает ирония...

Начать, видимо, нужно с провозглашения аксиомы, какой я стараюсь руководствоваться уже много лет: «Человек по определению не способен даже в приступе самой буйной фантазии вообразить то, чего в действительности не может существовать». Нам не дано выходить за пределы Великой Реальности, в которой существуем и мы сами, и всё доступное нашему физическому и духовному восприятию.

Иными словами, сколь бы невероятными ни казались нам наши измышления, на деле они не менее реальны, чем то, что мы можем потрогать руками или попробовать на зуб. По квартире не ездят автомобили и не летают самолеты, разве что игрушечные. Исходя из этого факта, можно утверждать, что автомобили и самолеты существуют лишь игрушечные. Достаточно бы выглянуть из окна... но это очень трудно, окна расположены высоко, под самым потолком, без стремянки не обойтись, а дома всегда столько дел, что не хочется перетруждать себя, добавляя еще какие-то действия. Жить на плоскости куда удобнее, чем на склоне, весьма крутом. И мы представляем себе, что живем на плоскости, до которой наши предтечи добирались по этому склону — но мы-то уже на плато, с которого легко и приятно со снисхождением поглядывать вниз: насколько же мы выше, опытнее, мудрее тех, прошлых. И не хочется думать, что наше плато на самом деле лишь уступчик, узкая ступенька на склоне, по-прежнему уходящем вниз, за облака, сквозь которые наш взгляд не проникает. Рассуждать по горизонтали, мыслить плоско очень уютно, при этом не возникает вопроса: а что там, выше?

Так вот, судя по анкете, половина наших респондентов предпочитает думать плоско. Они, так сказать, плоскомыслящие. Я о тех участниках, кто с облегчением решил, что разговоры о какой-то там роли человечества во Вселенной — не более чем чушь.

Однако если у любого из них спросить: «Значит, и лично вы никакой роли ни в чем не играете, существуете без цели и смысла?» — он, пожалуй, не согласится, даже, скорее всего, обидится. Потому что лично у него — у каждого! — своя цель в жизни, хотя бы на данном ее этапе; есть и своя программа, и живет он не просто так, а более или менее целеустремленно. Мало того: у любого множества, в которое человек неизбежно входит (семья, фирма, учреждение или иной институт, город, регион, народ, страна), тоже есть своя идея, своя программа и цель. Есть даже тогда, когда четко сформулировать ее затрудняются, как сейчас у нас в России. Существует, даже не будучи осознанной. Выходит, что везде смысл, программа, пресловутая роль есть, а вот у самого большого множества, в какое мы входим — у человечества, — ничего такого нет. Могут возразить: «Почему же нет, смысл — само существование и его продление». Но процесс не может являться целью, это всего лишь путь к ее достижению. Может

быть, все дело в том, что смысл укрыт за облаками, а нам не хочется карабкаться дальше, нам и тут хорошо?

Тем не менее, хотим мы того или нет, программа существует — Программа развития Вселенной. Без нее не было бы ни Большого взрыва, ни всего, что за ним последовало. Не возникло бы никаких законов природы, и так далее. На самом деле то, что мы пока этой программы себе не представляем, вовсе не значит, что ее нет. Программа работает и тогда, когда мы не осознаем ее и не признаем. Она от нас не зависит. Наоборот.

Впрочем, у меня сильно ощущение того, что у этой половины опрошенных просто возобладало ироническое отношение к теме, не было настроения подумать всерьез. Что же: такое право есть у каждого.

Но радует то, что остальные респонденты отнеслись к теме более серьезно.

Если обратиться к остальным восьми позициям опроса, то все они, видимо, исходят из признания стороннего влияния, даже вмешательства в жизнь человечества. Но это вовсе не обязательно должно быть влиянием чужого разума, иной цивилизации. Скорее, это может быть лишь воздействием той самой Программы. Незнание нами ее цели не мешает ей реализоваться. Это, по сути дела, не зависит от того, одиноки мы во Вселенной или нет. Является ли мироздание слонихой, рождающей одного детеныша, или рыбой, мечущей великое множество икринок. В любом случае развитие, эволюция материи продолжается. Конечно, опасность пресечения линии грозит слонам куда больше, чем рыбам. Икра явно предпочтительнее. И, скорее всего, запрограммирован именно рыбий вариант; иначе трудно объяснить, почему Программа — если только она не склонна к суициду — приводит единственный образец более или менее мыслящего существа в то состояние торжествующего мяса, какое нам свойственно в конце Рыб. Каким-то будет Водолей?

Нет, Программа вряд ли обошлась без вариативности. Скорее, она включает в себя множество подпрограмм, и по одной из них развивается мир, в котором мы обитаем. И все варианты ответов с первого по восьмой являются, по сути, попытками представить, какова же наша подпрограмма, то есть наше место в мироздании.

Если предположить, что вся Программа включает в себя эволюцию материи к полному ее, так сказать, одухотворению, развитию всего вещества до мыслящего, то такая цель по размаху

вполне достойна Программы, хотя вряд ли является конечной. Но во всяком случае — этапной.

Это был пятый вариант, и меня радует, что на него утвердительно ответили целых 5% респондентов.

Потому что 5 + 13 = 18. Ведь 13% проголосовавших за третий пункт согласились с пятым, то есть на самом деле сказали то же самое — если, конечно, признать, что движение от менее совершенных форм жизни к более совершенным и есть выполнение Программы, ее реализация.

Далее: к этим 18% на самом деле примыкают и те 4% участников, которые считают, что наш смысл — в подготовке вселенских сил Добра. Потому что Добром, вероятнее всего, является все, способствующее реализации Программы.

Что касается первого варианта ответа, то он носит более частный характер, так сказать, технологический, и таким образом входит в вариант третий как составная часть.

А вот второй и седьмой, думается, куда более значительны, потому что «антипрограммны». Существование антипрограммы, видимо, неизбежно из-за биполярности материального мира. И тот экстрим, в котором пребывает доминирующий в нашем мире вариант развития, есть не экстремальное развитие духа, но напротив — экстрим низших эмоций, инерция вещества, не желающего одухотворения. Это особая тема — но не для нашего случая.

Меня радует, что за этими ответами в сумме всего 7%.

Что касается четвертого пункта (7%), то могу лишь пожалеть человечество, поскольку любое реалити-шоу никак не отнесешь к достижениям развитого духа. Так что «продвинутые» галактические расы, упомянутые в этом варианте, на самом деле по своему духовному уровню не выше, а скорее даже ниже нас.

И наконец, о пешках на шахматной доске. Мне кажется, 6% респондентов, отметившие этот вариант, тоже признают идею программного развития мироздания. Уже сегодня программы передвигают пешки на уровне великих шахматистов. А ведь это всего лишь программы, созданные людьми. Что же говорить о Программе, которую написали не мы? Быть пешками в игре этой Программы — достойно и почетно.

При условии, что пешки — белые.

В этюдах белые всегда начинают — и выигрывают.

Владимир МИХАЙЛОВ

Курсор

Наконец в России сняли первый полнометражный фантастический 3D–мультфильм. Называется он «Особенный». В маленьком провинциальном городке Кошкин стали происходить странные события и резко изменилось поведение людей. Оказывается, некий злодей, дядя Толик, при помощи секретного аппарата пытается зомбировать население городка. Не поддается зомбированию только 11–летний школьник Сашка, сын погибшего изобретателя этого аппарата. Пареньку и его друзьям предстоит вывести злодея на чистую воду, раскрыть тайну аппарата и подаренного отцом кристалла. Режиссер фильма — Кирилл Злотник, сценарий Кирилла Злотника и Александра Селина, роли озвучивали: Сергей Юрский, Дмитрий Филимонов, Александр Ревенко и другие. Прокатная судьба мультфильма еще неясна.

Новомодный голливудский метод переснимать японскую фантастику набирает силу. Компания New Line Cinema приобрела права на создание римейка знаменитого научно–фантастического фильма Кинджи Фукасаку «Королевская битва» (2000). Действие картины происходит в будущем, где существует жестокий закон: один из случайно выбранных выпускных классов отправляют на остров, где школьники вынуждены играть в смертельную игру на выживание. В 2003 году вышел сиквел картины, после смерти Кинджи Фукасаку работу над продолжением завершал его сын.

Питерские «АБС-премии» вручались как всегда 21 июня — в день равноудаленный от дней рождения Аркадия и Бориса Стругацких. Лауреатами медали в форме семигранной гайки на этот раз стали: в номинации «Проза» — Дмитрий Быков за роман «Эвакуатор»; в номинации «Публицистика» — Светлана Бондаренко за двухтомник «Неизвестные Стругацкие».

Бессмертные тоже занимаются благотворительностью. Исполнитель роли бессмертного горца Дункана Маклауда Адриан Пол является основателем собственного детского фонда PEACE. Недавно фонд провел аукцион в пользу детей, пострадавших во время цунами в Юго–Восточной Азии. Символично, что на аукционе распродавалась атрибутика Бессмертных — костюмы и оружие Адриана Пола из будущего фильма «Горец: источник», редкие фотографии, рукописи сценариев из предыдущих проектов Пола о Горцах. Кроме этих ло–

тов на аукционе выставлялись аналогичные предметы со съемок и других фантастических картин — «Гарри Поттера», «Властелина Колец» и прочих.

Никаких призов не досталось единственному полнометражному российскому фильму, выставленному в конкурсный прокат Каннского кинофестиваля. Однако публика весьма благожелательно приняла эту картину — научно-фантастическая драма «977» режиссера Николая Хомерики повествует о молодом ученом, изучающем особые волны, вырабатываемые человеческим организмом. Число 977 является предельным уровнем этого излучения, после чего человек переходит в иное измерение. Лента выставлялась на фестивале сразу в двух конкурсах: «Особый взгляд» (второй по значению конкурс фестиваля) и «Золотая камера» (лучший дебютный фильм).

Роберт Энсон Хайнлайн всегда был тесно связан с космосом. Он даже вел прямой репортаж по телевидению о первой высадке на Луну. Поэтому вполне логично, что именем Хайнлайна названа одна из премий, вручаемых за достижения в развитии космических программ. И не так уж странно, что именем фантаста, в произведениях которого распродавали Луну, строили космические корабли из подручных средств, рассуждали о глупости Колумба и еще выгуливали собак, названа премия за вклад в коммерциализацию космоса. Ее первым лауреатом стал Питер Диамандис — основатель проекта X PRIZE: масштабного конкурса разработок негосударственными компаниями способов дешевых космических путешествий. На специальном мероприятии в Хьюстоне Диамандису был вручен золотой «Хайнлайновский медальон», чек на полмиллиона долларов, а также серебряный меч «Леди Вивамус», описанный в романе Хайнлайна «Дорога славы».

Вопреки заявлениям критиков, что фантастиковедение в России отсутствует, в издательстве «Международный центр фантастики» вышла монография Августы Ройфе «Неомифологическая фантазия в фантастике XX века». В книге, предназначенной как преподавателям и аспирантам, так и широкой публике, исследуются сверхъестественные сюжеты и образы в современной мифологии, а также квазирелигиозная, паранормальная, уфологическая и квазионтологическая фантастика.

Вместо сериала

по мотивам знаменитого цикла Энн Маккэфри о Перне будет снят полнометражный фильм. После того как в 2001 году телесеть WB поссорилась с режиссером Рональдом Муром, отказавшимся по творческим причинам вносить в пилотную телесерию изменения, навязываемые компанией, проект был заморожен. И теперь канадская компания Copperheart Entertainment взялась за разработку полнометражного фильма по первым романам цикла.

Пока одна половина

мира протестовала против фильма «Код да Винчи», а другая приносила прокатчикам рекордные сборы, пока прокат фильма запрещали в Белоруссии и Китае, компания Sony, снявшая картину, не теряла даром времени и замахнулась на другой роман Дэна Брауна о приключениях профессора Роберта Лэнгдона «Ангелы и Демоны». Автор адаптации «Кода да Винчи» Акива Голдсман уже работает над сценарием, а режиссеру Рону Говарду и исполнителю роли Лэнгдона Тому Хэнксу сделаны предложения, от которых они вряд ли смогут отказаться.

In memoriam

1 июня в Обнинске (Калужская область) на 83-м году жизни скончался знаменитый переводчик с польского Евгений Павлович Вайсброт. Евгений Вайсброт родился 23 июня 1923 года. В 1941 году ушел добровольцем на фронт, прошел всю войну, был тяжело ранен. Окончил Московский Горный институт, работал на свинцовых рудниках, преподавал в школе физику, немецкий язык, астрономию. В 1959 году в журнале «Смена» опубликовал свой первый перевод — рассказа Станислава Лема «Испытание». В дальнейшем стал одним из основных переводчиков и другом пана Станислава.

Кроме Лема Вайсброт переводил Кшиштофа Боруня, Януша Зайделя, Марчина Вольского, Мачея Кучиньского, Анджея Збыха, Конрада Фиалковского, Томаша Колодзейчака и многих других — всего на счету переводчика более 150 книг трех десятков авторов.

Именно в переводе Евгения Вайсброта российские поклонники фэнтези смогли познакомиться с культовым сериалом «Ведьмак» Анджея Сапковского.

В последнее время Евгений Павлович работал над русской версией цикла романов «Чароходец» новейшей звезды польской фэнтези Артура Баневича.

Агентство F-пресс

ГОРНОВ Николай Викторович

Омский фантаст и журналист родился в 1966 году. Высшее образование получил в Сибирском автомобильно–дорожном институте, после чего работал инженером–дорожником, мастером теплового участка. Несколько лет занимался книготорговым бизнесом, с 1999 года — профессиональный журналист, работает обозревателем делового омского еженедельника «Коммерческие вести».

В конце 1980–х — начале 1990–х годов Н.Горнов выпускал известный юмористический фэнзин «Страж–птица». Печатный дебют в жанре состоялся в 2001 году, когда рассказ «Пароход идет в Кранты» победил на литературном конкурсе «Альтернативная реальность» журнала «Если». С тех пор Н.Горнов опубликовал несколько повестей и рассказов в жанровой периодике и антологиях, а недавно подготовил к изданию первый авторский сборник.

КАЛУГИН Алексей Александрович

(Биобиблиографические сведения об авторе см. в № 4 за этот год)

«После первых двух книг мне был предложен долгосрочный договор. И встала проблем выбора: наука или литература. К тому моменту в институте я занимал должность научного сотрудника и у меня уже была сделана, написана и утверждена диссертация по теме исследований ферментов генно–инженерного комплекса. Недолго колебавшись, я сделал выбор в пользу литературы, и в следующем, 1997 году в издательстве «Армада» вышла моя трилогия «Резервация». А диссертация, — увы! — так и осталась на дискете».

Из «Набросков к будущей автобиографии».

КУПРИЯНОВ Сергей Александрович

Автор детективных и фантастических произведений, Сергей Куприянов родился 18 ноября 1957 года в городе Дмитровск Орловской области, но всю свою сознательную жизнь прожил в Зеленограде (Москва). Окончил Московский автомобильно–дорожный институт. Работал в НИИ, занимался бизнесом. В настоящее время профессиональный писатель.

С.Куприянов был участником Московского семинара молодых писателей–фантастов. Первая жанровая публикация — рассказ «И воспарил» (1991). В 1997 году вышла дебютная книга «Осечки не будет». Однако большую известность С.Куприянов приобрел как автор детективных романов. В его активе 20 книг: «Убийцы на продажу» (1998), «Плащ Иуды» (1998), «Убить бандита» (1999), «Особый талант» (2001), «Человек мести» (2002), «Гражданин ночи» (2004) и другие.

ОЛДИ Генри Лайон

(Биобиблиографические сведения об авторе см. в № 4 за этот год)

Корр.: Как родилась идея вашего романа «Тирмен»?

Г.Л.Олди (Д.Громов и О.Ладыженский): Несколько лет назад в Иерусалиме мы побывали в местах, знаковых для ряда религий. И там мы внезапно задумались о «бытовке» — обыденности и будничности великих событий, изменяющих мир. Это

уж после приходят фанатики и толкователи, поэты и художники, князья церкви и еретики, а там, в начале, все очень просто. Вот на этой великой простоте, как на фундаменте, и возводятся будущие дворцы. Так и начался «Тирмен». Мы, кстати, не исключаем, что он послужит зачином своеобразного триптиха, наброски которого уже есть.

РУДЕНКО Борис Антонович

(Биобиблиографические сведения об авторе см. в № 2 за этот год)

Корр.: Будет ли продолжение повести «Перекресток»?

Б.Руденко: В самом деле, продолжение (или окончание) напрашивается. Однако продолжилась не эта повесть, а другая — «Мертвые земли», которая вроде бы продолжения не требовала... Отчего так получилось, сам не знаю, но к концу года уже не повесть, а роман выйдет отдельной книгой.

УИЛЬЯМС Уолтер Йон (WILLIAMS, Walter Jon)

Американский писатель Уолтер Йон Уильямс родился в 1953 году в городе Дулуте (штат Миннесота). Он закончил Университет штата Нью-Мексико в Альбукерке. Дебютировал в литературе в конце 1970-х реалистическими и историческими романами и рассказами.

Первой пробой пера в научной фантастике стал роман «Посол прогресса» (1984). С тех пор Уильямс перепробовал множество субжанров этой литературы, от мифологической и юмористической фантастики до космооперы и киберпанка. К настоящему времени Уильямс опубликовал более 20 романов, среди которых выделяются два цикла — киберпанковский «Сплетенные «железом» и техно-фэнтезийный «Город», а также более 30 рассказов и повестей. Лучшие из работ в «малой форме» составили сборники «Грани» (1990) и «Франкенштейны и чужестранные дьяволы» (1998). Один из рассказов Уильямса, «Папочкин мир» (1999), принес автору высшую премию «Небьюла». У автора есть и тематический цикл рассказов «Падение Империи Страха», весьма популярный среди поклонников космооперы.

ХЬЮЗ Мэтью (HUGHES, Mathew)

Канадский писатель Мэтью Хьюз родился в 1949 году в английском городе Ливерпуле, а в пятилетнем возрасте был увезен родителями в Канаду, где и проживает по сей день. Бросив университет, Хьюз работал некоторое время в газетах, спичрайтером, шофером грузовика, автодилером и санитаром в клинике, а затем полностью переключился на литературную деятельность, став известным автором детективов. Вклад Хьюза в фантастику более скромен: пока на его счету одна трилогия фэнтези — «Глупцы, сбившиеся с пути» (2000), «Одурачь меня дважды» (2001) и «Черный Бриллион» (2004). Вместе с женой и тремя сыновьями писатель проживает в небольшом городке на острове Ванкувер у западного берега Канады.

Подготовили Михаил АНДРЕЕВ и Юрий КОРОТКОВ

ФЭНТЕЗИ В «ЕСЛИ»

НОВЫЕ ПОВЕСТИ

Марины и Сергея ДЯЧЕНКО «ЗЕМЛЯ ВЕСНАРОВ»

Питера БИГЛА «ДВА СЕРДЦА»

НОВЫЕ РАССКАЗЫ

Святослава ЛОГИНОВА, Василия МИДЯНИНА, Константина АРБЕНИНА

а также
статья Сергея АЛЕКСЕЕВА:
героика и эпос в фантастике

и наконец
диалог Вячеслава РЫБАКОВА
и Константина ЛОПУШАНСКОГО:
фильм «Гадкие лебеди»
глазами сценариста и режиссера

ЧИТАЙТЕ СЕНТЯБРЬСКИЙ НОМЕР ЖУРНАЛА

Подписку на наш журнал с любого месяца вы можете оформить в своем почтовом отделении по двум каталогам: «Пресса России» и «Роспечать. Газеты и журналы».
Цена одного номера (без стоимости почтовых услуг) — 53 рубля. Индекс — 73118.

ISSN 1680-645X
06008
9 771680 645003